

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НОМОТНЕТІКА: ФІЛОСОФІЯ. СОЦІОЛОГІЯ. ПРАВО

SCIENTIFIC JOURNAL

NOMOTHETIKA: PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW

2025. Том 50, № 2

НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2025. Том 50, № 2

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г. Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры, НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари

Вангородская С.А., доктор социологических наук (НИУ «БелГУ»)

Нифонтова О.И., кандидат философских наук (НИУ «БелГУ»)

Члены редакционной коллегии

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Боянич Петар, доктор философских наук, профессор (г. Белград, Сербия)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Зиёдуллаев М.З., доктор юридических наук, профессор (Республика Узбекистан)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор (г. Белгород, Россия)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Литич Т.И., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Максименко А.А., доктор социологических наук (НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Мареева Е.В., доктор философских наук (г. Москва, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор (г. Тула, Россия)

Новиков В.Г., доктор социологических наук, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия)

Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Савчук В.В., доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Стариков Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (г. Воронеж, Россия)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Тощенко Ж.Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Чуева И.А., кандидат юридических наук (НИУ «БелГУ»)

Ярычев Н.У., доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, член СП России (г. Грозный, Россия)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. E-mail: Rimskiy@bsuedu.ru; pocheptsov@bsuedu.ru. Гарнитурa Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 25,6. Дата выхода 30.06.2025. Оригинал-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 253 **Баринов Н.Н.** Системы всеобщего апокатастасиса в древнегреческой философии и их влияние на святителя Григория Нисского
260 **Чернышова Е.В.** Русская философия как жемчужина русской культуры

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 270 **Сидоренко В.А.** Коммуникативные принципы формирования социальной реальности постмодерна

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 278 **Конев И.В., Кисель А.А.** Общностное сознание учительства в социальном пространстве российского региона
290 **Тюриков А.Г., Иванова Я.С.** Программа долгосрочных сбережений как элемент пенсионного благополучия: экспертные оценки текущего состояния и перспектив развития

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 300 **Анисимов А.П.** Защита Земли как уникальной формы жизни: философско-правовой аспект
310 **Бадырханов А.Б.** Формы реализации правоохранительной деятельности с позиции теории права
321 **Богатырёв М.Р.** Классификация правового регулирования: основания, проблемы, противоречия
331 **Пенская Т.М., Пенской А.В.** «Не хан и не василевс»: возвращаясь к вопросу о соотношении политической теории и практики в средневековой Руси
344 **Редько А.А., Рудковский В.А., Поляков В.А.** Принцип законности в цифровой парадигме

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- 353 **Гришин К.Г.** Сущность публично-правового регулирования нотариальной деятельности
364 **Гуторова А.Н., Выходцева А.В.** Экономическая безопасность России: сотрудничество стран БРИКС в условиях глобализации и санкций
374 **Кравцова Е.А., Митякина Н.М.** Компетенция органов государственной власти как определяющий фактор их самостоятельности

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. НРАВСТВЕННОСТЬ

- 383 **Золотухина-Аболина Е.В., Пендюрина Л.П.** Современная культура: проблема старой и «новой» нормальности
393 **Мазаненко О.М.** Эмпатическая феноменология как исследовательская установка понимания творческой индивидуальности
401 **Калиниченко Я.Н.** Проблема методологической оценки наркоситуации в молодежной среде отдельного региона на примере Красноярского края: социологический аспект

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 410 **Анашкин И.С., Лопин Р.А.** Церковь и мир: их антиномичность в библейском и богословском понимании

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- 417 **Беда В.Г.** Сопряжение идейного и художественного в кинематографе США первой половины XX века
427 **Дегг Э.Б.** Греческая пайдейя и византийский восток: кризис и новое восприятие
437 **Мирошниченко Е.В., Посохова Н.В., Римский В.П.** Создание креативных пространств как способ активизации внутреннего туризма

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 444 **Белогорцев А.Д.** Автофикшн социальный: как интернет-пространство повлияло на литературу
451 **Кравец А.В.** Диверсификация видов суверенитетов в условиях производственной революции
461 **Курганский С.И., Кущенко Е.С.** Популяризация семейных ценностей в социально-культурной деятельности Белгородской области

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ

- 466 **Алкатири Шоук Мухсин Бадер Бинкуда, Сорокина С.Н.** После паузы (рецензия на книгу: Петар Боянич. Насилие, фигуры суверенности. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2025 г. 270 с.).
471 **Игнатов М.А., Ягвдик В.А.** Цифровизация как триггер и вектор трансформации общества на современном этапе развития (рецензия на книгу: В.В. Кафтан. Цифровизация как явление современного общества. М. : Русайнс, 2024. 212 с.)
480 **Тонков Е.Е., Мархгейм М.В., Туранин В.Ю., Чуева И.А.** Белгородские прифронтовые чтения «Стратегические приоритеты государственной культурной политики: эхо юридического форума» (обзор докладов научно-практической конференции)

NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2025. Volume 50, No. 2

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995.

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of Candidate of Science and Doctor of Science should be published.

Founder: Federal state autonomous educational institution of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod National Research University "BelSU". Address of publisher: 85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief

Rimskiy, V.P., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod State National Research University)

Deputy Editor-in-Chief

Babintsev, V.P., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)
Borisov, S.N., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research)
Tonkov, E.E., Doctor of Law, Professor
(Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of Philosophy
(Belgorod State National Research University)

Executive Secretary

Vangorodskaya, S.A., Doctor of Sociology
(Belgorod State National Research University)
Nifontova, O.I., Candidate of Philosophical Sciences,
(Belgorod State National Research University)

Members of the Editorial Board

Barkov, S.A., Doctor of Sociology, Professor
(Moscow, Russia)
Belyaeva, G.S., Doctor of Law, Professor
(Belgorod State National Research University)
Bojanic Petar, Doctor of Philosophy, Professor
(Belgrade, Serbia)
Vlasenko, N.A., Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
Gabov, A.V., Doctor of Law, corresponding member
of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation
(Moscow, Russia)
Drach, G.V., Doctor of Philosophy, Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
Ziyodullaev, M.Z., Doctor of Law, Professor
(Republic of Uzbekistan)

Zubok, Y.A., Doctor of Sociology, Professor
(Moscow, Russia)
Kalinina, G.N., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod, Russia)
Klimova, S.M., Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
Kuksin, I.N., Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Lipich, T.I., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)
Maydanskiy, A.D., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)
Maksimenko, A.A., Doctor of Sociology (Moscow, Russia)
Malko, A.V., Doctor of Law, Professor of the All-Russian State
University of Justice, Professor (Saratov, Russia)
Mareeva, E.V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow
State Institute of Culture (Moscow, Russia)
Nazarov, V.N., Doctor of Philosophy, Professor (Tula, Russia)
Novikov, V.G., Doctor of Sociology, Doctor of Economics,
Professor, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod State National Research University)
Prokazina, N.V., Doctor of Sociology, Professor (Moscow, Russia)
Savchuk, V.V., Doctor of Philosophy, Professor
(St. Petersburg, Russia)
Starilov, Y.N., Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Tabolin, V.V., Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Toshchenko, Zh.T., Doctor of Philosophy, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
Turanin, V.Yu., Doctor of Law, Professor
(Belgorod State National Research University)
Chueva, I.A., Candidate of Law Sciences
(Belgorod State National Research University)
Yarychev, N.U., Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of
Philosophy, Professor, member of the Joint Venture of Russia
(Grozny, Russia)

ISSN 2712-746X

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС77-77840 of 31.01.2020. Publication frequency: 4/year

Commissioning Editor YU.V. Mishenina. Editing, computer imposition, page layout O.G. Tomusyak. English text editor E.S. Danilova. E-mail: Rimskiy@bsuedu.ru; pocheptsov@bsuedu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 25.6. Date of publishing 30.06.2025. Dummy layout has been prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 253 **Barinov N.N.** Systems of Universal Apocatastasis in Ancient Greek Philosophy and Their Influence on Saint Gregory of Nyssa
260 **Chernyshova E.V.** Russian Philosophy as a Pearl of Russian Culture

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 270 **Sidorenko V.A.** Communicative Principles of the Postmodern Social Reality Formation

SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

- 278 **Konev I.V., Kisel A.A.** Teachers' Community Consciousness in the Social Space of a Russian Region
290 **Tyurikov A.G., Ivanova Y.S.** The Long-Term Savings Program as an Element of Pensioner Well-Being: Expert Assessments of the Current State and Development Prospects

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- 300 **Anisimov A.P.** Protection of the Earth as a Unique Form of Life: Philosophical and Legal Aspect
310 **Badyrkhanov A.B.** Forms of Law Enforcement Activity from the Legal Theory Perspective
321 **Bogatyrev M.R.** Classification of Legal Regulation: Grounds, Problems, and Contradictions
331 **Penskaya T.M., Penskoj A.V.** "Neither Khan nor Basileus": Returning to the Question of the Relationship between Political Theory and Practice in Medieval Rus
344 **Redko A.A., Rudkovskij V.A., Polyakov V.A.** The Principle of Legality in the Digital Paradigm

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 353 **Grishin K.G.** The Essence of Public Law Regulation of Notary Activity
364 **Gutorova A.N., Vykhodtseva A.V.** Russia's Economic Security: BRICS Cooperation in the Context of Globalization and Sanctions
374 **Kravtsova E.A., Mityakina N.M.** Competence of Public Authorities as a Determining Factor of their Independence

HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

- 383 **Zolotukhina-Abolina E.V., Pendencyurina L.P.** Contemporary Culture: the Problem of Old and "New" Normality
393 **Mazanenko O.M.** Empathic Phenomenology as a Research Setting for Understanding Creative Individuality
401 **Kalinichenko Y.N.** Problem of Methodological Assessment of the Drug Situation among the Youth in an Individual Region on the Example of the Krasnoyarsk Territory: Sociological Aspect

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- 410 **Anashkin I.S., Lopin R.A.** The Church and the World: their Antinomianism in the Biblical and Theological Understanding

CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

- 417 **Beda V.G.** The Coupling of Ideological and Artistic in the USA Cinema of the First Half of the Twentieth Century
427 **Degg A.B.** The Greek Paideia and the Byzantine East: Crisis and New Perception
437 **Miroshnichenko E.V., Posokhova N.V., Rimsky V.P.** Making Creative Spaces as a Way to Enhance Domestic Tourism

THESIS

- 444 **Belogortsev A.D.** Autofiction in Society: How the Internet Space Has Influenced Literature
451 **Kravets A.V.** Diversification of Sovereignty Types in the Context of the Production Revolution
461 **Kurgansky S.I., Kushchenko E.S.** Popularization of Family Values through Social and Cultural Activities in the Belgorod Region

SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

- 466 **Alkatiri Shouk Muhsin Bader Binkuda, Sorokina S.N.** After a Pause (Review of Petar Bojanic's Book "Violence, Figures of Sovereignty". Yekaterinburg: Kabinetny Ucheny. 270 p.)
471 **Ignatov M.A., Jagovdik V.A.** Digitalization as a Trigger and Vector of Transformation of Society at the Present Stage of Development (Book Review: V.V. Kaftan Digitalization as a Phenomenon of Modern Society. M. : Rusains, 2024. 212 p.)
480 **Tonkov E.E., Markhgeim M.V., Turanin V.Yu., Chueva I.A.** Belgorod Frontline Readings "Strategic Priorities of State Cultural Policy: Echo of the Legal Forum" (Review of Reports of the Scientific and Practical Conference)

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 091
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-253-259
EDN BDIYGK

Системы всеобщего апокатастасиса в древнегреческой философии и их влияние на святителя Григория Нисского

Баринов Н.Н.

Приход храма в честь святых Царственных страстотерпцев г. Рязани
Рязанской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)
Россия, 390020, г. Рязань, Московское ш., д. 65 Б
o.nikolaos@yandex.ru

Аннотация. В результате исследования выявлены три концепции «всевоcстановления» в античной мысли. Вероятно, святитель Григорий мог унаследовать саму идею всеобщего апокатастасиса и название от стоиков, но в остальном их системы несовместимы. Больше идей по проблеме всеобщего восстановления он заимствовал у Платона, хотя именно таким термином последний свою концепцию не называет. Вероятно, от него он воспринял принцип катарсиса через страдания. Также у святителя Григория имеются схожие с Платоном мысли на тему цели испытаний и страданий в земной жизни – утверждение в добре. Их он, вероятно, так же заимствовал от древнегреческого философа, как и апорию между «всевоcстановлением» и Аидом, где происходят нескончаемые мучения грешников. Как было установлено в ходе работы, многие идеи о мироустройстве, которых нет у святителя Григория Нисского, воспринял от Платона Ориген. Поэтому следует рассматривать Платона как оказавшего наибольшее влияние, от которого, как сказано выше они переняли некоторые мысли независимо друг от друга. Третья неоплатоническая система апокатастасиса во многом заимствована от стоиков, поэтому кроме названия у неё нет ничего общего с концепцией святителя Григория Нисского.

Ключевые слова: апокатастасис, Григорий Нисский, Платон, Прокл, переселение душ, вечные муки

Для цитирования: Баринов Н.Н. 2025. Системы всеобщего апокатастасиса в древнегреческой философии и их влияние на святителя Григория Нисского. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 50(2): 253–259. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-253-259 EDN: BDIYGK

Systems of Universal Apocatastasis in Ancient Greek Philosophy and Their Influence on Saint Gregory of Nyssa

Nikolay N. Barinov

Parish of the Church of the Holy Royal Passion-Bearers in Ryazan
Ryazan Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)
65 B Moskovskoe sh., Ryazan 390020, Russian Federation
o.nikolaos@yandex.ru

Abstract. This article examines the origins of the views of Saint Gregory of Nyssa on the problem of apocatastasis in ancient thought. There have been no comprehensive studies on this narrow topic. There is a dissertation that partially examines this issue, but mainly from the point of view of anthropology.

Therefore, this work contains scientific novelty. It uses the problem-chronological method and comparative analysis. The object of the study is the systems of apocatastasis in ancient Greek philosophy and their influence on Christianity, namely Origen and Saint Gregory of Nyssa. The subject of the study is the works by these authors, ancient Greek philosophers, and scientific works on this topic. As a result of this study, three concepts of "all-restoration" in ancient thought were identified. Probably, Saint Gregory could have inherited the very idea of universal apocatastasis and the name from the Stoics. But otherwise, their systems are incompatible. He borrowed more ideas on the problem of universal restoration from Plato, although the latter does not use this term referring to his concept. Saint Gregory may have adopted the principle of catharsis through suffering from Plato. Also, Saint Gregory and Plato had similar thoughts about the purpose of hardships and sufferings in earthly life – self-fulfillment in good. He probably also borrowed them from the ancient Greek philosopher, as well as the aporia between "all-restoration" and Hades, where endless torment of sinners occurs. As shown in the work, Origen adopted many of Plato's ideas about the world structure, which were not contained in the works by Saint Gregory of Nyssa. It was not Origen who had the greatest influence on Saint Gregory, but Plato, whose thoughts they adopted independently of each other. Still, Origen did have a certain influence in the form of the idea of the "purifying" fire. Plato's image of man as a doll of the gods could have influenced Saint Gregory of Nyssa. Then, if only goodness comes from above, it will restore its toy to a better state. However, this thesis contradicts the Orthodox teaching on the free will of man. The third Neoplatonic system of apocatastasis is largely borrowed from the Stoics, so apart from the name, it has nothing in common with the concept of St. Gregory of Nyssa.

Keywords: apocatastasis, Gregory of Nyssa, Plato, Proclus, transmigration of souls, eternal torment

For citation: Barinov N.N. 2025. Systems of Universal Apocatastasis in Ancient Greek Philosophy and Their Influence on Saint Gregory of Nyssa. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 253–259 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-253-259 EDN: BDIYGK

Введение

Философская система всеобщего апокатастасиса святителя Григория Нисского, являющаяся теологической, со времени своего появления волнует не только христиан, но и не христианских философов. Вероятно, это связано с тем, что данная система прямым образом связана с одним из самых глобальных вопросов о цели и смысле бытия мира. Со средних веков было выработано множество теорий и гипотез на эту тему, поскольку у Нисского пастыря существуют две противоположные линии мыслей, опровергающие одна другую. Предполагалось множество иносказательных толкований и идея о том, что он ошибался (но до окончательного решения этого вопроса Вселенскими соборами) и, наоборот, о том, что вторая линия, говорящая о нескончаемости мучений грешников, в его трудах является подделкой. Однако практически все эти теории рассматривали в основном саму идею «всеспасения», но почти не затрагивали другую линию его рассуждений.

В настоящей работе предпринимается попытка найти корни дихотомии мыслей святителя Григория Нисского в древнегреческой философии и основные идеи, которые могли быть заимствованы оттуда.

Цель – определить концепции всеобщего апокатастасиса в древнегреческой философии и преемственность их тезисов в системе «всевосстановления» святителя Григория Нисского. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: проанализировать античные источники для выявления систем апокатастасиса у древнегреческих философов, провести сравнительный анализ найденных тезисов с системой святителя Григория Нисского.

Дуализм античных эсхатологических идей

Святитель Григорий Нисский в детстве поучил прекрасное разностороннее образование. Тогда же открылось его необыкновенное влечение к философии [Мейендорф, 2007, с. 189]. Это сказалось на его последующих трудах до такой степени,

что И. Мейендорф даже называл их святоотеческим «платонизмом» [Мейендорф, 2007, с. 195]. Поэтому истоки его идей о всеобщем апокатастасисе нужно искать в античной философии.

В древней Греции существовали общепринятые эсхатологические представления об исходе душ людей после смерти в Аид. В частности, их можно увидеть у Гомера в Одиссее, где он изображает нескончаемые мучения в Аиде Тантала, Тития и Сизифа, «казнимых страшною казнию», а также безотрадное существование прочих душ, не имеющих возможности выйти оттуда [Гомер, 1981, с. 184, 401]. Р. Гарланд (R. Garland) с определённой долей юмора пишет, что «вечность в Аиде для греков не казалась такой розовой, поэтому в IV веке до н. э. появилась идея Элизиума» [Garland, 1985, p. 18], места для вечного блаженства праведников. Такие представления, кроме веры в языческих богов, в общем не противоречили возникшему позже христианству. Как альтернатива вечному пребыванию в Аиде, у древнегреческих философов, стремившихся осознать структуру мироустройства, стали появляться идеи разнообразных онтологических систем всеобщего апокатастасиса.

Первыми такую концепцию разработали орфики и пифагорейцы. В дальнейшем её переняли стоики. Термин «всевосстановление» получил у них дословно точно такое же название, как в дальнейшем у святителя Григория Нисского: *ἀλοκατάστασις τῶν πάντων* [Флоровский, 1935, с. 161]. Отсюда появляется закономерное предположение, что саму идею «всевосстановления» и её название Нисский мыслитель воспринял у стоиков. Из круговоротов объектов вселенной они сделали вывод, что всё в мире, в том числе история, движется по кругу бесконечно, снова и снова. Причём Зенон считал, что всё повторяется в точности так, как уже было. Г. Флоровский характеризует такие представления «неким жутким космическим *perpetuum mobile*», «пародией на воскресение». Люди в этой схеме отданы в полную зависимость от «звёздного течения», ритмов мироздания, подвластны полной предопределённости [Флоровский, 1935, с. 161]. Данная неотвратимость происходящего у греков получила название «судьбы», или «рока».

Несмотря на возможное принятие от стоиков названия и идеи «всевосстановления», святитель Григорий Нисский не соглашался с их бесконечным круговращательным фатализмом. Он написал труд «Против учения о судьбе», в котором отразил полемику с философом, защищавшем такую доктрину [Григорий Нисский, 1862]. Данная работа сделана по типичной для философской литературы того времени схеме сократического диалога. Это дополнительно подтверждает сильное влияние античной философии на святителя Григория Нисского. Таким образом, хотя название «апокатастасис» и саму идею всеобщего восстановления святитель Григорий, возможно, заимствовал у стоиков, их круговращательное периодическое фатальное «всевосстановление» совершенно не соответствует апокатастасису святителя Григория.

Своё видение космологии в диалоге «Тимей» изложил Платон. Он разделял суждения древних греков о конечном схождении душ после смерти в безрадостное царство: «Тихо душа, излетевши из тела, нисходит к Аиду» [Платон, 2007, с. 180]. И ещё: «В Аиде либо нас самих, либо детей наших детей ждёт кара за наши здешние несправедливые поступки» [Платон, 2007, с. 152], тем не менее, он создал свою концепцию мироздания, в которую Аид не помещается. Его система взглядов известна, но едва ли кто-нибудь четко и ясно придавал ей значение именно всеобщего апокатастасиса, хотя таковой она и является. Например, Г. Флоровский только немного затрагивает данную схему генезиса вселенной, именуя её «гаданиями о "странствиях" или "переселениях" душ» [Флоровский, 1935, с. 143]. Касается этой концепции и А.А. Лиходедов, но подходит к ней окольным путём через платоновский образ «бессмысленных кукол», играющих в «бесконечные игры», «постоянно побеждая силы зла в нескончаемой битве». Он называет это «репрессивным прижизненным апокатастасисом человечества», но называет с оговоркой, по его словам, «произведя некоторое насилие над языком пользу анализу» [Лиходедов, 2006, с. 40–41]. Однако

А.А. Лиходедов сделал верное умозаключение, и не нужно было производить «насилие над языком». Платоновская концепция в «Тимее» является именно «всевосстановлением», только совсем иным, чем у стоиков или у святителя Григория Нисского, как это показано ниже. Вероятно, прежде никто не увидел такого свойства космологии Платона, поскольку отдельные составные части его схемы завуалированы многочисленными протяжёнными размышлениями. Путь рассуждений, который использовал А.А. Лиходедов, является дополнительным подтверждением правильности идентификации платоновской концепции в данной работе как всеобщий апокатастасис.

Общие идеи систем «всевосстановления» Платона и святителя Григория Нисского

Платон разработал свою систему мироустройства. Вечные мучения в ней он заменил страданиями и перевоплощениями в земной жизни. В данной системе не может вместиться Аид. Хотя в «Тимее» о нём один раз говорится, но, вероятно, Платон так и не нашёл для него места в новоизобретённой им схеме мироздания. Сразу после краткого упоминания об Аиде он пишет: «Но об этом позднее» [Платон, 2007, с. 527]. Однако «позднее» в «Тимее» о нём нигде больше не говорится. Аид несколько раз упоминается в «Законах», написанных позже, но и там нет разъяснений, как место, где происходят нескончаемые страдания душ, сосуществует со «всевосстановлением». Возможно, эта апория Платона проникла и в мысли святителя Григория Нисского.

Платон считал, что демиург – вечный бог – из вечного же вещества создал вселенную, мировую душу и небесных богов. Их он создал из огня «безупречной округлой формы». Сотворённые боги создали тела всего живого на земле. Звёзды по Платону также являются живыми существами [Платон, 2007]. Вероятно, отсюда происходят гипотезы Оригена о живых звёздах, «совершенной» шарообразной форме тел небесных жителей и предсуществовании душ. Согласно Платону, демиург сотворил число душ, равное численности звёзд, и «возвёл их на звёзды, как на некие колесницы». Потом произошло перенесение душ на «орудия времени», то есть тела. Так появились различные живые существа. Если сотворённые смертные будут господствовать над страстями, то жизнь их будет справедливой, и после отведённого им времени они возвратятся в жилища своих звёзд. Но если они станут рабами страстей, то будут переселяться во всё более худшие тела: в женские, затем в животных и далее во всё более низшие, подобающие их падшему состоянию. Их перевоплощения и страдания будут длиться до тех пор, пока они не победят разумом неистовство страстей и тогда возвратятся в исходное жилище звёзд, где будут блаженствовать [Платон, 2007, с. 523–524]. Таким образом, в данной схеме космологии Платона происходит восстановление всех в первоначальное состояние.

В «Тимее» Платон не использует термин *ἀποκατάστασις*. Он говорит о душах: *κράτησας εἰς τὸ τῆς πρώτης καὶ ἀρίστης ἀφίκοιτο εἶδος ἔξωθεν*, что значит укореняются-утверждаются-укрепляются в первоначальном и лучшем превосходном пребывании, знании [Plato, 2013, p. 222]. Укрепление в данном случае у Платона означает апокатастасис душ, лично вкусивших страдания в земных перевоплощениях, познавших истину, и поэтому добровольно укоренившихся во всём добром. В отличие от полной фатальности стоиков Платон даёт пространство для свободной воли. Тем не менее он полагает, что в результате перевоплощений и страданий все поймут свои ошибки и утвердятся в добре. В данных тезисах Платона, возможно, гнездится одно из оснований концепции апокатастасиса святителя Григория Нисского, а именно принцип катарсиса через страдания, благодаря чему все познают истину и добровольно обратятся от зла в благодарности Богу. Только у святителя Григория данный процесс происходит в аду «очистительным огнём». Однако он не учитывает евангельский пример, когда Христос очистил десять прокажённых от болезни и страданий, но только один вернулся поблагодарить Бога (Лк. 17, 17). Таким образом, в данном случае платонизм в мыслях Нисского пастыря перевешивает слова Евангелия.

В концепции Платона можно увидеть цель перевоплощений и страданий – получение на своём опыте знания о вреде безнравственной жизни и утверждение в добре, чего, по его мысли, не было сразу после создания душ. Это несколько напоминает библейский принцип испытания Адама и Евы через древо познания добра и зла. Если бы прародители смогли выдержать эту проверку и не преступили бы заповедь Божию, то укоренились бы в добре. Теперь, после грехопадения, данный принцип в нашем мире остаётся для человеческого рода. Об этом пишет и святитель Григорий Нисский. Он уподобляет испытания и страдания школе гимнастики. Как спортсмены укрепляются в результате тренировок, так святые «узами и темницею усовершенствуются в благочестии» [Григорий Нисский, 1871, с. 233]. Это говорит и Писание. Кто победит порочные наклонности, утвердится в добре, получит вечное блаженство: *...побеждающему дам вкушать от древа жизни* (Откр. 2, 7). *Как земледелец сеет на земле многие семена и садит многие растения, но не все посеянное сохранится со временем, и не все посаженное укоренится, так и те, которые посеяны в веке сем, не все спасутся* (Езд. 3, 8–41). И святитель Григорий Нисский пишет в его приведённом высказывании только о святых, а не о всех [Григорий Нисский, 1871, с. 233]. Таким образом, дуализм мыслей в проблеме апокатастасиса существует в его трудах, как и у Платона на различных уровнях.

Платон использует антропологический образ: человек – игрушка (кукла) богов, а внутренние состояния души, словно верёвки, тянут в различные стороны. Но он пишет, что необходимо держаться золотой нити разума. А.А. Лиходедов в своей диссертации разбирает эту мысль. Но он делает упор на игре, на том, что «люди играют в своей жизни, что игра есть их истинное предназначение, что именно игра делает их людьми» [Лиходедов, 2006, с. 31]. Он полагает, воззрение, «что боги играют с людьми – это нигде не развито у Платона» [Лиходедов, 2006, с. 31]. Но он не совсем прав. В «Законах» написано: «...мы, живые существа, – это чудесные куклы богов, сделанные ими либо для забавы, либо с какой-то серьёзной целью, ведь это нам неизвестно» [Платон, 2014, с. 97]. А.А. Лиходедов сам приводит это высказывание в своей работе как часть более пространной цитаты, но, вероятно, не замечает его [Лиходедов, 2006, с. 27]. А в нём подчёркнуто, что мы можем оказаться простыми игрушками, сделанными для забавы, тем более что в этом отрывке не даётся ответ на вопрос: кто влечет душу в разные стороны, как будто за верёвки? В вышеприведённом антропологическом контексте, что человек может быть сделан как простая кукла богов, в разные стороны могут тянуть они. Но тем не менее Платон даёт некоторое пространство воле человека, когда пишет, что необходимо держаться золотой нити разума. Поэтому А.Ф. Лосев полагает, что в тезисе игры Платона есть «порядочная путаница» [Лиходедов, 2006, с. 31]. Но, вероятно, в данной концепции – не путаница, а диалектический метод: тезис – антитезис – синтез. Тезис – человек, это абсолютно безвольная кукла. Антитезис говорит о совершенно свободной от любых пут и верёвок воле человека. Синтез состоит в том, что, несмотря на высшее вмешательство, сохраняется некоторая часть свободного выбора индивидуумов. Данная концепция чем-то напоминает православное учение о Промысле Божиим, который управляет миром, но каждая разумно-свободная личность имеет возможность многое решать самостоятельно. В данной разбираемой платоновской системе, вероятно, также могут быть истоки мыслей святителя Григория Нисского о «всеспасении». Если человек – это безвольная кукла, то к гипотезе всеобщего апокатастасиса отпадают все критические вопросы и возражения. Тогда она абсолютно верна. Благо, сходящее свыше, несомненно, восстановит свои игрушки в лучшее состояние. Тогда возможно восстановление всех созданий и очищение, независимо от их волеизъявления. Однако это не соответствует православному антропологическому учению о свободной воле разумных существ.

«Апокатастасисы» неоплатоников и Оригена

Существует ещё одна система всеобщего апокатастасиса у неоплатоников. Но они своим основанием положили круговращение времени и истории стоиков. Прокл пишет: «...постоянно движущееся должно приходить снова от одного и того же к тому же, так,

чтобы совершить кругооборот» [Прокл, 1993, с. 140]. Так же и всякая душа, согласно их учению, делает кругообороты и восстанавливается в прежнее состояние. Здесь уже снова многократно употребляются производные от слова ἀποκατάστασις [Proclus, 1963, p. 174]. Происходит периодическое «всевосстановление». В данном случае со «всеспасением» святителя Григория Нисского эту систему объединяет только само слово «апокатастасис». Больше ничего общего между ними нет.

О концепции «всевосстановления» Оригена написано очень много, поэтому здесь не имеет смысла повторяться. Однако, как показано выше, многие положения своей системы, такие как идеи о живых звёздах, шарообразной форме тел небесных жителей и предсуществовании душ, он перенял у Платона. Существует устойчивое мнение, что святитель Григорий Нисский подвергся очень сильному его влиянию. Но, как показала данная работа, это не совсем так. Вполне вероятно, что идею «очистительного» огня он заимствовал у него. Но истоки многих остальных идей Нисского богослова по проблеме апокатастасиса, возможно, лежат в древнегреческой философии. Оттуда же пришла дихотомия мыслей по этому вопросу в его труды. Очевидно, святитель Григорий Нисский осознал эту несовместимость идей «всевосстановления» и вечного ада, поскольку после 385 года в его трудах остались только взгляды о нескончаемости загробных мучений грешников, опровергающие противоположные [Баринов, 2025, с.177].

Выводы

В результате данного исследования выявлены три концепции «всевосстановления» в античной мысли. Возможно, святитель Григорий мог унаследовать саму идею всеобщего апокатастасиса и данное название от стоиков. Но в остальном их системы не совместимы. Больше идей по проблеме всеобщего восстановления он, вероятно, перенял у Платона, хотя именно таким термином последний свою концепцию не называет. От него он мог воспринять и принцип катарсиса через страдания. Также у святителя Григория имеются схожие с Платоном мысли на тему цели испытаний и страданий в земной жизни – утверждение в добре. Их он, возможно, также заимствовал от древнегреческого философа, как и апорию между «всевосстановлением» и Айдом, где происходят нескончаемые мучения грешников. Как показано в работе, многие идеи о мироустройстве, которых нет у святителя Григория Нисского, воспринял от Платона и Ориген. Поэтому как оказавшего наибольшее влияние на святителя Григория, вероятно, следует рассматривать не Оригена, а Платона, от которого, как сказано выше они могли усвоить некоторые мысли независимо друг от друга. Хотя определённое влияние Ориген всё же, вероятно, оказал, в частности, в виде идеи об «очистительном» огне. Показана ясная выраженность мысли Платона, что боги могут играть с людьми, как с куклой. Этот образ мог повлиять на святителя Григория Нисского, то есть если свыше нисходит только благодать, то она обязательно восстановит свою игрушку в лучшее состояние. Но такой тезис противоречит православному учению о свободной воле человека. Третья система апокатастасиса неоплатоников во многом заимствована от стоиков, поэтому кроме названия у неё нет ничего общего с концепцией святителя Григория Нисского.

Список литературы

- Баринов Н.Н. 2025. Влияние культурно-исторических событий древней Греции и Римской империи на дихотомию взглядов в проблеме апокатастасиса святителя Григория Нисского. *Наука. Искусство. Культура*, 1(45): 172–182.
- Гомер. 1981. *Одиссея*. М., Художественная литература, 407 с.
- Григорий Нисский. 1862. Против учения о судьбе. В кн.: Творения святого Григория Нисского. Т. 40. М., Типография В. Готье, 400 с.
- Григорий Нисский. 1871. Похвальное слово святым сорока мученикам. В кн.: Творения святого Григория Нисского. Т. 45. М., Типография В. Готье, 536 с.
- Лиходедов А. А. 2006. Учение Григория Нисского об апокатастасисе в свете античных источников его антропологии: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13. М., 136 с.

- Мейендорф И.Ф. 2007. Введение в святоотеческое богословие. Мн., Лучи Софии, 384 с.
- Платон. 2014. Законы. Послезаконие. Письма. СПб., «НАУКА», 518 с.
- Платон. 2007. Соч. в 4 томах. Т. 3. Ч. 1. СПб., Изд-во С.-Петербург. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 752 с.
- Прокл. 1993. Первоосновы теологии; Гимны. М., Издательская группа «Прогресс», VIA, 319 с.
- Флоровский Г. 1935. О воскресении мёртвых. В кн.: Переселение душ: проблема бессмертия в оккультизме и христианстве. Paris, YMCA Press, 168 с.
- Garland R. 1985. The Greek way of death. New York, Cornell University Press, 192 p.
- Proclus. 1963. The elements of theology, A revised text with translation, introduction and commentary by E. R. Dodds, Oxford, University Press, 348 p.
- Plato. 2013. Timaeos. Athens, I. A. Kollarou & Co. S.A., 442 p. (in Greek).

References

- Barinov N.N. 2025. Vliyanie kul'turno-istoricheskikh sobytij drevnej Grecii i Rimskoj imperii na dihotomiyu vzglyadov v probleme apokatastasisa svyatitelya Grigoriya Nisskogo [The influence of cultural and historical events of ancient Greece and the Roman Empire on the dichotomy of views in the problem of apocatastasis of St. Gregory of Nyssa]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, 1(45): 172-182.
- Gomer. 1981. *Odisseja* [Odyssey], Hudozhestvennaya literatura, M., 407 p. (in Russian).
- Grigorij Nisskij. 1862 *Protiv ucheniya o sud'be* [Against the doctrine of fate]. Tvorenija svjatogo Grigorija Nisskogo [The Works of Saint Gregory of Nyssa], Vol. 40, Tipografiya V. Got'e, M., 400 p.
- Grigorij Nisskij. 1871. Poxval'noe slovo svyaty'm Soroka muchenikam [Eulogy to the Holy Forty Martyrs]. Tvorenija svjatogo Grigorija Nisskogo [The Works of Saint Gregory of Nyssa], Vol. 45, Tipografiya V. Got'e, M., 536 p.
- Lihodedov A.A. 2006 *Uchenie Grigorija Nisskogo ob apokatastasisе v svete antichnyh istochnikov ego antropologii* [The Teaching of Gregory of Nyssa on Apocatastasis in Light of the Ancient Sources of His Anthropology], dissertacija ... kandidata filosofskih nauk, 09.00.13, M., 136 p.
- Mejendorf. I.F. 2007, *Vvedenie v svjatootecheskoe bogoslovie* [Introduction to Patristic Theology], Luchi Sofii, Minsk, 384 p.
- Platon 2014, *Zakony. Poslezakonie. Pis'ma* [Laws. After-law. Letters], NAUKA, Saint Petersburg. 518 p.,
- Platon. 2007. *Sochinenija v chetyreh tomah* [Works in four volumes], Vol. 3, Part 1, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta; «Izdatel'stvo Olega Abyshko», Saint Petersburg. 752 p., (in Russian).
- Prokl. 1993, *Pervoosnovy teologii, Gimny* [Fundamentals of Theology, Hymns], Izdatel'skaya gruppa «Progress», VIA, M., 319 p.
- Florovskij G. 1935, *Pereselenie dush: problema bessmertija v okkul'tizme i hristianstve, O voskresenii mjortvyh* [About the Resurrection of the Dead], YMCA Press, Paris.
- Garland R. 1985. *The Greek way of death*. New York: Cornell University Press. 192 p.
- Proclus. 1963, *The elements of theology*, A revised text with translation, introduction and commentary by E. R. Dodds, University Press, Oxford. 348 p.
- Plato. 2013. *Timaeos*. Athens: I. A. Kollarou & Co. S.A. 442 p. (in Greek).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 16.12.2024

Поступила после рецензирования 16.03.2025

Принята к публикации 30.05.2025

Received December 16, 2024

Revised March 16, 2025

Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баринов Николай Николаевич, протоиерей, настоятель храма в честь святых Царственных страстотерпцев, г. Рязань, Россия.

[ORCID: 0009-0007-3858-2877](https://orcid.org/0009-0007-3858-2877)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay N. Barinov, Archpriest, Rector of the Church in Honor of the Holy Royal Passion-Bearers, Ryazan, Russia.

[ORCID: 0009-0007-3858-2877](https://orcid.org/0009-0007-3858-2877)

УДК 101
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-260-269
EDN BDMPUR

Русская философия как жемчужина русской культуры

Чернышова Е.В.

Московский государственный институт культуры,
Россия, 141406, г. Химки, Московская обл., ул. Библиотечная, д. 7
7828706@mail.ru

Аннотация. В работе показано, что восприятие русской философии как самобытной в отечественном философском дискурсе и за пределами России связано с необходимостью принятия широкого спектра форм, посредством которых существует философия в нашей стране. Стремление русских философов выйти из узкого круга национальной культуры зачастую выражалось через литературу и воспринималась извне как отсутствие философии в России. Проективный, практический характер русской философии, наиболее ярко выраженный у Н. Ф. Федорова, многими воспринимался даже не как философский, а, скорее, как околонуточный утопический проект. В итоге данной работы сделан вывод о существовании различных форм выражения глубинной русской философии, отражающих образ человека, который стремится привести полноту истины во все сферы своей жизни и творчества, – человека России.

Ключевые слова: русская философия, русская литература, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, А. Платонов

Для цитирования: Чернышова Е.В. 2025. Русская философия как жемчужина русской культуры. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 50(2): 260–269. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-260-269 EDN: BDMPUR

Russian Philosophy as a Pearl of Russian Culture

Evgeniya V. Chernyshova

Moscow State Institute of Culture,
7 Bibiotechnaya St, Khimki, Moscow region 141406, Russian Federation
7828706@mail.ru

Abstract. The paper shows that the perception of Russian philosophy as an original one, both in domestic philosophical discourse and outside of Russia, is related to the need to accept a wide range of forms through which philosophy exists in our country. The desire of Russian philosophers to escape the narrow circle of national culture was often expressed through literature and was perceived from the outside as the absence of philosophy in Russia. The projective, practical nature of Russian philosophy, most clearly expressed in N.F. Fedorov, was often perceived not as philosophical, but rather as a near-scientific utopian project. The article concludes that there are various forms of expression of deep Russian philosophy that carry the image of a man who strives to bring the fullness of truth to all spheres of his life and creativity – the man of Russia.

Keywords: Russian philosophy, Russian literature, A.S. Pushkin, F.M. Dostoevsky, A. Platonov

For citation: Chernyshova E.V. 2025. Russian Philosophy as a Pearl of Russian Culture. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 260–269 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-260-269 EDN: BDMPUR

Русская культура необычайно богата своими творческими дарами в различных сферах: и в художественной, и в духовной, и в нравственной, и в естественнонаучной. Хорошо известно, что такое русская литература, русский театр, русский балет, русское искусство, русская наука, русское подвижничество и героизм. Здесь ее достижения бесспорны, очевидны и универсальны, они простираются далеко за пределы национального бытия, питая всемирно-историческое древо человечества своими бессмертными творениями.

Но что такое русская философия? Существует ли она вообще? И если существует, то какова ее специфика? Задавая эти вопросы, мы вступаем в довольно неопределенную и даже опасную зону, поскольку именно здесь разворачиваются самые непримиримые споры между теми, кто отрицает русскую философию, а вместе с ней и Россию, и теми, кто видит, чувствует, любит ее, и для кого ее бытие также неоспоримо, как и бытие русской культуры и русской истории. Так уж сложилось, что во многом граница принятия/непринятия России проходит по линии принятия/непринятия ее философии. И это не случайно: философия в России играет особую роль. И если поэт в России больше, чем поэт, то философ – подавно.

Определенной сложности вопросу о русской философии придает и сам вопрос о философии как таковой. И здесь тоже нет и не было никогда никакой однозначности. Начиная с античных времен, вплоть до ее современного состояния, философия профессиональным сообществом определялась весьма различно. Если сравнить мысли о философии Платона, Аристотеля, Сенеки, Августина, Фомы Аквинского, Паскаля, Декарта, Бэкона, Вольтера, Канта, Шопенгауэра, Ницше, не говоря уже о представителях XX и XXI веков, то может сложиться впечатление, будто речь идет о разных предметах. А когда в XIX веке в этот европейский поток включаются и русские философы, то картина усложняется невероятно, придавая и без того сложному вопросу о философии особой национальной остроты и драматизма, далеко не в последнюю очередь связанных с нашим особым типом культуры и цивилизации. Судьба русской философии неразрывно связана с судьбой России.

Ближайший исторический контекст возникновения острых вопросов о русской философии – это первая половина XIX века, когда в российском обществе появляется жесткая полемика о России, ее судьбе, особом историческом пути и духовной миссии. И нужно сказать, что она не прекращается и по сей день, зачастую делая оппонентов непримиримыми врагами. А это в глазах иных народов странно, поскольку вызывает недоумение: почему более чем за тысячу лет своего существования Россия не может определиться в историко-культурных и геополитических приоритетах, причаливая попеременно то к Западу, то к Востоку, то к Европе, то к Азии, то образуя нечто среднее между ними? И это, похоже, тоже является одной из особенностей русской культуры – постоянный поиск своих начал, вечное странствование по безбрежному морю истории и бытия. В глазах недругов России – это ее очевидная слабость и недостаток, но более проникновенный взгляд, не ограничивающийся считыванием поверхностного слоя реальности, обнаруживает в этом своеобразие отечественной культуры, основанное на представлениях о том, что такое человек, мир, история. Эти представления часто непонятны тем странам и народам, которые привыкли жить в ясном, прагматичном, рационально управляемом мире, в котором на первом месте находятся, казалось бы, очевидные блага: материальный достаток и бытовой комфорт. И хотя эти блага не отрицаются, поскольку Россия не страна аскетов и отшельников, все же смысл человеческого бытия здесь видится в ином. Не зря же гениальный поэт и блестящий дипломат, чуткий к историческим реалиям, Федор Тютчев, произнес одну из самых сокровенных формул русской жизни и культуры: «Умом Россию не понять».

Каким умом? Здесь это очень важный вопрос. Прежде всего, стандартным западным умом, который есть мера меркантильности, практичности, мелковатым для духовных,

нравственных и метафизических запросов человека. Такой ум не может понять не только Россию, он вообще сторонится всего, что выходит за грань его корыстных интересов. «Русский послушен голосу совести, он исповедует его и жертвует собой» [Шубарт, 2000, с. 69], – писал немецкий философ, тонкий знаток русской души и культуры Вальтер Шубарт, во многом противопоставляя ее западной «фаустовской» душе, устремления которой направлены на покорение мира с целью господства над ним. Вот почему именно западная цивилизация так старательна в техническом развитии. Техника, если сделать очень широкое обобщение, возникает там, где кончается дух, где человек перестает быть человеком. И не случайно идея наполовину цифрового уже не-человека, а постчеловека появляется в западном контексте. И она набирает популярность.

Возвращаясь в XIX век, нужно сказать, что в качестве одного из главных застрельщиков идейного спора между сторонниками русской самобытности и ее противниками был философ Петр Яковлевич Чаадаев. В своих «Философических письмах» он высказал идеи, которые способствовали оформлению двух противоположных идеологических лагерей относительно России, ее прошлого, настоящего и будущего. Уже в первом письме мыслитель выражает весьма критическое, скептическое и даже уничижительное отношение к России, в котором, однако, чувствуется зародыш идеи ее самобытности. В его воззрениях, явно односторонних, сквозит одновременная идеализация Европы и абсолютизация недостатков России. И поэтому такие возвышенные интонации по отношению к Европе: «Невзирая на все незаконченное, порочное и преступное в европейском обществе, как оно сейчас сложилось, все же царство Божие в известном смысле в нем действительно осуществлено, потому, что общество это содержит в себе начало бесконечного прогресса и обладает в зародыше и в элементах всем необходимым для его окончательного водворения в будущем на земле» [Чаадаев, 1991, с. 336], при одновременном принижении потенциалов России: «Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя» [Чаадаев, 1991, с. 325]; «мы составляем пробел в интеллектуальном порядке» [Чаадаев, 1991, с. 330].

Хрестоматийным ответом, ставшим своего рода каноном истинной любви к своему отечеству, являются слова А. С. Пушкина в письме к Чаадаеву: «Клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какую дал нам Бог» [Пушкин, с. 587]. Весьма показательным, что именно Пушкин – творец русского национального языка, языка литературы и философии, дает такой ответ. Конечно, и Чаадаев любил Россию и желал ей блага, как он видел; и все же пиетет перед Европой, ее культурой, образованием, наукой и религией, по крайней мере, на уровне первого письма, он выражает очень настойчиво, очевидно не выказывая того священного чувства благоговения перед Родиной, которое выразил Пушкин. Если обозреть в целом творчество Чаадаева, то станет очевидно, что совершенно неоправданно, как это часто делается, записывать его в западники, которые в своем радикальном запале вообще отрицают какой бы то ни было самостоятельный путь развития России. Да и к Европе, если быть справедливым, он тоже достаточно критичен. Лишь ревностные адепты либеральной Европы в России и составляют традиционно класс отрицателей самобытной и великой русской культуры. Сами они представляют собой вторичное и малозначимое явление как в духовной жизни Европы, так и России, и на них не распространяется титул не только великих, но и вообще творцов культуры. Отрицание не может быть творчеством.

Но значимость парадоксальных и провокационных для своего времени мыслей П. Я. Чаадаева огромна; отрицая русское историческое бытие, он способствовал тому, чтобы оно проявило себя на высшем уровне. И во многом это помогло «пробуждению» русской философии. И здесь мы выходим на вопрос, заданный в самом начале: существует ли русская философия и в чем ее специфика?

В России в XIX веке происходит важнейшее для ее духовной культуры событие – *рождение философской литературы, философского языка, но не самой философии*. Философия как философствование существовала на Руси всегда, но в особых, отличных от западноевропейских, формах. Бытовала она и в русских песнях, и в монашеской практике, и в странничестве, и в иконописи («умозрении в красках»), и в древнерусской литературе, и в юродстве как философии поступка.

Человек в силу своего положения в мире просто не может не философствовать, тем более народ. В глубинном смысле философия прирождена человеку, она как бы изначально «вмонтирована» в его ум и душу. Любой мало-мальски думающий и переживающий человек, увидев «звездное небо над головой и моральный закон внутри», как говорил Кант, осознав смерть в первом лице, столкнувшись со смертью других – и близких и дальних, испытал любовный восторг и боль любви, почувствовав муки совести, пережив радость творческого вдохновения и ужас творческого кризиса, глядя на невообразимое многообразие существующего мира, невольно обретая веру в Творца и постоянно ее теряя, не может хотя бы на время не задаться философскими вопросами: что все это, что все это значит, кто я, почему я здесь, зачем вообще мир и как он возможен, есть какая-то цель и смысл в этом непонятном, ужасном, но таком чудесном и таинственном бытии? И это не вопросы философа-профессионала, получившего соответствующее образование в университетских стенах, это вопросы, которые волнуют любого, без исключения любого человека, если он, конечно, считает себя человеком и хочет им быть. И народ, создавший мощное государство и великую культуру, просто не может не иметь философии.

Когда речь заходит о начале русской философии, о философии допетровского периода, то здесь необходимо прибегнуть не только к значимому для России разделению философии на трактатную (научную) и нетрактатную (вольную), но и вообще на вербальную и невербальную формы философии.

Невербальная философия ставит те же вопросы о мире, что и вербальная, но в таких нетипичных для академической философии формах, как живопись (иконопись в данном случае), архитектура, музыка, подвижничество (странничество, отшельничество, юродство), да и простое созерцание мироздания. Вспомним мечтателя из «Белых ночей» Достоевского – какие мысли возникали в его сознании от одного только наблюдения над окружающей его действительностью. Здесь нет прямого вопроса о смысле бытия, как в вербальной философии, но метафизический ресурс искусства и нравственный образ жизни по сути выполняют ту же функцию, и возможно, даже более точно и глубоко.

Возможности вербальной и тем более трактатной философии достаточно ограничены; они никогда не могут удовлетворить всех глубинных запросов человеческого духа, который, как хорошо известно, всегда томим «духовной жаждою». Претензия рациональной философии постичь мироздание в целом, создать непротиворечивую систему всего, картину всей природы, всегда оказывается невыполненной и оставляет человека неудовлетворенным и разочарованным в философии. Очень точно по этому поводу выразился Жуковский в стихотворении «Невыразимое»: «Что наш язык земной пред дивною природой?»

Среди невербальных форм жизненного философствования интересен феномен русского юродства. Многие вполне правомерно полагают, что это явление присуще исключительно русской духовной культуре и не имеет аналогов, прежде всего на западе. И поэтому оно непонятно, вызывает неприятие, страх и отторжение, особенно когда некоторые черты конкретного юродивого проецируются на весь народ, тем более что многие юродивые были святыми, а это значит, что такой тип поведения и личности имел особо высокий нравственный статус в России.

Это не что иное, как «философствование в поступке»; можно писать тексты об иллюзорности и обманчивости видимой реальности, как, например, Платон или

Шопенгауэр, а можно, как Сократ или киники, своим практическим образом жизни показывать неправду существующей действительности. То же самое мы находим и у русских юродивых. Например, один из самых известных русских московских юродивых святой Василий Блаженный, в честь которого назван один из самых знаменитых русских храмов на Красной площади, приставал к прохожим, буквально задирает их, неприлично вел себя, буянил, да к тому же ходил голым. Это типичное поведение философов-киников, которых можно с полным правом считать предтечами «юродивых Христа ради», наподобие того, как Отцы церкви называли некоторых языческих философов, в том числе Гераклита, Платона и Аристотеля, «христианами до Христа».

Но в XIX веке культурная ситуация в России поменялась: потребовался язык, на котором философия могла бы изъясняться так, чтобы она одновременно исходила из национальной традиции и была понятна миру. Встал вопрос о вербальной философии, национальной метафизике России. И таким языком стала русская литература, взявшая на себя те функции, которые в Европе принадлежали университетской философии. Это не означает подмену литературы философией или искусственное полагание философии литературой. Литература – наиболее подходящий язык для выражения нравственных вопросов, которые в России имеют определяющее значение. Что возможно для свободного художественного языка, невозможно для трактатного. К тому же, наследуя корневые традиции древнерусской дидактической литературы, писатели XIX века восприняли глубоко эти традиции учительского слова, в которых этика имеет приоритет перед эстетикой.

Вообще литература в России имеет особый бытийный статус и экзистенциальное значение. Россия, как тонко подметил И. Бродский, «в состоянии осознать себя только через литературу» [Бродский, 2015, с. 220]. Литература как бы компенсирует недостаточную развитость социальных институтов, имеющих политико-правовую регламентацию, как на Западе. Писатель в России в XIX веке – это властитель дум, социальный оракул и религиозный проповедник одновременно. У него искали помощи и защиты, у него искали ответов на злободневные и вечные вопросы. Не случайно известная «Пушкинская речь» Достоевского стала явлением общенационального масштаба. По силе и глубине проникновения в историческую судьбу России, в ее духовно-культурную миссию с Достоевским рядом нельзя было поставить никого. А функция писателя как «инженера человеческих душ», культивируемая в советский период, своими корнями уходит и в XIX век, и, соответственно, в дидактическую литературу Древней Руси. В этом смысле русскую культуру правомерно определять через литературу, а русскую философичную литературу считать жемчужиной культуры.

Здесь необходимо обратиться к еще одной фигуре отечественной словесной культуры этого периода – поэту и философу Дмитрию Веневитинову. Его роль в становлении самобытной русской философии представляется более значимой, чем роль Чаадаева. Если последний через отрицание русской истории и культуры стимулирует национальную мысль, то Веневитинов прямо формулирует позитивную программу философского развития России. К тому же Чаадаев не был писателем, он позиционировал себя исключительно как «христианский философ». И его творчество во многом послужило становлению той ветви нелитературной религиозной философии, к которой первоначально примыкали и славянофилы.

В небольшой статье Веневитинова «О состоянии просвещения в России» говорится о необходимости философии для России. Находясь под влиянием немецких романтиков, в особенности философии Шеллинга, Веневитинов полагал, что истинная цель просвещения заключается в самопознании народа и что философия рождается из мистических глубин народного, национального духа. Эти глубины он усматривал не в религии, как это делали впоследствии славянофилы, а в литературе. Но для этого, по его мнению, необходимо остановить подражательность инокультурным веяниям, прежде всего французской моде в

литературе. Современные поэты, с точки зрения Веневитинова, разучились мыслить, и это их главный порок, который принесло французское влияние. «У нас чувство, – пишет он, – некоторым образом освобождает от обязанности мыслить и, прельщая легкостью безотчетного наслаждения, отвлекает от высокой цели усвершенствования» [Веневитинов, 1934, с. 219]. Эти слова были сказаны Веневитиновым в 1827 году. А немного раньше, в заметке 1824 года, Пушкин пишет: «Причинами, замедлившими ход нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1) общее употребление французского языка и пренебрежение русского – все наши писатели на то жаловались, – но кто же виноват, как не они сами. ... У нас еще нет ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке – метафизического языка у нас вовсе не существует... ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснились: проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно уже готовы и всем известны» [Пушкин, 1938, с. 261].

В этих словах дан исчерпывающий анализ русской словесности того периода, главный изъян которого – отсутствие собственного языка не только в философии, но и в литературе. Заимствование, в частности употребление французского языка, – скорее следствие, чем причина такого положения. Еще, конечно, леность, подмеченная Пушкиным, традиционная леность образованного сословия, проявляющаяся в нежелании трудиться на ниве родной культуры. Это болезнь русской интеллигенции, о которой будут много говорить русские философы Серебряного века. И Веневитинов, как бы в ответ на запрос Пушкина, создает программу возрождения отечественной словесности, в недрах которой должна созреть своя философия. Национальная философия, согласно Веневитинову, возможна лишь в национальном языке, который есть язык литературы, – так можно выразить его главную идею, заключающуюся в *синтезе литературы и философии*.

В этом контексте всегда возникает вопрос о правомерности этого литературно-философского синтеза, о возможности в литературе усматривать форму философского языка. Вопрос и решенный, и неразрешимый одновременно. Для аристотелевской, рационалистической, понятийной традиции такое отождествление философии и литературы неправомерно; это разные жанры, и образ (основное в литературе) не совпадает с понятием (основное в философии). Эта традиция весьма распространена, но это лишь одна традиция. Если обращаться к античности, то мы встречаем и другую важнейшую фигуру – философа Платона, который в диалогах драматургически выражал философские идеи.

В этом смысле строгого запрета на выражение философских идей в литературе в принципе не может быть. Россия как логоцентричная культура, то есть культура, для которой *святость слова* имеет определяющее значение, наделила литературное слово большим философским значением. И если западное философское слово, вызревшее в схоластическом контексте университетского знания, было направлено преимущественно на познание мира, то русское, исходящее из трагических глубин бытия, стремилось к духовному постижению и нравственному преображению мира и человека. В этом заключено одно из важнейших отличий русской и западной философских культур.

У Веневитинова есть сильный теоретический постулат о философичности поэзии: «истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом просвещения» [Веневитинов, 1934, с. 218]. Поэт не столько пророк, хотя и пророк, этого у него нельзя отнять, но и философ, постигающий глубинную суть мироздания. Шутливые строки Пушкина к Вяземскому о том, что «поэзия должна быть глуповата», никоим образом не противоречат тому пониманию назначения

поэзии, которого придерживался Веневитинов. Пушкин имел в виду в данных словах флирт с красавицей, несколько не затрагивая миссии поэта, когда его призывает к своей «священной жертве Аполлон». Удивительно, что слова Веневитинова через некоторое время повторяет Достоевский, несколько видоизменив их. Он напишет: «Поэт в порыве вдохновения разгадывает Бога, следовательно, исполняет назначение философии. Следовательно, поэтический восторг есть восторг философии. Следовательно, философия есть та же поэзия, только высший градус ее!» [Достоевский, 1972–1990, с. 54]. Примечательно, что для Достоевского «разгадывание Бога» есть назначение философии, а не теологии, не религии в целом. Очевидно, что Бог здесь выступает не столько в конфессиональном смысле, сколько в виде высших метафизических свойств бытия.

Такой гимн философии, по сути, апологию философии, встретишь не часто. Очевидно, что речь здесь идет не о той философии, о которой мы говорили раньше, о философии рационалистической и аналитической. Философия в понимании Веневитинова и Достоевского приближается к вершинам бытия, к самой сердцевине человеческого смысла жизни и его метафизической судьбе. К теоретической философии Достоевский относился отрицательно, говоря, что «в философии я шваховат». Но именно такая философия, к сожалению, стала ассоциироваться с философией как таковой, что неправомерно. Перемещаясь в эпицентр литературы, философия перемещалась к человеку, тайну которого Достоевский и взялся разгадывать как литератор, посчитав это самым важным делом в жизни.

Русская философия складывалась по преимуществу как жизненное дело, для которого важна не столько рефлексия, сколько поступок. Философия «общего дела» Н. Ф. Федорова, в которой ставится вопрос о радикальном преодолении смерти как источника зла и несправедливости – наиболее яркое и сильное проявление нравственно-практического характера русской философии. Одно, наиболее характерное, высказывание философа: «Сознавать свою смертность значит осознавать каждому общую причину своих частных, личных бедствий, ибо смертность есть общее выражение для всех бед, удручающих человека» [Федоров, с. 200].

От XIX века русской философичной литературы прямая дорога в век двадцатый. Здесь такое неимоверное «обилие щедрот», что все это богатство ни описать, ни систематизировать не представляется никакой возможности. Серебряный век, эмигрантские волны, советская литература (особенно деревенщики), постсоветский этап – все это включает бесчисленное количество имен и произведений, инвариантной чертой которых будет выступать глубокая философичность и поиск нравственной истины. Несмотря на значительную идеологизированность советской литературы, корневые свойства правдолюбия и совестливости в ней проявились сполна. Василий Шукшин и Валентин Распутин – яркое тому подтверждение.

Глубокой философичностью, не умаляющей художественных достоинств, исполнены произведения Антона Чехова, Ивана Бунина, Владимира Набокова, Гайто Газданова, Леонида Андреева, Михаила Арцыбашева и многих, многих других блистательных авторов. Как утверждает И. Бродский, русская литература в XX веке пошла за Толстым, а не за Достоевским, поскольку на последнем Провидение отыграло свою высшую метафизическую партию, ни повторить, ни продолжить которую невозможно. Разве лишь за одним исключением, да и то с большими оговорками.

Этим исключением является Андрей Платонов, творчество которого Бродский охарактеризовал в терминах «философского бешенства». Характеристика, прямо скажем, не совсем лицеприятная, злая, но весьма точная. Это не просто философия, философия спокойная, эпичная, как у Толстого и Бунина, это философия, которая не оставляет никаких шансов читателю. Показывая тупиковую ситуацию в языке, философия Платонова раскрывает печальную истину трагического абсурда человеческого

существования. Все это исполнено вопреки: вопреки грамматике, вопреки синтаксису, вопреки здравому смыслу, вопреки жизни и смерти. Единственной предтечей этого немислимого мероприятия, которое, кажется, случайно попало в литературу, является Достоевский. Но не стилистически, не тематически, а по своей безумной миссии – сказать миру такое слово, которое вывернет его наизнанку.

О языке Платонова было сказано предостаточно. Мимо него нельзя просто пройти; он – как корявый куст – обязательно зацепит, поранит и разорвет в клочья сначала одежду, потом кожу, а потом и душу. И нужно честно признать, охотников здесь немного. И при всей значимости и теперь уж всемирной признанности, истинных читателей у Достоевского и Платонова мало. Но мало их и у Ницше, и у Шопенгауэра, мало их у Августина, Марка Аврелия и Платона. Мало их и у Библии. Это литература не для отдыха, и уж тем более не для развлечения. Это для работы, для важной работы человеческого существа, которое должно непрестанно трудиться над смыслом своего бытия. Ведь не зря же сказано: «Душа обязана трудиться». Философия и есть самый важный и первый труд души, без которого она чахнет, хиреет и умирает.

В этом смысле Платонов очень трудный автор. Но при этом корневая традиция правдолюбия проявлена у него буквально на поверхности. Важно ее видеть и не потерять за сложностями и темнотами его языка. Ведь язык автора при всей его значимости не является самодовлеющей сущностью. Не язык творит реальность, не он ее отражает. Нужно всегда чувствовать то, что за языком. А за ним не только «объективная реальность», но и «внутренний мир» автора, который находит в себе тот язык, который близок его сокровенному.

Слова из повести «Котлован» «мне без истины стыдно жить» во многом являются тем сокровенным, которым всегда жил Платонов. Это отражено и в его жизни, в самых значительных фактах биографии писателя, в том числе и военной. Можно сказать, что таково жизненное кредо, совпадающее с творческим заданием. В самой фразе скрыта глубокая философичность, присущая русскому миропониманию. В традициях западной философии истина – категория теории познания: это соответствие суждения факту. И как таковая она находится вне нравственной оценки. В русской культуре истина приобретает нравственное значение. Это не просто соответствие факту, это соответствие Абсолюту, высшей правде. Истинна в нравственном измерении – правда, что и зафиксировал Платонов, применив к ней нравственную категорию стыда.

Русское сознание стыдится жизни вне правды, достичь которую оно стремится более всего. И поэтому мы видим такой страстный поиск смысла жизни, которого нет ни в одной другой философии, литературе, культуре. Вся повесть «Котлован», как и большинство написанного Платоновым, это поиск смысла – смысла своего и всеобщего существования. Затея совершенно бессмысленная для прагматичного и утилитарного западного сознания, подменившего смысл многочисленными целями, ставшим «проектами». Жизнь в проекте – это западный вариант; жизнь в смысле – русский.

Будет смысл будет и счастье – так можно выразить эту философию смысла. Искать его в чем-то ином, в «материализме» не как конкретной революционной идеологии, а в материальных вещах, бесполезно. В них нет ни смысла, ни счастья. А смысл жизненно необходим, ибо, как хорошо известно, «не хлебом единым». И конечно же, у Платонова это не рациональный смысл, нацеленный на пользу и выгоду. Это тот душевный «согревающий поток смысла жизни», о котором говорил Достоевский в Братьях Карамазовых» в диалоге Ивана и Алеши:

«– Жизнь полюбить больше, чем смысл ее?

– Непременно так, полюбить прежде логики, как ты говоришь, непременно, чтобы прежде логики, и тогда только я и смысл пойму».

Порядок такой: жизнь – любовь – смысл. Но не наоборот. В обычной и обыденной жизни как раз все иначе: человек пытается найти какую-то логику, а через нее оправдать свои действия. Но это приводит к разочарованию, потому что логика без любви – ничто, она не дает не удовлетворенности, ни удовольствия, ни счастья, в конечном счете. Более того, она приводит к распаду жизни через погружение ее в пучины внутренних и внешних противоречий, невозможности постижения хаоса как этапа любого бытия и события, и как следствие – к депрессии и апатии.

Но как полюбить жизнь? Можно ли ее полюбить со всеми ее несовершенствами, горестями и бедствиями? Простой любовью жизнь полюбить нельзя, можно только духовным или мистическим чувством, которому открывается целое бытие, в котором видна его неслучайность, гармония и совершенство. Именно к такому смыслу и стремился Платонов, увлекая своих читателей невероятным языком и невозможными перспективами.

Вообще фраза «мне без истины стыдно жить» – это «взрыв сознания», разрушение устоявшихся клише философского рационализма. Здесь сопрягаются понятия из разных смысловых и ценностных измерений, которые соединяются в неэвклидовом пространстве русского писателя, выразившего невозможную, но единственно истинную правду человеческого существования.

Линия русской религиозной философии, идущая от славянофилов через Вл. Соловьева и Н. Ф. Федорова и завершающаяся в религиозно-философском ренессансе, суть которой заключается в апологии христианства в Платонове, окончательно расходится с линией нравственной философии, которая средствами литературы ставит самые высокие, предельные, страшные вопросы о человеке. Эти вопросы не только не ушли в прошлое, но со временем становятся все более насущными и значимыми. В самой ясной и безыскусной форме он сформировал свое философское кредо так: «...Я человеком только хочу быть. Для вас быть человеком привычка, для меня редкость и праздник» [Платонов, 2006, с. 17]. Такая простая, но невероятно сложная задача – «быть человеком». Но именно это и есть самое сокровенное, именно здесь живет и формируется жемчужина русской культуры – ее философия.

Список источников

- Пушкин А.С. 1938. Полное собр. Соч. Т. 6. М., Худ. лит. 656 с.
Пушкин А.С. 1936. Полное собр. Соч. Т. 5. М.: Худ. лит., 733 с.
Достоевский Ф.М. 1985. Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 1. Л., 551 с.
Платонов А. 2011. Котлован. М., 473 с.
Платонов А.П. 2006. Записные книжки. Материалы к биографии. М., ИМЛИ РАН, 424 с.

Список литературы

- Шубарт В. 2000. Европа и душа Востока. М., Русская идея, 446 с.
Чаадаев П.Я. 1991. Философические письма. В кн.: Полное собрание сочинений и избранные письма. Том I. М, Наука: 320-440.
Бродский И. 2015. Дитя цивилизации: Избранные эссе. СПб., Лениздат, 221 с.
Веневитинов Д.В. 1934. Полное собрание сочинений. М.-Л.: АCADEMIA, 533 с.
Федоров Н.Ф. 1995. Собрание соч. Т. II, М.: Прогресс, 544 с.
Зеньковский В.В. 1955. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Paris: YMCA-PRESS, 283 с.
Одоевский В.Ф. 1975. Русские ночи. Л.: Наука, 325 с.

References

- Shubart V. 2000. Europe and the soul of the East. Moscow, Russkaya ideya, 446 p.
Chaadaev P.Ya. 1991. Philosophical letters. In: Complete Works and Selected Letters. Vol. I. Moscow, Nauka: 320-440.

- Brodskii I. 2015. *The Child of Civilization: Selected essays*. St. Petersburg, Lenizdat, 221 p.
Venevitinov D.V. 1934. *Complete Works*. M.-L., ACADEMIA, 533 p.
Fedorov N.F. 1995. *Collection of op.* Vol. II, Moscow, Progress, 544 p.
Zen'kovskii V.V. 1955. *Russian thinkers and Europe. Criticism of European culture by Russian thinkers*. Paris, YMCA-PRESS, 283 p.
Odоеvskii V.F. 1975. *Russian Nights*. Leningrad: Nauka, 325 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 14.10.2024
Поступила после рецензирования 14.04.2025
Принята к публикации 30.05.2025

Received October 14, 2024
Revised April 14, 2025
Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернышова Евгения Владимировна, соискатель кафедры философии, Московский государственный институт культуры, г. Химки, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya V. Chernyshova, External postgraduate student of the Department of Philosophy, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russia.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 130.2:008

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-270-277

EDN CTUBXO

Коммуникативные принципы формирования социальной реальности постмодерна

Сидоренко В.А.

Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки
Россия, ЛНР, 291045, г. Луганск, 50-летия Обороны Луганска, д. 1г
vl.s.80@mail.ru

Аннотация. В эпоху постмодерна классическая модель построения социальной реальности, опирающаяся на традиционную дихотомию «субъект – объект», уступила место коммуникативной модели. Коммуникативная модель подразумевает установление социальной реальности посредством движения смыслов, что приводит к формированию множества таких реальностей, основанных на преобладающих тенденциях смыслового движения. Актуальность каждой из реальностей определяется информационной повесткой и системой социокультурных фильтров, сохраняющей общий идеологический вектор развития социальной группы вплоть до человечества в целом. В результате изменения методологической парадигмы характерный для более ранних эпох антропоцентризм сменяется интерантропоцентризмом как системой распределённого смыслообразования.

Ключевые слова: коммуникативная модель, распределённое знание, легитимация смыслов, социокультурные фильтры, герменевтика веры, герменевтика подозрения

Для цитирования: Сидоренко В.А. 2025. Коммуникативные принципы формирования социальной реальности постмодерна. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 270–277. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-270-277 EDN: CTUBXO

Communicative Principles of the Postmodern Social Reality Formation

Vladimir A. Sidorenko

St. Luke's Lugansk State Medical University
1g 50-Letiya Oborony Luganska Bl., Lugansk 291045, LPR, Russian Federation
vl.s.80@mail.ru

Abstract. In the postmodern era, the classical subject-object model of constructing reality gave way to a distributed model suggesting that the truth is not a representative reflection of the existing world, but its dialogical construction in a communicative way. The mental representations developed by people become their common social reality, where the concentration of meaning is conditioned by internal linguistic references to other linguistic units and definitions, but not the outside world. In postmodernism, anthropocentrism is replaced by inter-anthropocentrism, where the sovereign subject of rationality is replaced by an intersubjective model focused on collective forms of activity with an emphasis on interpersonal relationships instead of a single individual. In the cultural space, there may be many realities competing for legitimacy, while the most successful elements in passing socio-cultural filtering are fixed as social values and norms. Public institutions are created on the basis of the realities formed in this way

and supported by linguistic conventions and socialization, later becoming a part of cultural identity. The normative consolidation of social reality is determined by the information agenda leading to the fact that communicative mechanisms, in addition to the function of transmitting cultural meanings, have acquired the ability to form them.

Keywords: communicative model, distributed knowledge, legitimization of meanings, sociocultural filters, hermeneutics of faith, hermeneutics of suspicion

For citation: Sidorenko V.A. 2025. Communicative Principles of the Postmodern Social Reality Formation. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 270–277 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-270-277 EDN: CTUBXO

Постмодернизм не стремится к научному пониманию и объяснению проблем социального мира, он упорно ищет лишь нестабильности и кризисы [Мнацаканян, 2017]. В большинстве определений постмодернистская мысль предстаёт как противопоставление идеям модернизма, что не даёт чёткого представления об особенностях развития концепций коммуникации в XX – начале XXI вв. Описывая свойства постмодернизма в целом, его основные теоретики (Р. Барт, Ж. Деррида, М. Фуко) делают акцент на кризисе репрезентации, ставя под сомнение репрезентативную парадигму в целом, а также устаревание ко 2-й половине XX века теории соответствия истине, доминировавшей в изучении коммуникативных процессов в более ранние эпохи. Согласно Фуко, эпистемологический вопрос о трансцендентальных основаниях или логических критериях истины заменяется игрой в истину – имплицитными правилами, посредством которых человек конституирует себя как субъекта [Фуко, 2020]. В результате основным объектом изучения становятся коммуникативные практики и способы установления отношений между коммуникацией, идентичностью и формами знания. Анализ этих отношений представляет собой цель данного исследования.

Традиционная коммуникативная модель, присущая модернизму и более ранним течениям, основывается на картезианском дуализме, впоследствии модернизированном в позитивистском ключе. Начиная с XVII и до середины XX века знание и истина отождествлялись с научным методом, подразумевающим разделение субъекта и объекта познания, а разрабатывавшиеся инструменты исследования позволяли этому дуализму оставаться максимально устойчивым. В этом контексте язык становится нейтральным способом представления явлений, наблюдаемых во внешнем мире. Радикальное раздвоение разума и мира создает точку зрения на коммуникацию как канал или средство передачи уже сформированных идей [Мандель, 2019] или даже препятствие человеческой способности определённо воспринимать мир и формировать отношение к нему. В данной модели коммуникация в лучшем случае вспомогательна, её роль сводится к конкуренции на рынке идей, в результате чего основное внимание сосредотачивается на проблеме убеждения и коммуникативных эффектов. Такая концепция практически останавливает развитие целых отраслей коммуникативистики, например, коммуникативной этики.

В рамках репрезентативного дискурса само по себе движение смыслов воспринимается как ценностно нейтральное, передающее уже установленные ценностные ориентиры с основным акцентом на эффективности их трансляции. Коммуникативные инструменты в таком случае рассматриваются в качестве средства легитимации и поддержки уже созданных смыслов. Ключевую роль здесь играет наличие организационного ресурса и способности донести до реципиентов информацию о наличии таких ресурсов. Более высокий организационный статус субъекта будет означать более высокий приоритет смыслов, в том числе ценностных, им транслируемых. Таким образом коммуникативистика становится вторичной дисциплиной, не имеющей собственных онтологических оснований и паразитирующей на других дисциплинах, опираясь на заимствованную из психологии, социологии и других наук терминологию и методологию.

Заимствование методик смежных дисциплин приводит к тому, что реальные коммуникативные практики исследуются с помощью гипотетико-теоретических инструментов: анкетирований, тестирований, письменных ответов на гипотетические вопросы и т. п. [Mumby, 1997]. Этот инструментарий характерен для позитивистского модернизма [Суй, 2022] с его стремлением сохранить радикальное раздвоение субъекта и объекта как средства познания, в то время как интерпретативный постмодернизм ищет если не их примирения, то как минимум постановки в продуктивное диалектическое взаимодействие. Эта парадигма уходит корнями в немецкую классическую философию, в частности кантианское представлением о том, что познающий разум является активным участником конституирования знания (т. е. разум – не просто зеркало природы). Далее эта традиция прослеживается в диалектике Гегеля [Коротких, 2015], герменевтике Шлейермахера [Габитова, 1989] и Дильтея [Махлин, 2009], перетекая в символический интеракционизм, феноменологию и постмодернистскую герменевтику Гадамера [Сравнительная философия, 2022], Хайдеггера [Хюбнер, 2011], Гуссерля [Жоль, 2017] и др. Особенностью данной традиции выступает то, что её представители ставили целью не отказ от идей Просвещения как таковых, а делали попытки вывести разум, истину и рациональность из-под гегемонии сциентизма и технико-инструментальных рассуждений.

Смещая исследовательские акценты с индивидуального сознания (разума) на распределённое (коммуникация), постмодернистский подход демонстрирует, что разум и истина заключаются не в репрезентативном отражении уже существующего мира, а в их диалогическом конструировании путём коммуникативных взаимоотношений с другими сущностями (людьми, текстами, сообществами и т. д.) [Мнацаканян, 2019]. Знание никогда не является актом воспроизводства, оно всегда результат производства в силу взаимодействия с горизонтами текстов и дискурсов сообщества. Изучение текстов и нарративов – это способ исследовать онтологию человеческого общества как коллективный коммуникативный акт. Логичным продолжением такого подхода становится фундаментальное предположение о том, что сообщество и идентичность создаются не на основе структуры, физического или виртуального расположения, а на коммуникативно распределённых ценностных ориентациях. Во многих аспектах эта мысль пересекается с социальным конструктивизмом, в рамках которого трансцендентальный субъект заменяется понятием сообщества, которое диктует как описательные, так и нормативные основания [Конструктивизм в теории познания, 2008]. Социокультурную конструкцию при этом нужно рассматривать как значение, понятие или коннотацию (суммарно образующие смысл), которые придаются объекту или событию обществом и принимаются этим обществом при формировании отношения к данному объекту или событию.

Основным постулатом постмодернистской традиции в философской антропологии стало отсутствие у явлений независимой основы, кроме ментальных и языковых представлений, которые люди вырабатывают о них на протяжении всей своей истории и которые становятся их общей реальностью. В этой реальности сосредоточение смысла становится внутренней языковой ссылкой (слова относятся к словам, определения к другим определениям), а не к внешней реальности. В результате создаётся индивидуальная либо коллективная коммуникативно сконструированная реальность, определяющая поведение индивида или культурной группы. Реальная среда в целом слишком велика, сложна и мимолетна для прямого знакомства между человеком и его окружением [Баталов, 2010], поэтому каждый человек конструирует иллюзорную псевдосреду, представляющую собой субъективный, предвзятый и значительно редуцированный ментальный образ мира, который в то же время создаёт самого человека.

В культурном пространстве может существовать целый ряд реальностей, конкурирующих за признание и легитимность. Элементы, наиболее успешно прошедшие социокультурную фильтрацию, закрепляются в качестве общественных ценностей и норм,

а наиболее маргинальные отсекаются, зачастую вместе с их носителями. Устоявшиеся культурные нормы образуют вектор развития социальной группы, при котором носители девиаций и их поведенческих производных (преступники, психически больные), выходящих за рамки этого вектора, лишаются коммуникативных связей путём изоляции от общества вплоть до пожизненной.

В 2009 году Г. Галанес и У. Лидс-Хурвиц сформулировали 7 принципов коммуникативного построения социальной реальности: 1) коммуникация – это процесс, посредством которого мы конструируем и реконструируем социальные миры; 2) коммуникация конститутивна: общение создает реальность; 3) каждое коммуникативное действие имеет последствия; 4) человек строит социальный мир сам и разделяет его с другими как взаимосвязанными существами; 5) человек воспринимает множество социальных миров, существующих одновременно, и продолжает их формировать, при этом социальные миры других людей могут отличаться от его собственного; 6) никакое действие не имеет смысла само по себе, его смысл определяется контекстом и ограничениями конкретного коммуникативного акта; 7) этические аспекты и оценочные отношения вытекают из принципов 1-6 [Galanes, Leeds-Hurwitz, 2009]. Результаты построения социальной реальности могут приобретать признаки объективности, особенно для тех участников коммуникации, которые не были непосредственно вовлечены в это построение. Западная философия XXI века сделала акцент на коммуникативных принципах построения даже таких традиционно претендующих на объективность наук, как физика и математика (Рубен Херш, Филип Дж. Дэвис, Пола Эрнест), а Эндрю Пикеринг создал социологическую теорию физики элементарных частиц [Pickering, 1999].

Сформированные таким образом реальности постепенно трансформируются в общественные институты, поддерживаемые и легитимизируемые языковыми условиями и социализацией. Усиливаясь воспитанием и образованием, они становятся частью социальной идентичности, объединяющей культурную группу на основе общих коммуникативных структур. Кроме того, принятие за основу тезиса о коммуникативной сконструированности реальности означает потенциально неограниченную возможность эту реальность улучшить. В качестве недостатка такого подхода следует упомянуть игнорирование личного и долингвистического опыта, который рассматривается исключительно как обусловленный и сконструированный социокультурной надстройкой.

Говоря о коммуникативной природе реальности, необходимо отдельно подчеркнуть односторонность этики, основанной на технико-инструментальной рациональности и показателях эффективности. В качестве альтернативы предлагается диалогическая этическая позиция, основанная на доброй воле и готовности отказаться от своих предубеждений ради встраивания в коммуникативный дискурс и «командную игру» [Ретюньских, 2002]. Командная игра невозможна при заикленности только на себе, участники коммуникативного акта должны понимать, что даже оппонент является партнёром по конструированию реальности, причём часто более полезным, чем однозначный сторонник, поскольку критика извне приводит к развитию идеи, а поддержка – лишь к закреплению.

Следствием ставки на эффективность трансляции как основного критерия развития коммуникации стала, по выражению Поля Рикёра, «герменевтика подозрения» [Визуальная антропология, 2009]. Герменевтика подозрения – это стиль коммуникативной интерпретации, при котором входящая информация воспринимается со скептицизмом с целью выявления предполагаемых скрытых или замаскированных смыслов. Рикёр очертил целую философскую школу подозрения, куда включил Карла Маркса, Фридриха Ницше и Зигмунда Фрейда, несмотря на то, что ни один из них не использовал этот термин. Основной тезис этой школы заключается в том, что внешний вид текста обманчив, а открытое содержание скрывает более глубокие смыслы и последствия их восприятия. В конечном итоге реципиенту приходится делать выбор между герменевтикой веры и

герменевтикой подозрения. Первая подразумевает при интериоризации приоритет входящей информации, в то время как вторая отталкивается от уже сформированной мировоззренческой системы её получателя, выявляя её упущения и противоречия.

Различия между способами интерпретации обуславливают процессы, посредством которых одни реальности получают преимущество перед другими. Дискурсы подозрения исходят из предположения, что смыслы и формы поверхностного уровня маскируют глубинные структурные конфликты и противоречия, усиливая ощущения неуверенности и страха перед коммуникативными процессами. Напротив, дискурсы веры придают коммуникативным практикам уверенность в единой основе знания, характерную для философии Просвещения, в то же время ограничивая социальную свободу индивида, к которой эта философия стремилась. Суверенный субъект заменяет интересубъектной моделью рациональности, ориентированной на коллективные формы деятельности. Антропоцентризм эпохи Нового времени в постмодернизме сменяется интерантропоцентризмом, акцентом на межличностные взаимоотношения вместо отдельно взятого индивида.

Интерантропоцентризм эпохи постмодерна привёл к снижению значимости межсубъектной коммуникации в пользу массовой, при которой транслируемые смыслы ориентируются на широкие группы реципиентов. В постмодерне XX века массовая коммуникация предполагала вовлечение средств массовой информации, таких как периодическая печать, радио и телевидение. Главной проблемой таких средств является односторонняя направленность их трансляции с минимальной либо вообще отсутствующей обратной связью. В XXI веке традиционные СМИ уступили место СМК – средствам массовой коммуникации [Киселёв, 2017], подразумевающим гораздо более высокий уровень интерактивности и вовлечённости в информационный взаимообмен обеих сторон. Такая двусторонняя вовлечённость обеспечила коммодификацию информации – возможность её превращения в товар с последующей монетизацией. В условиях капитализма как экономической системы, доминирующей в XXI веке, возможность заработка на производстве информации резко повысила объёмы трансляционных потоков, при этом вопрос повышения качества этого контента до сих пор остаётся дискуссионным.

Экономический подход к оценке информации в эпоху постмодерна сместил акцент с производителя смыслов к их потребителю. Если в более ранние периоды произведенный информационный продукт имел ценность, в первую очередь, для самого производителя (например, изобретение конвейерного производства Генри Фордом было нацелено на получение прибыли его компанией), то технологии массовой коммуникации поставили информационные продукты в зависимость от их ценности в глазах потребителя. Зачастую это приводит к примитивизации коммуникативных дискурсов: наиболее популярные, а следовательно и наиболее прибыльные информационные формы – самые простые и воздействующие на самые примитивные уровни человеческого сознания и подсознания. В то же время с распространением массовых коммуникаций активизировались и процессы распространения высокоуровневого знания, свидетельством чему является, например, вручение Нобелевских премий нескольким лауреатам, одновременно пришедшим к одним и тем же открытиям вследствие активной циркуляции в научных кругах общих исходных данных и тенденций.

Ключевым вопросом массовой коммуникации является подбор транслируемой информации, определяющий «повестку дня». Акцент на привлечении внимания аудитории заставляет поставщиков информации выдвигать на первый план наиболее маргинализованные и впечатляющие, часто в негативном плане, смыслы [Дзялошинский, 2024]. Привлечение внимания аудитории к проблеме приводит к тому, что она начинает активнее интересоваться этой проблемой в дальнейшем. Таким образом, наравне с тем, что именно думать по конкретному вопросу, система массовой

коммуникации определяет и сами вопросы, нуждающиеся в осмыслении, а задействуемые средства не отражают реальность, а фильтруют и формируют её. Соответственно, культурные, экономические и социальные группы, обладающие большим медиаресурсом, получают больше возможностей формировать коммуникативную повестку, повышая репрезентативность транслируемых смыслов. Под репрезентативностью здесь нужно понимать ранжирование требующих внимания и решения проблем в сознании индивида, находящегося в прямой зависимости от количества трансляционных актов, описывающих ситуацию как проблематичную.

Коммуникативная повестка является результатом совокупного воздействия большого количества трансляционных актов, имеющих разное содержание, но относящихся к одной и той же нерешенной проблеме. Зачастую это количество нарастает лавинообразно: высокорепрезентативные смыслы порождают ощущение их значимости и, следовательно, поиск дополнительной информации, относящейся к ним. Построение информационной повестки можно отнести к тонким формам социального контроля, характерным для эпохи постмодерна, в противовес грубым формам, таким как принуждение, доминировавшим в более ранние периоды развития человечества. Коммуникативная повестка во многом представляет собой попытку предугадать интерес аудитории к предлагаемым смыслам и её потребность в решении наиболее значимых или кажущихся значимыми проблем.

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие выводы: 1) в эпоху постмодерна классическая субъект-объектная модель конструирования реальности уступила место распределённой модели, предполагающей, что истина заключается не в репрезентативном отражении существующего мира, а в её диалогическом построении коммуникативным путём; 2) вырабатываемые людьми ментальные представления становятся их общей социальной реальностью, где сосредоточение смысла обуславливается внутренними языковыми ссылками на другие языковые единицы и определения, а не внешним миром; 3) антропоцентризм в постмодернизме сменяется интерантропоцентризмом, где суверенный субъект рациональности заменяется интересубъектной моделью, ориентированной на коллективные формы деятельности с акцентом на межличностные взаимоотношения вместо отдельно взятого индивида; 4) в культурном пространстве может существовать множество реальностей, конкурирующих за легитимность, при этом наиболее успешно прошедшие социокультурную фильтрацию элементы закрепляются в качестве общественных ценностей и норм; 5) на основе сформированных таким образом реальностей создаются общественные институты, поддерживаемые языковыми условностями и социализацией, а в дальнейшем становящиеся частью культурной идентичности; 6) нормативное закрепление социальной реальности определяется информационной повесткой, приводящей к тому, что коммуникативные механизмы в дополнение к функции передачи культурных смыслов приобрели способность к их формированию.

Список литературы

- Баталов Э.Я. 2010. Проблема демократии в американской политической мысли XX века. М., Прогресс-Традиция, 375 с.
- Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. 2009. М., ООО «Вариант», 448 с.
- Габитова Р.М. 1989. Философия немецкого романтизма. М., Книга по требованию, 160 с.
- Дзялошинский И.М. 2024. Профессиональная этика журналиста. М., Юрайт, 445 с.
- Жоль К.К. 2017. Логика. М., ЮНИТИ-ДАНА, 399 с.
- Киселёв А.Г. 2017. Теория и практика массовой информации: общество-СМИ-власть. М., ЮНИТИ-ДАНА, 431 с.
- Конструктивизм в теории познания / отв. ред. В. А. Лекторский. 2008. М., ИФРАН, 171 с.

- Коротких В.И. 2015. Очерк исследования структуры системы философии Гегеля: монография. М. – Берлин, Директ-Медиа, 371 с.
- Мандель Б. Р. 2019. Современная речевая коммуникация: исторические связи, теория, практика. – М.-Берлин, Директ-Медиа, 332 с.
- Махлин В.Л. 2009. Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии. М., Знак, 632 с.
- Мнацаканян М.О. 2017. Постмодернизм. Происхождение, природа и место в современной социологии: монография. М., ЮНИТИ-ДАНА, 335 с.
- Мнацаканян М.О. 2019. Социология и жизнь. Новые тенденции и сложные пути развития теоретической социологии: монография. М., ЮНИТИ-ДАНА, 271 с.
- Ретюнских Л.Т. 2002. Философия игры. М., Вузовская книга, 254 с.
- Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии / сост. и отв. ред. М.Т. Степанянц. 2022. М., Наука, 399 с.
- Суй Янь. 2022. Китай в знаках. Часть 2 / Пер. с кит. Ивлева Л. А.; науч. ред. А.Ю. Шелковников. М., ООО Международная издательская компания «Шанс», 162 с.
- Фуко М. 2020. Речь и истина. Лекции о парресии. М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 384 с.
- Хюбнер Б. 2011. Мартин Хайдеггер – одержимый бытием. СПб., Академия исследования культуры, 172 с.
- Galanes G. J., Leeds-Hurwitz W. 2009. Socially Constructing Communication. Cresskill, Hampton Press, 335 p.
- Mumby D.K. 1997. Modernism, Postmodernism, and Communication Studies: A Rereading of an Ongoing Debate. *Communication Theory*, 7: 1-28.
- Pickering A. 1999. Constructing Quarks. A Sociological History of Particle Physics. Chicago, The University of Chicago Press, 415 p.

References

- Batalov E.Ya. 2010. Problema demokratii v amerikanskoj politicheskoj mysli XX veka [The Problem of Democracy in Twentieth-century American Political Thought]. Moscow, Progress-Tradiciya, 375 p. (in Russian).
- Vizual'naya antropologiya: rezhimy vidimosti pri socializme [Visual Anthropology: Modes of Visibility under Socialism]. 2009. E. R. Yarskaya-Smirnova, P. V. Romanov, eds. Moscow, Variant, 448 p. (in Russian).
- Gabitova R.M. 1989. Filosofiya nemeckogo romantizma [The Philosophy of German Romanticism]. Moscow, Kniga po trebovaniyu, 160 p. (in Russian).
- Dzyaloshinskij I.M. 2024. Professional'naya etika zhurnalista [Professional Ethics of a Journalist]. Moscow, Yurajt, 445 p. (in Russian).
- Zhol' K.K. 2017. Logika [Logic]. Moscow, YuNITI-DANA, 399 p. (in Russian).
- Kiselyov A. G. 2017. Teoriya i praktika massovoj informacii: obshchestvo-SMI-vlast' [Theory and Practice of Mass Media: Society-Media-Government]. Moscow, YuNITI-DANA, 431 p. (in Russian).
- Konstruktivizm v teorii poznaniya [Constructivism in the Theory of Knowledge]. 2008. Ed. by V.A. Lektorskij. Moscow, IFRAN, 171 p. (in Russian).
- Korotkih V.I. 2015. Ocherk issledovaniya struktury sistemy filosofii Gegelya: monografiya [An essay on the Structure of the System of Hegel's Philosophy: monograph]. Moscow-Berlin, Direkt-Media, 371 p. (in Russian).
- Mandel' B. R. 2019. Sovremennaya rechevaya kommunikaciya: istoricheskie svyazi, teoriya, praktika [Modern Speech Communication: Historical Connections, Theory, Practice]. Moscow-Berlin, Direkt-Media, 332 p. (in Russian).
- Mahlin V.L. 2009. Vtoroe soznanie: podstupy k gumanitarnoj epistemologii [The Second Consciousness: Approaches to Humanitarian Epistemology]. Moscow, Znack, 632 p. (in Russian).
- Mnacakanyan M.O. 2017. Postmodernizm. Proiskhozhdenie, priroda i mesto v sovremennoj sociologii: monografiya [Postmodernism. Origin, Nature and Place in Modern Sociology: Monograph]. Moscow, YuNITI-DANA, 335 p. (in Russian).
- Mnacakanyan M. O. 2019. Sociologiya i zhizn'. Novye tendencii i slozhnye puti razvitiya teoreticheskoy sociologii: monografiya [Sociology and Life. New Trends and Complex Ways of Development of Theoretical Sociology: Monograph]. Moscow, YuNITI-DANA, 271 p. (in Russian).

- Retyunskih L.T. 2002. *Filosofiya igry* [The Philosophy of Game]. Moscow, Vuzovskaya kniga, 254 p. (in Russian).
- Sravnitel'naya filosofiya: ot sravnitel'noj k mezhekul'turnoj filosofii [Comparative Philosophy: from Comparative to Intercultural Philosophy]. 2022. Ed. by M. T. Stepanyanc. Moscow, Nauka, 399 p. (in Russian).
- Suj Yan'. 2022. *Kitaj v znakah. Chast' 2* [China in Signs. Part 2]. Ed. by A. Yu. Shelkovnikov. Moscow, Shans, 162 p. (in Russian).
- Fuko M. 2020. *Rech' i istina. Lekcii o parresii* [Speech and Truth. Lectures on Parrhesia]. Moscow, Delo, 384 p. (in Russian).
- Hyubner B. 2011. *Martin Hajdegger – oderzhimyj bytiem* [Martin Heidegger – Obsessed with Being]. Saint-Petersburg, Akademiya issledovaniya kul'tury, 172 p. (in Russian).
- Galanes G. J., Leeds-Hurwitz W. 2009. *Socially Constructing Communication*. Cresskill, Hampton Press, 335 p.
- Mumby D.K. 1997. Modernism, Postmodernism, and Communication Studies: A Rereading of an Ongoing Debate. *Communication Theory*, 7: 1-28.
- Pickering A. 1999. *Constructing Quarks. A Sociological History of Particle Physics*. Chicago, The University of Chicago Press, 415 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.12.2024

Поступила после рецензирования 13.03.2024

Принята к публикации 30.05.2025

Received December 13, 2024

Revised March 13, 2024

Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сидоренко Владимир Александрович, доктор философских наук, доцент кафедры философии, правоведения, социальных и гуманитарных наук, Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки, г. Луганск, ЛНР, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Sidorenko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Law, Social Sciences and Humanities, St. Luke Lugansk State Medical University, Lugansk, LPR, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.3
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-278-289
EDN EKEOWT

Общностное сознание учительства в социальном пространстве российского региона

Конев И.В., Кисель А.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Nas_kisel25@mail.ru

Аннотация. На основе общностного подхода анализируется статус учительства в региональном социальном пространстве. В работе обоснованы границы использования применительно к учительству понятий «социально-профессиональная общность» и «социально-профессиональное сообщество»; дано определение общностного сознания учительства в регионе как комплекса представлений, заключающихся в профессиональной самоидентификации, признании наличия общих интересов и необходимости коллективных действий для их декларации и защиты. На основе интерпретации результатов социологического исследования, проведенного автором в Белгородской области, выделены характерные черты общностного сознания учительства: наличие базового представления о репрезентации учительской общности через социально-профессиональные сообщества; одномерность, заключающаяся в преувеличении роли профессиональной деятельности как объединяющего педагогических работников фактора; убеждение в социальной перегруженности учителей и недооценка возможностей сообществ для защиты прав и интересов педагогов.

Ключевые слова: образование, учительство, профессия, социально-профессиональная общность, социально-профессиональное сообщество, субъектность

Для цитирования: Конев И.В., Кисель А.А. 2025. Общностное сознание учительства в социальном пространстве российского региона. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 50(2): 278–289. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-278-289 EDN: EKEOWT

Teachers' Community Consciousness in the Social Space of a Russian Region

Ivan V. Konev, Anastasia A. Kisel

Belgorod National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

Nas_kisel25@mail.ru

Abstract. The article analyzes the status of teachers in the regional social space based on a community-based approach. The boundaries of using the concepts of "socio-professional community" and "socio-professional association" in relation to teaching are substantiated. The definition of the community consciousness of the teachers in the region is given as a set of ideas consisting in professional self-identification, recognition of common interests and the need for collective actions to declare and protect

them. Based on the interpretation of the results of a sociological study conducted in the Belgorod region, the author highlights the characteristic features of the teachers' community consciousness: the presence of a basic idea of teaching community representation through socio-professional associations; one-dimensionality consisting in exaggerating the role of professional activity as a factor uniting the teaching staff; the belief in the social overload of teachers, and underestimation of the communities' potential in protecting teachers' rights and interests.

Keywords: education, teaching, profession, socio-professional community, socio-professional association, subjectivity

For citation: Konev I.V., Kisel A.A. 2025. Teachers' Community Consciousness in the Social Space of a Russian Region. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 278–289 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-278-289 EDN: EKEOWT

Введение

Анализу положения учительства в современном обществе посвящено немало социологических исследований. Для констатации этого очевидного тезиса достаточно сослаться лишь на некоторые из наиболее заметных публикаций [Кислов, 2011; Полутин, 2020; Тумалев, 1995; Шафранов-Куцев, 2016; Осипов, 2018; Константиновский, 2019; Ильин, 2017; Леонидова, 2017; Прямикова, 2023].

Но разнообразие возникающих проблем, связанных с определением его действительного, а не мифологизированного статуса и роли, постоянно оставляет ощущение некоторой недостаточности, недосказанности. И довольно показательно, что авторы учебника «Социология образования» весьма сдержанно констатируют: «Социология учительства *намечалась* (курсив наш. – А.К.) и в России...» [Социология образования, 2025, с. 230]. В этой «намеченности» довольно отчетливо проявляется тенденция к акцентированию внимания на многочисленных негативных процессах в учительской среде спектр которых простирается от профессиональных дефицитов до прекариатизации. В первом случае речь идет о таких проблемах профессиональной деятельности, как «сложности в заполнении обязательной образовательной документации, тематическом планировании урока; наличие высоких амбиций и отсутствие навыков конструктивной оценки реальной ситуации; неудачи в организации дисциплины на уроке; слабая теоретическая и практическая подготовленность в области коммуникации с детьми и реализации специальных образовательных технологий; трудности в работе с отдельными категориями учащихся, в том числе с ограниченными возможностями здоровья» [Прямикова и др., 2023, с. 249]; во втором случае, в полном соответствии с концепцией Г. Стендинга и его последователей, – о неустойчивости положения и эмоционально-психологических перегрузках [Standing, 2011; Zwerling, 1995].

Так, В.В. Вольчик и А.Ю. Посухова [2017, с. 127] утверждают, что учителя в России «теряют (изменяют) свою профессиональную и социальную идентичность, становясь более экономически уязвимыми и все менее почитаемыми в обществе как социальная группа». Подтверждение обоснованности такой оценки мы постоянно получаем в ходе повседневной жизни, об этом же говорят и сами педагоги.

Не драматизируя ситуацию, очевидно, все же, следует признать наличие серьезной проблемы в положении российских учителей. Её можно определить как противоречие между предписанными им от имени общества, индивидуальных и групповых участников образовательного процесса ролевыми функциями и ощущением значительной частью педагогов невозможности выполнять их в соответствии с нормами профессионального кодекса и морали. Неразрешенность проблемы в течение длительного времени, несомненно, является основанием для критики не сумевшего сделать это общества. Но в то же время довольно ясно, что в современном социуме благополучие и процветание любой общности находится во все более жесткой зависимости от ее умения

самостоятельно сформулировать и защитить свои интересы. В результате актуализируется запрос на групповую субъектность, обычно характеризуемую как «способность общества, социальных групп, человека выступать в качестве активного начала (деятеля, творца) социальной реальности» [Социология молодежи, 2008, с. 500]. По нашему мнению, более точным будет определение ее как способности и готовности принимать и осуществлять самостоятельные решения в соответствии с групповыми интересами, поскольку самостоятельность действий не всегда связана с творчеством.

Чтобы понять, в какой мере современное российское учительство обладает качеством субъектности, следует адекватно представлять его характеристики как специфической общности, представленной на различных уровнях самоорганизации. Формирование ее имеет объективные основания, определяющиеся наличием тождественных условий профессиональной деятельности и детерминированных ими интересов. Но эти основания создают лишь возможность для преобразования обладающих общим укладом жизни людей в некую целостность. Возможность становится реальностью лишь при условии наличия общественного сознания.

Это понятие, несмотря на его использование в научной литературе [Амбарова, Зборовский, 2017] пока недостаточно разработано применительно к учительству. В настоящей статье оно определяется как комплекс представлений, заключающихся в профессиональной самоидентификации, признании наличия общих интересов и необходимости коллективных действий для их декларации и защиты. Наличие общественного сознания является необходимым этапом в ходе обретения общностью субъектности, а его особенности указывают, в каких пределах и по каким направлениям ее члены потенциально готовы проявлять свою самостоятельность и активность.

Целью данной работы является анализ специфики общественного сознания учительства в условиях региона – субъекта Российской Федерации.

Материалы и методы исследования

В основу исследования положен общественный подход к интерпретации социальной структуры. Считается, что основу его заложил еще Ф. Тённис [2022]. Свой вклад в разработку этой исследовательской парадигмы внесли Я. Щепаньский [1969], П. Штомпка [2005], в России – В.А. Ядов [2007], Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова [2017], Н.В. Шаброва [2023]. Объясняя исходную посылку общественного подхода, В.А. Ядов писал: «Говоря о социальных общностях, мы сознательно избегаем понятий “общество” и тем более “общинная организация”. Русское слово “общность” охватывает все разновидности социальных образований, члены которых связано общим интересом и находятся в прямом или косвенном взаимодействии» [Ядов, 2007, с. 33].

Эта позиция стала исходной для разработки концепции и программы эмпирического исследования, проведенного нами среди педагогов Белгородской области. Оно было реализовано в два этапа.

На первом, носившем разведывательный характер, было осуществлено десять глубинных интервью с учителями школ. В ходе их решались две задачи: 1) определение семантического ряда, в пределах которого возможен реальный дискурс с респондентами, и его главной лексемы на основе выбора между двумя терминами «учительское сообщество» и «учительская общность»; 2) выявление проблем, по которым такой дискурс наиболее целесообразен и необходим, что стало непростым делом вследствие многообразия и латентности их значительной части.

На втором этапе было проведен анкетный опрос учителей с применением целевой выборки. Запланированный объем выборки составлял 460 респондентов. После ремонта выборки – отбраковки анкет, содержащих нерелевантную информацию, ее реальный объем составил 442 респондента. Большой процент брака был обусловлен двумя факторами. Первый связан со спецификой объекта. Учительство относится к числу так называемых

высока інстытуцыяналізаваных «закрытых» супольнасцяў¹, опросы в которых обычно осуществляются «под давлением». Вторым фактором, обусловившим рост доли отбракованных анкет, стало особое положение Белгородской области как одного из приграничных с Украиной регионов, непосредственно включенных в зону геополитического конфликта. Высокий уровень опасностей и угроз оказал негативное влияние на уровень готовности респондентов искренне отвечать на вопросы анкеты.

Тем не менее полученные данные представляются достаточными для определения основных параметров общественного сознания учителей.

Результаты исследования и их обсуждение

Уже в ходе проведения первого этапа эмпирического исследования было установлено, что в своем большинстве педагоги² не имеют адекватного представления об учительстве как общности, предпочитая использовать понятие «сообщество» или «социально-профессиональное сообщество». При этом выявились два акцента, которые делали интервьюируемые учителя при определении сущности сообщества. В первом случае для пояснения своей позиции они ссылались на конкретные практики взаимодействия с коллегами, на работу в учебно-методических объединениях, не пытаясь дать сущностную характеристику. Такой подход вполне можно определить как иллюстративно-практический.

«Это сообщество учителей, которые связаны преподаванием одного предмета, то есть общение через методические объединения (школьные, городские, муниципальные, региональные), через проведение творческих конкурсов, при проверке и проведении разного уровня мероприятий. Мы так же состоим в различных профессиональных чатах, куда мы можем обратиться с любым вопросом и получить обратную связь, поделиться наработками и опытом» (женщина, педагогический стаж 39 лет).

«Я состою в сообществе наставников "Большой перемены". Наставники делятся опытом, помогают друг другу советом» (женщина, педагогический стаж 38 лет).

Во втором случае учителя стремились дать сущностную дефиницию учительского социально-профессионального сообщества. Но при этом они рассматривали его только в профессиональном плане.

«Это объединение учителей, где коллеги коллективно осуществляют рефлексия педагогической деятельности, устанавливая взаимосвязь между педагогической деятельностью учителей и учебной деятельностью школьников, принимают совместные решения по повышению уровня, как преподавания, так и обучения» (женщина, педагогический стаж 4 года).

«Это сообщество единомышленников с общей дидактической целью» (женщина, педагогический стаж 33 года).

Ни один из интервьюируемых не включил в свое определение указание на то, что общие интересы учителей могут выходить за рамки педагогики и дидактики, а сообщество – не всегда лишь профессиональное объединение. Такой подход вполне можно квалифицировать как профессионально-технологический.

В результате анализа глубинных интервью было сделано заключение о том, что для абсолютного большинства педагогов понятия «учительская социально-профессиональная общность» и «учительское социально-профессиональное сообщество» тождественны.

¹ На первый взгляд, школа не относится к числу закрытых «структур». Однако в действительности администрации школ накопили большой опыт создания иллюзии благополучия и недопущения утечки корпоративной информации.

² В строгом значении понятия «учитель» и «педагог» полностью не совпадают. В современных школах работают специалисты, занимающиеся педагогической деятельностью, но не являющиеся учителями (социальные педагоги, психологи). Однако в данной статье в чисто стилистических целях они в некоторых случаях используются как взаимозаменяемые.

И, несмотря на то, что в действительности их значения не вполне совпадают, в ходе исследовательского дискурса оба использовались как взаимозаменяемые. Однако учитывалось, что понятие «учительское социально-профессиональное сообщество» респондентам привычнее и яснее, и они готовы оперировать им, выделяя в качестве главного признака регулярное непосредственное взаимодействие участников.

Невозможность фиксировать его применительно к большим социальным пространствам (муниципальному образованию, области, стране) чаще употреблялось понятие «общность». В целом не вызвало возражений утверждение, что на основе учительской общности формируются сообщества, являющиеся ее органической частью. В ходе анкетного опроса большинство учителей согласилось с позицией, что социально-профессиональные сообщества сложились на уровне отдельных школ (69,8 % респондентов). Значительно меньшая доля респондентов убеждена, что они сформировались на уровне муниципального образования – муниципального района или городского округа (49,8 %); области (44,6 %); страны (37,8 %). Применительно к этим уровням респонденты чаще всего допускали использование понятия «общность».

Таким образом, базовым элементом сознания большей части педагогов является представление о репрезентации учительской общности через социально-профессиональные сообщества, сложившиеся в коллективах отдельных школ. Следовательно, между сообществом и общностью большая часть респондентов не видела качественного различия. Эта позиция имеет определенные основания, поскольку даже в научной литературе нет строгого разграничения между рассматриваемыми понятиями «общность» и «сообщество».

Так, в фундаментальной монографии П.А. Амбарово́й и Г.Е. Зборовского [2017, с. 216] «Время социальной общности» они нередко используются в одинаковом значении. В частности, авторы на одной и той же странице пишут о научно-педагогическом сообществе и социальной общности преподавателей вузов. Или же авторы пишут: «Особое значение приобретают виртуальные общности (е-общины, сетевые сообщества)...» [Амбарова, 2017, с. 130].

Однако, если быть корректным, следует признать: различия между общностью и сообществами все же существуют, и они могут быть осмыслены при условии анализа проблемы с позиции процессного подхода. Учительская общность в стране или в регионе, как и любая другая, являясь следствием воздействия объективных условий профессиональной деятельности и связанного с ними образа жизни, складывается независимо от субъективных факторов. В отличие от нее, социально-профессиональное сообщество можно представить как организованную часть общности, включающую тех ее членов, которые не только отличаются общностной идентификацией, но осознанно взаимодействуют для реализации своих интересов и для решения поставленных им задач.

Теоретически можно допустить, что вся учительская общность в субъекте РФ может трансформироваться в сообщество. Этот процесс имеет свою логику, которую в свое время убедительно раскрыл на примере пролетариата К. Маркс. Согласно ей, пролетариат развивается из «класс в себе» в «класс для себя», переходя от осознания индивидуальных интересов к классовым [Маркс, 1988], что превращает его в субъекта социального действия. Выводы К. Маркса вполне применимы к эволюции любой общности, которая также способна обрести субъектность, но при условии осмысления реальных условий своего существования. «Социальным субъектом делает индивида¹ отношение к своему социальному бытию, его осознание и осмысление» [Аверьянова и др., 2022, с. 18].

¹ Понятие «индивид» используется авторами в широком значении – «группа, множество групп (класс), общество («отдельный человек представляет собой группу численностью, равную единице») [Аверьянова и др., 2022, с. 16].

Чтобы чисто теоретическая возможность превращения всей учительской общности региона в социально-профессиональное сообщество стала реальностью, учительство должно подняться до уровня адекватного и полного (насколько это вообще достижимо при наличных условиях) осмысления своего группового статуса, условий труда и жизни в целом. А.М. Осипов формулирует данную задачу следующим образом: «Чтобы занять достойное место в обществе, учительство должно обрести самосознание и организацию социально-профессиональной группы. Такое самосознание раскрывает социальные (профессиональные, культурные, экономические, политические) интересы и права учительства, лежит в основе авторитетной учительской профессиональной организации (по типу профессиональных союзов), способной на действия в интересах своей группы и образования в целом» [Осипов, 2018, с. 50]. В результате данного процесса первоначальное общностное сознание, определяющееся преимущественно характером профессиональной деятельности, будет дополнено представлениями о многообразии социальных ролей учительства в воспроизводстве и развитии регионального сообщества, его статусе социального субъекта.

Но полученные в ходе исследования данные выявляют еще одну характерную черту общностного сознания учителей в российском регионе: одностороннее осмысление условий жизнедеятельности, заключающееся в отчетливо выраженном сосредоточении на профессиональной составляющей. Эта своего рода «одномерность» общностного сознания, разумеется, не распространяется на каждого отдельного индивида, но характеризует мироощущение группы. Представляется, что истоки ее имеют двойное происхождение. Во-первых, «одномерность» является следствием социальной инерции, воплощенной (особенно это присуще педагогам, относящимся к старшим возрастным когортам) в стремлении соответствовать некоему «идеальному» образу учителя, жертвующего частью своих интересов для обучения и воспитания молодежи, а потому замкнутого на выполнении профессиональных обязанностей даже в ущерб личной жизни. Во-вторых, гипертрофированная ориентация большинства учителей на профессиональную сферу определяется спецификой образа и стиля жизни, для которых характерны неразделенность трудовой и досуговой деятельности и во многих случаях – вынужденный трудовоголизм. Учитель, как и любой научно-педагогический работник, если он остается профессионалом, всегда «на работе». Эти факторы смещают фокус внимания педагогов при рефлексии своих жизненных условий в направлении профессиональной сферы и побуждают интерпретировать идеи формирования социально-профессиональной общности и сообщества, акцентируя внимание на профессиональном компоненте.

Именно профессия рассматривается большинством респондентов в качестве главного объединяющего фактора (61,1 %). Все остальные варианты суждений в ходе опроса набрали значительно меньшую долю выборов (табл. 1).

Очевидно и то, что позиции «общие цели» и «участие в общих делах» прямо связаны с профессиональной деятельностью. Это подтверждает, что становление учительской общности, если рассматривается педагогами как предпочитаемая перспектива, то почти исключительно в контексте профессиональных задач. Процесс самоопределения учительства как «общности в себе» при таком подходе не может выходить за рамки чисто профессиональных задач, многие его участники не поднимаются до уровня осознания общих интересов, связанных в том числе и с изменением своего статуса и социальной роли. Весьма показательным в данной связи выглядит сравнительно низкое значение интересов как объединяющего фактора (указали 29,2% респондентов).

Белгородских педагогов в их абсолютном большинстве объединяет следование профессиональным стандартам в своей деятельности, а отступление от них рассматривается в качестве главного разъединяющего основания (табл. 2).

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Что объединяет Вас с коллегами?»¹
 Respondents' answers to the question "What unites you and your colleagues?"

Значения	Частота	% от опрошенных
Профессия	270	61,1
Общие цели	215	48,6
Участие в общих делах	160	36,2
Общие интересы	129	29,2
Наличие схожих проблем	109	24,7
Неформальное общение в свободное время	31	7,0
Одинаковый статус в обществе	30	6,8
Взаимодействие в социальных сетях	24	5,4
Необходимость коллективной защиты своих прав	24	5,4
Ничего	19	4,3
Затрудняюсь ответить	19	4,3

Таблица 2
Table 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Что разъединяет Вас с коллегами?»²
 Respondents' answers to the question "What separates you from your colleagues?"

Значения	Частота	% от опрошенных
Неодинаковое отношение к работе	159	36,0
Разница в возрасте	97	21,9
Внутригрупповые интриги	87	19,7
Ничто не разъединяет	81	18,3
Конкуренция за нагрузку	70	15,8
Психологическая несовместимость	68	15,4
Непорядочность коллег	66	14,9
Пренебрежение коллег общими интересами	65	14,7
Различие ценностей	61	13,8
Затрудняюсь ответить	48	10,9
Неодинаковое материальное положение	28	6,3

¹ Вопрос допускал возможность выбора нескольких (но не более трех) вариантов ответа.

² Вопрос допускал возможность выбора нескольких (но не более трех) вариантов ответа.

Рассматривая социально-профессиональное сообщество с акцентом на профессиональной составляющей, 47,8 % респондентов заявили о своей причастности к нему. Отрицали ощущение причастности к сообществу педагогов 19,2 %, и 33 % затруднились ответить однозначно. Таким образом, доля респондентов, признающих свою сопричастность социально-профессиональной общности, составляет менее половины среди участников исследования. При этом выявилась большая доля затруднившихся обозначить свою позицию. Она свидетельствует о низком уровне актуализации проблемы поиска оснований для объединения или просто совместного с коллегами решения не только жизненных проблем, но фактически, и профессиональных задач. Вполне логичным в данном контексте выглядит то, что, признавая в своем большинстве необходимость существования учительских сообществ (76,2 % поддержали идею; 2,9 % высказались против; 20,8 % затруднились ответить), 72,2 % респондентов в качестве главного аргумента в ее обоснование указали обмен опытом, то есть опять-таки решение профессиональных задач. И лишь 27,6 % указали защиту прав и интересов учителей (табл. 3).

Таблица 3
Table 3

Распределение ответов респондентов на вопрос
«Для чего нужны учительские сообщества (общности)?»
Respondents' answers to the question "What are teacher associations (communities) for?"

Значения	Частота	% от опрошенных
Обмен опытом	301	68,1
Оказание помощи и поддержки в трудных ситуациях	181	41,0
Общение с единомышленниками	153	34,6
Апробация новых идей	140	31,7
Защита прав и интересов учителей	115	26,0
Участие в решении общественных проблем	60	13,6
Затрудняюсь ответить	38	8,6

Весьма незначительная доля респондентов связала необходимость самоорганизации учительской общности с участием в решении общественных проблем. Несмотря на то, что 26,9 % из их числа высказали неудовлетворенность управлением системой образования в России, что, несомненно, относится к классу именно таких проблем. Но либо педагоги не верят, что улучшение ситуации в управлении образованием возможно вообще, либо убеждены в неспособности содействовать решению задачи посредством собственной активности. К тому же нельзя исключать наличия у многих учителей представления о том, что их труд уже изначально ориентирован на решение важной общественной проблемы – социализации детей, их саморазвития и воспитания. Именно к этим трем основным характеристикам респонденты сводят свое понимание образования (соответственно 50,9, 43,2, 38,7 %). Только 11,1 % участвовавших в опросе учителей рассматривают образование как формальную обязанность, 7,5 % – как социальный «лифт», 2,7 % – как социальную услугу.

Полученные данные косвенно свидетельствуют о наличии в общественном сознании учителей представления об изначальной «социальной самодостаточности» их профессиональной деятельности. Суть данного представления заключается в убежденности

учителей в том, что работа по образованию и обучению детей представляет вид служения обществу, самодостаточна и по умолчанию исключает возможность призывать их к какой-либо еще общественной активности, тем более делать это в принудительном порядке. Данная установка учительского сознания представляет собой реакцию на внешние, часто действительно неадекватные по форме вызовы. Степень ее распространения практически не изучена. Внимание социологов концентрируется обычно на внутренних факторах, определяющих сознание учителей. Так, Д.Л. Константиновский и его коллеги [2019, с. 16], исследуя профессиональное самочувствие учителей, учитывают: характеристики территории, школы и контингента учащихся; возможности профессионального развития; удовлетворенность условиями труда в данной школе; оценку изменений, происходящих в профессиональной деятельности и жизни, в степени их загруженности, финансовых возможностях, досуге; установки в работе учителей; отношение к достижениям учащихся; уровень заработной платы. Между тем, как показал на конкретных примерах М.М. Поташник [2020, с. 9], вызовы, адресованные руководству и коллективу школы от имени внешних акторов (прежде всего от региональных и муниципальных органов управления), нередко имеют серьезные негативные последствия. И учителя реагируют на них, проявляя так называемый «оппортунизм»¹. Так, в ходе глубинного интервью пришлось выслушать весьма резкие, возможно, излишне эмоциональные оценки сложившейся ситуации.

«Главная задача учителя учить. А не заниматься участием в прохождении никому не нужных марафонов, анкетировании, тестированиях, диктантах. Учитель в своей работе должен использовать методически грамотно составленные учебники. Планы по конструктору расходятся с содержанием учебника, и учитель тратит огромное количество времени при подготовке к урокам. Создается такое впечатление, что российское образование решили уничтожить» (женщина, педагогический стаж 42 года).

«Современный учитель: стрессоустойчивый, тактичный, целеустремленный. В глазах учеников – скорее наставник, в глазах родителей – обсуживающий персонал, в глазах власти – человек, который готов работать круглыми сутками и выполнять кучу ненужной работы» (женщина, педагогический стаж 7 лет).

Убеждение учителя, в ряде случаев перерастающее в предубеждение, в «социальной самодостаточности» своей профессиональной деятельности имеет свои основания, поскольку подкрепляется реальными управленческими практиками, в ходе которых учителей загружают дополнительными обязанностями, имеющими общественное значение, но отвлекающими от основных видов деятельности и существенно сокращающими возможности для саморазвития и досуга. Это дает учителям формальное основание считать излишним поиск новых форм общественной активности. В том числе и за счет использования возможностей, которые может предоставлять участие в реально действующих сообществах.

Заключение

Таким образом, для общностного сознания педагогов Белгородской области характерны представление о репрезентации учительской общности через локальные социально-профессиональные сообщества и концентрация на профессиональных проблемах. Прибегая к неким метафорическим определениям, можно сказать, учительство «живет работой», обретая в ней свое самоопределение, основания для групповой идентификации и объединения. Учительская общность воспринимается ее представителями прежде всего как сообщество профессионалов, чья потребность в объединении ограничена их социально востребованными функциями обучения и воспитания детей. Такое понимание своей роли имеет весомые основания, но одним из его

¹ Данное понятие удачно используют М.В. Курбатова и Е.С. Каган [2016], правда, применительно к поведению преподавателей вузов. Однако оно вполне может применяться для характеристики поведения и сознания школьных учителей.

следствий является заметная девальвация социальных практик, прямо не замкнутых на решении профессиональных задач. В этом проявляется «одномерность» общественного сознания учительства, которое может стать «многомерным» только при условии включения учителей в широкий спектр практик, ориентированных на воспроизводство и развитие региона.

Очевидно, в этом должны быть заинтересованы региональные элиты, если они осознают огромный потенциал учительства и готовы создавать условия для его реализации. Но к такому варианту развития своей общности пока мало предрасположены сами учителя, тем более что для использования их возможностей в региональных интересах обычно применяются властями административно-бюрократические механизмы, которые уже не дают должного эффекта.

Список литературы

- Амбарова П.А., Г.Е. Зборовский. 2017. Время социальной общности : монография. Екатеринбург, Гуманитарный университет, 347 с.
- Вольчик В.В., Посухова А.Ю. 2017. Реформы в сфере образования и прекариатизация учителей. *Terra ecomomicus*, 15(2):122–135. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-2-122-138.
- Ильин В.А. 2017. Российский учитель в реформирующемся обществе. *Социологические исследования*, 3(395): 51–57.
- Кислов А.Г., Плотникова Е.В. 2011. Изоляционизм в профессии педагога. *Образование и наука*, 3(82): 92–100.
- Константиновский Д.Л., Пинская М.А., Звягинцев Р.С. 2019. Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания. *Социологические исследования*, 5:14–25. DOI: [10.31857/S013216250004949-6](https://doi.org/10.31857/S013216250004949-6).
- Курбатова М.В., Каган Е.С. 2016. Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности. *JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований)*. 8(3):116–136. DOI: [10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136)
- Леонидова Г.В. 2017. Профессиональная самоидентификация и самочувствие учителей в условиях продолжающихся реформ образования. *Проблемы развития территории*, 6 (92): 7–26.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1988. Немецкая идеология. М., Политиздат, 589 с.
- Осипов А.М. 2018. Учительство в контексте социологии образования: теоретические подходы и приоритеты исследований. *Социологические исследования*, 3: 45–52. DOI: [10.7868/S0132162518030042](https://doi.org/10.7868/S0132162518030042).
- Полутин С.В., Мананникова Ю.В. 2020. Процессы бюрократизации и дебюрократизации учительского труда и их влияние на качество профессиональной деятельности педагогов. *Интеграция образования*, 24(1): 75–97 DOI: 10.15507/1991-9468.098.024.202001.075-097.
- Поташник М.М. 2020. Противоестественный отбор. *Народное образование*, 5:7–14.
- Прямякова Е.В., Шалагина Е.В., Шихова О.Н. 2023. Молодые педагоги между «Сциллой» и «Харибдой»: о профессиональных дефицитах в социологическом ракурсе (на примере Свердловской области). *Социологическая наука и социальная практика*, 11(4): 248–272. DOI: [10.19181/snsp.2023.11.4.11](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.11)
- Социология молодежи : энцикл. словарь. Сост. Ю.А. Зубок и др. 2008. М., Academia, 606 с.
- Социология образования : учебник для вузов / под редакцией А. М. Осипова. 2025. 3-е изд., перераб. и доп. М., Юрайт, 393 с.
- Субъектность в современном обществе: социально-философский аспект : монография под общей редакцией Ю.В. Лоскутова. 2022. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 128 с.
- Тённис Ф. 2022. Общество и общность. Основные понятия чистой социологии. М., Владимир Даль, 452 с.
- Титаев К.Д. 2016. Опросы «под давлением»: как проверить качество данных, когда они собираются в закрытой для исследователя институции. В кн.: Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными. Материалы VI международной социологической Грушинской конференции, 16–17 марта 2016 г. М., АО «ВЦИОМ»: 892–895.

- Тумалев В.В. 1995. Учительство в ситуации социально-политических перемен. В 5 частях. Ч. 3: Инновационный потенциал современного учительства. СПб., Издательство Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 43 с.
- Шаброва Н.И. 2023. Социальная общность родителей учащихся как субъект гражданского общества. Дис. ... докт. социол. наук. Нижний Новгород, 524 с.
- Шафранов-Куцев Г.Ф. 2016. Место учительства в стратификационной структуре современного российского общества. *Социологические исследования*, 9:65–72.
- Штомпка П. 2005. Социология. Анализ современного общества. М., Логос, 664 с.
- Щепаньский Я. 1969. Элементарные понятия социологии. М., Прогресс, 143 с.
- Ядов В.А. 2007. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд., испр. М., Омега-Л, 567 с.
- Standing G. 2011. *The Precariat. The New Dangerous Class*. New York, Bloomsbury Publishing Plc. 326 p.
- Zwerling H.L., Thomason T. 1995. Collective Bargaining and the Determinants of Teachers' Salaries. *Journal of labor research*, 16(4): 467–484.

References

- Ambarova P.A., G.E. Zborovskij. 2017. *Vremya social'noj obshchnosti : monografiya* [The Time of social community : a monograph]. Ekaterinburg, Gumanitarnyj universitet, 347 p.
- Vol'chik V.V., Posukhova A.YU. 2017. Reformy v sfere obrazovaniya i prekariatizaciya uchitelej [Education reforms and teacher precariatization]. *TERRA ECONOMICUS*, 15(2):122–135. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-2-122-138.
- Il'in V.A. 2017. Rossijskij uchitel' v reformiruyushchemsya obshchestve [A Russian teacher in a reforming society]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 3(395): 51–57.
- Kislov A.G., Plotnikova E.V. 2011. Izolyacionizm v professii pedagoga [Isolationism in the teaching profession]. *Obrazovanie i nauka*, 3(82):92–100.
- Konstantinovskij D.L., Pinskaya M.A., Zvyagincev R.S. 2019. Professional'noe sa-mochuvstvie uchitelej: ot ehntuziazma do vygoraniya [Teachers' professional well-being: from enthusiasm to burnout]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 5: 14–25. DOI: 10.31857/S013216250004949-6.
- Kurbatova M.V., Kagan E.S. 2016. Opportunizm prepodavatelej vuzov kak sposob prisposobleniya k usileniyu vneshnego kontrolya deyatelnosti [Opportunism of university teachers as a way of adapting to increased external control of activities]. *JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Zhurnal institucional'nykh issledovanij)*. 8(3):116–136. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136
- Leonidova G.V. 2017. Professional'naya samoidentifikaciya i samochuvstvie uchitelej v usloviyakh prodolzhayushchikhsya reform obrazovaniya [Professional self-identification and well-being of teachers in the context of ongoing educational reforms]. *Problemy razvitiya territorii*, 6 (92): 7–26.
- Marks K., Ehngel's F. 1988. Nemeckaya ideologiya [German ideology]. М., Politizdat, 589 p.
- Osipov A.M. 2018. Uchitel'stvo v kontekste sociologii obrazovaniya: teoreticheskie podkhody i priority issledovanij [Teaching in the context of the sociology of education: theoretical approaches and research priorities]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 3:45–52. DOI: 10.7868/S0132162518030042.
- Polutin S.V., Manannikova YU.V. 2020. Processy byurokratizacii i debyurokratizacii uchitel'skogo truda i ikh vliyanie na kachestvo professional'noj deyatelnosti pedagogov [The processes of bureaucratization and de-bureaucratization of teaching work and their impact on the quality of professional activity of teachers]. *Integraciya obrazovaniya*, 24(1): 75–97 DOI: 10.15507/1991-9468.098.024.202001.075-097.
- Potashnik M.M. 2020. Protivoestestvennyj otbor [Unnatural selection]. *Narodnoe obrazovanie*, 5:7–14.
- Pryamikova E.V., Shalagina E.V., Shikhova O.N. 2023. Molodye pedagogi mezhdru "ScilloJ" i "KharibdoJ": o professional'nykh deficitakh v sociologicheskom rakurse (na primere Sverdlovskoj oblasti) [Young teachers between "Scylla" and "Charybdis": on professional deficits from a sociological perspective (on the example of the Sverdlovsk region)]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 11(4): 248–272. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.11
- Sociologiya molodezhi : ehnciklopedicheskij slovar' [Sociology of Youth : an encyclopedic dictionary]. Sost. Yu.A. Zubok i dr. 2008. М., Academia, 606 p.
- Sociologiya obrazovaniya [Sociology of education : a textbook for universities] : uchebnik dlya vuzov / pod redakciej A. M. Osipova. 2025. 3-e izd., pererab. i dop. М., Yurajt, 393 p.

- Sub'ektnost' v sovremennom obshchestve: social'no-filosofskij aspekt [Subjectivity in modern society: a socio-philosophical aspect] : monografiya pod obshchej redakciej YU. V. Loskutova. 2022. Perm', Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 128 p.
- Tyomnis F. 2022. Obshchestvo i obshchnost'. Osnovnye ponyatiya chistoj sociologii [Society and community. Basic concepts of pure sociology]. M., Vladimir Dal', 452 p.
- Titaev K.D. 2016. Oprosy «pod davleniem»: kak proverit' kachestvo dannykh, kogda oni sobirayutsya v zakrytoj dlya issledovatelya institucii ["Under pressure" surveys: how to check the quality of data when it is collected in an institution closed to researchers]. V kn.: Zhizn' issledovaniya posle issledovaniya: kak sdelat' rezul'taty ponyatnymi i poleznymi. Materialy VI mezhdunarodnoj sociologicheskoy Grushinskoj konferencii, March 16–17, 2016, M., AO «VCIOM»: 892–895.
- Tumalev V.V. 1995. Uchitel'stvo v situacii social'no-politicheskikh peremen [Teaching in a situation of socio-political change]. V 5 chastyakh. CH. 3: Innovacionnyj potencial sovremennogo uchitel'stva. SPb., Izdatel'stvo vo Sankt-Peterburgskogo universiteta ehkonomiki i finansov, 43 p.
- Shabrova N.I. 2023. Social'naya obshchnost' roditel'ej uchashchikhsya kak sub'ekt grazhdanskogo obshchestva [The social community of parents of students as a subject of civil society]. Diss....dokt. sociol. nauk. Nizhnij Novgorod, 524 p.
- Shafranov-Kucev G.F. 2016. Mesto uchitel'stva v stratifikacionnoj strukture so-vremennogo rossijskogo obshchestva [The place of teaching in the stratification structure of modern Russian society]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 9: 65–72.
- Shtompka P. 2005. Sociologiya. Analiz sovremennogo obshchestva [Sociology. Analysis of modern society]. M., Logos, 664 p.
- Shchepan'skij YA. 1969. Ehlementarnye ponyatiya sociologii [Basic concepts of sociology]. M., Progress, 143 p.
- Yadov V.A. 2007. Strategiya sociologicheskogo issledovaniya. Opisanie, ob'yasnenie, ponimanie social'noj real'nosti [The strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality]. 3-e izd., ispr. M., Omega-L, 567 p.
- Standing G. 2011. The Precariat. The New Dangerous Class. New York, Bloomsbury Publishing Plc. 326 p.
- Zwerling H.L., Thomason T. 1995. Collective Bargaining and the Determinants of Teachers' Salaries. *Journal of labor research*, 16(4):467–484.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 23.04.2025

Поступила после рецензирования 26.05.2024

Принята к публикации 01.06.2025

Received April 23, 2025

Revised May 26, 2025

Accepted June 01, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Конеv Иван Викторович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Ivan V. Konev, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Кисель Анастасия Александровна, аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Anastasia A. Kisel, Postgraduate Student of the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 316.354:351/354
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-290-299
EDN GJBUQB

Программа долгосрочных сбережений как элемент пенсионного благополучия: экспертные оценки текущего состояния и перспектив развития

Тюриков А.Г., Иванова Я.С.,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Россия, 125167, г. Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2
AGTyurikov@fa.ru, YaSIvanova@fa.ru

Аннотация. Программа долгосрочных сбережений играет важную роль в формировании финансовой устойчивости населения, при этом ее эффективность зависит от множества социально-экономических и поведенческих факторов. Несмотря на растущий интерес к Программе, остается недостаток научных трудов, посвященных анализу мотивации участников и барьеров, препятствующих их вовлеченности. Целью данной работы является определение факторов, влияющих на участие россиян в Программе долгосрочных сбережений. В результате исследования, проведенного методом экспертных интервью, выявлены ключевые стимулы, способствующие заключению договоров: эффект новизны, финансовая выгода, государственная поддержка, маркетинговое продвижение, а также социально-экономические и психологические мотивы. Одновременно определены риски снижения вовлеченности, включая угасание эффекта новизны, недоверие населения и восприятие Программы как навязанного продукта. Полученные результаты позволяют скорректировать стратегию развития программы с учетом выявленных факторов и повысить ее привлекательность для граждан.

Ключевые слова: программа долгосрочных сбережений, сберегательное поведение, пенсионная система, добровольные пенсионные накопления, экспертный опрос

Финансирование: исследование выполнено за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Тюриков А.Г., Иванова Я.С. 2025. Программа долгосрочных сбережений как элемент пенсионного благополучия: экспертные оценки текущего состояния и перспектив развития. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 50(2): 290–299. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-290-299 EDN: GJBUQB

The Long-Term Savings Program as an Element of Pensioner Well-Being: Expert Assessments of the Current State and Development Prospects

Aleksandr G. Tyurikov, Yana S. Ivanova
Financial University under the Government of the Russian Federation,
49/2 Leningradsky Ave., Moscow 125167, Russian Federation
AGTyurikov@fa.ru, YaSIvanova@fa.ru

Abstract. The Long-Term Savings Program plays an important role in shaping the financial stability of the population, while its effectiveness depends on many socio-economic and behavioral factors. Despite the growing interest in the Program, there is a lack of research and scientific papers analyzing the

motivation of participants and barriers to their involvement. The purpose of this article is to study the factors influencing the participation of Russia's population in the Long-Term Savings Program. The study employed the method of expert interviews. The results revealed key incentives contributing to the conclusion of agreements: the novelty effect, financial benefit, government support, marketing promotion, as well as socio-economic and psychological motives. At the same time, the risks of reduced involvement were identified, including the fading of the novelty effect, public mistrust and the perception of the Program as an imposed product. The results obtained make it possible to adjust the program development strategy taking into account the identified factors and increase its attractiveness to citizens.

Keywords: long-term savings program, savings behavior, pension system, voluntary pension savings, expert survey

Funding: The article is based on the results of scientific research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation: Tyurikov A.G., Ivanova Y.S. 2025. The Long-Term Savings Program as an Element of Pensioner Well-Being: Expert Assessments of the Current State and Development Prospects. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 290–299 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-290-299 EDN: GJBUQB

Введение

В условиях современной реальности, характеризующейся стремительными изменениями в экономической и финансовой сферах функционирования общества, россияне сталкиваются с необходимостью не только повышать свои знания о финансах, но и осознано применять их на практике в повседневной жизни. Улучшение знаний и навыков в финансовой сфере важно как для отдельного индивида, принимающего финансовые решения самой разной степени важности – от незначительной покупки до крупных долгосрочных вложений, – так и для государства, ведь решения граждан формируют экономическую среду и влияют на жизнь всего общества. Так, по данным Организации экономического сотрудничества и развития, к маю 2020 года более 70 стран мира имели опыт разработки, а некоторые – внедрения стратегии повышения финансовой грамотности¹.

Первая стратегия повышения финансовой грамотности в России была утверждена в 2017 году. Актуальный же документ «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года»² принят в октябре 2023 года. В нём особое внимание уделяется такому виду экономического поведения индивида, как сберегательное. В числе ожидаемых целей Стратегии – увеличение потенциала формирования долгосрочных сбережений и инвестиций в российской экономике, а также поддержка формирования достаточного уровня сбережений граждан. При этом в документе отмечается, что долгосрочные планы строит лишь каждый четвертый россиянин (25 %), а формирует сбережения в значимых объемах только половина граждан (53 %).

Программа долгосрочных сбережений (ПДС) – «сберегательный продукт, стартовавший в Российской Федерации с января 2024 года. ПДС позволяет россиянам формировать сбережения в течение 15 и более лет (или до достижения женщинами 55 лет,

¹ Рекомендации совета относительно повышения финансовой грамотности // Правовые инструменты. URL: <file:///C:/Users/Татьяна/Downloads/OECD%20Recommendation%20on%20FL.pdf> (дата обращения 30.05.2025)

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.10.2023 № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года». https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=304737-rasporyazhenie_pravitelstva_rossiiskoi_federatsii_ot_24.10.2023__2958-r_ob_utverzhdenii_strategii_povysheniya_finansovoi_gramotnosti_i_formirovaniya_finansovoi_kultury_do_2030_goda

мужчинами 60 лет), в течение 10 лет получая финансирование со стороны государства, а также инвестиционный доход на сумму сбережений, государственную гарантию сохранности средств на сумму 2,8 миллионов рублей, возможность воспользоваться налоговым вычетом и переводом пенсионных накоплений, а также реализовать другие преимущества участия в Программе»¹.

Согласно данным Банка России, по состоянию на 20.12.2024 количество договоров в Программе долгосрочных сбережений составило 2,7 миллионов на общую сумму 197 миллиардов рублей. По условиям Программы каждый гражданин имеет право заключить неограниченное количество договоров, однако если представить, что 2,7 миллионов договоров были заключены 2,7 миллионами граждан, то есть по 1 договору на 1 гражданина, то доля взрослых россиян – участников Программы составляет менее 3 % населения страны в возрасте старше 18 лет. По словам первого заместителя председателя Центрального банка Владимира Чистюхина, к «2030 году ожидаемая численность участников ПДС превысит 9 миллионов человек, а объем вложений может составить 1,2 триллиона рублей, что больше в 6 раз достигнутого в 2024 году объема (197 миллиардов рублей)»². Для достижения подобных результатов необходимо обеспечить мониторинг эффективности действующей программы посредством социологических инструментов. Производить аналитику позволят данные в виде обратной связи от уже состоявшихся и потенциальных участников Программы, а также мнений, оценок и прогнозов специалистов, которые обладают достаточным опытом и знаниями в области функционирования Программы.

Экономическая неопределённость, существующая в российском обществе, поспособствовала усилению выраженности социально-значимой проблемы, заключающейся, с одной стороны, в важности формирования людьми сбережений на долгий срок, а с другой – в недостаточном уровне участия россиян в Программе долгосрочных сбережений, направленной на получение гражданами дополнительного дохода в будущем и стимулирование источников внутреннего финансирования экономики.

На сайте elibrary.ru содержится всего 47 научных работ (статей в журналах, книг и материалов конференций), рассматривающих специфику функционирования Программы долгосрочных сбережений – 11 из них опубликованы в 2023 году и 36 – в 2024; 39 написаны в рамках экономической рубрики, 6 – юридической и 2 – социологической. Следует отметить недостаточную проработку вопросов участия россиян в Программе долгосрочных сбережений: информированности, мотивов, установок, факторов, влияющих на восприятие Программы и др.

Целью данной работы является определение факторов, влияющих на участие россиян в Программе долгосрочных сбережений.

Материалы и методы исследования

В рамках изучения и раскрытия особенностей Программы в декабре 2024 года – феврале 2025 года было проведено экспертное интервью, в котором экспертам предлагалось дать оценку следующим аспектам:

- привлекательности условий ПДС;
- текущему состоянию ПДС – динамике заключения договоров;
- перспективе развития ПДС.

¹ Особенности Программы долгосрочных сбережений // Орловская городская газета. 21.01.2025. URL: <http://orel-gazeta.ru/?p=36378> (дата обращения: 24.05.2025)

² В ЦБ заявили о планах привлечь 9 млн россиян к долгосрочным сбережениям // rbc.ru URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/01/2024/65a63fb89a7947662c322d70?ysclid=m7sqg0asmf7042823> (дата обращения: 24.05.2025)

В опросе приняли участие 40 экспертов из государственного управления, аналитики финансовой сферы / финансовых продуктов, финансового образования, банков, страховых компаний, аналитики финансового поведения граждан, НПФ, СФР, Минфин, ЦБ.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили научные наработки о проблемах и перспективах развития пенсионной системы Российской Федерации. Большой вклад внесли учёные – представители научных школ Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска и Новосибирска, складывавшихся на основе ведущих финансово-экономических ВУЗов этих городов. В их научных трудах сформированы представления о многоукладности системы социальной защиты [Якушев, 2000 ; Блинова, 2015; Гуров, 2002; Голоманчук, Вологина 2010] и правовых основах социального и пенсионного страхования [Воронин, 2007; Дюдюн, Варлыгина, 2024; Александрова, 2024; Плешакова, 2024], особенностях и ограничениях актуарного анализа [Соловьев, 2023], потребностях самих пенсионеров [Роик, 2011; Бобровская, Карпикова, 2024], альтернативных вариантах, основанных на безусловном базовом доходе [Бобков, Одинцова, 2021], рынке ценных бумаг [Финогенова, Подгорный, 2013], рынке недвижимости [Семенюк, Цой, 2009], развитии страховой защиты [Одинокова, Цыганов, 2022].

Результаты исследования и обсуждение

Эксперты оценили динамику заключения договоров с россиянами за 2024 год. Большинство из них дали положительную оценку развитию ПДС – по их мнению, 2,7 млн договоров за первый год существования ПДС – хороший результат, который соответствует ожиданиям и оставляет перспективы дальнейшего развития.

Наряду с положительными оценками, некоторые эксперты высказали мнение, что динамика заключения договоров ПДС могла быть более высокой, если бы программа была более прозрачной и популярной среди россиян. Также эксперты обратили внимание на то, что часть заключенных договоров могла быть связана с переводом уже существующих накоплений, а не с новыми вложениями (*«Вы понимаете, что это за деньги? Откуда они привлечены? Понимаете, людям пришли и сказали: «Старая программа закрылась, теперь новая – переподпишите» – эксперт в сфере исследований пенсионной сферы*).

По оценкам экспертов, на динамику заключения договоров ПДС с россиянами влияют следующие факторы:

1) эффект новизны. Запуск новой программы способствует привлечению первых участников, которых отличает интерес к инновациям и готовность к риску;

2) реклама и продвижение. Государство и негосударственные пенсионные фонды стараются активно продвигать ПДС; при этом *«не стоит забывать о "сарафанном радио". После первого софинансирования, которое будет выплачиваться в 2025 году, люди еще больше начнут вступать в ПДС» – эксперт в финансовой сфере*;

3) недостаточные информированность и доверие. Пока программа и ее условия не стали более узнаваемыми среди россиян, население проявляет сдержанность по отношению пенсионным нововведениям (*«Продукт пока что не такой популярный из-за малой известности, к нему мало доверия, предпочитают вклады, потому что более простые условия» – эксперт в банковской сфере*);

4) ограниченность свободных средств. Не все россияне могут позволить себе долгосрочные сбережения (*«Однако надо понимать, что "лишние" деньги есть далеко не у всех граждан России, поэтому ожидать таких темпов в будущем вряд ли возможно» – эксперт в сфере финансов и страхования*).

Экспертами также была дана оценка сумме привлеченных средств. По их данным, 197 млрд рублей – это менее 0,5 % от общего объема вкладов населения (по данным на конец 2024 г.). А средний вклад одного участника – около 73 тыс. рублей – по оценкам

некоторых опрошенных, относительно небольшая сумма для долгосрочных инвестиций (*«Средние долгосрочные сбережения в сумме 73 тыс. руб., что достаточно немного для долгосрочных инвестиций. Скорее всего это разовые розничные инициативы и желания населения направить часть своих денег (декабрьских премий и т. д.) на ПДС» – эксперт в сфере науки и образования*).

При ответе на вопрос о будущем Программы долгосрочных сбережений большинство экспертов выразили уверенность в ее перспективах. При этом они подчеркнули высокую значимость устойчивости экономики и поддержки государства для достижения высоких результатов – в таком случае специалисты прогнозируют, что в ближайшие пять лет программа сможет привлечь значительную часть населения.

Основными условиями для роста и развития ПДС, по мнению экспертов, являются:

- 1) экономическая стабильность,
- 2) конкурентоспособность продукта, так как доходность ПДС должна быть выше или хотя бы сопоставима с банковскими вкладами,
- 3) информационная поддержка, так как многие опрошенные считают, что на данный момент программа недостаточно известна,
- 4) стабильные государственные гарантии, так как важно, чтобы условия не менялись и не произошло «заморозки» средств, как это было ранее с пенсионными накоплениями.

Экспертами также были обозначены факторы, которые могут способствовать замедлению развития ПДС:

1) высокие процентные ставки. В данном случае россияне будут более заинтересованы в выгоде от краткосрочных вкладов (*«И вы же понимаете, что сейчас инфляция, ставки рефинансирования... ни один пенсионный фонд не может сейчас обеспечить то, что ставка рефинансирования делает. Поэтому краткосрочные вложения в моменте – они более выгодны, чем долгосрочные» – эксперт в сфере исследований пенсионной сферы*);

2) прекращение влияния эффекта новизны. Первый год дает высокий прирост, однако с течением времени темпы могут понижаться (*«будет замедляться ввиду завершения эффекта новизны» – эксперт в сфере финансовых рынков*);

3) недоверие населения. Социальная память части населения связана с негативным опытом прошлых лет, например с пенсионными реформами (*«С учетом российской истории 90-х гг., многочисленных реформ пенсионной системы, заморозки накопительной пенсии, весьма вероятно ужесточение условий по программе или довольно низкая итоговая доходность, не покрывающая инфляцию» – эксперт в сфере науки и образования*);

4) навязывание продукта (*«Однако, хочется отметить, что для выполнения KPI сотрудники банка вынуждены навязывать, а порой и недоговаривать об условиях вступления в продукт. К примеру, был случай, клиент взял кредит на сумму 800 тысяч, и сотрудник банка под предлогом страхования внес 30 тысяч рублей в ПДС» – эксперт в банковской сфере*).

При проведении опроса, экспертам предлагалось назвать факторы, которые оказали влияние на заинтересованность россиян к участию в Программе долгосрочных сбережений. Среди таковых:

1) эффект новизны. Новый финансовый продукт вызывает ожидаемый интерес среди части россиян.

2) финансовая выгода и государственная поддержка. Участие государства (софинансирование, налоговые льготы) делает ПДС более привлекательной для граждан. Высокая потенциальная доходность (до 100 % годовых с учётом государственного участия) – ещё один сильный стимул (*«Я думаю, скорее всего фактор тот, что программа выгодная для гражданина. Ну порядка 100 с лишним процентов годовых при участии государства, благодаря вкладу государства. Получается очень выгодный*

финансовый инструмент. Таких продуктов на рынке больше нет с такой доходностью, которая в первую очередь за счет государственной поддержки. И второе – это то, что программа государственная – это всё-таки больше доверия вызывает и повышает привлекательность» – эксперт в сфере финансовой грамотности).

3) маркетинг и активное продвижение. Экспертами отмечается, что банки и государство проводят активную информационную кампанию, продвигая ПДС через розничные сети и СМИ («Я думаю, что это связано с КРІ, который банки стали выставлять своим сотрудникам... Они активно это делают за счет своей розничной сети. Человек, придя в любое отделение банка, узнает об этом продукте от менеджера, который делает банальную процедуру по снятию денег в кассе, но он все равно расскажет ему про это из-за своего КРІ» – эксперт в сфере финансов, банков и инвестиций).

4) желание разобраться в новом продукте. По мнению экспертов, россияне хотят узнать, как работает новый инструмент, особенно в контексте пенсионных накоплений («Также может быть на новизну программы накладывается <...> интерес, это своего рода поиск "подводных камней" и желание лучше разобраться в издержках и выгодах участия в программе» – эксперт в сфере науки и образования).

5) социально-экономические факторы. Эксперты предположили, что отсутствие должного доверия к пенсионной системе со стороны россиян мотивирует их интересоваться альтернативными способами накопления, в том числе ПДС. Рост инфляции, колебания ключевой ставки и экономическая нестабильность подталкивают к поиску надёжных инструментов. Интерес к долгосрочным инвестициям особенно возникает с учётом высокой доходности по вкладам в конце 2024 года («Основные причины – рост финансовой грамотности россиян и активный поиск способов сберечь свои деньги, к чему побуждают рост темпов инфляции и высокий уровень ключевой ставки» – эксперт в сфере образования).

б) психологические и культурные факторы. Желание защитить себя и близких от возможных негативных жизненных сценариев (например, экономических кризисов), а также стремление обеспечить комфортную старость.

Экспертами были названы факторы, способствующие повышению интереса россиян к Программе долгосрочных сбережений:

1) государственная поддержка и гарантии. Государственная поддержка программы в виде софинансирования и налоговых льгот выступает значимым мотивирующим фактором для населения. Она делает программу более привлекательной и безопасной в представлении россиян. Кроме того, важным элементом является гарантия безопасности, включая страхование вкладов до 2,8 млн рублей. Это дает уверенность участникам в том, что их средства будут защищены. Также эксперты отмечают, что надёжность и стабильность программы играют важную роль в привлечении к программе («Высокая доходность за счёт господдержки» – эксперт в сфере финансовой грамотности; «Участие государства – софинансирование» – эксперт в сфере государственной службы);

2) финансовая доступность, доходность и условия программы. Участие в Программе долгосрочных сбережений не требует значительных трат и прохождения сложной процедуры вступления, что значительно расширяет аудиторию программы. Эксперты также подчеркивают важность привлекательных процентных ставок и доходности, особенно в условиях, когда ПДС может предоставить более высокие доходы по сравнению с другими инструментами, такими как банковские вклады («Минимальная сумма взноса – небольшая, это привлекает потребителей» – эксперт в сфере финансов и страхования; «Возможность сформировать сбережения при поддержке государства, при этом откладывая минимальную сумму» – эксперт в финансовой сфере);

3) **финансовые цели и мотивация.** Эксперты подчеркивают, что осознание необходимости дополнительных накоплений на пенсию становится важным стимулом для участия (*«Осознание того, что рано или поздно пенсия наступит. Можно будет рассчитывать на ту сумму, которую выплачивает государство, или увеличить. Когда человек посчитает, сколько у него будет денег, когда он выйдет на пенсию, будет ли ему хватать... достаточно просто посчитать человеку, и он замотивирует себя откладывать на будущее»* – эксперт в сфере финансов, банков и инвестиций; *«Фактор долгосрочного финансового планирования и культуры осознанного потребления»* – эксперт в сфере страхования);

4) **информационная поддержка и финансовая грамотность.** Понимание того, как работает ПДС и какие преимущества она предоставляет, сильно влияет на решение о вступлении в программу. Граждане, обладающие базовыми знаниями о финансовых инструментах, с большей вероятностью примут участие (*«Наличие у человека установок на долгосрочное планирование и формирование накоплений»* – эксперт в сфере науки и образования). К тому же эксперты обращают внимание на удобство цифровых сервисов: возможность легко управлять вкладом через мобильные приложения или онлайн-сервисы значительно упрощает участие и повышает вовлеченность граждан (*«Доступность и понятность электронных сервисов, в т. ч. есть сервис "Мой налог", который прямо в приложении предлагает сделать взнос в программу»* – эксперт в сфере образования; *«Знания об инвестиционной деятельности, достаточные для того, чтобы понимать возможности и риски»* – эксперт в сфере высшего образования; *«У кого сбережения есть не очень ориентируются в современных способах инвестирования»* – эксперт в сфере науки и образования);

5) **доверие к государству и финансовой системе.** Важно, чтобы люди верили в долгосрочную стабильность программы, в способность финансовых институтов и государственных структур выполнять свои обязательства и гарантии (*«Уровень доверия государству и уровень уверенности в собственном будущем»* – эксперт в сфере науки и образования; *«Доверие к намерениям государства софинансировать долгосрочные сбережения граждан»* – эксперт в сфере высшего образования);

6) **любопытство и склонность к риску** могут мотивировать людей к участию, особенно тех, кто заинтересован в новизне и возможности получить дополнительный доход (*«Переживания за будущую пенсию»* – эксперт в сфере образования; *«Готовность рисковать ради большей доходности»* – эксперт в сфере науки и образования).

Заклучение

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать несколько ключевых выводов о Программе долгосрочных сбережений:

1. Старт Программы долгосрочных сбережений можно считать успешным. При этом ее масштаб и динамика пока реализованы не в полном объеме. Развитию программы могут помешать: ограниченные финансовые возможности населения, недостаточный уровень доверия к программе и недостаточная финансовая осведомленность населения.

2. На дальнейшее развитие Программы долгосрочных сбережений будут влиять экономические условия, прозрачность и стабильность программы, а также привлекательность условий по сравнению с альтернативными способами сбережений, восстановление доверия населения к государственной политике в сфере частных инвестиций и институтам пенсионного страхования и обеспечения.

3. Заинтересованность россиян в Программе долгосрочных сбережений – комплексное явление, на которое влияют следующие движущие факторы: эффект

новизны, маркетинг, высокая потенциальная выгода и государственная поддержка. Также влияет рост финансовой грамотности, страх за будущее и экономические обстоятельства.

4. Комплексная поддержка, включая государственные гарантии и софинансирование, будет способствовать повышению вовлеченности россиян в Программу долгосрочных сбережений. Безусловно важными аспектами являются финансовая доступность, доходность, информационная поддержка и высокий уровень доверия к государственной и финансовой системе. Все эти факторы, вместе с мотивами личных накоплений и психологическими особенностями, могут существенно повысить готовность граждан участвовать в программе.

Список литературы

- Александрова А.В. 2024. Новое в российском пенсионном праве (обзор изменений 2024 года). *Актуальные проблемы государства и права*, 3: 459–465.
- Блинова М.Г. 2015. Пенсионное обеспечение как форма социальной защиты граждан России: проблемы и решения. *СОТИС – социальные технологии, исследования*, 6(74): 15–19.
- Бобровская А.В., Карпикова И.С. 2024. Оценка потребностей пожилых граждан в сфере социальной защиты: результаты качественного интервью. *Символ науки*, 2(1): 152–154.
- Бобков В. Н., Одинцова Е.В. 2001. Российские эксперты о безусловном базовом доходе: оценки 2020 г. *Уровень жизни населения регионов России*, 1: 67–86.
- Воронин Ю. 2007. Должно ли быть обязательным накопительное пенсионное страхование или как вернуть пенсионные права «исключенному поколению». *Пенсионные фонды и инвестиции*, 1(31): 20–28
- Голоманчук Э.В., Вологина Э.А. 2010. Государственная социальная поддержка пенсионеров и малоимущих граждан. *Юрист-Правовед*, 3: 25–29.
- Гуров Г.А. 2002. Формирование и развитие национальной многоукладной пенсионной системы: автореферат дис. ... канд. эконом. наук. Моск. гос. соц. ун-т. Москва. 34 с.
- Дюдюн Т.Ю., Варлыгина Е.А. 2024. Система социального обеспечения населения в России: современный взгляд, проблемы финансового обеспечения и пути их решения. *Наука и образование сегодня*, 1 (78): 11–16.
- Цой В.О. 2009. Рынок недвижимости как объект экономико-социологического исследования (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области). *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*, 99: 25–29.
- Плешакова И.Н. 2024. Совершенствование системы обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации: развитие нетипичного в социальном обеспечении. *Legal Bulletin*, 4: 87–98.
- Подгорный Б.Б. 2013. Спрос и предложение на российском фондовом рынке: социально-экономический анализ. *Russian Journal of Education and Psychology*, 3(23): 20.
- Роик В.Д. 2011. Мир пожилых людей и как его обустроить, М., Эксмо, 381с.
- Соловьев А.К. 2023. Институциональная эволюция государственной пенсионной системы в условиях трансформации рынка труда. В кн.: Материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения «Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы», 16–18 ноября 2023, Санкт-Петербург, Россия. Санкт-Петербург: Сциентиа, С. 552–555.
- Цыганов А.А. 2022. Пенсионные ожидания жителей России. *Социологические исследования*, 6: 36–42. DOI 10.31857/S013216250017479-9
- Якушев Л.П. 2000. Экономические основы формирования многоукладной системы социальной защиты в России: дисс... док. эконом. наук. Москва, 347 с.

References

- Aleksandrova A.V. 2024. Novoe v rossijskom pensionnom prave (obzor izmenenij 2024 goda) [new developments in Russian pension law (review of changes in 2024)]. *Current issues of the state and law*, 3: 459–465.

- Blinova M.G. 2015. Pensionnoe obespechenie kak forma social'noj zashchity grazhdan Rossii: problemy i resheniya [Pension provision as a form of social protection of Russian citizens: problems and solutions]. *SOTIS – social'nye tekhnologii, issledovaniya*, 6(74): 15–19.
- Bobrovskaya A.V., Karpikova I.S. 2024. Ocenka potrebnostej pozhilyh grazhdan v sfere social'noj zashchity: rezul'taty kachestvennogo interv'yu [Assessing the needs of older citizens in the field of social protection: results of a qualitative interview]. *Simvol nauki*, 2(1): 152–154.
- Bobkov V. N., Odincova E.V. 2001. Rossijskie eksperty o bezuslovnom bazovom dohode: ocenki 2020 g [Russian experts on universal basic income: estimates for 2020]. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 1: 67–86.
- Voronin YU. 2007. Dolzhno li byt' obyazatel'nym nakopitel'noe pensionnoe strahovanie ili kak vernut' pensionnye prava «isklyuchennomu pokoleniyu» [Should funded pension insurance be mandatory or how to return pension rights to the “excluded generation”]. *Pensionnye fondy i investicii*, 1(31): 20–28
- Golomanchuk E.V., Vologina E.A. 2010. Gosudarstvennaya social'naya podderzhka pensionerov i maloimushchih grazhdan [State social support of pensioners and needy citizens]. *Yurist'-Pravoved*, 3: 25–29.
- Gurov G.A. 2002. Formirovanie i razvitie nacional'noj mnogoukladnoj pensionnoj sistemy [Formation and development of a national multi-structure pension system]: avtoref. dis. ... kand. ekonom. nauk. Mosk. gos. soc. un-t. Moscow. 34 s.
- Dyudyun T.YU., Varlygina E.A. 2024. Sistema social'nogo obespecheniya naseleniya v rossii: sovremennyy vzglyad, problemy finansovogo obespecheniya i puti ih resheniya [The system of social security of the population in Russia: a modern view, problems of financial security and ways to solve it]. *Nauka i obrazovanie segodnya*, 1(78): 11–16.
- Tsoj V.O. 2009. Rynok nedvizhimosti kak ob"ekt ekonomiko-sociologicheskogo issledovaniya (na primere Sankt-Peterburga i Leningradskoj oblasti) [Real estate market as an object of sociological research (by the example of Saint-Petersburg and the Leningrad region)]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena*, 99: 25–29.
- Pleshakova I.N. 2024. Sovershenstvovanie sistemy obyazatel'nogo pensionnogo strahovaniya v Rossijskoj Federacii: razvitie netipichnogo v social'nom obespechenii [Improvement of the system of mandatory pension insurance in the Russian Federation: development of the atypical in social security]. *Legal Bulletin*, 4: 87–98.
- Podgornyy B.B. 2013. Spros i predlozhenie na rossijskom fondovom rynke: social'no-ekonomicheskij analiz [Supply and demand on the Russian stock market: a socioeconomic analysis]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 3(23): 20.
- Roik V.D. 2011. Mir pozhilyh lyudej i kak ego obustroit' [The world of the elderly and how to arrange it]. M., Eksmo, 381 s.
- Solov'ev A.K. 2023. Institucional'naya evolyuciya gosudarstvennoj pensionnoj sistemy v usloviyah transformacii rynka truda [Institutional evolution of the state pension system in the context of labor market transformation]. V kn.: *Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii XVII Kovalevskie chteniya "Rossijskoe obshchestvo segodnya: cennosti, instituty, processy"*, 16–18 noyabrya 2023, Sankt-Peterburg, Rossiya. Sankt-Peterburg: Scientia, S. 552–555.
- Cyganov A.A. 2022. Pensionnye ozhidaniya zhitelej Rossii [Pension expectations and strategies of Russian residents]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 6: 36–42. DOI 10.31857/S013216250017479-9
- Yakushev L.P. 2000. Ekonomicheskie osnovy formirovaniya mnogoukladnoj sistemy social'noj zashchity v Rossii [Economic foundations for the formation of a multi-structured system of social protection in Russia]: diss... dok. ekonom. nauk. Moscow, 347 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тюриков Александр Георгиевич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник департамента социологии института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Aleksandr G. Tyurikov, Doctor of Social Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Department of Sociology of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Иванова Яна Сергеевна, младший научный сотрудник департамента социологии института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Yana S. Ivanova, Junior Researcher of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Department of Sociology of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.12

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-300-309

EDN GWXOXM

Защита Земли как уникальной формы жизни: философско-правовой аспект

Анисимов А.П.

Донской государственный технический университет
344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1
anisimovap@mail.ru

Аннотация. На основе глубокого изучения гипотезы Гея Джеймса Лавлока, концепций биосферы и ноосферы Владимира Вернадского, а также идей Линн Маргулис, Дориона Сагана и других авторов, в исследовании доказываемся необходимость фундаментального переосмысления концепции экологического права в условиях глобального экологического и пандемического кризисов. Акцентируется внимание на философских аспектах международного и национального права, связанных с переходом от антропоцентрической к экоцентрической парадигме. Аргументируется необходимость признания Земли уникальной формой жизни, обладающей собственными интересами и ценностью, не зависящими от человека. Автор отмечает, что загрязнение окружающей среды, климатический кризис и иные глобальные вызовы требуют от международного сообщества формирования новой философско-правовой парадигмы, основанной на уважении целостности биосферы и понимании взаимозависимости человека и природы.

Ключевые слова: философия права, Гея, биосфера, ноосфера, экоцентризм, права природы

Для цитирования: Анисимов А.П. 2025. Защита Земли как уникальной формы жизни: философско-правовой аспект. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 50(2): 300–309. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-300-309 EDN: GWXOXM

Protection of the Earth as a Unique Form of Life: Philosophical and Legal Aspect

Aleksey P. Anisimov

Don State Technical University
1 Gagarin Square, Rostov-on-Don 344000, Russian Federation
anisimovap@mail.ru

Abstract. Based on a deep study of James Lovelock's Gaia hypothesis, Vladimir Vernadsky's concepts of the biosphere and noosphere, as well as the ideas of Lynn Margulies, Dorion Sagan and others, the article proves the need for a fundamental rethinking of the concept of environmental law in the context of global environmental and pandemic crises. Attention is focused on the philosophical aspects of international and national law related to the transition from an anthropocentric to an ecocentric paradigm. The necessity of recognizing the Earth as a unique form of life with its own interests and values independent of humans is argued. The author notes that environmental pollution, the climate crisis and other global challenges require the international community to form a new philosophical and legal paradigm based on respect for the integrity of the biosphere and an understanding of the interdependence of man and nature.

Keywords: philosophy of law, Gaia, biosphere, noosphere, ecocentrism, nature rights

For citation: Anisimov A.P. 2025. Protection of the Earth as a Unique Form of Life: Philosophical and Legal Aspect. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 300–309 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-300-309 EDN: GWXOXM

Введение

Современная философия все чаще рассматривает планету Земля не просто как небесное тело, но и как уникальную живую систему. Одним из первых на это указал В.И. Вернадский, полагавший, что присутствие жизни придает оболочке Земли (биосфере) исключительный характер, уникальный во Вселенной, поскольку живая и неживая материи на планете образуют неразрывное целое. Позднее Д. Лавлок радикализировал этот подход, выдвинув гипотезу Геи, согласно которой вся совокупность организмов и абиотической среды Земли образует единый саморегулирующийся организм планетарного масштаба. Таким образом, в философии уже почти сто лет происходит формирование представлений о Земле как о едином живом целостном организме, а не просто «космическом теле», случайно заселенном живыми существами. В 2020-х годах востребованность этих философских концепций возросла многократно, поскольку человечество столкнулось с беспрецедентными экологическими и социальными потрясениями – от нарастающего экологического кризиса (изменение климата, утрата биологического разнообразия) до глобальных пандемий. Эти явления показали уязвимость современного мира и взаимозависимость человека и природы.

Многие российские ученые [Дмитриева, 2012; Баркова, 2016; Шульга, 2018; Турчин, 2011] заговорили о поиске баланса между философией, правом и экологией, необходимого для того, чтобы избежать печальных для человека последствий. Даже официальные лица (например, директор Программы ООН по окружающей среде Ингер Андерсен и Папа Римский Франциск) публично высказывали мнение, что человеческая цивилизация зашла уже слишком далеко в эксплуатации «Матери-Земли», получив ответную реакцию в виде кризисов.¹ И хотя метафора «мести Геи» пока критикуется как излишне персонализирующая природу, недавняя пандемия COVID-19 заставила признать, что здоровье экосистем и здоровье человечества неразделимы.

Глубина современного кризиса ставит под сомнение антропоцентрическую парадигму развития и требует фундаментального переосмысления философско-правовых основ отношений человека и биосферы, на которых должно быть основано новое международное и национальное экологическое законодательство.

Исходя из этого цель исследования – доказать необходимость фундаментального переосмысления концепции экологического права в условиях глобального экологического и пандемического кризисов. В центре внимания – философия права и международно-правовые аспекты отношения к планете Земля как к самоценной живой целостности.

Общая философская концепция Земли как особой формы жизни

В 1970-х годах британский химик Джеймс Лавлок, работая над космическими проектами NASA по поиску жизни на Марсе, выдвинул смелую идею, впоследствии названную гипотезой Геи. Суть ее состояла в том, что Земля в целом ведет себя как единая живая система, поддерживая гомеостаз условий, благоприятных для жизни. Д. Лавлок обратил внимание на аномальный химический состав земной атмосферы: присутствие больших количеств кислорода, метана, азота и других газов, которые в обычных условиях

¹ Olivier B. What Gaia theory can tell us about the outbreak of novel coronavirus // <https://mg.co.za/article/2020-04-10-what-gaia-theory-can-tell-us-about-the-outbreak-of-novel-coronavirus/#:~:text=novel%20coronavirus%20pandemic%20must%20be,it%20cannot%20be%20dismissed%20as> (дата обращения 15.04.2025).

должны были быстро вступить в химические реакции и исчезнуть [Lovelock, 1979]. Единственным объяснением этой химической неравновесности может быть непрерывный обмен веществ всех организмов с окружающей средой. Совместно с микробиологом Л. Маргулис Д. Лавлок разработал теорию о том, что живые существа (особенно микроорганизмы) активно регулируют химико-климатические параметры планеты, подстраивая их под нужды биосферы. Уже к концу 1970-х годов гипотеза Геи приобрела известность: Землю стали метафорически называть суперорганизмом, сравнимым с гигантским живым существом. И хотя первое время гипотеза Геи воспринималась с некоторым скепсисом, все последующие исследования показали, что саморегуляция может происходить без целенаправленного плана.

В 1980-е гг. теория Геи получила дальнейшее обоснование. Д. Лавлок доказал, что совокупная эволюция биоты и среды ведет к поддержанию стабильности, благоприятной для продолжения жизни [Lovelock, 1988]. Иначе говоря, регуляция климата и состава атмосферы – это свойство всей системы «живое плюс неживое», возникающее посредством естественного отбора на уровне экосферы. Благодаря этому уточнению теория Геи вписалась в русло научных представлений о биогеохимических циклах и стала частью современной науки о Земле. Идея Геи имела большие философские последствия. Она поколебала традиционное разделение живого и неживого. Д. Лавлок предлагал смотреть на всю биосферу Земли, от китов до вирусов и от дубов до водорослей, как на единый субъект, способный регулировать собственные условия обитания. Это подчеркивало мысль о ценности жизни как целого, надмирной по отношению к человеку. Уже первые формулировки Д. Лавлока содержали зародыш эгоцентрического мировоззрения: если Земля – единый организм, то человек – лишь часть ее, но не «венец творения». Позднее философы и социологи науки (например, Бруно Латур) отмечали, что теория Геи по значимости сопоставима с революцией Коперника. Если Г. Галилей убедил человечество, что Земля – не центр Вселенной, то Д. Лавлок показал, что жизнь – это центральный фактор самой Земли, делающий нашу планету радикально иной, чем все прочие. Б. Латур писал, что Д. Лавлок, взглянув на Землю с космоса, и Л. Маргулис, взглянув на нее «от микроба», пришли к одному открытию: жизнь с большой буквы сконструировала условия своего собственного существования¹. Это открытие не полностью осознано наукой и обществом, но имеет огромное мировоззренческое значение. Еще один важный философский вывод из теории Геи – понимание того, что поддержание жизни на Земле не гарантирует благоденствия человеческого вида. Как отмечала Л. Маргулис, Гея три миллиарда лет прекрасно обходилась без людей и будет эволюционировать дальше, когда нас не станет².

Это означает, что человечество не является центральным и незаменимым элементом биосферы. Планета беспощадно разрушает всех тех, кто нарушает правила жизни. Экологический дисбаланс, вызванный людьми, непременно повлечет реакцию Земли – климатические изменения, эпидемии, падение биоразнообразия, которые не будут учитывать интересы человека. С точки зрения Геи, виды появляются и исчезают, а регулирование условий (температуры, состава атмосферы) продолжается до тех пор, пока существует хоть какая-нибудь жизнь. Такая «равнодушная» позиция планетарной жизни ставит человечество перед нравственным выбором: либо приспособить свою деятельность под правила Геи, либо столкнуться с ее «гневом» (в виде экологических катастроф). Данный вывод напрямую подводит нас к вопросу о том, как право должно учитывать интересы и людей, и биосферы.

¹ Bruno Latour: This is a global catastrophe that has come from within // <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/06/bruno-latour-coronavirus-gaia-hypothesis-climatecrisis#:~:text=That%20such%20an%20important%20concept,It%20is%20Life> (дата обращения 15.04.2025).

² Gaia is a tough bitch”: Remembering Lynn Margulis, scientific pioneer // <https://ecologise.in/2017/12/01/lynn-margulis-1938-2011-gaia-tough-bitch/> (дата обращения 15.04.2025).

Появление концепции Геи опиралось на труды В.И. Вернадского, который еще в 1920-е годы предвосхитил многое из того, о чем спустя десятилетия заговорили приверженцы Геи. В своем труде «Биосфера» (1926) В.И. Вернадский развил идею Эдуарда Зюсса о биосфере как оболочке жизни, наполнив ее новым содержанием. Он показал, что живая материя – мощнейший геологический фактор, преобразующий облик планеты. По В.И. Вернадскому, живая материя – самая могучая геологическая сила, определяющая эволюцию земной поверхности, климата и химического состава атмосферы. Это утверждение основывалось на многочисленных примерах: накопление кислорода в атмосфере благодаря фотосинтезу, формирование осадочных пород с участием живых организмов, размножение и расселение видов, изменяющих ландшафты. В.И. Вернадский подчеркивал, что под воздействием солнечной радиации биосфера приобретает свойства, неизвестные безжизненным планетам, и преобразует лицо Земли, аккумулируя и перераспределяя энергию. Важнейший тезис В.И. Вернадского – неразрывность живого вещества и окружающей среды. Он утверждал, что живая (биогенная) и неживая (косная) материя на Земле тесно взаимосвязаны и постоянно обмениваются элементами и энергией [Vernadsky, 1998]. Жизнь черпает химические элементы из среды, создает новые соединения, а после смерти организмов эти элементы возвращаются в абиотический фон – и цикл повторяется бесконечно. Благодаря жизни Земля – это уникальное космическое тело, резко отличающееся от Луны или Марса. Это перекликается с позднейшими формулировками Бруно Лагура и Д. Лавлока об особой планете Земля, непохожей на иные, поскольку она полностью пронизана жизнью. Можно сказать, что В.И. Вернадский научно обосновал планетарный биологизм: взгляд, согласно которому невозможно понять геологию и химию Земли в отрыве от жизни. В дальнейшем В.И. Вернадский развил идею ноосферы как новой стадии развития биосферы, в которой человеческий разум и деятельность станут определяющим фактором эволюции планеты [Serafin, 1987]. По В.И. Вернадскому, уже в начале XX века масштаб человеческого воздействия (промышленность, земледелие, транспорт, изменение ландшафтов) достиг геологического.

Человек перестал быть просто биологическим видом. Благодаря научной мысли и технике человечество превратилось в мощную геологическую силу, способную изменять биосферу планеты [Vernadsky, 1945]. Концепция ноосферы отразила антропоцентрический оптимизм В.И. Вернадского: он надеялся, что объединенное научное сознание направит эту мощь на благо планеты и сделает ноосферу «мыслящей оболочкой», гармонизирующей отношения человека и природы. Однако в этом заключается принципиальное различие с гипотезой Геи. Если на Гею у Д. Лавлока эгоцентрический взгляд, и главная героиня – сама планетарная жизнь (а человек лишь часть ее), то ноосфера В.И. Вернадского – концепция более антропоцентрическая, делающая акцент на особой роли человеческого разума. Тем не менее, на мой взгляд, эти идеи не противоречат, а дополняют друг друга. В свете современных данных противопоставление это частично стирается – наука о Земле интегрирует оба подхода, признавая и объективные биогеохимические изменения Геи, и роль в них человека.

В начале XXI века концепция «человечество как геологическая сила» получила новое звучание через термин «антропоцен», предложенный Ю. Стормером и П. Крутценом, который используется для обозначения современной геологической эпохи, где деятельность человека стала определяющим фактором изменений на планете [Paola, Jamieson, 2018]. Антропоцен изменит не только философские, но и многие юридические представления, например о взаимосвязи антропогенной деятельности и стихийных бедствий [Stoa, 2015]. Антропоцен фактически развивает тезисы В.И. Вернадского о ноосфере, поскольку ставит вопрос: будет ли разумное человечество конструктивной силой, способной сознательно поддерживать биосферу, или его деятельность разрушит устойчивость планеты Земля? В.И. Вернадский верил в первый сценарий, но у многих есть сомнения в его оптимизме.

Отдельно следует сказать о вкладе в рассматриваемую концепцию Линн Маргулис, выдающегося микробиолога и соавтора теории Геи. В своих исследованиях она показала, какую колоссальную роль играют микроорганизмы и взаимодействие видов в эволюции жизни. Этот фокус на микромире она перенесла и на планетарный уровень, подчеркнув, что именно микроорганизмы управляют ключевыми биогеохимическими циклами Геи. Благодаря работам Линн Маргулис были выявлены механизмы, через которые бактерии и другие микроорганизмы регулируют состав атмосферы [Margulis, 1997]. Именно она смогла объяснить, кто на микроуровне отвечает за поддержание устойчивости атмосферы – множество симбиотических сообществ микроорганизмов в почве, океане и даже в организмах животных. Тем самым Л. Маргулис придала гипотезе Геи прочную эмпирическую основу: Гея – это не мистическая богиня Земля, а результат коэволюции миллионов микробных и иных сообществ, тонко переплетенных круговоротов веществ и энергии. По мнению Линн Маргулис, представление о Земле как о хрупкой материи, нуждающейся в опеке человека, не отвечает реальному положению вещей: скорее человечество зависит от устойчивости планетарных экосистем. Она критиковала «зооцентризм» многих эволюционистов (фиксацию на животных, при этом упуская микробов) и западный антропоцентризм, заявляя, что наша культура игнорирует 3 млрд лет истории жизни, предшествовавшей человеку. Фактически ей удалось бросить вызов западному мировоззрению, предлагая взамен него экоцентрическую картину мира, где человек – лишь одна из форм жизни [Margulis, Sagan, 2024].

Дорион Саган, будучи писателем и философом науки, помог донести идеи Геи и симбиоза до широкой аудитории и связать их с гуманитарным знанием. Он полагал, что жизнь столь же неотделима от Земли, как клетки – от нашего тела. Эта яркая метафора разрушает представление о Земле как о неодушевленном теле, на котором возникла жизнь. Напротив, Земля с момента зарождения жизни стала единым телом, где минералы, вода, воздух и живое переплелись в неразрывное целое. Д. Саган подчеркивал, что в свете Геи привычная граница между организмом и средой размывается: Земля – это не просто организм в классическом понимании: это особый тип планетарного «живого существа», своего рода гигантское самоподдерживающееся целое. Д. Саган и Л. Маргулис указывали на то, что западная наука должна преодолеть вековой механистический взгляд на Землю и признать ее живой природой.

Вклад Л. Маргулис и Д. Сагана не ограничился биологией; их работы носили междисциплинарный характер, соединяя биологическую теорию с философией и экологической этикой [Margulis, Sagan, Niles, 1995]. Они показали пример нового научного гуманизма, в центре которого – уважение ко всему живому. Их идеи подготовили почву в том числе и для современного международного экологического права, усиленно отстаивающего самоценность биосферы. Благодаря их книгам концепция Геи получила распространение за пределами академических кругов и повлияла на международное общественное экологическое движение. Их работа – яркий пример того, как научная гипотеза переросла в философскую концепцию, бросившую вызов основанию правовых систем: ведь если Земля – живое целое, то какими должны быть международные и национальные законы для ее охраны?

Философия права для живой планеты: от антропоцентризма к экоцентризму

Традиционно право (особенно международное) строится на глубоком антропоцентризме. Человек рассматривается как единственный носитель прав, а природа – лишь как объект использования. Государства закрепляют суверенное право эксплуатировать свои ресурсы, исходя прежде всего из интересов людей. Например, в России нормативы качества окружающей среды отражают представления о безопасном качестве воды и воздуха для здоровья человека, но не иных живых существ; для строительства стадионов и

иных олимпийских объектов безжалостно вырубается леса, а также уменьшается площадь национальных парков; финансирование природоохранных мероприятий продолжается сокращаться, а площадь свалок твердых коммунальных отходов растет. Однако в условиях глобального экологического кризиса такая парадигма демонстрирует свою несостоятельность. Современное международное экологическое право представляет собой мозаичное полотно отдельных соглашений по поводу охраны тех или иных компонентов природы (климат, биоресурсы, отходы и т. д.), которое, в сущности, отражает атомистическое мышление национальных государств. Как отмечает К. Литфин, международное право исходит из разделения планеты на суверенные территории и отдельные «проблемы», тогда как глобальные экологические кризисы – это проявление столкновения человечества с проблемой состояния Геи [Litfin, 2005].

Антропоцентризм права выражается и в том, что ценность природы определяется через призму ее пользы для человека (концепция «зеленой» экономики, экосистемных услуг). В итоге правовые механизмы, мотивированные узкими человеческими интересами, оказываются слабыми и не могут предотвратить стремительного ухудшения состояния природы во всем мире. Более того, ученые отмечают, что «устойчивое развитие» сегодня является центральным компонентом неолиберальной концепции, препятствуя осознанию серьезности проблем, с которыми мы сталкиваемся, и их причин [Gare, 2017]. В ответ на указанные угрозы в конце XX – начале XXI века зарождается новая философско-правовая парадигма, которую можно назвать эоцентризмом в праве. В ее основе лежит признание самоценности природы, не связанной от человеческой выгодой. Конкретным выражением эоцентризма можно считать концепцию «прав Природы». Суть ее в том, что не только люди (и их объединения), но и сама природа (ее части – экосистемы, виды, даже планета в целом) должны быть признаны носителями прав, охраняемых законом. В философском плане это продолжает линию Д. Лавлока, Л. Маргулис и В.И. Вернадского: если Земля – живое целое, то у этого целого есть интересы, свое «благо», которое требует уважения. Ключевой момент – переход от представления о природе как объекте (ресурсе) к природе как субъекту права.

Такой подход кардинально меняет основу правопорядка: он вытесняет человека с вершины юридической пирамиды, ставя его рядом с другими компонентами Земли в единой правовой системе. Как писал К.Д. Стоун, признание прав Природы позволит подавать иски от имени деревьев и прочих «природных объектов» и требовать компенсации ущерба, который сможет взыскиваться в пользу таких объектов [Stone, 1972]. В свою очередь, Г. Стутцин считал развитие права достигшим такого этапа, когда признание прав Природы будет являться актом справедливости. Этим право подтвердит особые ценности, присущие миру Природы, и оставит позади непростительно антропоцентричное представление о Земле, по которому она и все, что на ней существует, – лишь окружающая среда для человечества, не имеющая никакой ценности, кроме полезности для человека [Stutzin, 2002]. Однако еще дальше пошел Томас Берри, предложивший термин *Earth Jurisprudence* для обозначения философии права и управления, исходящей из примата Земли, а не человеческих интересов¹. По мысли Т. Берри, современное право ошибочно сконструировано так, что все права принадлежат человеку, а природа прав не имеет вообще. Он считал такую систему фундаментально порочной и призывал к ее трансформации на принципах, диктуемых самой Землей. Его концепция исходит из убеждения, что человеческие законы должны соответствовать естественным законам Земли – экосистемным и эволюционным процессам, поддерживающим жизнь. Люди – лишь часть огромного сообщества планеты, куда входят все живые существа и компоненты биосферы. Задача людей – занять смиренное место в

¹ Tucker M.E., Grim J. Thomas Berry and the Rights of Nature // https://www.kosmosjournal.org/kj_article/thomas-berry-and-the-rights-of-nature/#:~:text=his%20articulation%20of%20the%20principles,decades%20in%20conversation%20with%20others (дата обращения 15.04.2025).

этом сообществе, действуя как «благожелательные участники» Земли, а не как господствующие хищники. Т. Берри указывал, что традиции коренных народов, почитающих землю как одушевленную и сакральную, могут служить вдохновением для построения новой юриспруденции.

Практический (юридический) переход к эоцентрической правовой модели уже постепенно происходит в разных странах и на международном уровне. Так, в 2008 году Эквадор первым в мире включил права природы (Матери-Земли) в свою Конституцию. Следом аналогичные изменения последовали в Боливии. В ряде стран (Новая Зеландия, Индия, Колумбия) суды наделили правами конкретные природные объекты – реки, леса, экосистемы. Этот эоцентрический поворот открывает новые возможности для защиты окружающей среды и предполагает изменение отношений между государством, обществом и природой [Álvarez-Rondón, 2025]. Природа не является теперь собственностью людей и существует не только для удовлетворения их целей [Maldonado, 2019]. В рамках этих представлений человек рассматривается уже не как высшая форма бытия, а лишь как элемент Природы (Пачамамы).

Все жизни взаимосвязаны, и нет разделения между человечеством и окружающей средой [Cardozo, Salles, 2019]. На уровне ООН, начиная с 2009 года, издаются регулярные доклады Генерального секретаря ООН «В гармонии с природой», в которых предлагается изменить общепризнанную терминологию. В них упоминаются «правовая философия Земли», принципы «планетоцентрического права». Отдельно следует указать на использование в них новой правовой конструкции «право Земли на здоровую окружающую среду» (именно Земли, а не человека или государства). В 2017 году Межамериканский суд по правам человека в своем Консультативном заключении отметил, что право на здоровую окружающую среду защищает природу ради нее самой, а не только в связи с благополучием людей. Куньминско-Монреальская рамочная программа в области биоразнообразия (2022) прямо упоминает необходимость достижения гармонии с Матерью-Землей, что свидетельствует о начале парадигмального сдвига в международном праве – от суверенитета и антропоцентризма к пониманию планеты как единого целого, обладающего ценностью и правами. Права природы служат одним из способов реализации эоцентричной философии права, утверждающей внутреннюю ценность и необходимость охраны природы, вне зависимости от ее пользы для человека. Вышеописанные изменения можно рассматривать как зарождение «геоцентрического» (планетоцентрического) права, ориентированного на поддержание целостности Земли. В правовой литературе все чаще обсуждается термин «право Земли», отражающий необходимость регулирования исходя из планетарных границ и связанности экологических процессов [Kim, 2022]. Предполагается, что в эпоху антропоцена право должно оперировать категориями глобальных системных рисков, стабильности биосферы, учитывать показатели планетарного благополучия (включая недопустимость превышения определенных уровней изменения климата, химического загрязнения и утраты видов). Такая перспектива созвучна с образом Геи: вместо узкого реагирования на отдельные «нарушения» окружающей среды требуется экосистемный подход, рассматривающий человеческую экономику, здоровье и т. п. как подсистемы более обширной живой планеты Земля. Подобно тому, как в организме нарушение работы одного органа лечат с учетом влияния на весь организм, международное право должно стремиться к целостному регулированию, выходящему за рамки национальных юрисдикций и краткосрочных интересов. Поэтому устойчивость человечества неотделима от устойчивости биосферы, а значит, права природы и права человека – не конкуренты, а необходимые взаимодополняющие элементы одной (единой) системы ценностей. В этом заключается глубинный философский сдвиг: право призвано эволюционировать от служения исключительно *Homo sapiens* к служению жизни как таковой.

Изменение климата часто описывают в духе метафоры, предложенной Д. Лавлоком как «лихорадка Геи» – реакции планетарного организма на раздражитель. Накопление парниковых газов в атмосфере вследствие деятельности человека выводит систему из равновесия, и Земля стремится установить новый баланс, который мало совместим с нынешней цивилизацией. Д. Лавлок в книге «Месть Геи» (2006) предупреждал, что, если температура повысится на несколько градусов, биосферные механизмы регулирования могут перейти в иной режим, опасный для человечества. С позиции философии права это поднимает вопрос: имеем ли мы моральное право нарушать правила планеты? Гея, говоря словами Д. Лавлока, уничтожает нарушителей – не из злобы, а в силу естественных законов. Отсюда проистекает идея о правах будущих поколений и самой Земли на благоприятный климат, от которого зависит здоровье биосферы Земли в целом, здоровье диких животных и человека. Эта идея уже проникла в международные соглашения (например, преамбула Парижского соглашения о климате 2015 года упоминает «Мать-Землю» и климат как общую заботу человечества).

Вопрос об объявлении экоцида (масштабного уничтожения экосистем) международным преступлением также набирает сторонников ввиду осознания, что умышленные действия, «ранившие» Гею, должны наказываться в глобальном масштабе. Восприятие идей Геи проявляется не только применительно к климату. Идеи экоцентризма уже воплощены в Рамсарской конвенции 1971 года, согласно которой следует охранять не болота (отдельно) и водоплавающих птиц (отдельно), а водно-болотные угодья в целом как единую экосистему.

Во многих странах мира (например, в Республике Беларусь) реализуется новая концепция особо охраняемых природных территорий, когда особой охране подлежат не только «островки» дикой природы, но и экологические коридоры, соединяющие их с другими биоценозами. В России в Федеральном законе от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» предусмотрен ряд мер по охране среды обитания диких животных при осуществлении различных видов хозяйственной деятельности (ст. 22). Весьма прогрессивная экологическая политика проводится в Китае, провозгласившего построение экологической цивилизации. Концепция экологической цивилизации направлена на создание условий для процветания живых существ, включая человека, на полное раскрытие их потенциала для улучшения качества жизни, а не на максимизацию прибыли или просто развитие производительных сил [Корутин, Гаре, 2023]. Во многих странах мира происходит переход на стандарты циркулярной экономики, что влечет уменьшение количества отходов [Webster, 2013]. На международном уровне обсуждается Всеобщая декларация прав Матери-Земли и Глобальный пакт об охране окружающей среды. Все эти правовые инициативы являются свидетельством того, что философия права стремится осмыслить вызов, брошенный гипотезой Геи: как включить нечеловеческий мир в пространство права и морали. При этом важно отметить: философско-правовой экоцентризм не противопоставляет радикально интересы человечества интересам природы. Наоборот, проводится мысль об их единстве: благо экосистем есть условие блага людей, поскольку ориентация только на человеческие интересы приводит к слабой охране природы и тупику, тогда как признание прав природы отражает понимание взаимосвязанности человека и природы. Именно эта взаимосвязанность – центральный мотив гипотезы Геи и концепции биосферы. В современном мире она наконец начинает восприниматься всерьез как в философии, так и в праве. При этом не принципиально, каким именно правовым путем идти к этой цели – через признание прав Природы или изменение правового регулирования ее охраны как глобальной экосистемы – объекта права. В этом смысле каждая страна вправе выбирать свой путь, сообразно своим обычаям и традициям.

Заклучение

Философско-правовой анализ гипотезы Геи Д. Лавлока, учения о биосфере В.И. Вернадского, работ Л. Маргулис, Д. Сагана и других ученых показывает, что перед нами разворачивается новая парадигма восприятия Земли. Планета предстает не

совокупностью экономически ценных полезных ископаемых, а уникальным живым существом, обладающим собственной ценностью и правами. Это требует от международного права фундаментальной переориентации – от служения исключительно человеку к служению всей земной общности жизни. Впервые за свою историю право столкнулось с необходимостью включить в свой нормативный горизонт целую планету как субъект. Международное право, формировавшееся в эпоху суверенных государств и антропоцентризма, должно адаптироваться к реальности Антропоцена – Геи, где границы государств вторичны по отношению к целостности биосферы. Идеи Д. Лавлока и других ученых, ранее казавшиеся смелыми научными гипотезами, сегодня получают философско-правовое развитие: от них протягиваются нити к концепциям прав природы, Earth Jurisprudence, планетарного здоровья. В условиях климатического кризиса и пандемий эти идеи перестают быть абстракцией – они становятся основой для конкретных шагов по реформированию права, международной и национальной политики. Защита Земли как уникальной формы жизни – это сегодня не частная экологическая проблема, а вопрос сохранения основы бытия для всех живых существ, включая человека.

Философия права призвана осмыслить новые субъекты (Гея, биосфера), новые ценности (внутренняя ценность природы) и новые обязанности (бережное сосуществование человека и иных форм жизни в пределах Земли). Международное право, в свою очередь, должно эволюционировать до уровня планетарного стража – хранителя условий, необходимых для продолжения жизни на Земле. Возможно, в будущем историки будут говорить о начале XXI века как о времени второй коперниканской революции – когда люди перестали считать себя юридическим центром мира и признали верховенство и ценность жизни Земли.

Список литературы References

- Баркова Э.В. 2016. К истории экофилософии: голос одухотворенного мира в гармонии взаимодействия человечества и природы в концепции В.С. Соловьева. *Человеческий капитал*, 8: 8-11.
- Barkova E.V. 2016. Towards the History of ecophilosophy: the voice of the spiritualized world in the harmony of the interaction of humanity and nature in the concept of V.S. Solovyov. *Human Capital*, 8:8-11.
- Дмитриева Н.В. 2012. Современное состояние проблемы взаимоотношения природы – человека – общества: социально-философский анализ. *Вестник Саратовского государственного технического университета*, 1-1: 170-175.
- Dmitrieva N.V. 2012. The current state of the problem of the relationship between nature – man – and society: a socio-philosophical analysis. *Bulletin of Saratov State Technical University*, 1-1:170-175.
- Турчин М.Б. 2011. Экофилософская методология как конструктивный фактор течения радикального экологизма. *Гуманитарный вестник ЗДИА*, 47: 105-113.
- Turchin M.B. 2011. Philosophical methodology as a constructive factor in the course of radical environmentalism. *ODIA Humanitarian Bulletin*, 47:105-113.
- Шульга Е.Н. 2018. Экофилософия и символический мир природы: проблема интерпретации. *Logos et Praxis*, 17-1: 22-31.
- Shulga E.N. 2018. Ecophilosophy and the symbolic world of nature: the problem of interpretation. *Logos and Practice*, 17-1:22-31.
- Álvarez-Rondón C.C. 2025. Derechos de la naturaleza en Colombia: dispositivos e instrumentos de gestión ambiental de la administración pública desde una perspectiva de innovación. *DIXI*, 27: 1-16.
- Cardozo D.E., Salles A.A. 2019. Animal Rights Theory from the Legal and Bioethical Perspectives *Derecho Animal (Forum of Animal Law Studies)*, 10/3: 30-46.
- Gare A. 2017. From ‘Sustainable Development’ to ‘Ecological Civilization’: Winning the War for Survival. *Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*, 13-3: 130-153.
- Kim R.E. 2022. Taming Gaia 2.0: Earth system law in the ruptured Anthropocene. *The Anthropocene Review*, 9-3: 299-590.

- Kopytin A., Gare A. 2023. Ecopoiesis: A Manifesto for Ecological Civilization. *Ecopoiesis: Eco-Human Theory and Practice*, 4-1: 6-17.
- Litfin K. 2005. Gaia Theory: Intimations for Global Environmental Politics. *Handbook of Global Environmental Politics*. Editor: P. Dauvergne. Elgaronline, 502-517.
- Lovelock J. 1979. Gaia: A New Look at Life on Earth. *Oxford University Press*, 157 p.
- Lovelock J. 1988. The Age of Gaia A biography Our Living Earth. *New York; London: Norton, Cop.*, 255 p.
- Maldonado D.B. 2019. El constitucionalismo radical ambiental y la diversidad cultural en América Latina. Los derechos de la naturaleza y el buen vivir en Ecuador y Bolivia. *Revista Derecho del Estado*, 42: 3-23.
- Margulis L. 1997. Microcosmos: Four Billion Years of Microbial Evolution. *University of California Press*, 301 p.
- Margulis L., Sagan D. 2024. Gaia and Philosophy. *Silver Press*, 80 p.
- Margulis L., Sagan D., Niles E. 1995. What is life? *New York: Simon & Schuster*, 207 p.
- Paola M.D., Jamieson D. 2018. Climate Change and the Challenges to Democracy. *University of Miami Law Review*, 72: 369-424.
- Serafin R. 1987. Vernadsky's Biosphere, Teilhard's Noosphere, and Lovelock's Gaia: Perspectives on Human Intervention in Global Biogeochemical Cycles. IIASA Working Paper. *IIASA, Laxenburg, Austria*, 1987. 12 p.
- Stoa R. 2015. Droughts, Floods, and Wildfires: Paleo Perspectives on Disaster Law in the Anthropocene. *Georgetown International Environmental Law Review*, 27: 393-446.
- Stone C.D. 1972. Should Trees Have Standing? Toward Legal Rights for Natural Objects. *Southern California Law Review*, 45-2: 450-501.
- Stutzin G. 2002. Nature's Rights: Justice Requires that Nature Be Recognised as a Legal Entity. *Resurgence & Ecologist*, 210: Jan./Feb.
- Webster K. 2013. Missing the wood for the trees: systemic defects and the future of education for sustainable development. *The Curriculum Journal*, 24-2: 295-315.
- Vernadsky V.I. 1998. The Biosphere. *Copernicus*, 195 p.
- Vernadsky V.I. 1945. The Biosphere and the Noosphere. *American Scientist*, 33-1: 1-12.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 16.04.2025

Received April 16, 2025

Поступила после рецензирования 13.05.2025

Revised May 13, 2025

Принята к публикации 20.06.2025

Accepted June 20, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Aleksey P. Anisimov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia.

 [ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3988-2066](https://orcid.org/0000-0003-3988-2066)

 [ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3988-2066](https://orcid.org/0000-0003-3988-2066)

УДК 34.07
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-310-320
EDN SFWFLH

Формы реализации правоохранительной деятельности с позиции теории права

Бадырханов А.Б.

Московский финансово-юридический университет МФЮА
Россия, 115191, г. Москва, ул. Серпуховский вал, д. 17, к. 1
agay.bad@mail.ru

Аннотация. Представление о правоохранительной деятельности, разработка теоретических основ функционирования системы правоохранительных органов и законодательства, в соответствии с которым данный вид деятельности осуществляется, предполагает конкретизацию понятий, формирование определенности в отношении того, какую именно деятельность надлежит рассматривать в качестве правоохранительной, в каких формах она может быть реализована. Цель исследования – выявление существующих несоответствий в теоретических взглядах и подходах законодателя к представлению форм правоохранительной деятельности, определение направлений изменения в теории права и законодательства и описание представления о формах правоохранительной деятельности с позиции теории права. При проведении исследования сопоставлены теоретические взгляды и подход законодателя к определению форм правоохранительной деятельности, что позволило выявить существующие несоответствия и определить возможные направления изменения теории права и законодательства в части того, что именно надлежит рассматривать как формы правоохранительной деятельности. В процессе исследования определено, что имеет место сужение представления о формах правоохранительной деятельности. Сделан вывод о том, что в число форм реализации правоохранительной деятельности целесообразно включить не только те, которые предусмотрены применительно к раскрытию и расследованию преступлений, рассмотрению уголовных дел, пресечения и проведения административного расследования, но и профилактику, которая необходима для снижения уровня правонарушений и преступности.

Ключевые слова: функции государства, правоохранительная функция, государственные органы, разделение властей, правоохранительные органы, правоохранительная деятельность, права человека

Для цитирования: Бадырханов А.Б. 2025. Формы реализации правоохранительной деятельности с позиции теории права. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 50(2): 310–320. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-310-320 EDN: SFWFLH

Forms of Law Enforcement Activity from the Legal Theory Perspective

Agai B. Badyrkhanov

Moscow University of Finance and Law MFUA
17 Serpukhovsky Val St, building 1, Moscow 115191, Russian Federation
agay.bad@mail.ru

Abstract. The perception of law enforcement activity, developing the theoretical foundations of the functioning of the law enforcement agencies system and legislation regulating this activity requires that we specify the concepts and create certainty as to what activity should be considered as law enforcement,

in what forms it can be implemented. The purpose of the study is to present discrepancies in the theoretical views and approaches of legislators to the definition of the forms of law enforcement activity, to identify areas of change in the theory of law and legislation, and to describe the representation of the forms of law enforcement activity from the perspective of law theory. In the course of the study, the theoretical views and the legislators' approach to the definition of law enforcement activity forms were compared, which allowed to identify existing inconsistencies and determine possible directions of change in the theory of law and legislation in terms of what exactly should be considered as forms of law enforcement activity. The study revealed narrowing of the idea of law enforcement activity forms. It is concluded that the forms of implementation of law enforcement activity should include not only those aimed at detection and investigation of crimes, consideration of criminal cases, suppression and administrative investigation, but also prevention, which is necessary to reduce the crime rate.

Keywords: state functions, law enforcement function, state bodies, separation of powers, law enforcement agencies, law enforcement activities, human rights

For citation: Badyrkhanov A.B. 2025. Forms of Law Enforcement Activity from the Legal Theory Perspective. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 310–320 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-310-320 EDN: SFWFLH

Введение

Расширительное толкование понятия «правоохранительная деятельность» в современных условиях создает предпосылки для возникновения неопределенности в отношении того, в каких формах правоохранительная деятельность может быть реализована, хотя непосредственная деятельность строго регламентирована на законодательном уровне.

Правоохранительная деятельность по своему характеру специфична. Будучи реализуемой органами государственной власти, она не может быть однозначно определена как деятельность органов исполнительной власти и иных государственных органов, потому что присутствует специфика и доминирование по отношению к деятельности иных государственных органов в том случае, если имеет место нарушение закона. Помимо этого, в последние десятилетия имеет место трансформация представления о государстве, его функциях, в том числе в аспекте реализации идеи сервисного государства, оказания государственными, в том числе правоохранительными, органами услуг. Как следствие, представление о формах правоохранительной деятельности размыто, имеет место чрезмерно расширительное толкование либо максимальное сужение.

Понятию правоохранительной деятельности, ее осуществлению посвящено достаточно большое количество работ, так же как системе правоохранительных органов. Среди теоретиков права, в работах которых освещаются отдельные аспекты правоохранительной деятельности, можно отметить Бенни В.И., Бескаев А.И., Каретников К.В., Лузько Д.Н., Цыренова А.Б., Лукавченко В.М., Колмогоров М.В., Плюта А.Д., Усатенко С.А., Баркалова Н.А., Чабукиани О.А., Шарофзода Р.Ш.

Правоохранительные органы являются предметом анализа в современной научной литературе с позиции отнесения их к категории государственной службы [Плюта, 2024], в аспекте конкретизации правового статуса [Шарофзода, 2021], организационных аспектов взаимодействия с иными государственными структурами и негосударственными организациями [Бенни, 2023], внутренней организации деятельности, специфики правоохранительной деятельности в различных сферах [Бескаев, 2023; Каретников, 2023; Лузько, Цыренова, 2022]. Даже при наличии значительного количества работ вопрос о формах реализации правоохранительной деятельности является предметом дискуссий в

силу некоторой неопределенности представления о самих формах правоохранительной деятельности.

Цель исследования – сформулировать и обосновать актуальное определение понятия «правоохранительная деятельность», учитывающее как традиционные формы раскрытия и расследования преступлений, так и превентивные меры, направленные на профилактику правонарушений, что необходимо для повышения эффективности работы правоохранительных органов и снижения уровня преступности в обществе.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: охарактеризовать понятие правоохранительной деятельности; исследовать теоретические взгляды на формы реализации правоохранительной деятельности; сформулировать и предложить авторское видение того, в каких формах реализуется правоохранительная деятельность.

Материалы и методы исследования

Формально-логический метод был применен для сравнения теоретических взглядов на деятельность правоохранительных органов с положениями законодательства, что позволило сформировать собственное определение понятия правоохранительной деятельности на основе обобщения и анализа. Сравнительно-правовой метод был использован наряду с методом анализа при исследовании положений законодательства, подходов законодателя к формулированию понятий или отказу от закрепления тех или иных терминов.

Проблемы разграничения понятий

«правозащитная деятельность» и «правоохранительная деятельность»

Государство выполняет ряд функций, в число которых входит обеспечение правопорядка в обществе. Правоохранительная деятельность, как следует уже из самого устоявшегося наименования, предполагает осуществление правоохраны, охраны прав субъектов общественных отношений, в первую очередь – прав человека и гражданина. В силу того, что законодатель в России, используя термин «правоохранительные органы», не конкретизирует их круг в едином документе, не выделяет ту или иную форму деятельности указанных органов как правоохранительную, в отношении понятия правоохранительной деятельности продолжаются научные дискуссии.

Основная проблема – это разграничение понятий «правозащитная деятельность» и «правоохранительная деятельность», которые достаточно часто отождествляются, например, за счет указания на то, что защита прав и охрана прав – это полностью идентичная деятельность [Бенни, 2023], а некоторыми исследователями [Лукавченко, Колмогоров, 2023] разграничиваются как не имеющие практически общих признаков. Кроме того, присутствует определенная проблема выделения круга субъектов, которые вправе осуществлять правоохранительную деятельность, конкретизации форм.

В некоторых научных исследованиях понятие правоохранительной деятельности расширяется за счет отнесения к формам ее осуществления абсолютно всех видов деятельности, выполняемых правоохранительными органами [Советкина, 2022]. Более правильной представляется точка зрения, согласно которой правозащита может осуществляться как государственными органами, так и негосударственными структурами, в то время как правоохрана – это исключительно прерогатива государственных органов [Лукавченко, Колмогоров, 2023].

Правоохранительная деятельность осуществляется исключительно государством в целях обеспечения правопорядка в обществе. Именно такое понимание сущности и целей правоохранительной деятельности является наиболее распространенным в теории права, когда имеет место характеристика правоохранительной деятельности в правовом государстве. Единого и приемлемого для всех теоретиков права и исследователей

определения тому, что же представляет собой правоохранительная деятельность, нет. Поэтому при анализе форм реализации правоохранительной деятельности в рамках настоящего исследования предлагается исходить из определения правоохранительной деятельности как осуществляемой только государственными органами и только для целей пресечения и расследования правонарушений, противодействия преступности, в том числе путем профилактики, раскрытия и расследования преступлений, а также рассмотрения дел судами (определение авторское). Это определение допустимо несколько расширить за счет включения стадии исполнения, потому что система органов исполнения наказания по причине наличия у них полномочий в рамках уголовного процесса должна быть включена в систему правоохранительных органов. Только при таком понимании правоохранительная деятельность будет представлять собой комплекс мер, направленный на обеспечение правопорядка в обществе.

Расширительное толкование понятия правоохранительной деятельности в научной литературе во многом обусловлено тем, что правоохранительная деятельность рассматривается как функция государства [Шарофзода, 2021]. Такое понимание сущности влияет и на определение форм реализации правоохранительной деятельности, то есть предполагается, что любые функции государственных органов, отнесенных к числу правоохранительных, определяются как форма реализации правоохранительной деятельности. Некоторые исследователи, с чьим мнением можно полностью согласиться, полагают, что деятельность по пресечению и раскрытию административных правонарушений также надлежит рассматривать как правоохранительную [Усатенко, Баркалова, 2023].

Представляется, что описанная характеристика не является в полной мере корректной. В целом, безусловно, любые правомерные действия, любая законная деятельность правоохранительных органов ориентирована на обеспечение правопорядка в государстве. Вместе с тем целесообразно сужать понятие правоохранительной деятельности до той, которая непосредственно связана с противодействием преступности, а также осуществлением преследования лиц, совершающих административные правонарушения, превенции преступности и административных правонарушений, профилактики. В этом случае будет устранена проблема толкования услуг, которые предоставляют государственные органы, как правоохранительной деятельности (например, услуг, связанных с совершением регистрационных действий, услуг в рамках разрешительных систем), потому что сам процесс предполагает взаимодействие с законопослушными гражданами и является ориентированным на создание системы стабильности, упорядочение общественных отношений.

Понятие «форма правоохранительной деятельности» в законодательстве нашего государства не закреплено. Как следствие, присутствуют в научной литературе разные точки зрения, начиная от описанных выше, когда любая деятельность правоохранителей рассматривается как правоохранительная, завершая сужением исключительно до деятельности, связанной с раскрытием и расследованием уголовных дел (как в форме дознания, так и в форме следствия) – оперативно-розыскной деятельности, а также участием в производстве по делам об административных правонарушениях [Плюта, 2024]. Присутствуют мнения относительно того, что правоохранительная деятельность – это та, которая направлена на обеспечение общественного порядка [Бескаев, 2023].

Совокупно анализируя существующие теоретические взгляды на правоохранительную деятельность как самостоятельное понятие, принимая во внимание отсутствие в законодательстве России определения «правоохранительная деятельность», можно предложить следующую его формулировку: под правоохранительной понимается деятельность уполномоченных государственных органов, направленная на осуществление профилактики, превенцию преступной деятельности и административных правонарушений, пресечение, раскрытие и расследование преступлений и административных

правонарушений, а также деятельность, в рамках которой виновные привлекаются к ответственности и принуждаются к наказанию.

При таком понимании возможных форм правоохранительной деятельности спорным становится вопрос о наличии или отсутствии основания для выделения профилактики преступности и правонарушений как самостоятельной формы правоохранительной деятельности. Подход представляется некорректным в том числе потому, что он предполагает исключение судов и системы наказания из правоохранительной деятельности.

Если рассматривать формы правоохранительной деятельности последовательно с учетом стадийности, то необходимо в качестве первоначальной стадии, как представляется, выделять профилактику преступной деятельности и профилактику правонарушений. Законодательство Российской Федерации основано на разделении профилактики преступности и профилактики правонарушений. Профилактика правонарушений в действующем законодательстве определена как «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения»¹. Буквальное толкование данного нормативного определения сущности профилактики правонарушений позволяет утверждать, что деятельность в данной части является комплексной, предполагающей одновременно устранение предпосылок, условий для совершения правонарушений, то есть непосредственную превенцию, а также воздействие на лиц, как склонных к совершению правонарушений, так и полностью законопослушных, а также тех, кто уже ранее совершал правонарушения.

Применительно к профилактике преступности законодатель не использует прием разработки единого федерального закона, определяющего ее сущность и способы проведения. Правовое регулирование в данном случае основано на выставлении акцентов на отдельных категориях граждан – на несовершеннолетних², на лицах, уже привлеченных к уголовной ответственности, при установлении административного надзора³.

Способы осуществления профилактики различны. Они включают воспитание несовершеннолетних, проведение бесед, популяризацию законопослушного поведения, повышение уровня правовой культуры и правосознания, а также реакцию правоохранительных органов на выявленные, то есть уже существующие условия, которые надлежит устранить, чтобы впредь правонарушения не совершались. Реагирование правоохранительными органами осуществляется путем внесения представлений, которые являются обязательными для исполнения.

Проведение профилактики предполагается и в отношении лиц, отбывающих наказание, как способ предотвращения повторного совершения преступлений и правонарушений. Особое внимание при этом уделяется несовершеннолетним, потому что в отношении них, согласно наиболее распространенному мнению, профилактические меры более эффективны, чем в отношении лиц старшего возраста [Кузнецова и др., 2018].

Исследователи отмечают, что в отношении несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях, применяются особые профилактические меры, потому что так или иначе на формирование законопослушного поведения несовершенно-

¹ Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации (в действующей редакции) // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.

² Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в действующей редакции) // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

³ Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (в действующей редакции) // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.

нолетних ориентированы все сотрудники, а не только те, в обязанности которых это входит [Каретников, 2023]. Утверждение представляется верным, потому что система исправления должна предполагать комплексное воздействие.

Отметить следует и еще один момент. Усиление акцента на профилактике административных правонарушений и преступности среди несовершеннолетних в научной литературе связывается с необходимостью формирования более правильного и приемлемого для правового государства воспитания молодежи [Каретников, 2023], что представляется бесспорным.

На практике вопрос о профилактической деятельности иногда правоприменителями понимается неверно. В частности, отсутствует понимание того, что именно и кому надлежит осуществить в случае поступления представления. Например, по делу, рассмотренному Восьмым кассационным судом общей юрисдикции, дискуссионным стал вопрос о том, что и кому надлежит сделать для исключения последующего нарушения закона, заключающегося в предоставлении заключенным средств связи. Заявитель настаивал, что внесенное представление предполагает не усиление контроля в отношении режима в учреждении, а активизацию оперативно-розыскной деятельности. С таким толкованием закона суды не согласились, обоснованно указав на то, что при соблюдении режимных требований незаконная доставка осужденным средств связи невозможна¹.

Не оспаривая правильности позиций судов и не углубляясь в исследование данного примера из судебной правоприменительной практики, можно отметить, что представление о профилактике среди правоприменителей сформировано недостаточно. Отсутствует понимание того, что профилактика – это создание условий, при которых совершение правонарушения становится невозможным в принципе. Воздействие на потенциальных правонарушителей – это второй аспект профилактики, более сложный и несколько устаревший по своей сути. Его допустимо рассматривать как анахронизм, сохранившийся с советских времен, когда в числе основных постулатов было воспитание, а государство исходило из того, что возможно перевоспитать даже взрослого человека [Гайдук, Зюськин, 2021], что не соответствует действительности. Ведь современные исследования в области криминологии и психологии подтверждают, что зрелые индивиды значительно сложнее поддаются перевоспитанию, чем это считалось в прежние времена [Вертягина и др., 2024]. Воздействовать в определенной мере можно, сформировать представление о запретности деяний также возможно, но основной сдерживающий фактор – это только угроза наказания. Чем строже угроза, тем эффективнее воздействие [Коттино, 2008].

Профилактика как одна из форм правоохранительной деятельности

Несмотря на всю существующую критику профилактики и ее эффективности, можно утверждать, что профилактику все же следует рассматривать как одну из форм правоохранительной деятельности, потому что она преследует цель превенции как преступности, так и правонарушений. Профилактика необходима и возможна. По поводу возможности следует отметить, что не все методы, применяемые в современных условиях, можно рассматривать в качестве действенных, не во всех случаях представляется возможным провести профилактику, но в правовом государстве, где определяющим поведением граждан должно стать правосознание, где присутствует цель повышения правовой культуры населения, проведение профилактики необходимо. Тем самым государство осуществляет правоохранительную деятельность, предотвращая совершение преступлений и правонарушений.

¹ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2023 № 88А-21521/2023 // URL: <https://www.consultant.ru/>.

Иной формой правоохранительной деятельности является оперативно-розыскная, проведение которой, в силу действующего законодательства, ориентировано не только на раскрытие и расследование уже совершенных преступных деяний, но и на выявление подготовки с целью пресечения возможной преступной деятельности¹. Именно эта форма правоохранительной деятельности позволяет наиболее эффективно осуществлять сбор необходимой информации, то есть способствовать повышению эффективности. Однако она подвергается критике как теоретиками, так и практиками, потому что законодатель определил допустимость не только гласных, но и негласных мероприятий, а также отнес результаты оперативно-розыскной деятельности к категории государственной тайны². Критикуется оперативно-розыскная деятельность и в силу того, что она предполагает применение методов, которые не одобряются с позиции морали и нравственности, а в некоторых случаях пограничны с преступной деятельностью или провоцируют на ее осуществление [Лузько, Цыренова, 2022].

Не углубляясь в анализ проблем оперативно-розыскной деятельности, которая, безусловно, необходима как правоохранительная и направленная на противодействие преступности, можно отметить следующее. Вопрос о правомерности, легальности всех оперативно-розыскных мероприятий, в рамках которых нередко фактически присутствует провокация, достаточно сложный и в настоящее время не имеющий однозначного решения. Полностью гласные оперативно-розыскные мероприятия не дадут нужного результата, что уже проверено и подтверждено в процессе развития человечества. Порицаемые и открыто противоправные методы воздействия дают результат, но вседозволенность опасна, потому что в итоге уже сотрудники правоохранительных органов не отличаются от преступников. Такие сотрудники даже опаснее преступников, потому что действуют открыто, осознавая собственную безнаказанность. Данная тема заслуживает отдельного исследования. В рамках настоящей работы можно утверждать, что без оперативно-розыскной деятельности раскрытие и расследование преступлений невозможно за редким исключением, когда они совершаются в условиях очевидности, а виновный признает свою вину. Поэтому данный вид правоохранительной деятельности необходим для государства и общества как обеспечивающий эффективное противодействие преступности.

В отношении иных форм правоохранительной деятельности можно отметить, что они осуществляются последовательно и в ситуации, когда уже имело место нарушение закона, то есть совершено правонарушение или преступление. При этом в отношении расследования уголовных дел как правоохранительной деятельности предусмотрена стадийность. Стадии выделяются исследователями и теоретиками права различным образом. Иногда отграничиваются только две стадии – стадия предварительного расследования и судебная стадия [Кудрявцев, Кудрявцева, 2015], а в некоторых случаях имеет место дробление [Егорова, 2022], но общее у всех взглядов то, что каждая стадия – это самостоятельный этап, с самостоятельными целями, особенностями осуществления, спецификой субъектного состава [Чабукиани, 2022].

Дискуссионным является вопрос о том, надлежит ли рассматривать деятельность органов прокуратуры, а также отправление правосудия, как правоохранительную. В основе дискуссии два важных аспекта. Первый – это установление границ правоохранительной деятельности, то есть определение момента того, когда деятельность надлежит рассматривать в качестве правоохранительной. Второй – выполнение

¹ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в действующей редакции) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» (в действующей редакции) // СЗ РФ. 1997. № 41. Ст. 8220.

государственными органами деятельности, которая не может быть напрямую определена как правоохранительная. Если в отношении отправления правосудия в рамках настоящей работы сделан вывод о том, что оно включено в правоохранительную деятельность, то по отношению к прокурорскому надзору сложно сделать однозначный вывод. Причина заключается в том, что органы прокуратуры являются, в силу их нормативной характеристики, исключительно надзорными¹. Некоторое отличие практических аспектов реализации прокурорского надзора от нормативных приводит к тому, что органы прокуратуры рассматриваются и как правозащитники, и как правоохранители, и как система, которая самостоятельная и не может быть отнесена ни к правозащитникам, ни к правоохранителям.

Органы прокуратуры, как надзирающие за соблюдением законности, наделены достаточно широким кругом полномочий. Сферы надзора также фактически не ограничены, хотя и конкретизированы в законе. Необходимо принимать во внимание то, что лишь часть функциональных задач органов прокуратуры непосредственно связана с правоохранительной деятельностью, а в остальном происходит надзор за соблюдением законов. Например, надзор за соблюдением трудовых прав предполагает возможность реагирования в том случае, когда по результатам проверки усматриваются нарушения. Однако сама деятельность, в рамках которой осуществляется проверка и, при наличии к тому оснований – реагирование на выявленные решения, осуществление расследования – виновные в преступлении или совершении административного правонарушения наказаны, не должна рассматриваться в качестве правоохранительной. В данном случае уместна аналогия с разделением деятельности иных правоохранительных органов на ту, в рамках которой оказываются государственные услуги, и непосредственно на правоохранительную.

Заключение

Таким образом, правоохранительная деятельность как комплексное понятие реализуется в различных формах. В силу того, что отсутствует единое принимаемое в теории права мнение на сущность правоохранительной деятельности, нет и общепринятого понятия форм правоохранительной деятельности.

Проведенное исследование позволило разработать и предложить следующую формулировку понятия «правоохранительная деятельность»: под правоохранительной понимается деятельность уполномоченных государственных органов, направленная на осуществление профилактики, превенцию преступной деятельности и административных правонарушений, пресечение, раскрытие и расследование преступлений и административных правонарушений, а также деятельность, в рамках которой виновные привлекаются к ответственности и принуждаются к наказанию.

На основе данного определения, с учетом проведенного комплексного анализа теоретических взглядов, положений законодательства и правоприменительной практики, сделан вывод, что в число форм реализации правоохранительной деятельности целесообразно включить не только те, которые предусмотрены применительно к раскрытию и расследованию преступлений, рассмотрению уголовных дел, пресечения и проведения административного расследования, но и профилактику, которая необходима для снижения уровня правонарушений и преступности. Судебный контроль и рассмотрение судами уголовных дел, а также дел об административных правонарушениях по существу определены как одна из форм реализации правоохранительной деятельности.

¹ Закон РФ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 30.09.2024) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

Список литературы

- Бенни В.И. 2023. Выведение правозащитной деятельности прокуратуры за содержательные границы правоохранительной деятельности. *Бизнес и общество*. № 4 (40). EDN USPTJB.
- Бескаев А.И. 2023. Правоохранительная деятельность, как приоритетное направление деятельности территориального органа МВД России по субъекту Российской Федерации. Правовые и социально-экономические проблемы современной России: теория и практика. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции. Пенза. С. 48-52.
- Вертягина Е.А., Стрельцова Е.В., Южанинов А.Л. 2024. Юридическая психология. Основы психологии профессиональной деятельности: учебно-методическое пособие. Саратов : Саратовский источник, 278 с. ISBN 978-5-9999-3654-7. EDN UUNKZK.
- Гайдук М.А., Зюськин А.А. 2021. Культура в контексте задач молодежной политики России. Общество-Экономика. Культура: актуальные проблемы, практика решения: сборник научных статей. В 2-х ч. Ч. 1. IX Международная научно-практическая конференция [Электронный ресурс]: сборник научных статей / под общ. ред. д-ра экон. наук, Г.М. Гриценко; С.-Петерб. ун-т технол. упр. и экон. Электрон. дан. (3,90 Мб). Барнаул: Изд-во СПБУТУиЭ, 2021. С. 3-11.
- Егорова Е.В. 2022. О целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. № 2(49). С. 315-325. DOI 10.17308/law/1995-5502/2022/2/315-325.
- Каретников К.В. 2023. Общая профилактика групповых правонарушений осужденных в воспитательных колониях: организационно-правовой аспект. Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXIII Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк. С. 216-220. EDN XZDFEK.
- Коттино А. 2008. Предупреждение и сдерживание преступности: западные убеждения против традиционных правовых обычаев. *Международный журнал Красного Креста*. 2008. №870. С. 111-129.
- Кудрявцев А.В., Кудрявцева О.Г. 2015. Стадия возбуждения уголовного дела или стадия предварительного расследования: что должно остаться в уголовном процессе России? *Проблемы экономики и юридической практики*. №1. С. 105-107.
- Кузнецова И.А., Александров Б.В., Мейер Ю.А. 2018. Психологические особенности несовершеннолетних осужденных. *АНИ: педагогика и психология*. №4 (25). С. 318-322.
- Лузько Д.Н., Цыренова А.Б. 2022. К вопросу о понятии «провокация» в оперативно-розыскной деятельности. *Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России*. № 3 (17). С. 48-53. EDN HAEFHK.
- Лукавченко В.М., Колмогоров М.В. 2023. К вопросу о соотношении понятий «правозащитная деятельность» и «правоохранительная деятельность». Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение. Сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Поволжская научная корпорация». С. 447-452.
- Плюта А.Д. 2024. Функции правоохранительной деятельности. Актуальные проблемы противодействия преступности в России и пути их решения. Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных трудов. Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя. С. 207-213. EDN GCZYRB.
- Советкина А.С. 2022. Соотношение понятий «правозащитная деятельность» и «правоохранительная деятельность» // *Наука XXI века: актуальные направления развития*. № 2-2. С. 203-206. DOI 10.46554/ScienceXXI-2022.10-2.2-pp.203.
- Усатенко С.А., Баркалова Н.А. 2023. Правоохранительная деятельность таможенных органов и ее формы. Современные тенденции развития торговли и таможенного дела. Тезисы докладов и выступлений IX Международной научной конференции молодых ученых. Донецк: Донецкий государственный университет. С. 137-140. EDN FFXYFM.
- Чабукиани О.А. 2022. Рассуждения об этапах и временных рамках стадии предварительного расследования. *Пробелы в российском законодательстве*. Т. 15. № 3. С. 256-260.
- Шарофзода Р.Ш. 2021. Развитие понятия «правоохранительная деятельность» в рамках углубленных теоретических подходов. Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXVI международной научно-практической конференции. Иркутск. С. 364-370. EDN ORJLWB.

References

- Benny V.I. 2023. Vyvedenie pravozashhitnoj dejatel'nosti prokuratury za sodержatel'nye granicy pravoohranitel'noj dejatel'nosti. [The removal of the human rights activities of the prosecutor's office beyond the substantive boundaries of law enforcement activities]. *Business and society*. № 4 (40). EDN USPTJB.
- Beskaev A.I. 2023. Pravoohranitel'naja dejatel'nost', kak prioritnoe napravlenie dejatel'nosti territorial'nogo organa MVD Rossii po sub#ektu Rossijskoj Federacii. [Law enforcement activities as a priority area of activity of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the subject of the Russian Federation]. *Pravovye i social'no-jekonomicheskie problemy sovremennoj Rossii: teorija i praktika* [Legal and socio-economic problems of modern Russia: theory and practice]. Collection of articles of the XI International Scientific and Practical Conference. Penza. pp. 48-52. EDN RGECD0.
- Vertyagina E.A., Streltsova E.V., Yuzhaninov A.L. 2024. Juridicheskaja psihologija. Osnovy psihologii professional'noj dejatel'nosti: uchebno-metodicheskoe posobie [Legal psychology. Fundamentals of psychology of professional activity: an educational and methodical manual]. Saratov: Saratov Source. 278 p.
- Gaiduk M.A., Zyuskin A.A. 2021. Kul'tura v kontekste zadach molodezhnoj politiki Rossii. [Culture in the context of the tasks of youth policy in Russia]. *Obshhestvo-Jekonomika. Kul'tura: aktual'nye problemy, praktika reshenija: sbornik nauchnyh statej* [Society is an Economy. Culture: current problems, practical solutions: a collection of scientific articles]. In 2 hours, Part 1. IX Scientific and Practical International Conference [Electronic resource]: collection of scientific articles / under the general editorship of Doctor of Economics, G.M. Gritsenko; St. Petersburg University of Technology and Economics. Electron. dan. (3.90 Mb). Barnaul: Publishing House of Spbuie, pp. 3-11.
- Egorova E.V. 2022. O celesoobraznosti sohraneniya stadii vzbuzhdenija ugovolnogo dela v ros-sijskom ugovolnom processe [On the expediency of maintaining the stage of initiation of criminal proceedings in the Russian criminal process]. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*. No. 2(49). pp. 315-325. DOI 10.17308/law/1995-5502/2022/2/315-325 GOOD AFTERNOON.
- Karetnikov K.V. 2023. Obshhaja profilaktika gruppovyh pravonarushenij osuzhdennyh v vospitatel'nyh kolonijah: organizacionno-pravovoj aspekt. [General prevention of group offenses of convicts in educational colonies: organizational and legal aspect]. *Ugovolno-ispolnitel'naja sistema segodnja: vzaimodejstvie nauki i praktiki* [The penal enforcement system today: the interaction of science and practice]. Materials of the XXIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk. pp. 216-220. EDN XZDFEK.
- Cottino A. 2008. Preduprezhdenie i sderzhivanie prestupnosti: zapadnye ubezhdenija protiv tradicionnyh pravovyh obychaev [Crime prevention and deterrence: Western beliefs versus traditional legal practices]. *International Journal of the Red Cross*. 2008. No. 870. pp. 111-129.
- Kudryavtsev A.V., Kudryavtseva O.G. 2015. Stadija vzbuzhdenija ugovolnogo dela ili stadija predvaritel'nogo rassledovanija: chto dolzhno ostat'sja v ugovolnom processe Rossii? [The stage of initiation of a criminal case or the stage of preliminary investigation: what should remain in the Russian criminal process?] *Problems of economics and legal practice*. No. 1. pp. 105-107.
- Kuznetsova I.A., Alexandrov B.V., Meyer Yu.A. 2018. Psihologicheskie osobennosti nesovershennoletnih osuzhdennyh [Psychological characteristics of juvenile convicts]. *ANI: Pedagogy and psychology*. No. 4 (25). pp. 318-322.
- Luzko D.N., Tsyrenova A.B. 2022. K voprosu o ponjatii «provokacija» v operativno-rozysknoj dejatel'nosti. [On the issue of the concept of «provocation» in operational investigative activities]. *Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3 (17). pp. 48-53. EDN HAEFHK.
- Lukavchenko V.M., Kolmogorov M.V. 2023. K voprosu o sootnoshenii ponjatij «pravozashhitnaja dejatel'nost'» i «pravoohranitel'naja dejatel'nost'». [On the question of the relationship between the concepts of «human rights activities» and «law enforcement activities»]. *Pravozashhitnaja dejatel'nost' v sovremennoj Rossii: problemy i ih reshenie* [Human rights activities in modern Russia: problems and their solution]. Collection of scientific papers of the IX International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg: Volga Scientific Corporation Limited Liability Company. pp. 447-452.

- Pluta A.D. 2024. Funkcii pravoohranitel'noj dejatel'nosti. Aktual'nye problemy protivodejstvija prestupnosti v Rossii i puti ih reshenija. [The functions of law enforcement]. Aktual'nye problemy protivodejstvija prestupnosti v Rossii i puti ih reshenija [Current problems of crime prevention in Russia and ways to solve them]. All-Russian Scientific and Practical Conference: collection of scientific papers. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. pp. 207-213. EDN GCYRB.
- Sovetkina A.S. 2022. Sootnoshenie ponjatij «pravozashhitnaja dejatel'nost'» i «pravoohranitel'naja dejatel'nost'» [The relationship between the concepts of «human rights activities» and «law enforcement activities»]. *Science of the XXI century: current directions of development*. No. 2-2. pp. 203-206. DOI 10.46554/ScienceXXI-2022.10-2.2- pp.203.
- Usatenko S.A., Barkalova N.A. 2023. Pravoohranitel'naja dejatel'nost' tamozhennyh organov i ee formy. [Law enforcement activities of customs authorities and their forms]. *Sovremennye tendencii razvitiya trgovli i tamozhennogo dela* [Current trends in the development of trade and customs]. Abstracts of reports and speeches of the IX International Scientific Conference of Young Scientists. Donetsk: Donetsk State University. pp. 137-140. EDN FFXYFM.
- Chabukiani O.A. 2022. Rassuzhdenija ob jetapah i vremennyh ramkah stadii predvaritel'nogo rassledovanija. [Discussions about the stages and time frames of the preliminary investigation stage]. *Gaps in Russian legislation*. Vol. 15. No. 3. pp. 256-260.
- Sharofzoda R.S. 2021. Razvitie ponjatija «pravoohranitel'naja dejatel'nost'» v ramkah uglublennyh teoreticheskikh podhodov. [The development of the concept of «law enforcement activity» within the framework of in-depth theoretical approaches]. *Dejatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v sovremennyh uslovijah* [The activity of law enforcement agencies in modern conditions]. Collection of materials of the XXVI International scientific and practical conference. Irkutsk. pp. 364-370. EDN ORJLWB.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 12.02.2025
Поступила после рецензирования 26.03.2025
Принята к публикации 1.06.2025

Received February 12, 2025
Revised March 26, 2025
Accepted June 1, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бадырханов Агай Байматович, аспирант кафедры гражданско-правовых и финансово-правовых дисциплин, Московский финансово-юридический университет МФЮА, г. Москва, Россия.

 [ORCID: 0009-0001-2191-3453](https://orcid.org/0009-0001-2191-3453)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Agai B. Badyrkhanov, Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Financial Law Disciplines, Moscow University of Finance and Law, MFUA, Moscow, Russia.

 [ORCID: 0009-0001-2191-3453](https://orcid.org/0009-0001-2191-3453)

УДК 340.1
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-321-330
EDN VABETK

Классификация правового регулирования: основания, проблемы, противоречия

Богатырёв М.Р.

Грозненский государственный нефтяной технический университет
имени академика М.Д. Миллионщикова,
Россия, 364051, Чеченская Республика, г. Грозный, пр. им. Х.А. Исаева, д. 100
m.boghatyriov@mail.ru

Аннотация. Представлен комплексный анализ существующих в юридической науке подходов к классификации и типологизации правового регулирования, выделены их теоретико-методологические основания, а также специфические критерии, такие как предмет, методы, способы, субъектный состав и характер юридического воздействия. Особое внимание уделяется разграничению понятий типов и видов правового регулирования, а также выявлению проблем и противоречий, возникающих при многоаспектной классификации. Автор обосновывает необходимость систематизации и актуализации классификационных моделей в условиях правовой модернизации и появления новых объектов регулирования (цифровые технологии, искусственный интеллект и др.). Сделан вывод о диалектическом взаимодействии классификационного и типологического подходов как инструментов научного анализа правовой действительности.

Ключевые слова: правовое регулирование, типология, классификация, теоретико-методологические основания, проблемы классификации, противоречия классификации, инновационный подход

Для цитирования: Богатырёв М.Р. 2025. Классификация правового регулирования: основания, проблемы, противоречия. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 321–330. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-321-330 EDN: VABETK

Classification of Legal Regulation: Grounds, Problems, and Contradictions

Magomed R. Bogatyrev

Grozny State Petroleum Technical University named after academician M.D. Millionshchikov,
100 Kh.A. Isaev ave, Grozny, Chechen Republic 364051, Russian Federation
m.boghatyriov@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of classifying legal regulation as a key area in the general theory of law. The author conducts a comprehensive analysis of existing approaches to the classification and typologization of legal regulation in legal science, highlighting their theoretical and methodological foundations, as well as specific criteria such as the subject, methods, techniques, subject composition and nature of legal impact. Special attention is paid to the differentiation of the concepts of types and varieties of legal regulation, as well as to the identification of problems and contradictions that arise in the multidimensional classification. The author substantiates the need to systematize and update classification models in the context of legal modernization and the emergence of new regulatory objects (digital technologies, artificial intelligence, etc.). The conclusion is made about the dialectical interaction of classification and typological approaches as tools for scientific analysis of legal reality.

Keywords: legal regulation, typology, classification, theoretical and methodological foundations, classification problems, classification contradictions, innovative approach

For citation: Bogatyrev M.R. 2025. Classification of Legal Regulation: Grounds, Problems, and Contradictions. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 321–330 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-321-330 EDN: VABETK

Введение

Проблема классификации правового регулирования занимает важное место в общей теории права. Традиционно правовое регулирование определяется как целенаправленное упорядочивающее воздействие государства с помощью правовых средств и методов на общественные отношения. Данный процесс является основным способом реализации права в социальном управлении и включает в себя установление юридических норм, их соблюдение, исполнение, использование и применение, посредством чего достигается устойчивость и предсказуемость общественных связей. Однако правовое регулирование не является статичным, монолитным явлением, оно варьируется в зависимости от различных факторов, что порождает необходимость его классификации. Корректная классификация правового регулирования имеет как теоретическое, так и практическое значение: она позволяет глубже понять внутреннее строение права, выделить общие принципы и особенности его воздействия на общественные отношения, а также повысить эффективность правотворчества и правоприменения с учетом специфики предмета, методов и способов регулирования.

В юридической науке вопросами классификации правового регулирования занимались многие исследователи. Основы теории правового регулирования были заложены в классических научных трудах советского периода Л.С. Явича [1957], В.М. Горшенёва [1963], С.С. Алексеева [1966], Н.И. Матузова [1972], Ф.Н. Фаткуллина [1980] и других, в которых предлагались различные подходы к типологии правовых явлений, выделялись базовые типы (общедозволительный и разрешительный), методы (императивный и диспозитивный) и уровни правового регулирования. В последующие годы в трудах Т.В. Кашаниной [1991], А.И. Бобылева [2002], А.В. Малько и И.С. Морозовой (Барзиловой) [Малько, Морозова, 2004], И.Я. Минникеса [2008], Г.С. Беляевой [2013] были подробно исследованы соотношение нормативного и индивидуального, централизованного и децентрализованного регулирования, проблематика правовых режимов и иных комплексных инструментов правового регулирования.

Работы последних лет затрагивают новые тенденции классификации правового регулирования и его инструментария, например, влияние цифровизации и глобализации на системы регулирования, феномен «мягкого» права и возможности негосударственного правового регулирования, другие дискуссионные аспекты и новые подходы, расширяющие представления о формах регулирования [Кожокар, 2020]. Вместе с тем в научной литературе отсутствует единый подход к классификации правового регулирования: учёные используют разные критерии и терминологию, что обуславливает актуальность проведения систематизации сложившихся традиционных подходов к его классификации, а также порождаемых ими проблем и противоречий, что и стало целью данного исследования.

Теоретико-методологические основания классификации правового регулирования

Прежде чем переходить к конкретным основаниям классификации, необходимо определить исходные теоретико-методологические положения относительно понимания классификации в правовых исследованиях, соотношения типов, видов и методов правового регулирования.

Классификация, согласно словарно-энциклопедическим источникам, представляет собой «общенаучное и общеметодологическое понятие, означающее такую форму

систематизации знания, когда вся область изучаемых объектов представлена в виде системы классов, или групп, по которым эти объекты распределены на основании их сходства в определенных свойствах»¹. Применительно к объекту исследования классификация предполагает распределение некоторых условных «проявлений» правового регулирования (определенных в критериях – основаниях для классификации, отражающих существенные признаки этих объектов) по группам.

Методологически важным при построении научно обоснованной классификации является требование не смешивать разнородные основания классификации: каждый критерий должен применяться последовательно, образуя свою систему деления. В противном случае возможны пересечения и дублирование категорий, что затрудняет теоретический анализ. Например, если в одном критерии классификации правового регулирования взять за основу одновременно и предмет правового регулирования (сферу, отрасль права), и масштаб действия правовых норм, то один и тот же фрагмент реальности можно будет отнести к нескольким типам и цели классификации – фиксации закономерных связей, определение места объекта в системе, его свойств и т. д.² – не будут достигнуты. Поэтому важно различать типологизацию и классификацию правового регулирования.

В теории права под влиянием учения С.С. Алексеева о структуре права сформировалось представление о способах (дозволение, запрет и позитивное обязывание) и базовых типах правового регулирования – общедозволительном и разрешительном [Алексеев, 1966] (в интерпретации некоторых авторов – запретительном).

В самом общем виде, общедозволительный тип («разрешено все, что не запрещено законом») реализуется посредством диспозитивного метода в области частноправового регулирования. Разрешительный (или запретительный) тип исходит из принципа: «запрещено все, что прямо не разрешено законом», реализуется преимущественно императивным методом в публично-правовой сфере. Такое разделение на два типа отражает противоположные модели правового воздействия – от максимально свободной до максимально ограниченной.

В более поздних трудах, посвященных типологии правового регулирования, ряд авторов допускает существование и иных типов правового регулирования. Так, А.Ф. Черданцевым, в дополнение к двум вышеперечисленным, выделен дозвоительно-обязывающий тип правового регулирования, основанный на позитивном обязывании и выраженный формулой: «дозволено только то, что прямо разрешено в законе». Именно данный тип, по мнению А.Ф. Черданцева, применим при правовом регулировании статуса государственных органов, поскольку при разрешительном регулировании государственным органам каждый раз пришлось бы получать разрешение на совершение тех или иных действий³. М.Ю. Осипов дополняет типологию дозвоительно-запрещающим и обязывающим типами правового регулирования⁴.

В статье В.А. Цыгановкина выдвигается идея о существовании дискреционного и институционного типов правового регулирования. По словам данного автора, понятия дискреционности и институционности представляют парные юридические категории и формируют соответствующие типы и методы правового регулирования. Институционный метод отражает «способ формирования правовых структур (норм и институтов), позволяющий придать им строго определенный характер и сводящий к минимуму усмотрение публично-властного субъекта (правоприменителя) при решении дела по

¹ Новая философская энциклопедия/ Под редакцией В. С. Стёпина: В 4 тт. М.: Мысль. 2001. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/524/КЛАССИФИКАЦИЯ?ysclid=m97i2gks7w768891779 (дата обращения: 11.04.2025)

² Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева. М., 1983. С. 257.

³ Черданцев А.Ф. Теория государства и права. Учебник для вузов. М.: Юрайт, 1999. С. 343-344.

⁴ Осипов М.Ю. Правовое регулирование как динамическая система: понятие, структура, функции: диссертация ... кандидата юридических наук. М., 2008. С. 16.

существо». Напротив, дискреционный метод воплощает «способ построения правовых норм, фиксирующий возможность свободы усмотрения публично-властных субъектов и применяемый либо в целях восполнения пробелов в праве, либо как необходимая для выполнения определенных задач постоянная функция этих субъектов» [Цыгановкин, 2011]. С критикой позиции В.А. Цыгановкина выступает Е.М. Кузьмина, по мнению которой дискретность не присуща правовому регулированию, ибо в таком случае оно «теряет целостность, связанность и предсказуемость», «лишается качества... правового» [Кузьмина, 2013, с. 46]. В свою очередь, Е.К. Шавырин применительно к методологии юридической науки предлагает рассматривать тип правового регулирования как «теоретическую конструкцию, отображающую научные представления о существенных чертах, свойствах и строении процесса воздействия на общественные отношения определенных правил...». Структурными типами правового регулирования данный автор считает публично-правовой и частно-правовой типы правового регулирования¹.

Принимая во внимание вышеназванные подходы, считаем наиболее обоснованным понимать под типом правового регулирования определенный порядок, сложившийся применительно к определенной сфере общественных отношений и основанный на особом сочетании способов (дозволений, запретов, обязываний – предписаний) и методов (императивного, диспозитивного, поощрительного, рекомендательного).

Рассматривая соотношение типов и видов, типологизации и классификации правового регулирования, применительно к настоящему исследованию, необходимо отметить, что понятие «типы» правового регулирования привязано к сочетанию способов и методов правового регулирования и их различие обусловлено особым сочетанием этих способов и методов. В свою очередь, классификация правового регулирования имеет в своей основе различные критерии – предмет, метод, способ, масштаб правового регулирования и т. д. Таким образом, классификация и типология правового регулирования находятся в диалектическом единстве. Классификация создаёт основу для структурного анализа, а типология обеспечивает глубинное понимание сущности правового воздействия. При исследовании правового регулирования целесообразно применять оба подхода – классификационный для конкретизации, типологический для теоретического осмысления и прогноза развития правовой системы.

Основные подходы к классификации правового регулирования

Приступим к обзору и анализу оснований для классификации правового регулирования и заметим, что одним из наиболее распространенных в науке оснований типологизации правового регулирования выступает отраслевая принадлежность правовых норм [Беляев, Нинчиева, Беляева, 2024]. Классификация по отраслевому признаку традиционно отражает предметную дифференциацию права: каждая отрасль упорядочивает определенный род общественных отношений и использует присущие ей юридические инструменты, однако отраслевая специфика формируется также и через метод, характерный для данной отрасли. Общеизвестно, что для частноправовых отраслей (например, гражданского, семейного права) типичным является диспозитивный метод и общедозволительный тип регулирования – субъекты свободны в пределах закона, их отношения основываются на равенстве и автономии воли. Напротив, для публично-правовых отраслей (административное, финансовое и т. д.) характерен императивный метод и в целом разрешительный тип регулирования – поведение субъектов строго регламентировано, преобладают запреты и позитивные обязанности. Правовое регулирование носит субординационный характер: одни субъекты (органы власти) наделены властными полномочиями, другие (граждане, организации) обязаны подчиняться их предписаниям в установленных законом пределах.

¹ Шавырин Е.К. Тип правового регулирования: теоретические и практические проблемы: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2008. С. 8-10.

Полагаем, что в основе отраслевой классификации должны лежать такие критерии, как предмет, способы и методы правового регулирования, взятые в совокупности под эгидой такой категории, как правовой режим. Это обусловлено тем обстоятельством, что под воздействием усложнения общественных отношений появляются комплексные правовые образования (информационное, экологическое, предпринимательское право и т. д.) и формируемые в их рамках подотрасли, институты и субинституты, установить принадлежность которых к той или иной общности правовых норм только с помощью предмета правового регулирования не представляется возможным.

С отраслевым подходом тесно соприкасается деление правового регулирования на частноправовое и публично-правовое. Этот дуализм отражает не формальное деление по отрасли, а сущностное различие интересов, лежащих в основе регулирования: частноправовое регулирование обслуживает интересы отдельных лиц, публично-правовое – интересы общества и государства в целом [Беляева, 2015]. Такой подход акцентирует внимание на целях и принципах регулирования: в частном праве – свобода, диспозитивность, инициативность участников; в публичном праве – централизм, подчинение частного интереса общему, охрана порядка. Очевидно, что это деление относительно, и в реальности существуют смешанные режимы. Например, в сфере предпринимательского права, в основном относящейся к частной, действуют и элементы публично-правового регулирования (лицензирование отдельных видов деятельности, государственный надзор и др.). Тем не менее понимание отраслевых различий и частно-публичного баланса важно для классификации, так как оно объясняет, почему правовое регулирование принимает те или иные формы, и использует различные средства, способы и методы для социальной регуляции.

По субъектам правового регулирования принято различать государственное и негосударственное правовое регулирование [Пьянов, 2003]. И если с государственным правовым регулированием все очевидно, то с «негосударственным» сектором правового воздействия необходимо определиться. В данном контексте мы ведем речь о локальном нормотворчестве в организациях (внутренние корпоративные правила, уставы, положения), соглашениях между профессиональными союзами и работодателями (коллективные договоры) и т. п.

Границы между государственным и негосударственным регулированием подвижны: государство зачастую создает рамки для саморегулирования (например, закон о саморегулируемых организациях в определенных отраслях) и оставляет за собой контрольные функции. Тем не менее выделение негосударственного компонента в правовом регулировании отражает реальность современной правовой жизни, где значительная часть социальных отношений урегулирована не только законами, но и непосредственно договоренностями и внутренними нормами сообществ. Примером негосударственного правового регулирования может служить деятельность бирж, коммерческих ассоциаций, различных палат, издающих обязательные для членов кодексы поведения, стандарты и т. д., а также нормы международных неправительственных организаций и транснациональных корпораций, которые принимаются участниками добровольно, но фактически регулируют значимые отношения (например, корпоративная этика, стандарты ISO).

По степени централизации различают централизованное и децентрализованное правовое регулирование [Кашанина, 1991]. В рамках централизованного регулирования единообразно действуют на всем пространстве, исходя из единого центра власти. Напротив, в условиях децентрализации нормативные решения принимаются на разных уровнях – субъектами федерации, муниципалитетами, отдельными ведомствами – и могут различаться в пределах государства. В современных условиях имеется тенденция к расширению децентрализации путем передачи (делегирования) части регулирующих функций саморегулируемым организациям, публично-частным партнерствам и т. д.

Гибкость правового регулирования в ряде случаев повышает эффективность правового регулирования, особенно в тех случаях, когда правила поведения разрабатываются непосредственными участниками правоотношений.

В зависимости от функций права правовое регулирование можно классифицировать на регулятивное и охранительное. Регулятивное правовое регулирование предполагает воздействие права, направленное на установление позитивного порядка в общественных отношениях, создание условий для их нормального развития. Оно осуществляется посредством регулятивных норм – тех, которые предоставляют участникам субъективные права и возлагают обязанности позитивного содержания. Охранительное правовое регулирование имеет место тогда, когда происходит отклонение от установленного порядка (правонарушение, злоупотребление правом, конфликт) и возникает необходимость защитить нарушенные права, восстановить справедливость, наказать виновных. Охранительная функция права реализуется через охранительные нормы – нормы об ответственности, санкциях, процессуальных способах защиты.

Классификация по характеру юридического воздействия (методу регулирования) предусматривает выделение таких видов правового регулирования, как императивное и диспозитивное. Данный критерий тесно сопрягается с типологией правового регулирования (основанной в том числе на определении преобладающего способа или метода регулирования), упомянутой ранее. Императивное правовое регулирование характеризуется властно-обязательным, категоричным способом установления правил. Например, в административном праве правовое регулирование закрепляется путем определения обязанностей государственных гражданских служащих посредством императивов: обязан «соблюдать», «исполнять» (ст. 15 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации») ¹. Диспозитивное правовое регулирование предоставляет участникам свободу усмотрения в рамках, определенных нормой. Диспозитивная норма формулируется обычно как правило, действующее «по умолчанию», если стороны не договорились об ином. Формула диспозитивности: «субъекты вправе урегулировать свои отношения по своему усмотрению, а при отсутствии соглашения действует норма права». В соответствии с со ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации, «условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами. В случаях, когда условие договора предусмотрено нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить ее применение либо установить условие, отличное от предусмотренного в ней. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой» ².

Характер юридического воздействия как критерий для классификации правового регулирования определяет его качественную сторону – жесткость или мягкость правового регулирования; «регулятивный» баланс важен, например, при реформировании законодательства: декриминализации, деbüroкратизации, усиления диспозитивности или усиления императивных методов, когда в определенной сфере наблюдается произвол и безнаказанность.

По форме и способу правового регулирования оно подразделяется на нормативное и индивидуальное. К свойствам нормативного регулирования относится: общее содержание (норма адресована не лично, а категории субъектов), многократность применения,

¹ Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

стабильность (нормы обычно рассчитаны на длительное действие). Оно позволяет охватить широкий круг общественных отношений единообразными требованиями, что важно для принципа законности и равенства перед законом. Индивидуальное (казуальное) правовое регулирование представляет собой решение конкретных жизненных ситуаций с помощью индивидуальных правовых актов и действий. Такое регулирование носит персонализированный, разовый характер, и, в отличие от нормативного предписания, не создает правила для всех, а лишь реализует норму применительно к конкретным обстоятельствам. Отдельные ученые дополняют уже ставшую классической дихотомию нормативного и индивидуального регулирования третьей составляющей – прецедентным правовым регулированием, сочетающим, по мнению И.А. Минникеса, черты обеих указанных разновидностей¹.

Помимо перечисленных ключевых критериев, в литературе встречаются и другие основания классификации правового регулирования. Они либо частично пересекаются с уже названными, либо основываются на более узких, специализированных критериях и требуют самостоятельного, углубленного исследования.

Применительно к проанализированным основаниям классификации правового регулирования следует отметить, что каждое из этих оснований не существует изолированно. Правовое регулирование конкретного общественного отношения можно одновременно охарактеризовать по всем параметрам: отрасли, субъектам, характеру, формам правового регулирования и т. д.

Проблемы и противоречия в классификации правового регулирования

Аналитический обзор видового многообразия проявлений правового регулирования показывает, что критерии классификации находятся в сложном взаимодействии, что порождает ряд проблем и противоречий теоретического и практического характера. Так, в качестве основной проблемы в рассматриваемом русле можно назвать пересечение классификационных оснований. Многие из выделяемых видов правового регулирования не являются взаимно исключающими, что затрудняет однозначное отнесение конкретного случая к тому или иному основанию.

Приведем такой пример: администрация города (субъект – орган местного самоуправления) издала нормативный акт о благоустройстве, содержащий как императивные (запрет складировать на землях общего пользования строительных материалов), так и диспозитивные (рекомендации по оформлению фасадов домов) положения, причем акт вводит определенные льготы для жителей и рассчитан на период (временной характер). Как классифицировать данное регулирование? По субъекту – это негосударственное (муниципальное) регулирование, по характеру – смешанное императивно-диспозитивное (рекомендательное), по функции – регулятивно-охранительное (установлены правила поведения, в том числе предусмотрены штрафы за нарушение), по уровню – локальное (муниципальное), по времени – временное, по отрасли – смешанное: муниципально- и административно-правовое. Очевидно, один и тот же объект правового регулирования попадает сразу в несколько классификационных «ячеек», что само по себе ошибкой не является, однако вызывает некоторые противоречия. Например, сравниваются или противопоставляются императивное регулирование и административно-правовое регулирование, хотя это разнопорядковые категории (первое относится к методу, второе – к отрасли), а «административно-правовое» применительно к отрасли автоматически соотносится с императивным методом, определяющим для административно-правовых отношений. Такая путаница может приводить к логическим ошибкам.

¹ Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование: Теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. Екатеринбург, 2009.

Вторая проблема в классификации правового регулирования опосредована неустойчивостью терминологии. Так, как мы выяснили ранее, одни авторы отождествляют тип правового регулирования с особым порядком – правовым режимом, а другие ратуют за классическую дихотомию общедозволительного и разрешительного типов; в ряде случаев отождествляются типы и виды правового регулирования, типы правового регулирования ассоциируются с его уровнями и т. д. Для преодоления этой проблемы, полагаем, необходимо при любом исследовании вводить дефиниции терминов, поясняя, что именно имеется в виду под данным критерием классификации применительно к данному случаю.

Существуют проблемы смешанных форм – образований, которые трудно включить полностью в ту или иную классификацию. Речь, в частности, идет о публично-правовом договоре (контракте), сочетающем в себе публично-правовые и частноправовые начала; институте государственно-частного партнерства, смешанных правовых режимах и т. д. Такие феномены побуждают ученых вводить дополнительные подкатегории, усложнять классификации, что не всегда идет на пользу юридической науке и практике, хотя в ряде случаев такое противоречие способствует приращению научных знаний.

Некоторые проблемы и противоречия в классификации правового регулирования вызваны динамикой развития законодательства, поэтому те исследования, которые были проведены в разные исторические эпохи, следует сопоставлять и интерпретировать с особой осторожностью, тщательностью, в привязке к историческому контексту. Кроме того, появляются новые объекты – цифровые валюты, искусственный интеллект и т. д., требующие своей регламентации относительно разновидностей правового регулирования.

И, наверное, самая главная проблема, с точки зрения юридической практики, состоит в том, что классификация, хотя и выступает инструментом теоретического познания, существенно влияет на правотворчество и правоприменение. Законодатель, воспринимая научные рекомендации, создает на их основе модели правового регулирования; в ряде случаев принятию закона предшествует широкое общественное обсуждение или разработка научной концепции будущего законопроекта.

Таким образом, основное противоречие, возникающее между основаниями разветвленной классификации правового регулирования, состоит в противопоставлении универсальности и специфики. С одной стороны, востребованы наиболее общие, простые модели, способные определить сущность и природу вида правового регулирования: дозволение – запрет; нормативность – индивидуальность; централизация – децентрализация и т. д. С другой стороны, развитие общественных отношений и появление новых объектов правового регулирования неминуемо диктует усложнение составляющих правового регулирования и, следовательно, и его видов, типов, уровней.

Заклучение

Категория правового регулирования, обладая фундаментальным значением для юридической науки, требует постоянного теоретического осмысления и систематизации. Проведённое исследование позволяет утверждать, что категория правового регулирования обладает сложной структурой и требует комплексного теоретико-методологического подхода к её классификации. В результате аналитического обзора традиционных оснований классификации (по отрасли, методу, субъекту, характеру воздействия и др.) установлено, что они сохраняют научную и практическую значимость, однако в условиях цифровизации, глобализации и правового плюрализма возникает необходимость в их актуализации. Выявленные проблемы терминологической неопределённости и пересечений между классификационными основаниями свидетельствуют о необходимости уточнения понятийного аппарата и выработки единых подходов в правовой доктрине. Классификация и типология правового регулирования должны рассматриваться как взаимодополняющие инструменты, обеспечивающие глубокое осмысление сущности правового воздействия на общественные отношения.

Список литературы

- Алексеев С.С. 1966. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. Москва: Юридическая литература. 187 с.
- Беляева Г.С. 2013. Правовой режим в общетеоретическом измерении. Москва: Юрлитинформ. 240 с.
- Беляев В.П., Нинциева Т.М., Беляева Г.С. 2024. Общая теория процессуально-правового регулирования. Москва: Юрлитинформ. 296 с.
- Беляева Г.С. 2015. Публично-правовой режим: сущность, содержание, нормативно-правовое закрепление. *Lex Russica (Русский закон)*, 7: 21–28.
- Бобылев А.И. 2002. Теоретические проблемы правового регулирования. *Право и политика*, 8: 10–16.
- Горшенев В.М. 1963. Возрастание роли общественных организаций и коллективов трудящихся в применении норм советского права на советском этапе. *Правоведение*, 1: 3–13.
- Кашанина Т.В. 1991. Соотношение централизованного и децентрализованного правового регулирования. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 4: 54–64.
- Кожокарь И.П. 2020. Правовое регулирование: понятие и формы. *Государство и право*, 12: 112–127.
- Кузьмина Е.М. 2013. Типы правового регулирования: современное измерение. *Вестник Поволжской академии государственной службы*, 6(39): 43–47.
- Малько А.В., Мрзова И.С. 2004. Льготы в российском праве (проблемы теории и практики). Саратов: Саратовская государственная академия права. 198 с.
- Матузов Н.И. 1972. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы исследования субъективного права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 292 с.
- Минникес И.А. 2008. Индивидуальное правовое регулирование: проблемы теории и практики. Иркутск: Байкальский государственный университет. 160 с.
- Пьянов Н.А. 2003. Консультации по теории государства и права: тема «Правовое регулирование и его механизм». *Сибирский Юридический Вестник*, 1: 3–8.
- Фаткуллин Ф.Н. 1980. Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки. Том 1. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 247 с.
- Цыгановкин В.А. 2011. Институционный и дискреционный методы и типы правового регулирования. *Юриспруденция*, 3: 118–126.
- Явич Л.С. 1957. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад: б/и. 164 с.

References

- Alekseev S.S. 1966. *Mexanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve* [The mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. 187 p.
- Belyaeva G.S. 2013. *Pravovoy rezhim v obshcheteoreticheskom izmerenii* [Legal regime in general theoretical dimension]. Moscow: Yurlitinform. 240 p. (In Russian).
- Belyaev V.P., Nintsieva T.M., Belyaeva G.S. 2024. *Obshchaya teoriya protsessualno-pravovogo regulirovaniya* [General theory of procedural legal regulation]. Moscow: Yurlitinform. 296 p. (In Russian).
- Belyaeva G.S. (2015). *Publichno-pravovoy rezhim: sushchnost', sodержanie, normativno-pravovoe zakreplenie* [Public legal regime: essence, content, and legal consolidation]. *Lex Russica (Russkiy zakon)*, 7: 21–28. (In Russian).
- Boby`lev A.I. 2002. *Teoreticheskie problemy` pravovogo regulirovaniya* [Theoretical problems of legal regulation]. *Pravo i politika*, 8: 10–16. (in Russian)
- Gorshenev V.M. 1963. *Vozrastanie roli obshhestvenny`x organizacij i kollektivov trudyashhixsya v primenenii norm sovetskogo prava na sovetskom e`tape* [The increasing role of public organizations and collectives of workers in the application of the norms of Soviet law at the Soviet stage]. *Pravovedenie*, 1: 3–13. (in Russian)
- Kashanina T.V. 1991. *Sootnoshenie centralizovannogo i decentralizovannogo pravovogo regulirovaniya* [The ratio of centralized and decentralized legal regulation]. *Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Pravovedenie*, 4: 54–64. (in Russian)
- Kozhokar` I.P. 2020. *Pravovoe regulirovanie: ponyatie i formy* [Legal regulation: concept and forms]. *Gosudarstvo i pravo*, 12: 112–127. (in Russian)
- Kuzmina E.M. 2013. *Tipy pravovogo regulirovaniya: sovremennoe izmerenie* [Types of legal regulation: modern dimension]. *Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby*, 6(39): 43–47.

- Malko A.V., Mrozova I.S. 2004. L'goty v rossiyskom prave (problemy teorii i praktiki) [Benefits in Russian law: problems of theory and practice]. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava. 198 p. (In Russian).
- Matuzov N.I. 1972. Lichnost`. Prava. Demokratiya. Teoreticheskie problemy` issledovaniya sub`ektivnogo prava [Personality. Rights. Democracy. Theoretical problems of the study of subjective law]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. 292 p. (in Russian)
- Minnikes I.A. 2008. Individual'noe pravovoe regulirovanie: problemy teorii i praktiki [Individual legal regulation: problems of theory and practice]. Irkutsk: Baikal State University. 160 p. (In Russian).
- P'yanov N.A. 2003. Konsultatsii po teorii gosudarstva i prava: tema "Pravovoe regulirovanie i ego mekhanizm" [Consultations on the theory of state and law: topic "Legal regulation and its mechanism"]. Sibirskiy Yuridicheskiy Vestnik, 1: 3–8. (In Russian).
- Fatkullin F.N. 1980. Problemy` obshhej teorii socialisticheskoy pravovoj nadstrojki [Problems of the general theory of the socialist legal superstructure]. V. 1. Kazan` : Izd-vo Kazan. un-ta. 247 s. (in Russian)
- Tsyganovkin V.A. 2011. Institutsional'nyy i diskreسیونnyy metody i tipy pravovogo regulirovaniya [Institutional and discretionary methods and types of legal regulation]. Yurisprudentsiya, 3: 118–126. (In Russian).
- Yavich L.S., 1957 Sovetskoe pravo – regulyator obshhestvenny`x otnoshenij v SSSR [Soviet law – the regulator of public relations in the USSR]. Stalinabad: b/i. 164 s. (in Russian)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 12.04.2025

Received April 12, 2025

Поступила после рецензирования 05.05.2025

Revised May 5, 2025

Принята к публикации 03.06.2025

Accepted June 03, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Богатырёв Магомед Резванович, кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права и юриспруденции института цифровой экономики и технологического предпринимательства, Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова, г. Грозный, Россия.

Magomed R. Bogatyrev, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Department of Information Law and Jurisprudence, Institute of Digital Economy and Technological Entrepreneurship, Grozny State Petroleum Technical University named after academician M.D. Millionshchikov, Grozny, Russia.

УДК 340.1
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-331-343
EDN VKTKRJ

«Не хан и не василевс»: возвращаясь к вопросу о соотношении политической теории и практики в средневековой Руси

¹ Пенской А.В., ² Пенская Т.М.

¹ Адвокатская палата Белгородской области
Россия, 308001, г. Белгород, ул. Нагорная, д. 2

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
apenskoj91@gmail.com, penskaya@bsuedu.ru

Аннотация. Особенности формирования и последующей эволюции раннесредневекового Русского государства на протяжении многих десятилетий являются одними из наиболее обсуждаемых в историческом сообществе. Среди исследуемых проблем выделяется вопрос о сущности средневековой русской политической культуры и традиции, в частности о воздействии на них византийской и ордынской политических культур. Мнения историков и правоведов по этому поводу разделяются. Одни полагают решающим византийское влияние, другие – ордынское. Но можно ли ответить на вопрос о корнях средневековой русской традиции, исходя из дилеммы «хан или василевс»? Автор статьи предлагает выйти за рамки традиционного византийско-ордынского дискурса и посмотреть на эту проблему под иным углом зрения. Разделив политическую теорию и практику, он приходит к выводу, что политическая культура в домонгольской Руси формировалась как самобытная в своей первооснове. Византийское влияние не могло оказать существенного воздействия на этот процесс по причине отсутствия необходимых политических, социальных и культурных предпосылок и тем более этого не могла сделать чуждая для Руси ордынская политическая культура – к моменту установления ордынского ига русская политическая традиция уже сформировалась и обрела устойчивые формы. Русский князь не был ни подобием василевса, ни копией хана, – приходит к выводу автор.

Ключевые слова государство, право, политическая культура, традиция, христианство, Византия, Золотая Орда, Русь, василевс, хан, князь

Для цитирования: Пенской А.В., Пенская Т.М. 2025. «Не хан и не василевс»: возвращаясь к вопросу о соотношении политической теории и практики в средневековой Руси. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 331–343. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-331-343 EDN: VKTKRJ

“Neither Khan nor Basileus”: Returning to the Question of the Relationship between Political Theory and Practice in Medieval Rus

¹ Alexander V. Penskoj, ² Tatyana M. Penskaya,

¹ Bar Chamber of the Belgorod Region

2 Nagornaya St, Belgorod 308001, Russian Federation

² Belgorod State National Research University

85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation

apenskoj91@gmail.com, penskaya@bsuedu.ru

Abstract. For many decades, the features of the formation and subsequent evolution of the early medieval Russian state have been among the most discussed in the historical community. Among other issues that are the subject of discussion among researchers, the question of the essence of medieval Russian political

culture and tradition stands out. And when it comes to what factors influenced the process of formation of the political culture inherent in medieval Rus, the problem of the impact produced by the Byzantine and Horde political cultures inevitably comes up. The opinions of historians and lawyers on this matter are divided. Some believe that the Byzantine influence was decisive, others ascribe this influence to the Horde. But is it possible to reveal the roots of the medieval Russian tradition based on the dilemma of "khan or basileus"? The authors of the article suggest going beyond the traditional Byzantine-Horde discourse and looking at this problem from a different angle. Having separated political theory and practice, they come to the conclusion that political culture in pre-Mongol Rus was formed as original in its foundation. Byzantine influence could not have a significant impact on this process due to the lack of necessary political, social and cultural prerequisites, and even more so the Horde political culture, alien to Rus, could not do this – by the time the Horde yoke was established, the Russian political tradition had already formed and acquired stable forms. The authors conclude that the Russian prince was neither like a basileus, nor like a khan.

Keywords: state, law, political culture, tradition, Christianity, Byzantium, Golden Horde, Rus, basileus, khan, prince

For citation: Penskoj A.V., Penskaya T.M., 2025. "Neither Khan nor Basileus": Returning to the Question of the Relationship between Political Theory and Practice in Medieval Rus. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 331–343 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-331-343 EDN: VKTKRJ

Введение

Выбор темы для данного исследования был обусловлен проблемой, которую поднял в 1959 году американский историк М. Чернявский, опубликовавший тогда статью под интригующим названием «Хан или василевс. К вопросу о средневековой русской политической теории» [Cherniavsky, 1959]. В ней он задался поиском ответа на вопрос – как ордынское иго повлияло на образ правителя Русской земли? Для исследователя было несомненным, что в доордынскую эпоху (да и много позднее) идеалом правителя для Руси был византийский император-василевс, и что политическое господство Орды над Русской землей способствовало замене образа византийского василевса образом татарского «царя» в процессе репрезентации власти, таких как коронация, литургия, титулатура, иконография. В конечном итоге, пришел к выводу историк, «для Руси XVI в. титул "царя" был прочно связан с образом хана; прочнее, чем с образом василевса» [Чернявский, 2002, с. 443–444]. И далее, подытоживая свои наблюдения, Чернявский выдвинул оригинальную гипотезу: «Если образ василевса символизировал православного и благочестивого правителя, ведущего свой христианский народ к спасению, тогда, вероятно, образ хана сохранился в идее о русском государе как о не подотчетном никому завоевателе Руси и ее народа» [Чернявский, 2002, с. 456]. Отсюда следовало, что «если василевс являл собой священного царя, то хан символизировал абсолютистское секуляризованное государство, деспотичное вследствие его отделения от подданных» [Чернявский, 2002, с. 456].

Итак, в традиционное обсуждение вопроса о том, что же оказало большее влияние на становление и развитие политических институтов средневековой Руси – политическая традиция византийская или же ордынская, и каким именно было это влияние, американский историк русского происхождения попытался внести нечто новое. Для этого он попробовал изменить устоявшийся угол зрения, под которым принято рассматривать проблему внешнего влияния на становление и развитие русской государственности. Но насколько успешной была его попытка? Ответ на этот вопрос имеет не только сугубо научное, но и немалое общественно-политическое значение, так как он напрямую связан с проблемой происхождения русской современной государственности и природе власти в России. Тема эта в последние два столетия не сходит со страниц как исторических сочинений, так и публицистики и изрядно мифологизирована и политизирована, которые

препятствуют поиску объективного ответа на вопрос о причинах политического своеобразия России. Отсюда и цель настоящей работы – ответ на вопрос, что же повлияло в большей степени на формирование русской политической традиции раннего Нового времени, византийский образец, ордынская модель или же она носила вполне смобытный и самостоятельный характер?

Византия или Орда: к историографии проблемы

Вопрос о внешнем воздействии на процессы формирования и эволюции средневековой русской государственности и ее политических институтов и отношений (а в перспективе – и раннемодерных, поскольку процессе этот носил эволюционный характер) с давних пор занимает умы и историков «чистых», и историков права. В процессе этой дискуссии сформировался широкий спектр мнений, которые располагаются между двумя «полюсами». На одном из этих полюсов находится весьма распространенное мнение о решающем влиянии византийской религиозно-политической доктрины на формирование аналогичной системы взглядов в средневековой Руси [Алексеев, Плотнокова, 2012; Бондаренко, 2014; Ларионов, 2018; Тананушко, 2008]. На другом – не менее распространенное мнение относительно «азиатской», ордынской, природы русской государственности [Гусейнов, 2019; Истамгалин, 2009]. При этом, как правило, к крайностям в этой заочной дискуссии тяготеют представители гуманитарных наук, в сферу интересов которых изучение особенностей политического и идеологического устройства равно Византийской и золотоордынской империй, а также средневековой Руси, непосредственно не входит. Так, например, А.Б. Каменский в исследовании, посвященном истории российских реформ в XVIII в., писал, что влияние ордынских образцов на русскую политическую традицию, хотя и невозможно выразить математически, тем не менее оно было значительным уже по той простой причине, что «новое государство создавалось таким, чтобы его политические структуры могли успешно конкурировать с ордынскими». Сущность же ордынской политической модели историк описывал в следующих выражениях: «Это были образцы централизованного государства со строго иерархизированным милитаризованным обществом с **деспотическим режимом и развитой инфраструктурой подавления и управления населением ...**» (*здесь и далее выделено нами.* – Т.П.) [Каменский, 1999, с. 27]. В схожих выражениях описывал византийские «реалии» известный отечественный медиевист А.Я. Гуревич: «Односторонняя холопская зависимость низших от вышестоящих определяла облик этого общества. <...> Здесь сверху донизу все были рабами... Будучи нормой, холопство порождало произвол и деспотизм, лицемерие и «византизм» [Гуревич, 2007, с. 157, 158]. Для него преемственность в политической традиции между Византией и Россией была несомненной (причем в негативном смысле) [См.: Gurevich, 1992],

Напротив, византилисты же, номадологи и медиевисты, занятые исследованиями именно русского средневековья, придерживаются более осторожных оценок степени влияния византийского и ордынского на формирование и развитие политических, административных, правовых, идеологических и иных институтов Русского государства. Так, британский византист Д. Оболенский в исследовании о «византийском содружестве наций» указывал на то обстоятельство, что «православное христианство было в высшей степени консервативно и мыслилось как священное и неделимое единство, никакая часть которого не могла быть отчуждена без ущерба для целого» [Оболенский, 1998, с. 310]. Отсюда отечественный византист Г.Г. Литаврин делал логичный вывод – русские книжники вместе с религиозным учением не могли не воспринять из Византии и учение о верховной власти, которое входило в религиозную доктрину как неотъемлемая составная часть [Литаврин, 1999, с. 471]. Вместе с тем, признавая сам факт заимствования основ этого учения [Литаврин, 2000, с. 329], и Оболенский, и Литаврин отмечали, что реальной почвы для воплощения на Руси его базовых принципов не существовало. По их

мнению, средневековые русские князья не имели в своем распоряжении соответствующей «инфраструктуры» власти, которая была у византийских василевсов [Литаврин, 1999, с. 474], унаследовавших ее от позднеримских императоров.

Что же касается ордынского влияния на политическое развитие Русской земли после 1237–1242 гг., то один из ведущих современных специалистов по русской средневековой истории А.А. Горский отмечал, подводя итоги эволюции политических отношений на Руси со 2-й пол. XIII по конец XIV в., что, во-первых, возвышение Москвы в конце XIII – начале XIV в. было связано, скорее всего, поддержкой не со стороны Орды, а галицко-волыньских князей; во-вторых, объединение северо-восточной Руси «было возможно только под властью «великого князя всея Руси», статус которого сохранялся всегда, несмотря на раздробленность и монгольское завоевание». При этом исследователь подчеркивал, что менялся лишь политический центр – сперва Киев, затем Владимир, потом Москва, «но не представление об общерусском верховном правителе», так что «так называемое Московское государство было с точки зрения исторической традиции не новшеством, а прямым продолжением государства Русь [Горский, 2023, с. 144]. Ордынское влияние в этой истории если и просматривается, то только в виде фиксации посредством выдачи «царского» «жалованья» (ярлыка/ярлыков) результатов межкняжеской борьбы. Соперничавшие за власть и влияние на Руси князья из разных «линьяжей» дома Рюриковичей использовали верховный авторитет ордынского «царя» как *ultima ratio regum*, признавая его верховный суверенитет над Русской землей, – «**есмы в божьи воли и в цареве, как повелит**»¹. Сами же «цари ордынские» выстраивали свои отношения с Рюриковичами по принципу, который, согласно составителю Никоновской летописи, озвучил «царь» Тохтамыш: «Аз улусы своя сам знаю, и кийждо князь русский на моем улусе, а на своем отечестве, живет по старине, а мне служит правдою, и яз его жалую»².

О природе власти и первооснове политической культуры в Византии, Орде и раннесредневековой Руси

Однако вне зависимости от того, какую позицию принять в конечном итоге, приближенную ли к одному из «полюсов» или же равноудаленную от них обоих, представляется важным предварительно ответить на несколько первостепенных вопросов. Первые два из них касаются природы власти и ее устройства в Византии и в Орде и ответы на них позволят сделать вывод относительно верности мнения М. Чернявского о природе власти василевсов и ханов. Третий вопрос касается сущности политической культуры, которая сформировалась в домонгольской Руси и, как полагает А.А. Горский, была унаследована и в монгольскую эпоху, и в постмонгольскую. Отвечая на эти вопросы, мы будем руководствоваться методологическим принципом, который был озвучен немецким византинистом Г.-Г. Бекком. Он отмечал, что, анализируя средневековые политические системы, смешивать вместе *Kaiseridee* как комплекс идей, бытовавших в книжной среде, с *Staatsrecht*, реально действовавшим государственным правом, своего рода «конституцией», определявшей порядок взаимодействия политических субъектов [Beck, 1970, s. 9].

М. Чернявский, характеризуя власть василевса как сакральную, традиционную в своей основе, отражал тем самым, не будучи профессиональным византологом, устоявшуюся и в отечественной, и в зарубежной византинистике точку зрения. Впрочем, удивляться этому не стоит, поскольку Византийская империя была, по меткому

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. 1950. М.-Л., Изд-во АН СССР. С. 22.

² Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XI. М.: 2000. Языки русской культуры. С. 84.

выражению русского византиниста И.И. Соколова, «оцерковленным государством», в котором религия и церковь занимали отнюдь не последнее место [Соколов, 2003]. И трудно не согласиться с французским византинистом Ж. Дагроном, который в фундаментальном исследовании «Император и священник» писал о том, что «всегда и везде настоящая власть осознается как харизма, как своего рода священство и теми, кто ее осуществляет, и теми, кто ей подчиняется» [Дагрон, 2010, с. 6].

Однако, говоря об «оцерковленности» Византийской империи и о сильнейшем влиянии, которое оказывали на ее политическую культуру христианские догмы и каноны, все же не стоит забывать о том, что византийский культурный (в широком смысле) феномен родился в результате сложного синтеза нескольких начал, и христианское было лишь одним из нескольких. И отнюдь не случайно византийский император носил титул βασιλεύς τῶν Ῥωμαίων – «василевса ромеев», «императора римлян», подчеркивая тем самым прямую и непосредственную преемственность с «Ветхим Римом», старой доброй Римской империей. Как отмечал отечественный византинист Г.Л. Курбатов, «византийцы всегда считали себя «римлянами» – ромеями, а свое государство римским – ромейским. Непосредственное начало своей, византийской, государственности они относили к строю и режиму эпохи начала домината, «делу блаженного императора Константина», утвердившего режим неограниченной монархии, соединившей римско-эллинистическую идею с христианством и союз государства с христианской церковью. Поэтому основой византийской политической теории считают императорскую римскую идею в связи с эллинистической идеей царства и ее оформление в христианской концепции власти» [Курбатов, 1991, с. 15].

В Византии римская политическая культура (которая сама по себе носила многослойный характер), хотя со временем и была оттеснена на второй план христианской, тем не менее продолжала играть значимую роль в жизни византийского и государства, и общества. «Нормы древней *res publica* были накрепко укоренены в идеологии ее [Византии] политического поля», – писал американский византинист Э. Калделлис, так что, подчеркивал он, «то, что мы называем Византией, было бурной, политически динамичной, но в конце концов стабильной монархической республикой в римской традиции, **притворяющейся – для себя в той же мере, в какой и для других – императорской теократией...**» [Калделлис, 2016, с. 298]. Поэтому можно говорить по меньшей мере о неоднозначности образа василевса, в котором сочетались и начало сакральное, и начало секулярное, – ведь в последнем случае василевс предстает перед нами как высший республиканский магистрат, по большому счету чиновник на службе у римского *princeps*, который, согласно римской же правовой традиции, являлся носителем высшей власти [Литаврин, 1985, с. 24].

Именно этот секулярный элемент византийской политической культуры, который нашел свое воплощение в не имеющих в то время аналогов отлаженной бюрократической машине, изодренной фискальной системе, хитроумной дипломатии, военной науке и практике и совершенных судебно-правовых институтах. Они, а не христианская концепция власти, являлись основой могущества и влияния империи в окружающем ее варварском мире. И потому стоит ли полагать, как это делал М. Чернявский, Византийскую империю традиционным «царством», а василевса – священным царем? Формально – да. Декорации, которыми была обставлена сцена византийского политического театра, как бы свидетельствуют в пользу этого предположения. Однако реальная кухня власти в империи выглядела иначе и по существу имела мало общего с образами, которые создавали и транслировали византийские интеллектуалы.

Иначе обстояло дело с ордынской политической культурой, основы которой закладывались в эпоху становления империи Чингисхана. Любопытные наблюдения сделала Т.Д. Скрынникова, анализируя особенности монгольского менталитета. Она отмечала, что у монголов параллельно сосуществовали два типа лидеров –

харизматический и традиционный [Скрынникова, 2013, с. 183]. К последнему относились так называемые *бэхи*, «старейшины», главы родов и кланов, власть которых основывалась прежде всего на традиции. Первый же тип господства олицетворяли собой носители титула «хан/хаган». Ханское право на власть обусловлено было в первую очередь наличием у него сакральности, харизмы: «Не имеешь силы, так незачем и ханом быть!»¹. «Две сакральные субстанции, присущие хагану: харизма и сила, идентичная силе Неба, – выполняли, по представлениям монголов, регулирующую функцию в двух отдельных, но неразделенных областях: собственный народ и государство (*улус*) и вселенная (*дэлхий*)» [Скрынникова, 2013, с. 188]. При этом «независимо от типа "господства – подчинения" **правитель являлся сакральным центром этнической, этносоциальной, социально-политической общности, что позволяло ему выполнять жреческие функции в своем социуме.** Целью проводимых им обрядов являлось установление и поддержание миропорядка, социальной гармонии», – отмечала Т.Д. Скрынникова [2013, с. 206].

Таким образом, именно татарские династы были традиционными правителями – землестроителями и священнослужителями-жрецами, власть которых и авторитет покоились на сакральном начале и обладании магическими способностями, но не на деспотической манере властвования и «развитой инфраструктуре подавления и управления населением» (которая в принципе была нехарактерна для кочевых сообществ, – А.М. Хазанов указывал, что «политическая власть в кочевых политиях в значительной мере оставалась диффузной и в основном связанной с военными и организационно-регулятивными функциями» [Хазанов, 2006, с. 479]). Для Средневековья это было нормой, – неразвитость властной инфраструктуры вынуждала верховную власть искать обходные пути для повышения своего влияния и авторитета, и легитимация через сакрализацию была одной из таких стратегий. Так, французский историк М. Блок, характеризуя сущность королевской власти во Франции, писал: «Представления о короле как о священной фигуре, исполненной особых сил, сочетающей в себе как религиозное отношение, так и магически-мистическое, было по сути определением социально-политической роли королей, они были "вождями народа", *thiudans*, пользуясь старинным германским словом» [Блок, 2003, с. 374]. Правда, по мнению французского филолога Э. Бенвениста, в индоевропейском мире еще в глубочайшей древности сформировались две традиции интерпретации образа царя и присущей ему власти. На его периферии, в индоарийском мире, у кельтов и латинов долго сохранялось отношение к царю как к божеству во плоти. Греки же и германцы в своей мифологии власти исходили из того, что цари – это люди, не совсем, конечно, обычные (или полубоги, или происходящие от богов), но получившие верховную власть от богов вместе с соответствующими ей атрибутами: «Для индо-иранцев царь есть божество... но гомеровский царь всего лишь человек, который получил царское достоинство от Зевса вместе с подчеркивающими это достоинство атрибутами»².

Праславянский мир, находившийся на дальней периферии индоарийского мира, подобно кельтской или латинской «ойкуменам», был в меньшей степени затронут последствиями «катастрофы бронзового века», и изначальный подход к оценке образа царя как священного правителя сохраняется здесь довольно долго. Во всяком случае ряд свидетельств арабских книжников раннего Средневековья позволяет это утверждать [Петрухин, 2009; Крадин, 2012]. Вместе с тем необходимо отметить, что раннесредневековая русская государственность и, следовательно, ее идеология, пусть и не в выраженной теоретической форме, складывалась под серьезным воздействием скандинавского (германского) влияния (А.А. Горский вообще полагает, что имело место опосредованное через датского конунга Рёрика влияние франкского опыта государственного строительства [Горский, 2023]). Интересными представляются

¹ Сокровенное сказание монголов. М. : Тов.-во научных изданий КМК, 2002. С. 138.

² Бенвенист. Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М. : Прогресс-Универс, 1995. С. 263.

сделанные А.В. Назаренко выводы относительно природы межкняжеских отношений в раннесредневековой Руси. «Главнейшей чертой, которая определяла династический строй во многих раннесредневековых государствах Европы, – отмечал он в одной из своих работ, – был взгляд на государство как на патримоний – семейное владение, подлежащее передаче от отца ко всей совокупности его сыновей-наследников», и в том случае, если таковых оказывалось несколько, то тогда и возникало пресловутое *corpus fratrum*, «так или иначе организованное братское совладение» [Назаренко, 2009, с. 7]. И далее он указывал, что «наиболее последовательно этот порядок, вытекающий из устройства архаического династически-родового сознания, был реализован в государстве франков и на Руси, где приобрел самые развитые и дифференцированные формы» [Назаренко, 2009, с. 7].

Говоря о семейственности в деле совладения Русской землей князьями из дома Рюриковичей, необходимо отметить, что она утверждается далеко не сразу. Еще в договоре Олега с византийцами упоминаются ходящие «под рукою» «великого князя русаго» «светлые и великие князья». «Всякое княжье» упоминается и в преамбуле договора Игоря с византийцами же [Повесть временных лет, 1999, с. 18, 23]. Кем могли быть эти «великие и светлые князья» и «всякое княжье», можно предположить исходя из скудной информации, которую сообщает летописец в рассказе о конфликте Игоря и древлян. Из летописного свидетельства следует, что в древлянской земле было несколько князей, старейшим из которых был Мал, и князья эти, по мнению древлянской старшины, «добри суть, иже распасли суть Деревьску землю»¹. Эту фразу можно истолковать как намек на традиционный, исконный характер власти древлянских князей. Однако по прошествии ста лет, к моменту смерти Ярослава Мудрого, от всех этих «великих и светлых князей» вместе с «всяким княжеством», которые «добри суть», не осталось и следа – в «политическом завещании» Ярослава присутствуют только его дети, которым он и передал всю власть над Русской землей. Принцип братского совладения утвердился окончательно, и Русская земля стала патримонием дома Рюриковичей. Подобного рода порядок для византийцев был нонсенсом и в корне противоречил их политическим установкам.

Однако и это еще не все, если вести речь о характеристике формирующейся раннесредневековой русской политической культуры. К любопытным выводам относительно природы раннесредневековой русской государственности пришел Н.Н. Крадин, один из ведущих отечественных политантропологов. По его мнению, «исторический парадокс "призвания варягов" состоит в том, что викинги принесли на Русь не столько государственность, сколько гетерархическую модель управления», для которой характерны доминирование горизонтальных социально-политических связей и отношений, сегментарная социальная организация, большая, чем в случае с иерархическими моделями организации политической власти, распределенность богатства и власти и пр. Применительно к конкретным русским условиям эпохи начала политогенеза (сер. IX – сер. XI в.) это означало, что «власть в городах Руси была распределена между несколькими политическими силами – князья, бояре, городская элита» [Крадин, 2012, с. 230, 232]. Естественно, что применительно к конкретным русским условиям домонгольского периода византийская идея императора-автократора и наместника Бога на земле, наделенного соответствующей властью и ее атрибутами, не могла быть воплощена в реальности.

И в завершение необходимо упомянуть еще одно важное обстоятельство, которое не могло не иметь существенных последствий для формирования политической культуры Руси эпохи Средневековья. В.М. Живов отмечал, что, в отличие от стран Западной Европы, Русь не стала сонаследницей римской имперской цивилизации. И сами византийцы не стремились делиться с северными варварами в полной мере своим сокровенным знанием о сущем, и на Руси в силу особенностей рецепции византийской

¹ Повесть временных лет. СПб. : Наука, 1999. С. 27.

культурной традиции не особо интересовались тем, что находилось за пределами религиозной мудрости. «Поэтому Киевская Русь римской прививки не получает, легального дискурса не вырабатывает и соответствующих социальных институций не развивает» [Живов, 2002, с. 296]. И как результат, подчеркивал Живов, те же правовые византийские памятники «воспринимаются как часть христианской культуры и получают **религиозную, а не практическую** значимость...» [Живов, 2002, с. 297-298]. Отсюда следует, что секулярный компонент византийской политической культуры – то, на чем покоилась власть императора как автократа, – не рассматривался русскими книжниками как некое руководство к действию.

Заключение

Политическая культура раннесредневековой Руси в общих чертах сложилась к середине XI в. и потом дорабатывалась на протяжении последующих полутора столетий по двум направлениям. Первое, наиболее заметное – попытка переноса на русскую почву византийской религиозно-политической доктрины в той ее части, что касалась власти государя. Второе – дальнейшая разработка положений доктрины *corpus fratrum*, которая наложилась на устоявшуюся к тому же времени гетерархическую политическую модель. При этом нет сомнений в том, что секулярная составляющая имперской политической традиции на Руси не получила никакого распространения – характер княжеской власти и власти вообще оставался сугубо патримониальным и патриархальным, но никак не публичным. Однако и сакральная составляющая византийской доктрины в полной мере не была реализована – князья хотя и взяли на себя роль патронов церкви [Флоря, 2007], однако при всех стараниях русских книжников той эпохи Рюриковичи не уподобились византийским императорам как наместникам/викариям Господа на земле. Не сохранили они за собой и статуса царей-священников и жрецов, который им изначально не принадлежал и, судя по всему, ушел в прошлое вместе со «светлыми князьями» и старой верой.

Полноценному восприятию основ византийской политической культуры на Руси препятствовали, с одной стороны, особенности процесса рецепции византийских культурных ценностей на Руси, а с другой – характерные черты средневекового русского социума и присущие ему политические и культурные институты и отношения, отличные от византийских. Византийское воздействие имело сугубо внешний, наносной характер, не затрагивало глубинных ее основ, сохранивших свой варварский, «германский» характер в ее «надстроечном» сегменте и вполне традиционный, патримониальный характер в практической части. И если в теоретической ее части и можно было найти прямые параллели с византийской политической культурой (благодаря усилиям книжников, и то не в полной мере, ибо в русской книжности кануна завоевания был широко распространен мотив князя-воина, который в целом был нехарактерен для византийских представлений об идеальном императоре, являвшимся прежде всего законодателем и мироустроителем [Флоря, 2012]), то в практической части – нет. Сложившаяся на Руси к 30-м гг. XIII в. модель политической культуры хотя и испытала определенное влияние византийской модели, однако сохранила вполне самобытный характер.

Выводы, сделанные британским славистом С. Франклином относительно замедленного внедрения в административный обиход средневековой Руси «формальной» письменности, задействованной в первую очередь в публичной сфере, только подтверждают это предположение. «Заторможенное усвоение на Руси формальной административной письменности объясняется относительной надежностью и – одновременно устойчивостью традиционных способов общественного контроля», – отмечал он [Franklin, 2004, p. 185]. Развивая свой тезис далее, историк указывал на то обстоятельство, что «способы регулировать поведения людей, эффективные и весьма

изошренные, вполне могли поддерживаться традицией, не предполагая обязательного обращения к формальным операциям с письмом [Franklin, 2004, p. 185]. Такое положение, завершал свою мысль исследователь, «никоим образом не говорит об отсталости и неразвитости светских учреждений», скорее, речь нужно вести о другом – эта особенность механизмов управления в средневековой Руси в большей степени «указывает на **устойчивость традиционных социальных отношений, на осознанную обществом функциональную адекватность традиционных способов поведения без участия письменности, на самодостаточность традиции** и ее сопротивление тем типам структурных перемен, какие могли бы потребоваться при "логическом" (в духе Византии), узаконенном использовании технологии письма» [Franklin, 2004, p. 277; Clanchy, 1993, p. 41].

Поменялась ли ситуация после монгольского вторжения и установления ордынского ига над Русью? Безусловно, отрицать определенное воздействие ордынских политических и административных практик на русскую действительность было бы бессмысленным. Такое воздействие определенно существовало, однако, на наш взгляд, оно затронуло лишь отдельные аспекты русской политической культуры, преимущественно в практической сфере – административно-фискальной в первую очередь (хотя и здесь остается ряд дискуссионных вопросов [Кривошеев, 1999]). Однако это влияние никак не затронуло, как было показано нами ранее, первооснову политической системы Русской земли – ее неписаную «конституцию», которая регулировали отношения между князьями и их окружением и между властью и «землей» [Пенская, 2024]. Не затронуло ордынское иго и правовую систему Руси, которая, как и прежде, основывалась на старом добром обычном праве, дополненном правом каноническим. И политическая, и правовая культура «монгольской» Руси сохранила свою основу, патримониальную и патриархальную.

То же самое можно сказать и о византийском влиянии в «монгольскую» эпоху. Ослабление империи после 1204 года, ставшее особенно заметным во 2-й пол. XIV в., не могло не привести к тому, что на Руси ее перестали рассматривать как серьезную политическую силу. Об этом наглядно свидетельствуют сетования патриарха Константинопольского Антония IV на пренебрежительное отношение со стороны великого князя владимирского и московского Василия I к императору и патриарху [Грамота патриарха Антония к великому князю Василию Дмитриевичу, 1880]¹. Ситуация начинает изменяться во 2-й пол. XV в. Процесс «собирания земель» и «собирания власти» на Руси привел к складыванию Русского государства, а вместе с ним был запущен и другой процесс – корректировка прежней политической культуры согласно новым политическим реалиям. Этот процесс в середине XVI в. вступил в завершающую стадию, и здесь византийское влияние (в том виде, в каком его представляли себе испытывавшие «второе южнославянское влияние» русские книжники) сыграло далеко не последнюю роль, однако этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения и выходит за рамки данной статьи.

Список литературы

- Алексеев С.В., Плотникова О.А. 2012. Легитимация власти на начальных этапах христианизации Восточной Европы. *Историческое обозрение*. 13: 4-14.
Блок М. 2003. Феодальное общество. М., Изд-во им. Сабашниковых, 504 с.

¹ Грамота патриарха Антония к великому князю Василию Дмитриевичу, с известием о мерах, принятых против непокорных митрополиту новгородцев и с укоризною за неуважение к патриарху и царю. 1880 // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. VI. Памятники древне-русского канонического права. Часть первая (памятники XI – XV в.). Приложения. Памятники русского канонического права XIII- XV в., сохранившиеся в греческом подлиннике. СПб.: Тип.-я Имп. Академии наук. Стб. 266-276

- Бондаренко Ю.В. 2014. О влиянии византийской культуры на политико-правовое пространство Киевской Руси и Болгарии. *Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал*. 6: 44-46.
- Дагрон Ж. 2010. Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме». СПб., Филологический факультет СПбГУ, Нестор-История, 480 с.
- Горский А.А. 2023. Политическое развитие средневековой Руси. М., Наука, 245 с.
- Гуревич А.Я. 2007. Избранные труды. Средневековый мир. СПб., Изд-во С.-Петербургского университета, 560 с.
- Гусейнов Р.Г. 2019. Влияние монголо-татарского ига на развитие российского государства и права. *Вопросы российской юстиции*. 3: 16-23.
- Живов В.М. 2002. История русского права как лингвосомиотическая проблема, Postscriptum. В кн.: Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., Языки славянской культуры: 291-305.
- Истамгалин Р.С. 2009. Формирование и конкуренция моделей общественного развития в Московской Руси. *Социально-гуманитарные знания*. 2: 215-229.
- Калделлис Э. 2016. Византийская республика: народ и власть в Новом Риме. СПб., Дмитрий Буланин, 448 с.
- Каменский А.Б. 1999. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: Новое литературное обозрение, 328 с.
- Крадин Н.Н. 2012. Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии. В кн.: Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке: 211-239.
- Кривошеев Ю.В. 1999. Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII – XIV вв. СПб., Изд-во С.-Петербургского университета, 408 с.
- Курбатов Г.Л. 1991. Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли. Л., Изд-во ЛГУ: 270 с.
- Ларионов В.Е. 2018. Этапы становления самодержавной парадигмы в домонгольской Руси. В кн.: Культурное наследие России. 2: 23-33.
- Литаврин Г.Г. 2000. Византия, Болгария. Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., Алетейя: 398 с.
- Литаврин Г.Г. 1999. Византия и славяне. СПб.: Алетейя: 607 с.
- Литаврин Г.Г. 1985. Восточноримская империя в V – VI вв. В кн.: Раннефеодальные государства на Балканах. VI – XII вв. М., Наука: 8-33.
- Назаренко А.В. 2009. Древнерусское династическое старейшинство по «Ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели – реальные и мнимые. В кн.: Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке: 7-28.
- Оболенский Д. 1998. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М.: Янус-К: 655 с.
- Пенская Т.М. 2024. Московская «конституция»: княжеские духовные грамоты и докончания как основа политического устройства Руси. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 49(1): 79-89.
- Петрухин В.Я. 2009. Становление государства и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа. В кн.: Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., Рукописные памятники Древней Руси: 81-150.
- Скрынникова Т.Д. 2013. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб., Евразия: 384 с.
- Соколов И.И. 2003. О византинизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843-1453 г.). Вселенские судьбы в Византии. СПб., Изд-во Олега Абышко: 272 с.
- Тананушко Д.Н. 2008. Традиции Византии и процесс формирования политической культуры древней Руси. *Известия Алтайского государственного университета*. 4-1: 198-199.
- Флоря Б.Н. 2007. Отношения государства и Церкви у восточных и западных славян (эпоха средневековья). В кн.: Флоря Б.Н. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., ЦНЦ «ПЭ»: 528 с.

- Флорья Б.Н. 2012. Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII вв.). В кн.: Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII-XIII вв.) М., Знак: 9-94.
- Хазанов А.М. 2006. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе. В кн.: Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, Учитель: 468-489.
- Чернявский М. 2002. Хан или василевс: одни из аспектов русской средневековой политической теории. В кн.: Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., Языки славянской культуры: 442-456.
- Beck H.-G. 1970. Res Publica Romana. Vom Staatsdenken der Byzantiner. Munchen, Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften: 41.
- Cherniavsky M. 1959. Khan or Basileus. An aspect of Russian medieval political Theory. *Journal of the History of Ideas*. 20: 459-476.
- Clanchy T.M. 1993. From Memory to Written Record. England 1066-1307. Oxford, Blackwell Publishers: 407 p.
- Franklin S. 2004. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge, Cambridge University Press: 325 p.
- Gurevich A. 1992. Why am I not a Byzantinist? *Dumbarton Oaks Papers*. 46: 89-96.

References

- Alekseev S.V., Plotnikova O.A. 2012. Legitimaciya vlasti na nachal'ny`x e`tapax xristianizacii Vostochnoj Evropy` [Legitimization of power at the initial stages of Christianization of Eastern Europe]. *Istoricheskoe obozrenie*, 13: 4-14.
- Beck H.-G. 1970. Res Publica Romana. Vom Staatsdenken der Byzantiner. Munchen, Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften: 41 (in Russian).
- Cherniavsky M. 1959. Khan or Basileus. An aspect of Russian medieval political Theory. *Journal of the History of Ideas*, 20: 459-476 (in Russian).
- Clanchy T.M. 1993. From Memory to Written Record. England 1066-1307. Oxford, Blackwell Publishers, 407 p. (in Russian).
- Blok M. 2003. Feodal'noe obshhestvo [Feudal society]. М., Izd-vo im. Sabashnikovy`x Publ., 504 s.
- Bondarenko Yu.V. 2014. O vliyanií vizantijskoj kul'tury` na politiko-pravovoe prostranstvo Kievskoj Rusi i Bolgarii [On the influence of Byzantine culture on the political and legal space of Kievan Rus and Bulgaria]. *Probely` v rossijskom zakonodatel'stve. Yuridicheskij zhurnal*. 6: S. 44-46.
- Chernyavskij M. 2002. Хан или василевс: одни из аспектов русской средневековой политической теории [Khan or basileus: some aspects of Russian medieval political theory]. *Iz istorii russkoj kul'tury`*. T. II. Kn. 1. *Kievskaya i Moskovskaya Rus`*. М.: Yazy`ki slavyanskoj kul'tury` Publ.: 442-456.
- Dagron Zh. 2010. Imperator i svyashhennik: e`tyud o vizantijskom «cezarepapizme» [Emperor and priest: an essay on Byzantine "caesaropapism"]. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU: Nestor-IstoriyaPubl., 480 s.
- Florya B.N. 2007. Otnosheniya gosudarstva i Cerkvi u vostochny`x i zapadny`x slavyan (e`poxa srednevekov`ya) [Relations between the State and the Church among the Eastern and Western Slavs (the Middle Ages)]. In Florya B.N. *Issledovaniya po istorii cerkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov`e*. М., CzNCz «PE» Publ.: 528 s.
- Florya B.N. 2012. Predstavleniya ob otnosheniyax vlasti i obshhestva v Drevnej Rusi (XII – nachalo XIII vv.) [Ideas about the Relations between Power and Society in Ancient Rus' (12th – Early 13th Century)]. In *Vlast` i obshhestvo v literaturny`x tekstax Drevnej Rusi i drugix slavyanskix stran (XII-XIII vv.)*. М., Знак Publ.: 9-94.
- Franklin S. 2004. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge, Cambridge University Press, 325 p. (in Russian).
- Gorskij A.A. 2023. Politicheskoe razvitie srednevekovoj Rusi [Political development of medieval Rus']. М., Nauka Publ., 245 s.
- Gurevich A.Ya. 2007. Izbranny`e trudy`. Srednevekovy`j mir [Selected works. The medieval world]. SPb., Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta Publ., 560 s.
- Gurevich A. 1992. Why am I not a Byzantinist? *Dumbarton Oaks Papers*. 46: 89-96 (in Russian).

- Gusejnov R.G. 2019. Vliyanie mongolo-tatarskogo iga na razvitie rossijskogo gosudarstva i prava [The influence of the Mongol-Tatar yoke on the development of the Russian state and law]. *Voprosy`rossijskoj yusticii*. 3: 16-23.
- Istamgalin R.S. 2009. Formirovanie i konkurenciya modelej obshhestvennogo razvitiya v Moskovskoj Rusi [Formation and competition of models of social development in Muscovite Rus']. *Social`no-gumanitarny`e znaniya*. 2: 215-229.
- Kaldellis E`. Vizantijskaya respublika: narod i vlast` v Novom Rime [Byzantine Republic: People and Power in New Rome]. SPb., Dmitrij Bulanin Publ., 2016, 448 s.
- Kamenskij A.B. 1999. Rossijskaya imperiya v XVIII veke: tradicii i modernizaciya [Russian Empire in the 18th Century: Traditions and Modernization]. M., Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 328 s.
- Kradin N.N. 2012. Stanovlenie gosudarstvennosti na Rusi v svete danny`x politicheskoy antropologii [Formation of Statehood in Rus' in Light of Political Anthropology Data]. In *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy`. 2010 god: Predposy`lki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva*. M., Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 211-239.
- Krivosheev Yu.V. 1999. Rus` i mongoly`. Issledovaniya po istorii Severo-Vostochnoj Rusi XII – XIV vv. [Rus' and the Mongols. Research on the History of North-Eastern Rus' in the 12th–14th Centuries]. SPb., Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta Publ., 408 s.
- Kurbatov G.L. 1991. Rannevizantijskie portrety`. K istorii obshhestvenno-politicheskoy my`sl`i [Early Byzantine portraits. On the history of socio-political thought]. L., Izd-vo LGU Publ., 270 s.
- Larionov V.E. 2018. E`tapy` stanovleniya samodержavnoj paradigmy` v domongol`skoj Rusi [Stages of formation of the autocratic paradigm in pre-Mongol Rus']. *Kul`turnoe nasledie Rossii*. № 2: 23-33.
- Litavrin G.G. 2000. Vizantiya, Bolgariya. Drevnyaya Rus` (IX – nachalo XII v.) [Byzantium, Bulgaria. Ancient Rus' (IX – beginning of XII century)]. SPb., Aletejya Publ., 398 s.
- Litavrin G.G. 1999. Vizantiya i slavyane [Byzantium and the Slavs]. SPb.: Aletejya Publ.: 607 s.
- Litavrin G.G. 1985. Vostochnorimskaya imperiya v V–VI vv. [Eastern Roman Empire in the 5th–6th centuries]. In *Rannefeodal`ny`e gosudarstva na Balkanax. VI–XII vv.* M., Nauka Publ.: 8-33.
- Nazarenko A.V. 2009. Drevnerusskoe dinasticheskoe starejshinstvo po «Ryadu» Yaroslava Mudrogo i ego tipologicheskie paralleli – real`ny`e i mnimy`e [Old Russian dynastic seniority according to the "Row" of Yaroslav the Wise and its typological parallels - real and imaginary]. In Nazarenko A.V. *Drevnyaya Rus` i slavyane (Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy`, 2007 god)*. M., Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke Publ.: 7-28.
- Obolenskij D. 1998. Vizantijskoe Sodruzhestvo Nacij. Shest` vizantijskix portretov [Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits]. M., *Yanus-K Publ.*, 655 s.
- Penskaya T.M. 2024. Moskovskaya «konstituciya»: knyazheskie duxovny`e gramoty` i dokonchan`ya kak osnova politicheskogo ustrojstva Rusi [Moscow "constitution": princely spiritual charters and completions as the basis of the political structure of Rus']. *Nomothetika: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*. 49 (1): 79-89.
- Petruxin V.Ya. 2009. Stanovlenie gosudarstva i vlast` pravatelya v germano-skandinavskix i slavyanskix tradiciyax: aspekty` sravnitel`no-istoricheskogo analiza [Formation of the state and the power of the ruler in the German-Scandinavian and Slavic traditions: aspects of comparative historical analysis]. In *Obshhestvennaya my`sl` slavyanskix narodov v e`poxu rannego srednevekov`ya*. M., Rukopisny`e pamyatniki Drevnej Rusi Publ.: 81-150.
- Povest` vremenny`x let [The Tale of Bygone Years]. 1999. SPb., Nauka Publ., 668 s.
- Skry`nnikova T.D. 2013. Xarizma i vlast` v e`poxu Chingis-xana [Charisma and power in the era of Genghis Khan]. SPb., Evraziya Publ., 384 s.
- Sokolov I.I. 2003. O vizantinizme v cerkovno-istoricheskom otnoshenii. Izbranie patriarxov v Vizantii s sere diny` IX do nachala XV veka (843-1453 g.). Vselenskie sud`i v Vizantii [On Byzantinism in Church-historical Relation. Election of Patriarchs in Byzantium from the Middle of the 9th to the Beginning of the 15th Century (843-1453). Ecumenical Judges in Byzantium]. SPb., Izd-vo Olega Aby`shko Publ., 272 s.
- Tananushko D.N. 2008. Tradicii Vizantii i process formirovanii politicheskoy kul`tury` drevnej Rusi [Traditions of Byzantium and the Process of Formation of the Political Culture of Ancient Rus']. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-1: 198-199.

- Xazanov A.M. 2006. Kochevniki evrazijskix stepej v istoricheskoj retrospective [Nomads of the Eurasian steppes in historical retrospect]. In *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy` i analogi*. Volgograd, Uchitel`, 468-489.
- Zhivov V.M. 2002. Istoriya russkogo prava kak lingvosemioticheskaya problema, Postscriptum [History of Russian law as a linguo-semiotic problem, Postscriptum]. In Zhivov V.M. *Razy`skaniya v oblasti istorii i predy`storii russkoj kul'tury`* [Research in the field of history and prehistory of Russian culture]. M., Yazy`ki slavyanskoj kul'tury` Publ.: 291-305.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 07.04.2025

Поступила после рецензирования 23.05.2025

Принята к публикации 19.06.2025

Received April 7, 2025

Revised May 23, 2025

Accepted June 19, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Пенской Александр Витальевич, адвокат, Адвокатская палата Белгородской области, г. Белгород, Россия.

Alexander V. Penskoj, lawyer, Bar Chamber of the Belgorod Region, Belgorod, Russia.

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Tatyana M. Penskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 34.01
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-344-352
EDN VNGNHK

Принцип законности в цифровой парадигме

Редько А.А., Рудковский В.А., Поляков В.А.

Волгоградская академия МВД России,
Россия, 400075, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130
tuapsina@yandex.ru

Аннотация. Немаловажную роль в укреплении правовых позиций современного государства играет принцип законности, без примата которого сегодня невозможно представить утверждение демократии и развитие правовой культуры общества. Стремительное внедрение цифровых технологий актуализирует проблему соблюдения принципа законности в виртуальном пространстве, которая остается недостаточно исследованной в отечественной юридической науке. Цель исследования – оценить влияние цифровизации на принцип законности, выявить проблемные вопросы, возникающие в связи с интеграцией цифровых технологий в правовую действительность Российской Федерации. В результате исследования была описана трансформация содержательной части принципа законности под влиянием глобальных процессов цифровизации, определены те сферы общественных отношений, которые требуют обеспечения законности в информационной среде: защита персональных данных, регулирование виртуальных активов и др. Выявлены основные проблемы в области обеспечения законности на современном этапе: отсутствие единого подхода к определению цифровой законности, пробелы в регулировании киберпреступлений, низкий уровень доверия к информационным и цифровым технологиям среди старшего поколения и др. Результаты исследования открывают новое теоретическое направление в понимании проблем законности в условиях цифровой парадигмы.

Ключевые слова: законность, цифровизация, право, субъективные права, демократическое государство, позитивное право, цифровая среда, правоотношения, правовая культура

Для цитирования: Редько А.А., Рудковский В.А., Поляков В.А. 2025. Принцип законности в цифровой парадигме. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 344–352. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-344-352 EDN: VNGNHK

The Principle of Legality in the Digital Paradigm

Alexander A. Redko, Victor A. Rudkovsky, Viacheslav A. Polyakov

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
130 Istoricheskaya St, Volgograd 400075, Russian Federation
tuapsina@yandex.ru

Abstract. The principle of legality plays a crucial role in strengthening the legal framework of modern states, serving as a cornerstone for democracy and the development of a society's legal culture. The rapid integration of digital technologies has highlighted the urgent need to uphold this principle in virtual spaces—an area that remains understudied in Russian legal science. This study examines how digitalization impacts the principle of legality and identifies key challenges arising from the adoption of digital technologies in Russia's legal system. The analysis reveals science globalization and digital transformation reshape the very essence of legality, pinpointing critical areas requiring robust legal safeguards such as personal data protection and regulation of virtual assets. Among the pressing issues uncovered are the lack of a unified approach to defining digital legality, gaps in combating cybercrime,

and low trust in digital technologies among older generations. These findings open new theoretical pathways for understanding legality in the digital age while providing a foundation for future legal and policy reforms aimed at ensuring effective legal protection in emerging digital environments.

Keywords: legality, digitalization, law, subjective rights, democratic state, positive law, digital environment, legal relations, legal culture

For citation: Redko A.A., Rudkovsky V.A., Polyakov V.A. 2025. The Principle of Legality in the Digital Paradigm. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 344–352 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-344-352 EDN: VNGNHK

Введение

Современный мир переживает существенные трансформации. Активизация процессов цифровизации наполнила содержательную часть принципа законности новым пониманием, поскольку граждане и юридические лица сегодня могут (и будут) требовать реализации принципа законности в виртуальном пространстве. Однако действующее законодательство не учитывает специфику цифровых правоотношений, что создает пробелы в защите прав и обуславливает необходимость научного осмысления этой проблемы. Принцип законности в цифровом пространстве остается своего рода *Terra incognita* для современной юридической науки. Сегодня активно развиваются общественные отношения в информационно-телекоммуникационной сети интернет, в связи с чем возникают принципиально новые проблемные аспекты защиты субъективных прав и архитектуры исполнения законов в неконтролируемой среде. Лавинообразно возникают вопросы о способах контроля, надзора, реализации, поддержания принципа законности в виртуальном пространстве.

В настоящее время в научном сообществе активизируется работа по изучению проявлений процесса цифровизации в правовой сфере жизни общества. Так, К.В. Коробейниковой проанализированы проблемы использования персональных данных в цифровом государственном управлении [Коробейникова, 2023]; Ю.А. Пузенцовой выявлено взаимовлияние цифровизации и гражданского общества [Пузенцова, 2023]; Федоренко С.П. рассмотрены электронные платформы как инструмент защиты правопорядка [Федоренко, 2020].

Данное исследование нацелено на выявление проблем в области обеспечения законности в современной правовой парадигме, претерпевающей изменения в связи с активной цифровизацией ряда сторон общественной жизни. В ходе исследования использовались: общенаучный диалектический метод познания, метод обобщения, анализа, системно-структурный, формально-догматический и другие методы.

Принцип законности в современном правовом государстве

Законность представляет собой многогранную, многоуровневую категорию, интегрированную во все сферы правоотношений. На современном этапе развития юридической науки законность трактуется и как принцип [Андреева, Оржаховский, 2024], и как «идея, требование и система (режим) реального выражения права в законах государства, в самом законодательстве, в подзаконном нормотворчестве» [Витрук, 2012, с. 51].

В условиях стремительной трансформации объективной действительности одна из проблем законности связана с рассмотрением ее сугубо позитивистски, догматически, что проявляется в суженном понимании ее содержания как формального соблюдения норм, не учитывающем новых цифровых реалий. Все это приводит к возникновению потребности адаптировать традиционные правовые принципы к изменяющимся условиям правоприменения, а также пересмотреть понимание законности с учетом различных аспектов цифрового регулирования, в том числе защиты прав в виртуальной среде.

Некоторые аспекты законности в условиях цифровизации сегодня отражены в ряде нормативных правовых актов Российской Федерации. Так, в Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 гг., где отмечено, что цифровые явления «стали повседневной жизнью россиян», обеспечение законности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях заложено в качестве основного принципа¹. Меры по обеспечению технического контроля законности обработки данных в сетях связи, центрах обработки данных и информационных системах осуществляются в рамках решения задач, определенных Национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации»².

«Законность представляет собой точное и неукоснительное соблюдение и исполнение законов и подзаконных нормативно-правовых актов государственными органами, должностными лицами, органами местного самоуправления, гражданами и их объединениями» [Редько, 2014, с. 21]. Современное позитивное право в работе правоприменительных органов «только тогда целесообразно, когда находит свое отражение в планировании ближайшего будущего, выдвигении некоторой перспективной концепции, нацеленной на модернизацию, укрепление государства, демократизацию политической системы, имплементацию норм ратифицированных актов международного права» [Редько, 2014 с. 24], другими словами, реализуется через призму законности. В условиях цифровизации эта целесообразность проявляется особо. Цифровая трансформация требует от права не только адаптации к новым технологическим реалиям, но и активного участия в формировании цифровой среды, где законность становится одним из важнейших инструментов регулирования общественных отношений.

На сегодняшний момент институт законности в цифровой среде является формирующимся. До сих пор не сформировано единого взгляда на определение понятия и содержания законности в контексте цифровизации ряда общественно значимых правоотношений, а границы представлений об инструментах обеспечения законности и о конкретных государственных органах размыты. При этом объективная действительность диктует необходимость качественной проработки концепции законности в цифровой среде, которая с каждым днем все прочнее входит в жизнь современного общества.

Проблемы правового регулирования в условиях цифровой трансформации

Несмотря на повышенный интерес к механизмам цифровизации в современном мире, сегодня в теоретико-правовом пространстве нет единого мнения о природе и содержании указанного процесса. Исследователи обращаются к анализу различных сторон цифровизации, что позволяет выделить некоторые подходы к его изучению. В рамках технологического подхода внимание акцентируется на технических аспектах цифровизации и их влиянии на правовую систему [Карцхия, 2018]. Институциональный подход фокусируется на исследовании трансформации внутреннего строения права под влиянием процесса внедрения в общественную и государственную практику цифровых технологий [Николаев, 2019]. Одновременно в рамках обоих выделенных подходов в свете правовых и политических тенденций прослеживается инициатива по реформированию отдельных подотраслей и институтов права, их унификации, интеграции нейросетевых возможностей и алгоритмов искусственного интеллекта, что увеличивает в разы актуальность исследования.

¹ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 гг. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.09.2024).

² Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждённая Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.09.2024).

Особую важность тема цифровизации приобретает в связи с тем, что связанная с ней трансформация несет в себе одновременно как позитивные, так и негативные последствия для законности. В настоящее время наблюдается активное внедрение современных цифровых технологий в повседневную жизнь граждан и деятельность органов государственной власти. Так, в режиме online возможно инициировать жалобы, получить правовые консультации, зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя, получить субсидии или пособия. Многие подобные возможности уже достаточно прочно вошли в нашу жизнь и были закреплены в нормативных правовых актах, например, в Федеральном законе от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»¹, указе Президента РФ от 18.09.2023 № 695 «О представлении сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, с использованием информационных технологий»² и ряде других. На текущий момент мало кто оспаривает тот факт, что внедрение цифровых технологий в социальную практику значительно повысило скорость и качество услуг, в том числе государственных.

Однако государство имеет огромное количество проблем, которые требуют тщательной проработки и в рассматриваемой нами области. В частности, цифровой мир предрасположен к определенным рискам и опасностям: к утечкам персональных данных, дроппингу, мошенничеству, буллингу и т. д. Согласно официальной статистике МВД России³, в 2024 году 40 % всех зарегистрированных преступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 13,1 % превышает показатели предыдущего года. Особую обеспокоенность вызывает увеличение на 7,8 % числа тяжких и особо тяжких преступлений в цифровой сфере.

Полагаем, что в связи со сменой современной парадигмы в недалеком будущем создадутся все предпосылки для формирования нормативной правовой базы, охватывающей процессы публичного управления путем использования возможностей последних достижений науки и техники. На современном этапе исследователями уже освещаются возможности применения новейших технологий в государственном управлении, среди них: аддитивные технологии, технологии блокчейн, технологии больших данных (Big data), технологии Всеобщего интернета (Интернета всего / The Internet of Everything), Интернета вещей (Internet of Things), технологии виртуальной реальности (virtual reality, VR, искусственная реальность), технологии искусственного интеллекта и др. [Жаворонкова, Шпаковский, 2021].

Наряду с указанными предпосылками вызывает повышенный интерес обеспечение принципа законности в RPG играх, где функционируют и вступают в правоотношения (купли-продажи, например) различного рода аватары и персонажи виртуальной реальности. А.И. Савельев отмечает: «Даже если и признать, что право собственности на виртуальные объекты возможно, здесь возникает немало проблем, связанных с тем, что его реализация неразрывно связана с правом на доступ к программному продукту, в рамках которого оно существует» [Савельев, 2014, с. 142]. На наш взгляд, указанная позиция не совсем отвечает духу времени. Если взять за условие в теоретико-философском смысле количество времени и труда, затрачиваемого человеком на создание материальной ценности или вещи, то можно констатировать, что в объективной

¹ Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.09.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 18.09.2023 № 695 «О представлении сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, с использованием информационных технологий». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.09.2024).

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 20.01.2025).

действительности сегодня вещи и ценности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет имеют куда большую ценность, чем вещь, забытая на балконе или в углу гаража. Следует задать себе вопрос: должно ли государство обеспечивать законность в правоотношениях, связанных с правом собственности на виртуальные вещи, защищать их? На наш взгляд, безусловно, должно, мало того, это неизбежное недалекое будущее. Мир меняется на колоссальных скоростях, надо принять этот факт как данность, а за технологиями «подтянется» и право.

При этом следует подчеркнуть, что законность – межотраслевой феномен, она присуща и уголовному, и административному, и финансовому, и другим отраслям права. В цифровой среде в каждой отрасли возникают правоотношения, которые могут быть нарушены, что, как следствие, побуждает к проработке механизмов обеспечения законности и, соответственно, требует консолидации усилий представителей различных отраслей права в выработке концепции законности в цифровой среде. Проблема заключается в том, что инновационные возможности совершенствования правоотношений, такие как, например, нейросети и искусственный интеллект, далеко не всегда легко признаются. Особо скептически к новым инициативам относится старшее поколение, не готовое связывать классические институты и явления общественной жизни с научным прогрессом, а тем более с процессами интеграции искусственного интеллекта и нейросетей. Согласно ВЦИОМ, в самой старшей возрастной группе опрошенных широкомасштабное внедрение ИИ-решений поддерживает лишь каждый шестой (17 %). А доля тех, кто вообще не считает нужным применять ИИ, в пять раз выше в старшей возрастной группе – 15 % против 3 % у респондентов 18–24 лет¹.

Субъектам формирования расширенного содержания принципа законности в условиях цифровизации следует учитывать общие тенденции в области его обеспечения. На современном этапе проявились следующие закономерности:

- консолидируется все российское общество в период специальной военной операции;
- переформируются алгоритмы правотворчества – сокращаются сроки принятия стратегически важных решений, при этом основным критерием остаётся законность;
- увеличивается роль гражданина и гражданского общества в обеспечении законности (правовая инициатива);
- повышается уровень ценности жизни и здоровья человека и гражданина;
- усиливается аппарат власти и процедуры контроля над обеспечением законности, в том числе путем серьезных кадровых изменений в высшем аппарате власти;
- совершенствуются механизмы надзора за законностью;
- прослеживаются тенденции к повышению уровня престижа службы в органах, обеспечивающих принцип законности в Российской Федерации.

На современном этапе актуальными направлениями для катализации мер по совершенствованию законности в условиях цифровизации остаются многие отрасли права, что обусловлено их высокой предрасположенностью к внедрению цифровых технологий, что, в свою очередь, требует усиленного контроля соблюдения принципа законности. Его укрепление в условиях цифровизации является необходимым компонентом для повышения эффективности правового регулирования.

Принимая во внимание сложность и объемность рассматриваемых правовых явлений и дефиниций, целесообразно задействовать в процессе разработки концепции законности в цифровой среде весь административно-управленческий аппарат и привлечь широкий круг общественности. Современные реалии диктуют необходимость создания новых правообеспечивающих, правоохранительных и правоприменительных органов в

¹ Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет результаты опроса об этике в сфере искусственного интеллекта. 12 сентября 2023 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehtika-v-ehpokhu-robotizacii-ishchem-balans> (дата обращения: 06.09.2024).

виртуальном пространстве, способных обеспечить эффективную реализацию принципа законности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и иных цифровых сферах, в которых сегодня активно возникают правоотношения. Представляется, что указанная проблематика найдет свое разрешение в новой парадигме понимания принципа законности.

Заключение

Выделим ключевые аспекты законности в современной парадигме права. Представляя собой одну из фундаментальных категорий в праве, она рассматривается в нескольких ипостасях: как принцип, определяющий содержание и направленность правового регулирования; как способ реализации правовых норм, обеспечивающий их неукоснительное исполнение; как политико-правовой режим, характеризующий степень правопорядка в государстве и т. д.

Несоответствие темпов цифрового развития и актуального состояния правового регулирования порождает целый ряд затруднений в обеспечении законности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Правовая неопределённость охватывает сферу цифровой собственности: отсутствуют чёткие механизмы признания, защиты и передачи прав на виртуальные объекты. Дополнительную сложность создаёт низкий уровень доверия к цифровым решениям среди старшего поколения, что ограничивает принятие современных правовых механизмов. Устранение данных проблем станет условием формирования эффективной законодательной системы, способной обеспечить реализацию принципа законности в цифровом пространстве.

Теоретико-правовой обзор современного состояния законности, находящейся в переходном периоде в новую политико-правовую парадигму, позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. Институт законности в цифровой среде до настоящего времени является формирующимся. Единого взгляда на определение понятия и его содержания нет, границы представлений об инструментах его обеспечения и о конкретных государственных органах размыты.

2. Законность – межотраслевой феномен, она присуща и уголовному, и административному, и финансовому, и другим отраслям права. В цифровой среде в каждой отрасли возникают правоотношения, которые могут быть нарушены, что, как следствие, побуждает к проработке механизмов обеспечения законности и, соответственно, требует консолидации усилий представителей различных отраслей права в выработке концепции законности в цифровой среде.

3. Российская Федерация занимает особое положение в мировом цифровом пространстве. В государстве крайне болезненно проходят преобразования, связанные с цифровизацией, старшее поколение скептически относится к новым инициативам и не готово связывать классические институты, явления и дефиниции с научным прогрессом, а тем более с процессами интеграции искусственного интеллекта и нейросетей. Цифровая среда развивается быстрее, чем правовое регулирование. Недоверие к цифровым технологиям усложняет внедрение инновационных правовых механизмов, что негативно сказывается на эффективности обеспечения законности в цифровых областях.

4. Необходимость реализации принципа законности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в ближайшее время вынудит государство к созданию новых органов государственной власти в виртуальном пространстве.

Дальнейшее совершенствование законности, повышение правовой культуры и правового сознания в цифровой среде всех субъектов правоотношений являются основными приоритетами прогрессивного развития гражданского общества и правового государства.

Список литературы

- Андреева О.А., Оржаховский А.Ю. 2024. Принцип законности в теоретико-исторической правовой науке: тенденции и механизмы формирования. *Философия права*, 1 (108): 7-13.
- Арзамасов Ю.Г. 2004. Законность ведомственных нормативных актов. Барнаул, юрид. ин-т., 118 с.
- Витрук Н. В. 2012. Права, демократия и личность в конституционном измерении. М.: Норма, 688 с.
- Вопленко Н.Н. 2006. Законность и правовой порядок. Волгоград, Волгоградский государственный университет, 136 с.
- Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. 2021. Современные проблемы правового регулирования инновационного развития лесного комплекса России. В кн.: Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт. М., Проспект: 179-193.
- Карцня А.А. 2018. Цифровизация в праве и правоприменении. *Мониторинг правоприменения*. 1 (26): 36-40.
- Коробейникова К.В. 2023. Теоретико-правовые проблемы использования личной информации в условиях цифровизации в государственно-правовой сфере. *Аграрное и земельное право*. 4 (220): 105-108. DOI 10.47643/1815-1329_2023_4_105.
- Малько А.В. 2017. Правовая жизнь российского общества в условиях глобализации: монография. М.: Проспект, 319 с.
- Николаев А.И. 2019. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине. *Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки*. 4 (36): 44-48.
- Пономарев Д.А. 2002. Теоретические проблемы развития понятия законности в отечественной юридической науке: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 22 с.
- Пузенцова Ю.А. 2023. Цифровизация, право и гражданское общество: новые горизонты взаимодействия. *Право и государство: теория и практика*, 10(226): 225-228. DOI 10.47643/1815-1337_2023_10_225.
- Редько А. А. 2014. Новое понимание законности. *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 1(28): 20-26.
- Репьев А.Г. 2023. Правосознание субъектов со специальным правовым статусом. *Вестник Московского университета МВД России*. 6: 205-209. DOI: 10.24412/2073-0454-2023-6-205-209.
- Репьев А.Г. 2024. Правовой статус личности через призму юридической фикции. В кн.: Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития: Материалы XXI международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД РФ: 39-42.
- Рудковский В.А. 2017. Справедливость как феномен правовой культуры. В кн.: Юридическая справедливость: проблемы теории и практики. Волгоград, Волгоградский государственный университет: 113-129.
- Савельев А.И. 2014. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх. *Вестник гражданского права*, 14 (1): 127-150.
- Васильев А.А. 2020. Трансформация права в цифровую эпоху. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 432 с.
- Трофимов В.В. 2021. К вопросу об актуальности и теоретико-методологическом потенциале научной проблемы культуры современного правотворчества. *Правовая культура*. 2 (45): 108-109.
- Федоренко С.П. 2020. Электронные платформы взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества как средство защиты правопорядка. *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*. 3: 36-41. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-5.

References

- Andreeva O.A., Orzhakhovsky A.Y. 2024. Princip zakonnosti v teoretiko-istoricheskoy pravovoj nauke: tendencii i mekhanizmy formirovaniya [The principle of legality in the theoretical and historical legal science: trends and mechanisms of formation]. *Filosofiya prava*. 1 (108): 7-13.
- Arzamasov Yu.G. 2004. Zakonnost vedomstvennikh normativnikh aktov [Legality of departmental regulations]. Barnaul, 118 p.

- Vitruk N. V. 2012. Prava, demokratiya i lichnost' v konstitucionnom izmerenii [Rights, democracy and personality in the constitutional dimension]. Moscow, Norm, 688 p.
- Voplenko N. N. 2006. Zakonnost i pravovoj poryadok [Legality and legal order]. Volgograd, 136 p.
- Zhavoronkova N.G., Shpakovskiy Yu.G. 2021. Sovremennye problemy pravovogo regulirovaniya innovacionnogo razvitiya lesnogo kompleksa Rossii [Modern problems of legal regulation of innovative development of the Russian forest complex]. In: Transformaciya modelej pravovogo regulirovaniya ob"ektov innovacionnoj infrastruktury v sovremennom prave: rossijskij i zarubezhnyj opyt [Transformation of models of legal regulation of innovative infrastructure facilities in modern law: Russian and foreign experience]. Moscow, Prospect: 179-193.
- Kartskhiya A.A. 2018. Cifrovizaciya v prave i pravoprimenenii [Digitalization in law and law enforcement]. *Monitoring pravoprimeneniya*. 1 (26): 36-40.
- Korobeynikova K. V. 2023. Teoretiko-pravovye problemy ispol'zovaniya lichnoj informacii v usloviyah cifrovizacii v gosudarstvenno-pravovoj sfere [Theoretical and legal problems of the use of personal information in the context of digitalization in the public legal sphere]. *Agrarnoe i zemelnoe pravo*. 4 (220): 105-108. DOI 10.47643/1815-1329_2023_4_105. (In Russian).
- Malko A.V. 2017. Pravovaya zhizn rossijskogo obshchestva v usloviyah globalizacii [The legal life of Russian society in the context of globalization]. Moscow, Prospekt, 319 p.
- Nikolaev A.I. 2019. Voprosy cifrovizacii prava v sovremennoj yuridicheskoy doktrine [Issues of digitalization of law in modern legal doctrine]. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 4 (36): 44-48.
- Ponomarev D.A. 2002. Teoreticheskie problemy razvitiya ponyatiya zakonnosti v otechestvennoj yuridicheskoy nauke [Theoretical problems of the development of the concept of legality in domestic legal science]: abstract. ... cand. jurid. Sciences. Ufa, 11 p.
- Puzentsova Yu.A. 2023. Cifrovizaciya, pravo i grazhdanskoe obshchestvo: novye gorizonty vzaimodejstviya [Digitalization, law and civil society: new horizons of interaction]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2023. 10 (226): 225-228. DOI 10.47643/1815-1337_2023_10_225.
- Redko A. A. 2014. Novoe ponimanie zakonnosti [A new understanding of legality]. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 1(28): 20-26.
- Repyev A.G. 2023. Pravosoznanie sub"ektov so special'nym pravovym statusom [Legal awareness of subjects with a special legal status]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 6: 205-209. DOI: 10.24412/2073-0454-2023-6-205-209.
- Repyev A.G. 2024. Pravovoj status lichnosti cherez prizmu yuridicheskoy fikcii [The legal status of an individual through the prism of legal fiction]. In: Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya [State and law: evolution, current state, development prospects]. Materials of the XXI International Scientific and Practical conference. In 2 parts. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: 39-42.
- Rudkovskiy V. A. 2017. Spravedlivost kak fenomen pravovoj kultury. Yuridicheskaya spravedlivost: problemy teorii i praktiki [Justice as a phenomenon of legal culture. Legal justice: problems of theory and practice]. Volgograd, Volgograd State University: 113-129.
- Saveliev A.I. 2014. Pravovaya priroda virtual'nyh ob"ektov, priobretaemyh za real'nye den'gi v mnogopol'zovatel'skikh igrakh [The legal nature of virtual objects purchased for real money in multiplayer games]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 14 (1):127-150.
- Vasiliev A.A. 2020. Transformaciya prava v cifrovuyu epohu: monografiya. Barnaul: Izdatel'stvo Altajskogo universiteta [The transformation of law in the digital age]. Barnaul, Publishing house of the Alt. university, 432 p.
- Trofimov V.V. 2021. K voprosu ob aktual'nosti i teoretiko-metodologicheskom potenciale nauchnoj problemy kul'tury sovremennogo pravotvorchestva [To the question of the relevance and theoretical and methodological potential of the scientific problem of the culture of modern law-making]. *Pravovaya kultura*. 2(45): 108-109.
- Fedorenko S.P. 2020. Elektronnye platformy vzaimodejstviya pravoohranitel'nyh organov i grazhdanskogo obshchestva kak sredstvo zashchity pravoporyadka [Electronic platforms for interaction between law enforcement agencies and civil society as a means of protecting law and order]. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta*. 3: 36-41. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-5.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 12.09.2024
Поступила после рецензирования 25.09.2024
Принята к публикации 30.09.2024

Received September 20, 2024
Revised September 25, 2024
Accepted September 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Редько Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника, Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Россия.

Alexander A. Redko, Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia.

Рудковский Виктор Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства, Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Россия.

Viktor A. Rudkovsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia.

Поляков Вячеслав Александрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства, Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Россия.

Vyacheslav A. Polyakov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 340.5

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-353-363

EDN WUNZXH

Сущность публично-правового регулирования нотариальной деятельности

Гришин К.Г.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

grishin.notary@gmail.com

Аннотация. Роль нотариальной деятельности важна для повышения правовой культуры общества, снижения рисков возникновения споров и конфликтов, а также для обеспечения легитимности юридических сделок. Несмотря на многочисленность публикаций по публично-правовому регулированию, до сих пор остаются недостаточно разработанными вопросы о характере и особенностях такого регулирования, а также его роли в системе правового обеспечения нотариальной деятельности. Так, налицо недостаточность теоретического обоснования понятия публично-правового регулирования, недостаточность разработанности механизмов и методов такого регулирования; отсутствие комплексного анализа баланса между публичными интересами и профессиональной автономией нотариусов; недостаточная исследованность роли публично-правового регулирования в обеспечении правовой защищенности участников сделок. Для устранения этих пробелов необходимо проведение более системных исследований, включающих теоретический анализ понятий, механизмов и функций публично-правового регулирования в сфере нотариальной деятельности, а также их практическое применение и влияние на правовую систему в целом. Цель исследования заключается в выявлении и анализе правовых основ, механизмов и особенностей государственного регулирования нотариальной системы, а также в определении его роли в обеспечении законности, защиты прав и интересов участников гражданского оборота, укреплении доверия к нотариальной деятельности и повышении ее эффективности. Изучение сущности публично-правового регулирования нотариальной деятельности позволило определить его значение на современном этапе. Во-первых, публично-правовое регулирование устанавливает правовые основы, стандарты и процедуры, которые гарантируют законность и безопасность нотариальных действий, что способствует защите интересов участников сделок. Во-вторых, четкое регулирование повышает прозрачность и предсказуемость нотариальной деятельности, укрепляя доверие общества к нотариусам и их роли в обеспечении юридической безопасности. Наконец, понимание сущности публично-правового регулирования позволяет создавать более эффективные правовые инструменты для совершенствования нотариальной системы, повышения ее эффективности и доступности.

Ключевые слова: публично-правовое регулирование, дифференциация публичного и частного права, публичное право

Для цитирования: Гришин К.Г. 2025. Сущность публично-правового регулирования нотариальной деятельности. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 50(2): 353–363. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-353-363 EDN: WUNZXH

The Essence of Public Law Regulation of Notary Activity

Kirill G. Grishin

Kazan (Volga Region) Federal University
18 Kremlevskaya St, Kazan 420008, Russian Federation
grishin.notary@gmail.com

Abstract. The article is focused on public law regulation of notary practice. Notarial activities are significant in terms of developing the society's legal culture, reducing risks of legal disputes and conflicts, and ensuring the legitimacy of legal transactions. Despite numerous research works, issues of the essence and specifics of such regulation and its role in the legal support of notary practice have not received proper scientific attention so far. There are no sufficient theoretical grounds for the concept of public law regulation; mechanisms and methods of such regulation have not been worked out to the necessary extent; no comprehensive analysis of the balance between public interests and notaries' professional autonomy has been done; and the role of public law regulation in protecting the rights of transaction participants remains understudied. Systemic research is necessary for overcoming these gaps, which should include a theoretical analysis of the concepts, mechanisms and functions of the public law regulation of notarial activities and investigate their practical use and effect on the legal system. The purpose of the study is to identify and analyze the legal foundations, mechanisms and features of state regulation of the notary system, as well as to determine its role in ensuring legality, protecting the rights and interests of participants in civil turnover, strengthening trust in notary activities and increasing its effectiveness. The study has revealed the significance of public law regulation at contemporary stage. Firstly, it establishes the legal norms, standards, and procedures that secure legitimacy and safety of transactions, which facilitates the protection of transaction participants. Secondly, a clear regulation makes notarial activities more transparent and predictable, this strengthening people's trust in notaries and their role in ensuring legal safety. Finally, understanding the essence of this process makes it possible to develop more effective legal instruments for improving the notarial system, enhancing its efficiency and accessibility.

Keywords: public law regulation, differentiation of public and private law, public law

For citation: Grishin K.G. 2025. The Essence of Public Law Regulation of Notary Activity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 353–363 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-353-363 EDN: WUNZXH

Введение

Доктринальное понимание феномена публично-правового регулирования генетически связано с дихотомией публичного и частного права. Как известно, это одна из наиболее весомых составляющих римского наследия в современной юриспруденции и своего рода «вечный вопрос», обсуждаемый едва ли не с XVI века в аспектах особенностей частного и публичного права, историко-правовой динамики их соотношения, воплощения в национальных правопорядках, влияния на текущую правотворческую и правореализационную практику и т. д. Обозначенная дихотомия попадает также и в зону нашего внимания, ибо получить новые систематизированные знания относительно публично-правового регулирования нотариальной деятельности в Российской Федерации представляется возможным лишь на основе предыдущих исследований и разработок относительно интерпретации публичного и частного права как двух ценностно-нормативных подсистем единого правопорядка [Смоленский, 2023, с. 100].

Общие концепции публично-правового регулирования изучены А.В. Мальцевым, который подчеркивает, что публично-правовое регулирование – это система мер, осуществляемых государством для обеспечения законности, защиты прав и интересов граждан и общества в целом. В контексте нотариальной деятельности оно выступает как механизм государственного контроля и надзора [Мальцев, 2004]. Изучая роль

государства в нотариальной деятельности, исследователи Е.В. Иванова [Иванова, 2017] и Н.П. Смирнова [2019] акцентируют внимание на том, что нотариальная деятельность является исключительной сферой публичного интереса, а её регулирование осуществляется через нормативные акты, лицензирование, контроль за соблюдением законодательства. Механизмы публично-правового регулирования отражены в работах А.Ю. Баранова [2019] и И.В. Кузнецовой [2020], которые анализируют инструменты государственного воздействия: нормативное регулирование (законы, подзаконные акты), контрольные функции (надзор, лицензирование), а также правовые санкции за нарушение правил. Теоретические подходы к сущности публично-правового регулирования изучены в научных трудах Л.П. Гусева [2018] и М.А. Петрова [2019], в которых рассматривается вопрос о соотношении публичного и частного начала в нотариальной деятельности, подчёркивается роль государства как гаранта законности и порядка [Смоленский, 2023, с. 100]. Несмотря на значительный массив работ, отмечается недостаточная разработанность вопросов о балансе между государственным контролем и профессиональной автономией нотариусов, а также о механизмах обеспечения эффективности публично-правового регулирования.

Вместе с тем понятия публичного права и публично-правового регулирования не тождественны, и разница между ними хорошо видна на следующем гипотетическом примере. Допустим, мы считаем нотариальное право самостоятельной отраслью и в этой связи в ходе некоей дискуссии предлагаем две формулировки:

- а) нотариальное право является самостоятельной отраслью *публичного права*;
- б) нотариальное право, будучи самостоятельной отраслью, сочетает в себе элементы *публично-правового* и *частноправового регулирования*.

Разумеется, оба утверждения найдут как своих сторонников, так и оппонентов, ибо иного в науке не дано. Со своей стороны лишь заметим, что, во-первых, в формулах заложены различные концептуальные подходы к нотариальному праву, со всей очевидностью выявляющие неэквивалентность понятий «публичное право» и «публично-правовое регулирование» [Булатов, Макаруч, 2024, с. 52; Конджакулян, Мерзаметова, 2020, с. 156; Кулишова, 2015, с. 11]; во-вторых, формула (б) представляется точным отражением надлежащего сочетания статических и динамических аспектов интересующего нас соотношения публичного права и публично-правового регулирования, а именно – публичное право является системным ориентиром, тем ценностно-нормативным вектором, по которому публично-правовое регулирование направляет движение и развитие общественных отношений с целью их упорядочения и систематизации [Мамай, 2023, с. 212].

Таким образом, сущность публично-правового регулирования подлежит аналитическому описанию в органическом единстве с той или иной интерпретацией публичного права.

Публичный интерес, как правило, ассоциируется с понятием «общественного», что предполагает охват интересов многочисленных слоёв социальной структуры, однако необходимо учесть, что существует и альтернативная интерпретация этого термина, в которой акцент ставится не на коллективную принадлежность, но на открытость и направленность деятельности, ориентированной на широкий спектр участников социального взаимодействия, что требует детального разграничения в зависимости от специфики контекста, в котором данный термин применяется [Мельников, Ширина, 2022, с. 275]. В частности, в рамках анализа, предложенного судьёй Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононовым, термин «публичный» подвергается многозначной трактовке, в силу чего, в зависимости от конкретной области его употребления, он может обозначать как социокультурное явление, отражающее интересы более или менее широких слоёв населения, так и всенародную доступность и прозрачность определённых действий или процессов, что в свою очередь противостоит

категориям, отражающим приватность или ограниченный круг участников, таким как "частный", "личный" и "индивидуальный"»¹. Публичное право, в своей классической интерпретации, направлено на обеспечение защиты интересов и целей, которые касаются всего государства в целом, и охватывает те правовые отношения, в которых участвуют государственные органы, при этом предполагается наличие властных структур, взаимоотношений подчиненности, а также правовых требований и ограничений, обязательных для исполнения и юридически обоснованных как в контексте положений части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, так и в соответствии с нормами соответствующего федерального законодательства, регулирующего данные отношения [Графский, 2000, с. 241].

Теперь приступим непосредственно к уяснению сущности публично-правового регулирования в системе действующего российского правового порядка и вначале отметим возможность а) историко-правового, б) философско-правового и в) собственно юридического (системно-отраслевого) подходов к решению данного вопроса.

Историко-правовой подход уяснения сущности публично-правового регулирования

Так, руководствуясь историко-правовым подходом, мы констатируем, что первоисточником дифференциации публичного и частного права стали классические правила, сформулированные двумя выдающимися римскими юристами – Эмилием Папинианом и Домицием Ульпианом.

Согласно Папиниану, публичное право (*ius publicum*) не может быть изменено правовыми соглашениями и сделками частных лиц. Как следует из общего контекста, в данном случае понятие публичного права представлено широко, включая не только государственное право, но и вообще все установленное государством право, или право государства: Законы двенадцати таблиц, публично-правовые законы республиканского периода (*leges publicae*), постановления сената (*senatusconsulta*) и императорские указы периода империи (*constitutiones*). Отсюда легко сделать вывод о противопоставлении публичного и частного права по признаку обязательности, или императивности. Между тем вряд ли верно утверждение, что *ius publicum* следует трактовать исключительно как императивное право в отличие от диспозитивного права. На наш взгляд, правильнее считать, что данная формула указывает на высший авторитет государственного правотворчества по отношению к правовым соглашениям между частными лицами. Симптоматично, что эта правовая идея в дальнейшем воплотилась в известной современным правовым порядкам максиме, что договор не должен противоречить закону. Папиниан, *responsa prudentium* которого придавалась юридическая сила, впервые акцентировал объективно существующий контраст между сферами действия государственного римского права с одной стороны и частной автономии – с другой².

С историко-правовой точки зрения здесь следует обратить внимание на два обстоятельства: во-первых, римские юристы, даже такие талантливые, как Папиниан и Ульпиан, были в первую очередь практиками и занимались казуистикой, оставляя в стороне разработку абстрактных теоретических понятий, к которым, вне сомнения, относятся категории публичного и частного в правовом регулировании; во-вторых, нормативные элементы, квалифицированные Ульпианом как *ius publicum*, хотя и были закреплены в кодексе законов Юстиниана, но ни содержательной, ни структурной его доминанты не составляли, – безусловно, центром *Corpus Iuris* было именно частное

¹ По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева: [Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П] // Вестник Конституционного Суда РФ. № 1. 2006.

² Дайджест публичного права. URL: https://dpp.mpil.de/08_2019/08_2019_154_191.pdf (дата обращения: 09.07.2024).

право, тогда как право публичное рассматривалось скорее в качестве определенного набора теологических и/или моральных установок¹.

Как следствие, публичное право далеко не сразу получило самостоятельное категориальное признание и соответствующее институциональное утверждение. Историко-правовой подход позволяет нам проследить гибкость и изменчивость границ между частным и публичным правом, а также поиски того или иного баланса между ними [Графский, 2000]. Обнаруживается, например, что уголовное право первоначально относилось к частной сфере, то есть преступление рассматривалось не как опасное для государства и общества деяние, а как вред, нанесенный конкретному потерпевшему и его семье, поэтому потерпевший или его родственники либо сами наказывали виновного, либо заключали с ним соглашение о возмещении причиненного ущерба. Напротив, к публичному, а не к частному праву некогда относились семейные и наследственные отношения, так как семья и особенно род были не частными союзами, а государственными установлениями, и их надлежало поставить под надежную охрану законом, который именно в интересах рода, но не отдельного лица, не предусматривал свободы завещательных распоряжений, а также устанавливал целый ряд иных правоограничений, свидетельствующих о государственном признании семейных и наследственных отношений объектами публичного правового воздействия.

Доминирование частного права над публичным сохранялось и в феодальную эпоху, когда государственная власть отождествлялась с землевладением, государь считался землевладельцем, вотчинником, территория рассматривалась как населенное имение, и ее можно было отдать в удел или в приданое. Отношения между сюзереном и вассалом регулировались не законом, а договором.

Однако уже к началу XIX века наметилась новая тенденция, выразившаяся в установлении некоторого равновесия между частным и публичным правом, основанного на понимании объективной необходимости каждого из них для нормального, упорядоченного взаимодействия между человеком, обществом и государством.

Философско-правовой подход к уяснению сущности публично-правового регулирования

Полагаем, здесь будет уместно несколько расширить круг избранных исследовательских приемов, дополнив его включением философско-правового подхода к изучаемому вопросу. Данный подход интересует нас в узко прагматическом смысле – постольку, поскольку в трудах классиков философско-правовой мысли находится своего рода неисчерпаемый арсенал ценных правовых идей и аксиом, направляющих теорию и практику правового регулирования общественных отношений, включая и те аспекты, которые сопряжены с дифференцированием публичного и частного права. В этой связи обратимся к таким признанным авторитетам, как Аристотель Стагирит и Иммануил Кант. Жившие в весьма отличающиеся друг от друга эпохи, оба философа оставили такое научное наследие, которое не поддается однозначной интерпретации и вплоть до настоящего времени является предметом многих философских дискуссий. Согласно Аристотелю, люди объединяются в государство «ради благой и счастливой жизни», а право воплощает разумность и справедливость, которая может быть общей и специальной (частной). В свою очередь, специальная справедливость проявляет себя либо как распределительная, или дистрибутивная, либо как уравнивающая, или ретрибутивная. Поскольку же общие блага, в отличие от частных, по своей природе не могут быть распределены между индивидами, постольку и мерой справедливости всегда выступает не абсолют, а пропорция по формуле «каждому – свое».

¹ Дайджест публичного права. URL: https://dpp.mpil.de/08_2019/08_2019_154_191.pdf (дата обращения: 09.07.2024).

Справедливым порядком общежития следует считать опосредованное благами отношение человека к другому лицу, если получаемые этими лицами блага распределяются на основе единого морального эталона, одинаково приемлемого всеми, включая и тех, на чью долю выпадает больше лишений и тягот. А нарушение пропорции «каждому – свое», рассчитываемой по такой морально общепризнанной мере, будет несправедливым.

В результате справедливость выступает и как личная добродетель каждого, и как объективный принцип организации общественных отношений, тем самым связывая воедино две сферы законного послушания: человек подчиняется одновременно и закону добродетели, запечатленному в его сердце, и закону государственному, повелевающему подчиниться властвующим субъектам. Иными словами, разумное сочетание частного и публичного в организации общества обеспечивает как лучшее политическое устройство государства в целом, так и высшее благо отдельного человека – счастье.

В эпоху Нового времени Иммануил Кант вновь привлек внимание к концепции распределительной справедливости в контексте различия между публичным и частным правом, предложив свою интерпретацию этого вопроса. В отличие от взглядов Аристотеля, который связывал задачу государства с обеспечением блага и счастья своих граждан, Кант утверждал, что цель государства заключается не в обеспечении счастья людей, а в гарантировании правового состояния, рассматриваемого им как высшую степень гармонии государственного устройства с принципами права, достижение которой, по мнению философа, обосновано категорическим императивом разума, предписывающим такой порядок [Кант, 1903].

Правовое состояние – это, согласно Канту, одна из типовых разновидностей взаимоотношений между людьми, а всего таких разновидностей три:

1) естественное состояние (состояние частного права, в котором нет никакой распределяющей справедливости);

2) гражданское состояние (состояние частного права, в котором распределяющая справедливость хотя и возможна, но обязательной не является);

3) правовое состояние (состояние публичного права, которое содержит ту же самую материю и те же самые взаимные обязательства людей, какие могут мыслиться и в состояниях частного права, но отличается правовой формой совместного бытия – здесь распределяющая справедливость признана обязательной на основании публично обнародованного закона и есть суд, именуемый «справедливостью страны» и уполномоченный разрешать спорные случаи, определяя правовое и неправое применительно к той или иной ситуации) [Кант, 1903].

В концепции Канта распределяющая справедливость выступает своего рода маркером частного и публичного во взаимоотношениях между людьми. При этом естественное состояние собственно правовым не является, потому что речь идет о некоей фундаментальной данности человеческого бытия, не зависящей от воли каких бы то ни было авторитетов или облеченных властью персон. В своем естественном состоянии каждый человек обладает достоинством, то есть чувством самоуважения, а также прирожденным правом свободы, выраженной в независимости от принуждающего произвола другого.

Таким образом, прирожденное право быть свободным проявляется в разных обличьях. В естественном состоянии оно «является голой идеей», не подкрепленной ничем, кроме гипотетического соблюдения границ моей свободы другими лицами. В гражданском состоянии оно носит как бы предварительный характер, поскольку право еще отсутствует – каждый считает, что поступил правильно, но нет облеченного властью судьи, могущего определить, что на самом деле есть правовое и неправовое. И лишь в правовом состоянии прирожденное право человека воплощается во всеобщих, сопровождаемых необходимым насилием публичных предписаниях, которые соответственно могут гарантировать или создать каждому его право.

Юридические идеи Канта в русской философии права развивал, в частности, Е.В. Спекторский (1875–1951). Автор многочисленных учебников по энциклопедии права, истории философии права и государственному праву, он достаточно подробно характеризовал специфику публичного права, отмечая, что публичное право вырабатывалось таким образом, что не власть подчиняла себе право, а, напротив, сама себя подчиняла ему [Спекторский, 1927, с. 35]. При этом культурное назначение права состоит не в том, чтобы создавать идеальных людей, а в том, чтобы сделать сносною совместную жизнь реальных людей на началах ответственного распоряжения собственной волею и уважения к чужой воле, а также к общественному порядку [Спекторский, 1927, с. 33].

По характеристике Е.В. Спекторского, в основу деления права на публичное и частное положены два принципа: (1) личная свобода человека и (2) государственное господство. Оба принципа одинаково необходимы для организованного и упорядоченного сосуществования людей, их благополучной совместной жизни [Спекторский, 1927, с. 53]. Вместе с тем каждый из этих принципов, взятый изолированно, сам по себе, недостаточен. Более того, если последовательно довести его до конца, то нормальная жизнь общества вообще станет невозможной: неограниченное проведение личной свободы приведет к анархии, то есть ничем не сдерживаемому произволу каждого единичного человека, а последовательное и исключительное проведение государственного господства рано или поздно обернется деспотизмом, отрицанием личных прав, частной собственности и даже семьи, потому что в публичном праве воля и интерес государства несоизмеримо выше личности и общества.

Таким образом, поскольку благоустроенная жизнь невозможна и без личной свободы, и без государственного господства, постольку и оба принципа фактически восполняют и уравнивают друг друга [Спекторский, 1927, с. 53].

Системно-отраслевой подход к уяснению сущности публично-правового регулирования

Казалось бы, при столь основательной историко-правовой и философско-правовой базе собственно юридической, то есть системно-отраслевой, подход к публичному праву и публично-правовому регулированию не должен испытывать недостатка научного внимания. На самом же деле картина несколько иная. Верно, что в отечественном правоведении изучение особенностей публично-правового регулирования, выявление современных критериев для определения его целей, пределов и методов в настоящее время оставляет желать лучшего. Соответствующие исследования выполнены главным образом на материале 60–70-х годов XX века, а фундаментальные современные разработки, касающиеся природы государства и его функций, не ведутся – по меньшей мере, не прослеживаются по публикациям в рецензируемых журналах. В итоге и доктрина публичного права развивается хаотично, дезинтегрированно, с акцентом лишь на отдельных секторах, близко связанных с экономикой, таких как налоговое и антимонопольное право или таможенное регулирование [Землянов, 2011]¹.

Деление правовой системы на публичное и частное право, по мнению Ю.А. Тихомирова, вытекает не из произвольной концептуализации, а является следствием объективной необходимости институционального структурирования и когерентности правопорядка, где разграничение интересов в социальном контексте выполняет не только диагностическую функцию, но и фундаментально обоснованную роль в раскрытии внутренних закономерностей правомерного и неправомерного поведения, позволяя таким образом определить истинные основания для юридической

¹ Мы должны еще пройти этап кодификации публичного права. Интервью с А.А. Ивановым // Закон. 2023. № 12. С. 2–14.

регламентации различных типов социальных взаимодействий. В этом контексте разграничение частного и публичного права выполняет не только мета-теоретическую, но и практическую задачу, предоставляя возможность применения дифференцированных юридических конструкций, каждая из которых, в свою очередь, ориентирована на специфику регулирования социальных интересов, находящихся в области действия того или иного правового механизма. Такое разделение права выходит за рамки простого формального разграничения и интерпретируется как динамическая и органически связанная структура, в которой публичное и частное право выступают не как противоположности, но как компоненты единой, взаимозависимой системы, каждый из которых направлен на регулирование различных сфер социальных взаимодействий с учетом их внутренней логики и существенного влияния на поддержание стабильности и адаптивности правовой структуры в условиях постоянно изменяющегося социокультурного контекста [Тихомиров, 2008, с. 78]. В таком своем качестве публичное право формирует социально активное правомерное поведение и воплощает особый тип правопонимания, юридического мышления и общественного сознания, признающего приоритет публичных интересов и направленного на их обеспечение.

По мнению Ю.А. Тихомирова, публичное право выполняет такие функции, как правовое обеспечение системного устройства общества, установление легитимности власти, гуманитарность публичного регулирования, обеспечение управления публичным сектором. Признак ценностно-нормативного единства публичного права раскрывается через его способность агрегировать и систематизировать базовые, структурообразующие принципы, которые в своей совокупности служат основой для формирования и функционирования как общества в целом, так и его структурных элементов, включая государственные институты и статус человека и гражданина, при этом данная нормативная общность становится не только правовой основой для регулирования общественных отношений, но и своего рода рефлексией фундаментальных ценностей, определяющих механизмы правопорядка, социальной справедливости и органичности политической системы, что делает публичное право инструментом для обеспечения социальной целостности и правовой стабильности [Тихомиров, 2008, с. 78].

Сочетание публичных и частных интересов, в интерпретации Ю.А. Тихомирова, требует учёта диалектической природы социальных отношений, в которых плюрализм интересов приводит к необходимости институционального признания публичного интереса в качестве нормативно обязательного и преобладающего ориентира для всего спектра субъектов права, что обуславливает обязательность его соблюдения как в нормативном, так и в практическом контекстах правового регулирования. В то же время данный приоритет не следует рассматривать как инструмент ограничения или подавления частных и корпоративных интересов, поскольку публичный интерес как таковой служит не только регулятором общих социальных отношений, но и своего рода правовой и социально-гарантированной основой для реализации этих частных интересов в рамках стабильного правового и институционального порядка. Проблема заключается в соблюдении необходимой правовой пропорции между публичным и частным интересом, поскольку нарушение этой пропорции, порождающее дисбаланс, ведёт к возникновению угроз для государственного аппарата и экономической стабильности, ставя под сомнение эффективность обеспечения правовых и законных интересов как граждан, так и юридических лиц в условиях правовой неопределённости и институциональной несогласованности [Тихомиров, 2008, с. 65, 141; Степанов, Григорьев, Денисов, 2023, с. 60].

Как видим, в рассматриваемой концепции представлено расширенное понимание публичного права. Не оспаривая его по существу, заметим, что в более узком формально-догматическом смысле публичное право выступает как совокупность норм, определяющих организацию и функции государства и отношения его к отдельным лицам.

Пример формально-догматического подхода к интерпретации публично-правового регулирования находим в разъяснении, данном Верховным Судом РФ»: административные споры обусловлены отношениями власти и подчинения, то есть к административным делам, рассматриваемым по правилам Кодекса административного судопроизводства РФ, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику (абзац 4 пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»¹).

Заключение

С учетом приведенных выше положений в их совокупности рассматриваем публично-правовое регулирование как процесс юридического воздействия на общественные отношения на базе норм, содержащих правила организации и функционирования государства, исходящие из признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина и недопущения нарушений основ конституционного строя.

Таким образом, синтетический подход к уяснению сущности публично-правового регулирования, объединивший историко-правовой, философско-правовой и собственно юридический (системно-отраслевой) аспекты анализа, позволяет сформулировать вывод о том, что сущность публично-правового регулирования обусловлена его ролью как основного нормативного инструмента институционализации общественных отношений, способствующего реализации и легитимации правопорядка посредством последовательного взаимодействия нормативно-ценностных и институционально-юридических компонентов. Публичное право, функционируя в условиях высокой степени социальной и правовой сложности, обеспечивает нормативную артикуляцию приоритетов коллективных интересов, тем самым формируя правовую основу для интеграции различных социополитических и экономических акторов в единое юридическое пространство, основанное на принципах справедливости, равенства и пропорциональности.

Список литературы

- Баранов А.Ю. 2019. Публично-правовое регулирование. Москва, Юрайт, 416 с.
- Булатов Р.Б., Макачук К.Н. 2024. Правовое регулирование деятельности института нотариата в России: проблемы и пути их преодоления. *Государственная служба и кадры*, 1: С. 51-55. DOI 10.24412/2312-0444-2024-1-51-55.
- Графский В.Г. 2000. Всеобщая история права и государства. Москва, Норма, 752 с.
- Гусев Л.П. 2020. Нотариат. Москва, Юрайт, 384 с.
- Землянов О.Е. 2011. Публично-правовое регулирование: проблемы теории и практики. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 30 с.
- Иванова Е.В. 2017. Нотариальная деятельность. Москва, Юрайт, 384 с.
- Кант И. 1903. Метафизика нравов: Метафизические начала учения о праве. Санкт-Петербург: П.П. Сойкин, 60 с.
- Конджакулян К.М., Мерзаметова П.М. 2020. Правовое регулирование нотариальной деятельности в Российской Федерации. *Государственная служба и кадры*, 3: 195-197. DOI 10.24411/2312-0444-2020-10164.
- Кузнецова И.В. 2020. Административное право. Москва, Юрайт, 480 с.
- Кулишова Р.Т. 2015. Некоторые аспекты публично-правового регулирования нотариальной деятельности на современном этапе. *Вопросы современной юриспруденции*, 56: 10-15.

¹ О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2020)] // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 11. ноябрь. 2016.

- Кулишова Р.Т. 2018. Правовой статус Министерства юстиции Российской Федерации как субъекта публично-правового регулирования нотариальной деятельности. *Нотариус*, 8: 3-8.
- Мальцев А.В. 2004. Соотношение частного и публичного права: проблемы теории // Гражданское и торговое право зарубежных стран. Москва, МЦФЭР, 245 с.
- Мамай Е.А. 2023. Публично-правовые полномочия нотариусов как объект государственного контроля. В кн.: Регулирование правоотношений в сфере публичного управления: вопросы теории и практики (к 25-летию Российского государственного университета правосудия). Санкт-Петербург, 21 апреля 2023 г. Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион»: 211-215.
- Мельников И.Н., Ширина Т.В. 2022. Правовое регулирование нотариальной деятельности в условиях цифровой трансформации: проблемы и перспективы. В кн.: Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе. Кострома, 22–23 апреля 2022 года. Кострома: Костромской государственной университет: 273-279.
- Петров М.А. 2019. Публичное право. Москва, Юрайт, 432 с.
- Смирнова Н.П. 2019. Нотариальная деятельность. Москва, Юрайт, 400 с.
- Смоленский М.Б. 2023. Государственное управление нормативно-правовым регулированием нотариата в Российской Федерации: статус нотариуса, проблемы и перспективы. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 9(160): 99-104.
- Спекторский Е.В. 1927. Начала науки о государстве и обществе. Белград, Рад, 144 с.
- Степанов К.А., Григорьев И.В., Денисов С.Ю. 2023. О некоторых концептуальных проблемах современного нотариата в Российской Федерации: публично-правовой аспект. *НБ: Административное право и практика администрирования*, 3: 55-66. DOI 10.7256/2306-9945.2023.3.43815.
- Тихомиров Ю.А. 2008. Современное публичное право. Москва, Эксмо, 448 с.
- Холкина М.Г., Кравченко А.Г. 2021. Правовое регулирование нотариальных действий в условиях становления цифровой экономики. *Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право*, Т. 23, № 1: 104-114. DOI 10.24866/1813-3274/2021-1/104-114.

References

- Baranov A.Y. 2019. Public law regulation. Moscow, Yurait, 416 p.
- Bulatov R.B., Makarchuk K.N. 2024. Legal regulation of the activities of the notary institute in Russia: problems and ways to overcome them. *Civil Service and Personnel*, 1: pp. 51-55. DOI 10.24412/2312-0444-2024-1-51-55.
- Grafsky V.G. 2000. The universal history of law and the State. Moscow, Norma, 752 p.
- Gusev L.P. 2020 Notary office. Moscow, Yurait, 384 p.
- Zemlyanov O.E. 2011. Public law regulation: problems of theory and practice. Abstract of the dissertation ... kand. jurid. sciences'. Volgograd, 30 p.
- Ivanova E.V. 2017. Notary activity. Moscow, Yurait, 384 p.
- Kant I. 1903. Metaphysics of morals: Metaphysical principles of the doctrine of law. St. Petersburg: P.P. Soykin, 60 p.
- Konjakulyan K.M., Merzametova P.M. 2020. Legal regulation of notary activity in the Russian Federation. *Civil Service and Personnel*, 3:195-197. DOI 10.24411/2312-0444-2020-10164.
- Kuznetsova I.V. 2020. Administrative law. Moscow, Yurait, 480 p.
- Kulishova R.T. 2015. Some aspects of public law regulation of notary activity at the present stage. *Issues of Modern Jurisprudence*, 56: 10-15.
- Kulishova R.T. 2018. The legal status of the Ministry of Justice of the Russian Federation as a subject of public law regulation of notary activity. *Notary*, 8: 3-8.
- Maltsev A.V. 2004. The relationship between private and public law: problems of theory // Civil and commercial law of foreign countries. Moscow, MTsFER, 245 p.
- Mamai E.A. 2023. The public-law powers of notaries as an object of state control. In: Regulation of Legal Relations in the field of Public Administration: Issues of Theory and Practice (on the 25th anniversary of the Russian State University of Justice). St. Petersburg, April 21, 2023. St. Petersburg: Asterion Center for Scientific and Production Technologies: 211-215.
- Melnikov I.N., Shiroka T.V. 2022. Legal regulation of notary activity in the context of digital transformation: problems and prospects. In: Problems of law enforcement activity at the present stage. Kostroma, April 22-23, 2022. Kostroma: Kostroma State University: 273-279.

- Petrov M.A. 2019. Public law. Moscow, Yurait, 432 p.
Smirnova N.P. 2019. Notary activity. Moscow, Yurait, 400 p.
Smolensky M.B. 2023. State management of the legal regulation of the notary in the Russian Federation: notary status, problems and prospects. *Science and Education: Economy and Economics; entrepreneurship; Law and Management*, 9(160): 99-104.
Spectorsky E.V. 1927. The beginnings of the science of the state and society. Belgrade, Rad, 144 p.
Stepanov K.A., Grigoriev I.V., Denisov S.Y. 2023. On some conceptual problems of the modern notary in the Russian Federation: the public law aspect. *NB: Administrative Law and Practice of Administration*, 3: 55-66. – DOI 10.7256/2306-9945.2023.3.43815.
Tikhomirov Yu.A. 2008. Modern public law. Moscow, Eksmo, 448 p.
Kholkina M.G., Kravchenko A.G. 2021. Legal regulation of notarial actions in the context of the formation of the digital economy. *Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law*, vol. 23, No. 1: 104-114. DOI 10.24866/1813-3274/2021-1/104-114.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 21.03.2025
Поступила после рецензирования 18.04.2025
Принята к публикации 23.06.2025

Received March 21, 2025
Revised April 18, 2025
Accepted June 23, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришин Кирилл Геннадьевич, аспирант,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill G. Grishin, Postgraduate student, Kazan
(Volga Region) Federal University, Kazan,
Republic of Tatarstan, Russia.

УДК 342
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-364-373
EDN XEYJLA

Экономическая безопасность России: сотрудничество стран БРИКС в условиях глобализации и санкций

Гуторова А.Н. , Выходцева А.В.

Юго-Западный государственный университет
Россия, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
allagutorova@mail.ru, vyhodcevaanastasia8@gmail.com

Аннотация. Экономическая безопасность России в условиях глобализации и санкционного давления напрямую влияет на устойчивость национальной экономики и суверенитет государства. Несмотря на широкое внимание к вопросам санкций и их влияния, в современной литературе недостаточно исследований, системно рассматривающих роль сотрудничества России с остальными странами БРИКС по отдельным категориям вопросов, которые обсуждались на XVI Саммите в Казани. Целью исследования является выявление факторов, способствующих укреплению экономической безопасности России, оценка возможностей и вызовов, связанных с интеграцией в многосторонние экономические структуры с помощью электронной торговли. В результате исследования сделан вывод о необходимости активизации интеграции России с дружественными государствами для диверсификации внешнеэкономических связей, что позволит минимизировать негативные последствия санкционной политики. В дальнейшем результаты данного исследования можно использовать для формирования эффективной внешнеэкономической политики России.

Ключевые слова: суверенитет, внешнеэкономическая стратегия, интеграция, устойчивый рост, международные отношения, экономическая устойчивость

Финансирование: работа выполнена в рамках Государственного задания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности (FENM-2025-0010)». № 1024031900131-7-5.5.1.

Для цитирования: Гуторова А.Н., Выходцева А.В. 2025. Экономическая безопасность России: сотрудничество стран БРИКС в условиях глобализации и санкций. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 50(2): 364–373. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-364-373 EDN: XEYJLA

Russia's Economic Security: BRICS Cooperation in the Context of Globalization and Sanctions

Alla N. Gutorova , Anastasia V. Vykhodtseva

Southwest State University
94 50 Let Oktyabrya St, Kursk 305040, Russian Federation
allagutorova@mail.ru, vyhodcevaanastasia8@gmail.com

Abstract. The importance of Russia's economic security in the context of globalization and sanctions pressure, as well as the role of cooperation with other BRICS countries in ensuring sustainable economic growth are key aspects of this study, since economic security directly affects the stability of the national economy and the sovereignty of the state. Despite widespread attention to the issues of sanctions and their impact, there is not enough research in the modern literature that systemically examines the role of Russia's cooperation with BRICS countries on certain categories of issues that were discussed at the 16th

Summit in Kazan. The purpose of the study is to identify factors contributing to strengthening economic security, and to assess the opportunities and challenges associated with integration into multilateral economic structures through e-commerce. The results of the study reveal the need to intensify Russia's integration with friendly states in order to diversify foreign economic relations, which will minimize the negative consequences of the sanctions policy. In the future, the authors' findings may be used for shaping an effective foreign economic policy of Russia.

Keywords: state sovereignty, foreign economic strategy, integration, sustainable growth, international relations, economic resilience

Funding: The work was carried out within the framework of the State assignment Legal measures to ensure strategic priorities to counter threats to national security (FENM-2025-0010). No. 1024031900131-7-5.5.1.

For citation: Gutorova A.N., Vykhodtseva A.V. 2025. Russia's Economic Security: BRICS Cooperation in the Context of Globalization and Sanctions. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 364–373 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-364-373 EDN: XEYJLA

Введение

В условиях современного мира государственный суверенитет России становится краеугольным камнем ее экономической безопасности и национальной независимости. Глобализация, сопровождающаяся углублением взаимозависимости между экономиками стран, ставит перед Россией ряд вызовов, которые могут подрвать ее суверенные позиции. Внешнеэкономическая деятельность государства как важный элемент его развития требует особого внимания к вопросам обеспечения экономической безопасности, что напрямую связано с сохранением суверенитета страны.

С началом санкционной политики против России со стороны ряда западных стран возникла необходимость переосмысления внешнеэкономической стратегии и поиска новых путей для обеспечения устойчивого экономического роста. Важной составляющей этой стратегии стало активное сотрудничество России с другими странами БРИКС (Бразилией, Индией, Китаем, Южноафриканской Республикой)¹, чьи экономика и политика развиваются в условиях, отличных от западных стран. Это сотрудничество предоставляет России новые возможности для диверсификации внешнеэкономических связей, расширения рынков сбыта и привлечения инвестиций. Однако, несмотря на наличие стратегии и открытые возможности, остаются нерешенными такие вопросы, как необходимость согласования экономических интересов и устранение торговых барьеров, в том числе в рамках электронной торговли.

В исследовании О.Г. Леоновой «Расширение БРИКС и его геополитические последствия» изучаются различные подходы стран БРИКС к вопросу расширения организации, критерии для выбора новых членов, а также перспективы и риски, связанные с этим процессом [Леонова, 2024, с. 55]. В работе А.А. Прикладовой «Влияние стран БРИКС на экономическую безопасность России» рассматривается комплекс торговых-инвестиционных связей России с другими странами БРИКС в рамках экономической безопасности страны. В качестве объекта исследования выступают показатели

¹ Лидеры БРИКС приняли Московскую декларацию, антитеррористическую и экономическую стратегии URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10025233> (дата обращения: 03.10.2024). Стратегия экономического партнерства БРИКС URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/KT0SBHnIZjOpIuAj2AOXCnszNQA8u7HL.pdf> (дата обращения: 03.10.2024). Казанская декларация БРИКС 23 октября 2024 года. URL: <https://brics-expert.info/documents/dokumenty-esvu-briks/kazanskaya-deklaratsiya-briks-23-oktyabrya-2024-goda/> (дата обращения: 18.11.2024). Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6258> (дата обращения: 27.05.2025)

направленности внешнеэкономических отношений России с государствами БРИКС, которые определяют уровень рисков совместного сотрудничества [Прикладова, 2018, с. 47]. В научной литературе недостаточно изучены механизмы интеграции и координации внешнеэкономической политики России в контексте БРИКС, что создает пробел в понимании того, как наиболее эффективно задействовать потенциал данного сотрудничества для обеспечения экономической безопасности и суверенитета государства. В связи с этим считаем необходимым проанализировать влияние глобализации и санкций на экономическую безопасность России в контексте сотрудничества с государствами БРИКС и рассмотреть ключевые аспекты угроз и возможностей, связанных с санкционной политикой, а также преимущества и вызовы, возникающие в процессе интеграции в многосторонние экономические структуры.

Цель исследования – выявление факторов, способствующих повышению экономической безопасности России, а также разработка рекомендаций для формирования эффективной внешнеэкономической политики и укрепления позиций страны на международной арене.

Для достижения поставленной цели будут проанализированы такие понятия как «экономический суверенитет» и «экономическая безопасность». Далее авторами будет проведен краткий анализ сотрудничества стран БРИКС, начиная с 2006 года и вплоть до XVI Саммита в Казани 2024 года, по итогам которого была подписана Казанская декларация. В рамках данного документа поднимается вопрос о развитии электронной торговли. Авторами будут предложены некоторые пути развития данного вида торговли.

Определение понятий суверенитета и национальной безопасности России

Суверенитет является ключевым элементом любого государства в современном мире. Согласно статье 4 Конституции Российской Федерации, суверенитет страны составляет неотъемлемую основу ее конституционного строя. Ю.А. Тихомиров отмечает, что «суверенитет охватывает все аспекты публичной деятельности государства, а также, в определенных рамках, международные дела в таких сферах, как экономика, социальная сфера, политика и других» [Тихомиров, 2013, с. 7]. Некоторые зарубежные ученые определяют государственный суверенитет как наиболее обширную форму юрисдикции в соответствии с международным правом, то есть как полную и неоспоримую власть государства на определённой территории и над людьми, находящимися на этой территории [Snyman-Ferreira, 2006].

Сегодня понятие «государственный суверенитет» и понятие «национальная безопасность» неразрывно связаны. С.А. Рудницкому представляется, что «национальная безопасность» – это «непосредственная реализация одной из ключевых функций государства, имманентно ему присущая и отражающая экзистенциальную основу общественного (конституционного) договора, состоящая в стремлении членов общества к сохранению своей внутренней и внешней безопасности, для чего определенный объем личной свободы осознанно передается конституируемому государственному аппарату» [Рудницкий, 2023, с. 47].

Следовательно, государственный суверенитет и национальная безопасность представляют собой взаимосвязанные концепции, которые служат основой для функционирования современного государства. Сохранение национальной безопасности требует от общества передачи части личной свободы государственному аппарату, что, в свою очередь, укрепляет его суверенные полномочия. Однако в современных условиях, когда экономика и безопасность становятся все более взаимозависимыми, необходимо рассмотреть и другой важный аспект национальной безопасности – экономический суверенитет.

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года «экономический суверенитет Российской Федерации» трактуется как объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств¹. Научная литература дает данному понятию более широкое толкование. В работе О.Ю. Болдырева экономическая безопасность определяется как возможность (право) государства определять направления своей экономической политики и осуществлять ее; независимость государства в экономической сфере, экономическая самодостаточность и экономическая безопасность; сбалансированность экономических интересов Российской Федерации с экономическими интересами других государств; контроль Российской Федерации за всеми экономическими ресурсами [Болдырев, 2014, с. 144]. Французский экономист Жак Сапир дает следующее определение экономической безопасности – «способность национального правительства принимать решения независимо от решений, принимаемых другими правительствами» [Сапир, 2020, с. 3].

Экономический суверенитет является ключевым аспектом, обеспечивающим экономическую безопасность страны. Он позволяет государству самостоятельно определять свою экономическую политику, основываясь на внутренних потребностях и интересах, что снижает риск зависимости от внешних факторов и иностранных государств. Высокий уровень экономического суверенитета помогает странам лучше защищать свои интересы от внешних угроз, таких как экономические санкции и торговые войны, обеспечивая стабильность внутренней экономики. Кроме того, экономический суверенитет способствует более эффективному управлению ресурсами и внутренними экономическими процессами, что позволяет государству гибко реагировать на изменения в мировой экономике. Он также играет важную роль в развитии отечественного производства, что создает рабочие места, увеличивает доходы населения и укрепляет внутренний рынок. Это, в свою очередь, снижает зависимость от импорта и укрепляет экономическую безопасность [Цедилин, 2024, с. 20]. Наличие экономического суверенитета также позволяет государству более эффективно справляться с глобальными вызовами, такими как финансовые кризисы и изменения климата [Лепшокова, 2024, с. 204]. Он создает условия для развития научных исследований и технологий внутри страны, что способствует повышению конкурентоспособности и экономической устойчивости.

Таким образом, для повышения экономической безопасности России и укрепления ее позиций на международной арене необходимо обеспечить высокий уровень экономического суверенитета, который позволяет государству самостоятельно формировать и реализовывать внутреннюю и внешнеэкономическую политику, снижая зависимость от внешних факторов и эффективно защищая национальные интересы.

Роль электронной торговли стран БРИКС в обеспечении экономической безопасности России

Введение экономических санкций против отдельных стран может стать катализатором интеграционных процессов, способствуя укреплению связей между государствами, не участвующими в санкционной политике. В контексте санкционного давления на Россию одной из основных задач становится углубление взаимодействия с дружественными государствами с целью минимизации негативных последствий введенных ограничений. В этом процессе особую роль играет интеграционное

¹ Указ Президента РФ № 208 от 13.05.2017 О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. № 20 ст. 2902. – URL: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 • Президент России (дата обращения: 03.10.2024)

объединение, такое как БРИКС. Эта структура предоставляет платформу для развития экономических связей, создания новых рынков сбыта, совместного противодействия внешним рискам и укрепления экономического суверенитета участников [Мантусов, 2022, с. 10]. Как утверждают исследователи Кочесоков и Манкиева, сейчас всё больше государств стремятся обрести суверенитет от «прихотей» Вашингтона и его союзников, и именно БРИКС на сегодняшний день является наилучшей для России альтернативой различных объединений [Кочесоков, Манкиева, 2023, с. 4].

БРИКС – это объединение пяти крупнейших развивающихся стран: Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки. Идея объединения стран с быстро растущей экономикой и значительным влиянием на мировую арену возникла в начале 2000-х годов¹. Первая встреча лидеров БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) состоялась в 2006 году, а Южноафриканская Республика (ЮАР) присоединилась к объединению в 2011 году².

Официальная «Стратегия БРИКС» выделяет следующие ключевые цели объединения:

1. Расширение возможностей доступа на рынки и содействие развитию связей между рынками.

2. Содействие взаимной торговле и инвестициям и создание благоприятной среды для инвесторов и предпринимателей во всех странах БРИКС.

3. Расширение и диверсификация торгового и инвестиционного сотрудничества в целях повышения доли товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью в торговле между странами БРИКС.

4. Углубление координации макроэкономической политики и повышение устойчивости к внешним экономическим потрясениям.

5. Стремление к обеспечению инклюзивного экономического роста в целях искоренения бедности, решения проблемы безработицы и содействия социальной вовлеченности.

6. Содействие обмену экономической информацией через Виртуальный секретариат БРИКС и Платформу БРИКС, а также другие согласованные платформы.

7. Консолидация усилий для обеспечения более качественного роста путем ускорения инновационного экономического развития, основанного на развитии новейших технологий и навыков, в целях создания экономики знаний.

8. Нарастивание дальнейшего взаимодействия и сотрудничества с государствами, не входящими в БРИКС, а также с международными организациями и форумами. Члены БРИКС будут взаимодействовать с бизнес-сообществами своих стран в целях реализации Стратегии. Они будут содействовать налаживанию более тесного взаимодействия между бизнес-сообществами стран БРИКС³.

Данные цели отражают ключевые аспекты концепции «экономического суверенитета», поскольку они направлены на обеспечение социального благополучия и стабильности в стране, снижение рисков социальных конфликтов и укрепление внутренней безопасности. Кроме того, инновации являются двигателем экономического роста, обеспечивают конкурентоспособность на мировой арене и способствуют технологической независимости государства.

Итак, на сегодняшний день в объединение стран БРИКС входит 10 государств: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южноафриканская Республика (ЮАР), Иран, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Египет, Эфиопия.

¹ О межгосударственном объединении БРИКС URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1767167/> (дата обращения: 01.04.2025).

² Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС (г.Санья, о.Хайнань, Китай, 14 апреля 2011 года) URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/907> (дата обращения: 01.04.2025).

³ Стратегия экономического партнерства БРИКС URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/KT0SBHnIzJOpIuAj2AOXCnszNQA8u7HL.pdf> (дата обращения: 03.10.2024).

Ежегодно, начиная с 2009 года, проходят саммиты стран БРИКС, на которых обсуждаются различные вопросы, в том числе вопросы экономического сотрудничества, безопасности и развития. В 2024 году в период с 22 по 24 октября прошел XVI Саммит БРИКС. В этот раз встреча проходила на территории Российской Федерации, в Казани. По итогам данного саммита была принята Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» от 23 октября 2024 года, в рамках которой был рассмотрен следующий вопрос: углубление финансово-экономического сотрудничества в интересах справедливого глобального развития¹. Обсуждения и решения, принятые на этом саммите, перекликаются с ранее упомянутыми ключевыми целями, подчеркивающими важность многостороннего сотрудничества для снижения рисков геополитической и геоэкономической фрагментации [Рагимов, Алиева, 2024, с. 90]. Принятая Казанская декларация отражает необходимость реализации программ, таких как «Аддис-Абебская программа действий»², целью которой является согласование финансовых потоков и политики с экономическими, социальными и экологическими приоритетами. Документ направлен на реализацию Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Важность вопросов долговой уязвимости, смешанного финансирования и межбанковского сотрудничества также была акцентирована в ходе саммита, что соответствует ранее обсужденным темам. Кроме того, саммит еще раз подтвердил приверженность стран БРИКС к координации макроэкономической политики, углублению экономического сотрудничества и использованию национальных валют в трансакциях между странами БРИКС. Данные вопросы актуальны на сегодняшний день в контексте обеспечения экономического суверенитета России, учитывая влияние глобализации и санкций, и свидетельствует о важности сотрудничества в рамках БРИКС для преодоления существующих глобальных финансовых вызовов.

В условиях растущей нестабильности на международной арене, страны БРИКС стремятся к созданию более устойчивой и независимой экономической системы, которая позволит им минимизировать негативные последствия внешних факторов. В этом контексте особое внимание уделяется развитию торговли между участниками БРИКС, включая создание новых механизмов для упрощения торговых операций и уменьшения зависимости от доллара США. Казанская декларация также подчеркивает необходимость совместных усилий в области инвестиционного сотрудничества и развития инфраструктуры, что является ключевым аспектом для повышения конкурентоспособности стран-участниц. Участники саммита согласились с необходимостью активизации проектов в области транспорта, энергетики и цифровых технологий, что позволит создать новые рабочие места и улучшить качество жизни населения.

В п. 72 говорится о важности электронной торговли на международном уровне, что подчеркивает необходимость создания благоприятной нормативно-правовой среды для ее развития³. Эффективная электронная торговля может значительно способствовать экономическому росту стран БРИКС, обеспечивая доступ к новым рынкам и открывая новые возможности для бизнеса. Кроме того, это окажет положительное влияние на развитие внутригосударственного бизнеса и будет способствовать поддержке отечественных производителей, которые смогут выходить на мировой уровень.

¹ Казанская декларация БРИКС 23 октября 2024 года. URL: <https://brics-expert.info/documents/dokumenty-esvu-briks/kazanskaya-deklaratsiya-briks-23-oktyabrya-2024-goda/> (дата обращения: 18.11.2024).

² Аддис-Абебская программа действий третьей Международной конференции по финансированию развития (Аддис-Абебская программа действий) Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 27 июля 2015 года URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares69d313_ru.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

³ Казанская декларация БРИКС 23 октября 2024 года. С. 25 URL: <https://brics-expert.info/documents/dokumenty-esvu-briks/kazanskaya-deklaratsiya-briks-23-oktyabrya-2024-goda/> (дата обращения: 18.11.2024)

Для примера рассмотрим опыт российских маркетплейсов, таких как Ozon и Wildberries, которые могут быть выведены на мировой уровень с поддержкой государства. Платформа Ozon уже имеет представительства в нескольких странах: Турции, Казахстане, Беларуси, Индии, Корею, Израиле, Таиланде и Молдавии. Поддержка со стороны государства может помочь Ozon расширить свое присутствие на зарубежных рынках, улучшить логистику и адаптировать сервисы под потребности иностранных клиентов. Кроме того, важным шагом для повышения конкурентоспособности Ozon на международной арене станет развитие партнерства с местными компаниями тех государств, на территорию которых он заходит. Это позволит не только адаптировать предложения под местные реалии, но и воспользоваться уже существующими каналами дистрибуции и логистики. Важно, чтобы государственные органы содействовали таким инициативам, предоставляя необходимые консультации и поддержку в виде субсидий или налоговых льгот для компаний, стремящихся к международной экспансии. Аналогично Wildberries, который уже зарекомендовал себя как один из крупнейших онлайн-ритейлеров в России, имеет потенциал для выхода на международные рынки. Платформа активно развивает свою логистическую инфраструктуру и расширяет ассортимент товаров, что делает ее привлекательной для иностранных покупателей. С помощью государственной поддержки Wildberries сможет не только увеличить объемы поставок, но и наладить сотрудничество с зарубежными производителями, что, в свою очередь, позволит разнообразить ассортимент и повысить качество услуг.

Сравнение с китайскими маркетплейсами, такими как Alibaba и Pinduoduo, демонстрирует, как электронная коммерция может способствовать развитию торговли. AliExpress как часть Alibaba стал популярным благодаря доступности товаров и конкурентным ценам. Pinduoduo привлек внимание благодаря своей модели групповых покупок, что позволяет пользователям экономить денежные средства. Таким образом, успешный опыт китайских платформ может служить примером для российских маркетплейсов в их стремлении к международной экспансии и адаптации к глобальным условиям рынка.

Поддержка и развитие российских маркетплейсов на международной арене может значительно укрепить экономическую безопасность государства. Расширение присутствия российских платформ за рубежом способствует росту экспортных операций, что положительно влияет на пополнение валютных резервов страны. Кроме того, успешная международная экспансия российских маркетплейсов снижает зависимость отечественного рынка от иностранных торговых платформ, повышая экономическую самостоятельность России. Это означает, что российские потребители получают альтернативные каналы доступа к товарам через национальные платформы, а сама страна укрепит свои позиции в глобальной электронной коммерции. Таким образом, развитие российских маркетплейсов за рубежом будет способствовать укреплению экономического суверенитета России, обеспечивая более независимое и устойчивое функционирование национальной экономики.

Для дальнейшего выхода на глобальный рынок необходимо реализовать комплекс мер, которые будут касаться информационной безопасности как покупателей, так и продавцов, а также поддержки продавцов. Необходимо создать надежные системы защиты данных, которые обеспечат безопасность личной информации пользователей и защитят финансовые транзакции от мошенничества и кибератак. Необходимо также установить сотрудничество с правоохранительными органами и специализированными организациями в области кибербезопасности для обмена информацией о новых угрозах и инцидентах. Это сотрудничество позволит оперативно реагировать на возникающие риски и повышать общую защищенность экосистемы электронной коммерции. Кроме того,

необходимо разработать закон об электронной торговле в России на основании Типового закона об электронной торговле Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (UNCITRAL) ¹. Закон должен четко определить ключевые термины, связанные с электронной торговлей, такие как «электронный контракт», «электронная подпись», «платежные системы» и другие. Это поможет создать единое правовое поле и снизит риски правовых споров. Важно установить правила для заключения, исполнения и расторжения электронных контрактов, включая требования к электронной подписи и подтверждению согласия сторон. Это обеспечит юридическую силу электронных сделок и повысит доверие к ним. Закон должен содержать положения, направленные на защиту прав потребителей в электронной торговле. Это включает в себя право на информацию о товаре, возможность возврата и обмена товаров, а также защиту персональных данных пользователей. Закон должен предусматривать развитие необходимой инфраструктуры для электронной торговли, включая поддержку платежных систем, логистики и защиты данных. Это позволит улучшить качество услуг и повысить конкурентоспособность российских компаний на международной арене. И уже на основании этого закона государства и предприятия могут заключать двусторонние или многосторонние договоры между собой.

Для стимулирования развития электронной торговли необходимо предусмотреть ряд мер поддержки, которые могут включать финансовые субсидии для стартапов, занимающихся электронной коммерцией, и налоговые льготы для компаний, осуществляющих экспорт через электронные платформы.

Заключение

Таким образом, экономический суверенитет России в условиях глобализации и санкций представляет собой не только важный аспект внутренней политики, но и стратегический элемент международного сотрудничества, особенно в рамках БРИКС. Углубление интеграции с другими участниками БРИКС позволяет России диверсифицировать свои экономические связи и снизить зависимость от западных рынков. Казанская декларация, принятая на XVI Саммите БРИКС, акцентирует внимание на значении многостороннего сотрудничества и совместных усилий в области инвестиционного взаимодействия и электронной торговли.

В данном исследовании авторами предпринята попытка выявить ключевые факторы, способствующие укреплению экономического суверенитета России, а также определена роль электронной торговли как инструмента повышения конкурентоспособности отечественных компаний на глобальном рынке. К числу таких факторов можно отнести развитие инфраструктуры, поддержку инноваций и создание благоприятного инвестиционного климата. Электронная торговля, в свою очередь, служит важным инструментом для расширения рынка сбыта и улучшения доступа к международным торговым сетям. Эти результаты подчеркивают необходимость активной государственной поддержки отечественных компаний, включая финансовые субсидии и налоговые льготы, для успешной интеграции российских маркетплейсов, таких как Ozon, Wildberries и иных, в международные торговые сети.

В дальнейшем для укрепления экономического суверенитета и повышения устойчивости экономики следует разработать стратегии по адаптации к изменяющимся условиям глобальной экономики. Это позволит более эффективно реагировать на вызовы внешней среды и обеспечит стабильное развитие национальной экономики.

¹ Типовой закон об электронной торговле Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. Принят на 29-й сессии Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. Рекомендован резолюцией 51/162 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1996 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/commerce.shtml (дата обращения: 17.12.2024)

Список литературы

- Болдырев О.Ю. 2014. Экономический суверенитет государства: элементы и механизмы защиты. *Сравнительное Конституционное Обозрение*, 3(100): 144–155.
- Денисова Д.Э. 2022. БРИКС: вчера, сегодня, завтра. *Гуманитарные и политико-правовые исследования*, 2(17): 40-54. DOI 10.24411/2618-8120-2022-2-40-54.
- Кочесоков З.Х., Манкиева А.В. 2023. Государственный суверенитет и национальная безопасность на современном этапе. *Вестник экспертного совета*, 2: 3-8.
- Леонова О. Г. 2024. Расширение БРИКС и его геополитические последствия. *Россия и современный мир*, 2: 55-71. – DOI 10.31249/rsm/2024.02.04.
- Лепшокова Р.Р. 2024. Международная экономическая безопасность: анализ и сущность феномена. *Образование. Наука. Научные кадры*, 4: 202–206. DOI 10.24412/2073-3305-2024-4-202-206.
- Мантусов В.Б. 2022. Интеграционные процессы и сотрудничество России со странами БРИКС. *Вестник Российской таможенной академии*, 3: 9–23. DOI 10.54048/20727240_2022_03_09.
- Прикладова А. А. 2018. Влияние стран БРИКС на экономическую безопасность России *Национальная безопасность / Nota Bene*, 3: 47-57.
- Рагимов А.Т., Алиева М.Н. 2024. XVI Саммит БРИКС в Казани 22-24 октября 2024 года: основные итоги и перспективы развития. *Юридический вестник ДГУ*, 4: 88–91. DOI: 10.21779/2224-0241-2024-52-4-88-91.
- Рудницкий С.А. 2023. Государственный суверенитет как основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки*, 4: 47–55.
- Сапир Ж. 2020. Основы экономического суверенитета и вопрос о формах его реализации. *Проблемы прогнозирования*, 2: 3–12.
- Тихомиров Ю.А. 2013. Правовой суверенитет: сферы и гарантии. *Журнал российского права*, 3: 5–20.
- Цедилин Л.И. 2024. Экономический суверенитет: понимание и обоснование в соответствии с новыми реалиями. *Вопросы теоретической экономики*, 2: 19–29. DOI 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_19_29.
- Snyman-Ferreira M.P. 2006. The evolution of state sovereignty: A historical overview. *Fundamina*, 2: 1-28.

References

- Boldyrev O.Yu. 2014. Economic sovereignty of a state: elements and protection mechanisms. *Comparative Constitutional Review*, 3(100): 144-155. (In Russian).
- Denisova D.E. 2022. BRICS: yesterday, today, tomorrow. *Humanitarian and political-legal studies*, 2(17): 40-54. (In Russian). DOI 10.24411/2618-8120-2022-2-40-54.
- Kochesokov Z.H., Mankieva A.B. 2023. State sovereignty and national security at the present stage. *Bulletin of the Expert Council*, 2: 3-8. (In Russian).
- Leonova O.G. 2024. BRICS expansion and it's geopolitical consequences. *Russia and the contemporary world*, 2: 55-71. (In Russian). DOI 10.31249/rsm/2024.02.04.
- Lepshokova R.R. 2024. International economic security: analysis and essence of the phenomenon. *Education. Science. Scientific Personnel*, 4: 202-206. (In Russian). DOI 10.24412/2073-3305-2024-4-202-206.
- Mantusov V.B. 2022. Integration processes and Russia's cooperation with the BRICS countries. *Vestnik of the Russian Customs Academy*, 3: 9-23. (In Russian). DOI 10.54048/20727240_2022_03_09.
- Prikladova A. A. 2018. The impact of the BRICS countries on Russia's economic security. *Nota Bene*, 3: 47-57. (In Russian).
- Raghimov A.T., Aliyeva M.N. 2024. The XVI BRICS Summit in Kazan on October 22-24, 2024 main results and development prospects. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU* 4: 88-91. (In Russian). DOI: 10.21779/2224-0241-2024-52-4-88-91.
- Rudnickij S.A. 2023. State sovereignty as a basis for ensuring the national security of the Russian Federation. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*, 4: 47-55. (In Russian).

- Sapir Ja. 2020. Basic principles of economic sovereignty and the question of the forms of it's exercise. *Studies on Russian Economic Development*, 2: 3-12.
- Tikhomirov Yu.A. 2013. Legal sovereignty: spheres and guarantees. *Journal of Russian Law*, 3: 5-20. (In Russian).
- Tsedilin L.I. 2024. Economic Sovereignty: Understanding and Justification in Accordance with New Realities. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, 2: 19-29. DOI 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_19_29. (In Russian).
- Snyman-Ferreira M. P. 2006. The evolution of state sovereignty: A historical overview. *Fundamina*, 2: 1-28.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 24.03.2025
Поступила после рецензирования 29.05.2025
Принята к публикации 04.06.2025

Received March 24, 2025
Revised May 29, 2025
Accepted June 4, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гуторова Алла Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия.

 [ORCID: 0000-0003-0345-6903](https://orcid.org/0000-0003-0345-6903)

Выходцева Анастасия Владимировна, старший лаборант кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alla N. Gutorova, Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation.

 [ORCID: 0000-0003-0345-6903](https://orcid.org/0000-0003-0345-6903)

Anastasia V. Vykhodtseva, Senior laboratory assistant at the Department of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation.

УДК 342.59
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-374-382
EDN XVCRVC

Компетенция органов государственной власти как определяющий фактор их самостоятельности

¹ Кравцова Е.А., ² Митякина Н.М.

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
kravtsova_e@bsuedu.ru, mityakina@bsuedu.ru

Аннотация. Значимость органов государственной власти определяется наличием у них компетенции и степенью самостоятельности при ее реализации. Ясная и однозначная правовая регламентация деятельности органов государственной власти по реализации их компетенции призвана обеспечивать четкое функционирование всего государственного аппарата. Однако в настоящее время в правовых положениях, посвященных компетенции государственных органов, имеются дискуссионные аспекты, на решение которых и направлено настоящее исследование. Целью работы является выработка авторского подхода к правовому понятию «компетенция органа государственной власти» и его содержанию. В результате анализа феномена самостоятельности органов государственной власти сделан вывод, что она проявляется через реализацию ими компетенции. Дано определение компетенции государственного органа как нормативно закрепленной системы прав и обязанностей (полномочий) в пределах установленных предметов ведения и территориальной юрисдикции, что вносит вклад в науку конституционного права, помогая обеспечению четкости правовой терминологии, развитию конституционно-правового анализа.

Ключевые слова: орган государственной власти, компетенция государственного органа, полномочия государственного органа, разграничение предметов ведения, разграничение полномочий, самостоятельность органа государственной власти

Для цитирования: Кравцова Е.А., Митякина Н.М. 2025. Компетенция органов государственной власти как определяющий фактор их самостоятельности. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 374–382. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-374-382 EDN: XVCRVC

Competence of Public Authorities as a Determining Factor of their Independence

¹ Elena A. Kravtsova, ² Nadezhda M. Mityakina

¹ Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation

² Belgorod State National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
kravtsova_e@bsuedu.ru, mityakina@bsuedu.ru

Abstract. The importance of public authorities is determined by their competence and the degree of independence in implementing it. Clear and unambiguous legal regulation of the activities of public authorities in implementing their competence is intended to ensure a smooth functioning of the entire

state apparatus. At present, however, there are controversial aspects in the legal provisions devoted to the competence of public authorities. The article is aimed at solving these controversies. The purpose of the study is to develop the authors' approach to the legal concept of "a public authority's competence" and its content. Analysis into the phenomenon of public authorities' independence reveals that it is manifested through the implementation of their competence. The authors suggest a definition for a state body, thus contributing to the science of constitutional law, ensuring the clarity of legal terminology and developing constitutional and legal analysis. A state body is defined as a normatively enshrined system of rights and obligations (powers) within the established subjects of jurisdiction and territorial jurisdiction.

Keywords: government body, competence of a government body, powers of a government body, delimitation of areas of jurisdiction, delimitation of powers, independence of a government body

For citation: Kravtsova E.A., Mityakina N.M. 2025. Competence of Public Authorities as a Determining Factor of their Independence. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50 (2): 374–382 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-374-382 EDN: XVCRVC

Введение

Современный период развития государства и права требует от органов власти не только эффективного выполнения возложенных на них функций, но и достаточной степени самостоятельности в принятии решений. В условиях усложнения социально-экономических и политических процессов возникает вопрос: насколько компетенция государственных органов определяет их независимость и способность реагировать на вызовы времени?

Различным аспектам тематики компетенции государственных органов посвящены несколько современных монографических исследований. Так, в центре внимания в коллективной монографии «Конституционные основы разграничения полномочий между органами публичной власти» [Конституционные..., 2020] находится поиск оптимальной модели взаимодействия между различными уровнями публичной власти, которая, с одной стороны, гарантирует устойчивость государственной системы и сохранение ее единства, а с другой - создает необходимые условия для эффективной реализации конституционных полномочий субъектов Российской Федерации.

Значительная часть фундаментального исследования Б.В. Россинского [2023] посвящена исследованию организационно-правовых основ функционирования исполнительной власти, ее месту и роли в обеспечении стабильности государственного механизма. Монография А.Г. Чернявского [2024] посвящена существеннейшему, а вместе с тем спорному вопросу в области теории государственного права, а именно – теории разделения властей, что не может не затрагивать компетенцию государственных органов.

Тем не менее в теме компетенции органов государственной власти и их самостоятельности остаются спорные и нерешенные вопросы. К таковым относится, например, понятие и содержание компетенции государственных органов. Недостаточная проработка аспекта компетенции властных органов в научной литературе приводит к противоречиям в понимании механизмов укрепления власти, что требует более глубокого анализа.

Целью данного исследования является выработка авторского подхода к правовому понятию «компетенция органа государственной власти» и его содержанию.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования послужили правовые тексты и доктринальные позиции в конституционном праве, а также нормативно-правовые акты Российской Федерации, включая Конституцию РФ, федеральные конституционные и федеральные законы, регламентирующие деятельность государственных органов.

В исследовании использовались как общенаучные, так и специальные юридические методы. Применялись методы системного анализа, сравнительно-правового исследования и формально-юридического толкования норм. Системный подход позволил рассмотреть компетенцию органов власти в контексте их взаимодействия, а сравнительно-правовой метод – выявить изменения особенностей распределения полномочий государственных органов в ретроспективе. С помощью формально-юридического метода анализировались правовые предписания на основе их буквального содержания, текст закона исследовался с точки зрения его грамматической структуры, логических связей между терминами, а также системного места нормы в правовом акте.

Понятие компетенции органов государственной власти

Общеизвестно, что органы власти обладают самостоятельностью в пределах собственных полномочий. Самостоятельность органов государственной власти представляет собой внутренне присущее им качество, которое внешне выражается в их независимости от постороннего влияния и способности принимать решения исходя из собственной воли и внутренних мотивов. Изучение нормативного регулирования самостоятельности функционирования органов государственной власти показало, что во внутренней деятельности она проявляется в основном через решение процедурных вопросов, например, органы законодательной власти действуют на основании регламентов, в которых устанавливается процедура принятия ими нормативных актов и осуществления их деятельности в целом. Результаты внутренней деятельности органов государственной власти проявляются вовне в виде принятых нормативных актов или иных решений, оказывая влияние на внешние правоотношения, непосредственно затрагивая деятельность других органов и организаций, а также граждан, проживающих на соответствующей территории. Наличие внутренней самостоятельности таких органов является определяющим при принятии наиболее обоснованных, востребованных и актуальных нормативных актов в рамках собственных полномочий. Однако именно наличие собственной компетенции является внешним показателем степени самостоятельности данных органов.

В русском языке термин «компетенция» имеет двойственное значение: с одной стороны, он обозначает сферу знаний, в которой человек обладает высокой осведомленностью, а с другой – круг официальных полномочий или вопросов, находящихся в чьем-либо ведении¹. В юридической литературе не выработан единый подход к содержанию данного понятия. Так, в Большом юридическом словаре указывается: «Компетенция – совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного государственного органа или должностного лица, определяющих его место в системе государственных органов»². Изучение научных трактовок термина «компетенция» показывает, что его содержание может пониматься в широком или узком смысле. Приверженцы классического (узкого) подхода рассматривают компетенцию исключительно как круг прав и обязанностей, делегированных государственному органу в рамках его деятельности [Бондаренко, 2006; Еремин, 2014]. Сторонники широкого подхода включают в понятие «компетенция» широкий круг элементов. Так, Б.М. Лазарев [1972, с. 55] считает, что в содержание данного понятия необходимо включить круг подведомственных данному органу вопросов и территорию его деятельности; Ю.А. Тихомиров [2001, с. 55] – цели создания и деятельности государственного органа и предметы его ведения. В научной дискуссии о содержании термина «компетенция» Ц.А. Ямпольская [1958, с. 11] предлагают расширить

¹ Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1994.

² Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2002.

его понимание, включив в качестве обязательного элемента задачи, стоящие перед государственным органом. В свою очередь, И.Л. Бачило [1976, с. 52] – дополняет это определение, подчеркивая важность функций как неотъемлемой составляющей компетенции государственных институтов. Его позицию разделяет и В.Х. Махов [2005, с. 15].

Рассмотрим вышеприведенные точки зрения. Странники узкого подхода рассматривают компетенцию как совокупность прав и обязанностей (полномочий). Данный подход полностью согласуется с позицией, выраженной в действующих нормативных актах. Позиция Б.М. Лазарева [1972, с. 55] также обоснована и вытекает из норм действующего законодательства.

Сфера территориального действия государственного органа находится в прямой зависимости от его места в системе власти – является ли он федеральным институтом или относится к уровню субъектов РФ, что закреплено в конституционном разграничении полномочий между центром и регионами¹. Необходимость включать круг подведомственных вопросов в понятие компетенции вытекает из норм Конституции РФ, в которой неоднократно используется термин «предметы ведения». Так, федеративное устройство Российской Федерации основано на разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ (ст. 71, 72 Конституции РФ). Считаем, что предметы ведения и полномочия являются составной частью компетенции и именно разграничение компетенции органов государственной власти позволяет соблюдать данные статьи Конституции.

Точка зрения, высказанная Ю.М. Тихомировым [2001, с. 55], близка нам лишь отчасти. Так, мы не считаем возможным включить в состав понятия «компетенция» цели создания и деятельности государственного органа. При этом можно согласиться с Ю.М. Тихомировым в части включения в состав понятия «компетенция» предметов ведения. В ранее проведенных исследованиях, рассматривая составляющие понятия «правовой статус», мы включили одним из его самостоятельных элементов «цели создания и деятельности государственного органа» [Кравцова, 2016], поэтому включение указанного компонента в состав понятия компетенция повлечет частичное дублирование содержания понятий, что является неприемлемым с позиции логики. Если же определять понятие «правовой статус» в рамках узкого подхода, воспринимая его как компетенцию государственного органа, то точка зрения Ю.А. Тихомирова будет вполне обоснована.

Предложение рассматривать задачи госоргана как элемент компетенции, выдвинутое Ц.А. Ямпольской, [1958, с. 11] представляется спорным. Если понимать задачи исключительно как производные от целей деятельности органа, то подобный подход может быть обоснован лишь в рамках узкой трактовки правового статуса, что существенно ограничивает его теоретическую ценность. Если обратиться к действующему законодательству, то законодатель, как правило, также указывает цель создания государственного органа и обозначает задачи, с помощью которых цель может быть достигнута. Например, в статье 1 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»² сформулированы цели конституционного судопроизводства, а скажем, статья 5 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»³ перечисляет основные задачи арбитражных судов в Российской Федерации. Таким образом, мы считаем, что рассматривать задачи в качестве отдельного элемента и включать их в состав понятия «компетенция» нет необходимости.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993. Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

² Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

³ Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации». СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.

И.Л. Бачило [1976, с. 52] и В.Х. Махов [2005, с. 15] считают, что составляющим элементом компетенции являются возложенные на государственный орган функции. Рассматривая необходимость включения данного элемента в понятие «компетенции», мы полностью разделяем точку зрения Б.М. Лазарева, который по данному поводу писал: «Функции управления сами по себе явления, конечно, не юридические, и поэтому они не могут быть элементами компетенции. Но законодательство возлагает на соответствующие органы выполнение тех или иных управленческих функций, причем в различных комбинациях и применительно к различным управляемым объектам. В результате у органа возникает право и обязанность осуществлять определенные управленческие функции в определенной сфере. Такие права и обязанности и есть один из элементов компетенции органов управления. Всякое субъективное право или обязанность есть вид и мера соответственно юридически возможного или юридически необходимого поведения (деятельности)» [Лазарев, 1972, с. 40].

Таким образом, можно дать авторское определение компетенции государственного органа как нормативно закрепленной системы прав и обязанностей (полномочий) в пределах установленных предметов ведения и территориальной юрисдикции.

Содержание компетенции государственных органов

Через реализацию компетенции как основного элемента правового статуса любого государственного органа происходит внешнее проявление самостоятельности органов государственной власти, осуществляется воздействие на правоотношения. Чем больше вопросов отнесено к компетенции того или иного органа, тем больше его самостоятельность и значимость в общем механизме управления государством.

Анализ научных трудов показал, что понятие «компетенция» состоит из двух основных компонентов – предметов ведения и полномочий, которые закреплены за каждым конкретным органом по предметам ведения. Данный вывод подкрепляется также п. 3 ст. 5 Конституции РФ, в которой закреплен принцип «разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации»¹.

Как отмечалось выше, в настоящее время нет легального закрепления понятия «компетенция органов государственной власти», как нет и описания его содержания. Однако конституционное разграничение предметов ведения между Российской Федерацией и её субъектами (ст. 71, 72 Конституции РФ) свидетельствует о том, что ключевые сферы правового регулирования сосредоточены либо в исключительной федеральной компетенции, либо в совместном ведении. В этой системе координат реальная автономия регионов проявляется главным образом через объём полномочий, которые федеральный центр делегирует субъектам Федерации в рамках совместных предметов ведения.

В 2003 году был предпринят первый значимый шаг по разграничению полномочий в сфере совместного ведения. В утратившем ныне силу Федеральном законе № 184-ФЗ² впервые из конституционного перечня предметов совместного ведения была выделена особая категория региональных полномочий. Эти исключительные прерогативы субъектов Федерации должны были реализовываться ими самостоятельно, включая полное финансовое обеспечение за счет средств региональных бюджетов.

Конституционные поправки 2020 года, провозгласившие принцип единой публичной власти, инициировали масштабную реформу системы государственного управления. Это

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

² Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

потребовало переосмысления существующей модели распределения компетенций и привело к разработке нового пакета законодательных инициатив. Одним из таких законов стал Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – закон № 414-ФЗ), который пришел на смену закону № 184-ФЗ. Несмотря на явное преемство общего нормативного регулирования, нормативные предписания закона № 414-ФЗ внесли изменения в систему распределения полномочий между органами государственной власти субъектов РФ и федеральными органами государственной власти (глава 7 указанного закона).

Анализ законодательных новелл показывает, что Федеральный закон № 414-ФЗ, закрепивший в главе 7 перечень региональных полномочий, демонстрирует количественный рост компетенции субъектов РФ со 129 (по закону № 184-ФЗ) до 173 позиций. Однако содержательное наполнение этого расширения свидетельствует не о принципиальном изменении политики федерального центра в сторону децентрализации полномочий, а о систематизации и консолидации тех полномочий субъектов Федерации, которые ранее были рассредоточены по различным нормативным актам. По сути, законодатель осуществил не делегирование новых прерогатив, а инкорпорацию уже существующих региональных полномочий в единый нормативный массив. Например, полномочие по участию органов государственной власти субъектов РФ в экологическом мониторинге уже было закреплено ранее в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» (ст. 6). Полномочия в сфере недропользования (пункты 78–81 ч. 1 ст. 44) уже были предусмотрены Законом РФ «О недрах», полномочия по организации социальной помощи малоимущим гражданам (на первый взгляд – новелла) на самом деле уже закреплены в профильном федеральном законодательстве о социальной помощи. Таким образом, как справедливо отмечает А.А. Меркуленко, «в статье 44 Федерального закона № 414-ФЗ на субъекты РФ не были возложены новые полномочия, а была произведена попытка привести перечень региональных полномочий в соответствие с отраслевым федеральным законодательством» [Меркуленко, 2024, с. 76]. Следует согласиться с авторами, высказывающими точку зрения о том, что даже расширенный перечень полномочий субъектов РФ, закрепленный в законе № 414-ФЗ, значительно уже, чем реальное количество их полномочий, закрепленное в массиве федерального законодательства [Ирхин, 2020, с. 38]. При этом федеральный законодатель постарался дать наиболее емкие, обобщенные формулировки полномочий субъектов Федерации, раскрывая общую роль субъектов по тем или иным направлениям деятельности.

Хотя закон № 414-ФЗ систематизировал полномочия регионов по вопросам совместного ведения, говорить о реальном усилении самостоятельности субъектов РФ преждевременно. Новый закон, как и предыдущий № 184-ФЗ, сохранил за федеральным центром право регулировать любые вопросы, формально отнесенные к компетенции регионов. Единственной сферой, где субъекты Федерации получили полную автономию, осталось распределение собственных бюджетных средств, все остальные условно «региональные» полномочия по-прежнему могут быть скорректированы федеральным законодателем. Рассматривая данные нормативные предписания, Т.Я. Хабриева писала, что они предоставляют федеральным органам государственной власти неограниченные возможности по вмешательству в деятельность субъектов РФ, осуществляя регулирование практически любых правоотношений на федеральном уровне [Хабриева, 2003, с. 123]. Аналогичную точку зрения высказывали, Н.М. Добрынин [2006], М. Глигич-Золотарева [2007]. Несмотря на негативные оценки ученых данной нормы, она была перенесена из закона № 184-ФЗ в закон № 414-ФЗ, и в настоящее время авторы продолжают акцентировать внимание на том, что она позволяет федеральным органам государственной власти полностью контролировать деятельность субъектов РФ и дает возможность в любое время лишить их возможности самостоятельности в регулировании исполнения собственных полномочий [Ковалев, Мухачев, 2024].

Заключение

Подводя итог вышесказанному, предлагаем авторское определение компетенции государственного органа как нормативно закрепленной системы прав и обязанностей (полномочий) в пределах установленных предметов ведения и территориальной юрисдикции. Именно через реализацию такой компетенции проявляется фактическая самостоятельность органов публичной власти.

Предложенное определение вносит ясность в дискуссии о природе самостоятельности публичных органов. Оно систематизирует признаки компетенции (нормативная закрепленность, сочетание прав и обязанностей, территориально-предметные границы); устанавливает прямую связь между реализацией компетенции и фактической автономией власти; может служить методологической основой для сравнительных исследований в федеративных государствах.

Изучение компетенции органов государственной власти субъектов РФ показало, что в условиях действующего правового регулирования автономия субъектов Федерации в сфере совместного ведения остается достаточно условной. Согласно п. 3 ст. 44 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» федеральный законодатель в любой момент может полностью или частично ограничить региональные полномочия путем принятия соответствующих нормативных актов. Этот вывод создает основу для дальнейшего изучения конституционно-правовых механизмов защиты региональной автономии.

Список литературы

- Бачило И.Л. 1976. Функции органов управления. М., 198 с.
- Бондаренко А.А. 2006. Административно-правовой статус органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации в условиях административной реформы: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 26 с.
- Глигич-Золотарева М., Добрынин Н. 2007. Разграничение компетенции: от предела полномочий к устойчивому развитию. *Федерализм*, 4: 5-24.
- Добрынин Н.М. 2006. Федерализм и конституционализм России: соотношение, реальность, конформизм. *Право и политика*, 8: 73-82.
- Еремин А.М. 2014. Соотношение понятий «компетенция» и «полномочие» применительно к Росимуществу. *Современное право*, 9: 74-76.
- Ирхин И.В. 2020. О некоторых инструментах оптимизации механизма реализации субъектами Российской Федерации полномочий по предметам совместного ведения с Российской Федерацией. *Журнал российского права*, 9: 32-43.
- Ковалев М.Д., Мухачев И.В. 2024. Изучение отдельных вопросов правореализации при передаче государственных полномочий от РФ к субъектам РФ. *Тенденции развития науки и образования*, 109-7: 190-192.
- Конституционные основы разграничения полномочий между органами публичной власти: Монография. 2020. Под ред. Л.В. Андриченко, А.Е. Постникова. М., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 237 с.
- Кравцова Е.А. 2016. К вопросу о содержании понятия «правовой статус государственных органов». *Конституционное и муниципальное право*, 7: 9-13.
- Лазарев Б.М. 1972. Компетенция органов управления. М., 280 с.
- Махов В.Х. 2005. Контрольные функции органов государственной власти Российской Федерации в условиях проведения административной реформы: автореферат диссертации кандидата юридических наук. М., 23 с.
- Меркуленко А.А. 2024. Компетенция субъектов Российской Федерации: тенденции конституционно-правового регулирования: диссертация кандидата юридических наук. М., 307 с.
- Россинский Б.В. 2023. Исполнительная власть в системе государственного управления. М., 376 с.
- Тихомиров Ю.А. 2001. Теория компетенции. М., 351 с.

- Хабріева Т.Я. 2003. Разгранічэнне законодаўчай кампетэнцыі Расійскай Федэрацыі і яе суб'ектаў. В кн.: Соотношение законодательства Российской Федерации и законодательства субъектов Российской Федерации. М.: 118-124.
- Чернявский А.Г. 2024. Генезис возникновения и развития теории разделения властей до конца XIX века: место учения в науке государственного права. М., 435 с.
- Ямпольская Ц.А. 1958. Субъекты советского административного права: автореферат диссертации доктора юридических наук. М., 38 с.

References

- Bachilo I.L. 1976. Funkcii organov upravleniya [Functions of governing bodies]. М., 198 p.
- Bondarenko A.A. 2006. Administrativno-pravovoj status organov ispolnitel'noj vlasti sub"ekta Rossijskoj Federacii v usloviyah administrativnoj reform [Administrative and legal status of executive authorities of a constituent entity of the Russian Federation in the context of administrative reform]: Abstract. dis. ... cand. leg. sciences. Moscow, 26 p.
- Gligich-Zolotareva M., Dobrynin N. 2007. Razgranichenie kompetencii: ot predela polnomochij k ustojchivomu razvitiyu [Delineation of Competences: From Limits of Authority to Sustainable Development]. *Federalizm*, 4: 5-24.
- Dobrynin N.M. 2006. Federalizm i konstitucionalizm Rossii: sootnoshenie, real'nost', konformizm [Federalism and Constitutionalism of Russia: Correlation, Reality, Conformism]. *Pravo i politika*, 8: 73-82.
- Eremin A.M. 2014. Sootnoshenie ponyatij «kompetenciya» i «polnomochie» primenitel'no k Rosimushchestvu [The relationship between the concepts of «competence» and «authority» as applied to the Federal Property Management Agency]. *Sovremennoe pravo*, 9: 74-76.
- Irhin I.V. 2020. O nekotoryh instrumentah optimizacii mekhanizma realizacii sub"ektami Rossijskoj Federacii polnomochij po predmetam sovmestnogo vedeniya s Rossijskoj Federaciej [On some instruments for optimizing the mechanism for implementing powers by subjects of the Russian Federation on matters of joint jurisdiction with the Russian Federation]. *Zhurnal rossijskogo prava*, 9: 32-43.
- Kovalev M.D., Muhachev I.V. 2024. Izuchenie otdel'nyh voprosov pravorealizacii pri peredache gosudarstvennyh polnomochij ot RF k sub"ektam RF [Study of individual issues of law enforcement during the transfer of state powers from the Russian Federation to the subjects of the Russian Federation]. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 109-7: 190-192.
- Konstitucionnye osnovy razgranicheniya polnomochij mezhdru organami publichnoj vlasti: Monografiya [The constitutional basis for the division of powers between public authorities: Monograph]. 2020. Pod red. L.V. Andrichenko, A.E. Postnikova. М., Institut zakono-datel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: INFRA-M, 237 s.
- Kravcova E.A. 2016. K voprosu o sodержanii ponyatiya "pravovoj status gosudarstvennyh organov" [On the content of the concept of "legal status of state bodies"]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 7: 9-13.
- Lazarev B.M. 1972. Kompetenciya organov upravleniya [Competence of governing bodies]. М., 280 p.
- Mahov V.H. 2005. Kontrol'nye funkcii organov gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii v usloviyah provedeniya administrativnoj reformy [Control functions of state authorities of the Russian Federation in the context of administrative reform]: Abstract. dis. ... cand. leg. sciences. Moscow, 23 p.
- Merkulenko A.A. 2024. Kompetenciya sub"ektov Rossijskoj Federacii: tendencii konstitucionno-pravovogo regulirovaniya [Competence of the subjects of the Russian Federation: trends in constitutional and legal regulation]: Dis. ... cand. leg. sciences. Moscow, 307 p.
- Rossinskij B.V. 2023. Ispolnitel'naya vlast' v sisteme gosudarstvennogo upravleniya [Executive power in the public administration system]. М., 376 p.
- Tihomirov Yu.A. 2001. Teoriya kompetencii [Competence theory]. М., 351 p.
- Habrieva T.Ya. 2003. Razgranichenie zakonodatel'noj kompetencii Rossijskoj Federacii i ee sub"ektov [Delimitation of legislative competence of the Russian Federation and its subjects]. In: Sootnoshenie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii i zakonodatel'stva sub"ektov Rossijskoj Federacii [The relationship between the legislation of the Russian Federation and the legislation of the subjects of the Russian Federation]. М.: 118-124.
- Chernyavskij A.G. 2024. Genезis vzniknoveniya i razvitiya teorii razdeleniya vlastej do kon-ca XIX veka: mesto ucheniya v nauke gosudarstvennogo prava [The genesis of the emergence and

development of the theory of separation of powers until the end of the 19th century: the place of teaching in the science of public law]. М., 435 p.

Yampol'skaya С.А. 1958. Sub"ekty administrativnogo prava [Subjects of Soviet administrative law]: Abstract. dis. ... doct. leg. sciences. Moscow, 38 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.04.2025

Received April 15, 2025

Поступила после рецензирования 23.05.2025

Revised May 23, 2025

Принята к публикации 18.06.2025

Accepted June 18, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кравцова Елена Александровна, доктор юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Elena A. Kravtsova, Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russia.

Митякина Надежда Михайловна, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой трудового и предпринимательского права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Nadezhda M. Mityakina, Candidate of Law Sciences, Head of the Department of Labor and Entrepreneurial Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 179.9

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-383-392

EDN ZSHNPN

Современная культура: проблема старой и «новой» нормальности

¹ Золотухина-Аболина Е.В. , ² Пендюрина Л.П.

¹ Южный федеральный университет

Россия, 344006, Ростов на Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

² Донской государственный технический университет

Россия, 344000, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1

elena_zolotuhina@mail.ru; prinpet@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению понятия «новая нормальность», заявившего о себе как очередное завоевание западного прогресса. Авторы показывают, что этот недавний феномен – результат специфики современного информационного рыночного общества, приведшего к неправомерной гипертрофии представлений о человеческой свободе. Западный человек, пожелавший «стать на место Бога», решил, что «нормальным» является отрицание любых ограничений своеволия – как трансцендентных, так и природных. «Нормален» любой индивидуалистический каприз и абсурдные требование узкой группы. Из этого вытекает объявление «нормальным» и даже модным отказ от деторождения, половой идентификации, прав большинства и даже от стремления к самосохранению. Утверждается отсутствие различий между нормой и патологией. Авторы полагают, что «новая нормальность» – болезненное социальное явление, поддерживаемое корыстными элитными кругами Запада, и должна быть преодолена возвратом к «старым» гуманистическим нормам.

Ключевые слова: норма, ценности, новая нормальность, старая нормальность, новая этика, трансцендентное, гуманистические ценности

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е.В., Пендюрина Л.П. 2025. Современная культура: проблема старой и «новой» нормальности. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 383–392. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-383-392 EDN: ZSHNPN

Contemporary Culture: the Problem of Old and "New" Normality

¹ Elena V. Zolotukhina-Abolina , ² Ludmila P. Pendyurina

¹ Sothern Federal University

105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don 344006, Russian Federation

² Don State Technical University

1 Gagarina Sq, Rostov-on-Don 344000, Russian Federation

elena_zolotuhina@mail.ru; prinpet@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the "new normality" that has declared itself as another achievement of Western progress. The authors show that this recent phenomenon is the result of the specifics of the modern information market society, which has led to an unjustified hypertrophy of ideas about human freedom. Western man, who wished to "take the place of God", decided that "normal" is the denial of any restrictions on self-will, both transcendental and natural ones. "Normal" is any individualistic whim and

absurd demand of a narrow group. As a result, such behaviors as the child-freeness, rejecting sexual identification, the rights of the majority and even the desire for self-preservation become accepted as “normal”. The study reveals the absence of differences between the norm and pathology. The authors of the article believe that the "new normal" is a painful social phenomenon supported by the selfish elite circles of the West, which must be overcome by returning to the "old" humanistic norms.

Keywords: norm, values, new normality, old normality, new ethics, transcendent, humanistic values

For citation: Zolotukhina-Abolina E.V., Pandyurina L.P. 2025. Contemporary Culture: the Problem of Old and "New" Normality. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 383–392 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-383-392 EDN: ZSHNPN

Введение

Данная работа посвящена выяснению того, что значит «жить нормально», где слово «нормальность» несет выраженный оттенок позитивности, который звучит в ответе на вопрос «Как поживаете?» – «Нормально». «Нормально» в этом случае означает: «Без бед: живем-поживаем, добра наживаем». В этом смысле «нормально» – это хорошо, дружно, благополучно, без потрясений, с радостями и умеренными удовольствиями. Но что в содержательном смысле означает эта «нормальность»?

Такой вопрос не возникал бы, если бы в конце XX и начале XXI века прежнее представление о нормальности не пошатнулось бы, не изменило своего содержания, не стало получать смыслов, прямо противоположных тем, что выковывались веками. Наша эпоха – эпоха переворачивания моральных и психологических устоев с ног на голову, и даже если этот шокирующий пересмотр традиционных представлений о нормальном поведении и одновременно о добром и злом – результат экономической и политической кампанейщины, все равно надо разобраться в том, какова его суть. Осветим хотя бы некоторые аспекты идущих трансформационных процессов и их вероятные перспективы. При этом следует подчеркнуть, что выражение «новая нормальность» используется нами в ином смысле, чем это принято в экономическом или международном контексте. Речь идет не об изменениях в стиле политики, не о доминировании в экономике виртуальных форм, а о возможности/невозможности пересмотра *фундаментальных этических установок, связанных с выживанием человечества*, с решением вопроса, смогут ли современные люди сохраниться и как природные существа, и как существа моральные и духовные.

Норма и ценности. Устои старой нормальности

В исследовательской литературе можно найти как минимум две позиции по поводу понятия нормы. Так, автор Н.Б. Тетенков пишет: «Если суммировать большинство представленных в современной историографии определений, то можно сформулировать следующие характеристики “нормы”: (1) нормальным является то, что таково, каким оно должно быть; (2) нормальным, в наиболее обычном смысле этого слова, является то, что встречается в большинстве случаев определенного вида, или то, что составляет либо среднее, либо стандарт измеримой характеристики» [Тетенков, 2020]. Очевидно, что понимать норму просто как нечто широко распространенное, явно недостаточно, что звучит в текстах других аналитиков. Например, в статье целой группы авторов-психиатров отмечается: «Характерное для общей медицины понимание нормы как стандарта, как среднестатистического показателя следует расценивать с долей условной относительности, иначе кариес, имеющийся почти у каждого взрослого человека, необходимо будет считать нормой» [Косенко и др., 2016]. И коррективы в представления о норме вносит не только индивидуальное проявление всякого типичного поведения и

реагирования, но также представление о норме как «соответствии предмета своей идее»: нормален человек, который ведет себя по-человечески – проявляет разум, волю, ответственность, то есть является воплощением понятия «человек».

Таким образом, в первом своем значении нормальность оказывается *связана с ценностями*, с максимальным соответствием *ценностному эталону*, а эталоны могут быть разными. Хорошую эвристическую мысль мы находим в статье Н.В. Федоровой, которая указывает на два представления о человеке, пришедшие к нам из античности. Одно представление принадлежит Сократу, и оно связано с пониманием человека как обладающего божественной способностью разума, способного искать и находить истину, осознавать благо как нечто, стоящее выше чувственного индивида, различать правильное и неправильное. Нормальный человек в сократовско-платоновской интерпретации – это тот, кто способен возвышаться над телом, соотноситься с миром идей – идеальных образцов. Платоновский Сократ становится претдечей кантовской этики долга. Другое понимание мы фиксируем у Протагора, оно звучит как «человек есть мера всех вещей». Оно ориентирует человека на эмпирическое следование собственной выгоде и удовольствию, при том что чужие проблемы оказываются исключительно чужими. Кстати сказать, субъективистская формула Протагора, борца за собственные интересы, оказалась очень популярна у интеллектуалов XX века, когда массовая секуляризация отодвинула в сторону фигуру христианского Бога. «Можно соглашаться с Сократом или Протагором, – пишет Н.В. Федорова, – но мы должны отдавать себе отчет в том, что, вставая на любую философскую позицию, мы принимаем строго определенную точку зрения на проблему нормы и ненормальности человека. Если мы соглашаемся с Протагором, то мы не можем считать нормальным человека, который имеет возможность безнаказанно украсть и не делает этого из моральных принципов, ведь это противоречит принципу успеха. Однако если мы согласимся с Сократом, то мы не можем считать нормальным человека, который свободное время посвящает обжорству и сексуальным развлечениям. Это противоречит принципу самоограничения. Таким образом, любое представление о норме или отклонении от нее уходит своими корнями в философию. Считая, что действия людей ненормальны, мы тем самым занимаем философскую позицию» [Федорова, 2016].

Однако, следуя Сократу либо Протагору, мы занимаем не только философскую, а вообще *ценностную* позицию, исходя из которой мы говорим, что нормально, *а что – ненормально, и одновременно – что есть добро, а что – зло, что – здоровье, а что – болезнь* (будь то болезнь тела или духа).

После Сократа и Платона в европейской культуре протекли века христианства, которое при всех своих отличиях от античной мысли продолжило «линию Платона», видя в человеке прежде всего духовное и моральное существо, а, начиная с эпохи Ренессанса, также существо разумное, свободное и ответственное. И свобода изначально понималась христианством в первую очередь *как свобода от страстей и капризов плоти, от разрушительных аффектов и иррационального своеволия*.

Конечно, если взглянуть на реальный этос протекших веков, то мы не увидим благолепия. Грубые нравы, жестокость, алчность, пороки – все это постоянно воспроизводилось в быту любых классов и сословий, но – и обратим на это внимание! – *никогда не считалось добром и образцом*. Если они и были «нормальны» – то лишь во втором смысле, как, к сожалению, слишком часто встречающиеся в нашем падшем мире. Низменность и вульгарность, бессердечие, извращения, имевшие место в повседневности, собственно, и оценивались как таковые – *как наличное зло*, потому что идеальная иерархия «благого» в большей или меньшей степени присутствовала в умах всех людей: от социокультурной элиты до самых простых бедняков.

Эта иерархия лишь эпизодически уходила в тень и уступала место вполне экстраординарному буйному веселью, насмешке, глумлению над сакральным и гипертрофии – в моментах карнавала, о которых нам так ярко сообщает М.М. Бахтин

[1965], опираясь на тексты Ф. Рабле и И.В. Гёте. Здесь было и смакование темы телесного низа, и пиры, и шокирующее поведение, и пародирование священного. Но глумление и пародирование, так же как намеренная вульгарность, не были повседневной «благой нормой» поведения и не составляли ежедневного идеала. Все карнавалено-перевернутое, противостоящее обычной жизни, связанной с семьей, трудом, рождением детей, было ситуативной разрядкой эмоций, после которой заведенный порядок восстанавливался. А порядок этот воспроизводил и утверждал *коллективную жизнь*: продолжение рода, укрепление сообщества, заботу о детях, уважение к старикам. Этот порядок бытия – и сельский, и городской – предполагал укрепление уз, следование традициям, молитву Богу, выполнение социальных обязанностей.

В интеллектуальной и духовной сфере «быть нормальным» означало способствовать жизни и процветанию, проявлять разумность, видеть ограниченность собственной свободы и умело пользоваться ее возможностями, преклоняться перед священным, проявлять благожелательность и христианскую доброту. Трудиться и поднимать на ноги новые поколения полагалось естественным, уважаемым и богоугодным делом, важность и достоинство такого поведения не подвергались сомнению. Эта «старая нормальность» была направлена одновременно в две стороны: в область *текущей эмпирической жизни, которую нужно было сохранить и упрочить*, и в область «горнего мира», ради которого нужно было и покаяться в своих прегрешениях, грязных помыслах и запретных желаниях. «Спасти душу» можно было лишь направив взор в область высшего – истины, добра и красоты. Человек был в ответе и *перед людьми, и перед Богом, и это считалось и нормальным, и похвальным*. Следует подчеркнуть, что *основные черты традиционной нормальности органично перешли в светские гуманистические представления* [Фромм, 1993; Маслоу, 1997], которые, не впадая в иллюзию вседозволенности, видят человека органично вписанным в природу, космос и социокультурные отношения.

И тем не менее слом «старой нормальности» начинается с расцветом буржуазной эпохи, с развалом общинности и общинной психологии, с секуляризацией, урбанизацией и выдвиганием на первый план *фигуры индивида, понятого как суверенное, самоценное, совершенно свободное существо, которое может ни с кем и ни с чем не считаться*. Этот рожденный технической и производственной эрой предприимчивый индивид к концу XIX века уже полагает возможным и даже необходимым *перевернуть ценностную пирамиду и сделать ценным и нормальным, то, что он пожелает на данный момент сделать таковым*. И не важно, что идею сверхчеловеческого высказывает не английский миллионер-заводчик, а скромный и нездоровый немецкий филолог Ницше [1990], который к тому же и буржуазию не жалует. Его устами просто высказан пафос времени. Само историческое движение начинает видеться как разорванное, отрекающееся от своих истоков, прерывающее традиции – даже такие важные, как традиция создавать потомство и стремиться к общему благу. И в течение всего XX века стремление «поставить ценностную пирамиду вниз головой» только возрастало, теоретически воплотившись в текстах постмодернизма.

«Новая нормальность» как социальная патология в действии

Переворот ценностной пирамиды и рождение «новой нормальности», конечно, имели свои объективные причины. Прежде всего – превращение научного прогресса в широкомасштабное наступление науки и техники на человека с очевидной тенденцией вытеснить его за границы производственной деятельности. Это наступление имеет своих бенефициаров и выгодоприобретателей, экономическую элиту, изначально причастную к «подвалам» ценностной иерархии, то есть отравленную корыстностью и воодушевленную идеями социал-дарвинизма. Кроме того, массовая урбанизация радикально изменила образ жизни людей, усилила разьединенность и одиночество, а секуляризация сократила мир до его эмпирической составной, отбросив невидимые этажи священного. Изменялась культура как целое, изменялась повседневность, и сегодня мы тоже несемся в скором

поезде трансформаций, не до конца понимая, что нас ждет дальше. Однако так или иначе философская мысль отражала и отражает происходящие изменения, концентрирует их и запускает обратно в обыденное сознание. История философии XX века, как и история художественной литературы, театра, культурно-политических движений, выводит на поверхность ту «ценностную контрреволюцию», которая произвела на свет «новую нормальность» вместе с характерной для нее «новой этикой». Если в свое время появление христианства было в определенном смысле ценностной революцией, хотя и продолжением сократовско-платоновских установок, то нынешние изменения, несомненно, должны нести приставку «контр».

«Новая нормальность», особенно ярко проявившаяся с первых лет XXI века, сделала прежнюю норму патологией, а патологию – нормой. Современные авторы говорят об этом прямо: «Новая (современная) нормальность, – отмечает юрист и писатель Д.А. Корецкий, – есть совокупность форм поведения, которые традиционно и устойчиво считались ненормальными и противоречили принципам юриспруденции, нормам нравственности и морали, но в настоящее время получившие широкое распространение, не прямое или явное одобрение, а в некоторых случаях нейтралитет, выливающийся в попустительство, со стороны властных и общественных структур, и в силу многократного неосуждаемого повторения, постепенно закрепляющиеся в общественном сознании, юриспруденции и государственной идеологии в качестве нормы» [Корецкий, 2020].

А выражаются установки новой нормальности в следующих аксиологических и идеологических позициях:

1. Человек должен быть свободен от любых коммуникативных обязательств: от традиционных отношений с детьми, родителями, мужьями или женами. Он должен жить исключительно ради себя-любимого, себя кормить, лечить, развивать и развлекать, не заморачиваясь заботами о родственниках и «вторых половинках». Если нет другой жизни «на небесах» или даже «в аду», *то от жизни надо брать все здесь и сейчас*. Отсюда следует развал семьи, отказ от деторождения, отказ от личной душевной заботы о престарелых членах семьи: «живем одна». Огромное влияние на становление этой «новой нормальности» оказал европейский *феминизм*. Судьба феминизма [Курдюмова, 2020] парадоксальна. Начинаясь как справедливое требование равных политических прав для женщин, прав на образование и самостоятельность, феминизм в течение XX века превратился в требование ущемления и преследования мужчин, а также в абсурдное утверждение полного гендерного равенства с одобрением любых сексуальных девиаций. Тема «прав индивида на что угодно» стоит здесь в полный рост, а феминистки превратились из борцов за справедливость в фанатичных истеричек, которые везде и всюду изображают из себя жертву. Во главе угла оказалось «право не рожать»: не растить детей и не заботиться о них. С этим процессом «маскулинизации свободных женщин» соответственно связана «феминизация мужчин», которым тоже не нужны ни жены, ни дети и вполне хватает гомосексуальных утех. Отказ от традиции стал приводить к вырождению, оказался направлен уже не «против Бога», *а против продолжения жизни*, что ведет европейскую культуру к гибели в силу физического вытеснения «белых людей» другими народами, которые не отказались от старого завета «плодиться и размножаться».

2. Выдвижение на первый план человеческой индивидуальности с ее свободой при всем своем гуманистическом пафосе обострило чувство отчуждения и одиночества. В большинстве романов XX и текущего XXI века герои глубоко несчастны, пессимистичны и депрессивны, именно эта «новая нормальность» – *«нормальность» быть депрессивным или страдать биполярным расстройством*, нежно именуемым «биполярочкой», сделала столь популярным экзистенциализм, который не теряет позиций и сегодня. То же касается и кино. Тема самоубийства, которое всегда почиталось грехом, – сегодня «излюбленная» тема и психологии, и литературы, и кинематографии. Депрессивным, унылым, истеричным, тягостно-нездоровым быть не просто «нормально»,

но и модно. Вроде как «романтично», хотя к героической романтике прошлого это не имеет никакого отношения. Вообще всякое «выпадение за общепринятые пределы» в рамках нового видения прочитывается как нечто *допустимое и одобряемое*, отсюда идея, что «все сумасшедшие более нормальны, чем нормальные люди». Одним из вдохновителей подобного видения исторически был Рональд Лэнг, основатель движения антипсихиатрии. Он писал: «То, что мы называем “нормальным”, есть производное подавления, вытеснения, расщепления, проекции, интра-проекции и других форм разрушительного воздействия на переживание. Оно коренным образом отчуждено от структуры бытия» [Лэнг, 1995]. Для Лэнга общество прессует индивидов, понуждает их примкнуть к «разделяемой фантазии» социальных требований, потому вообще не стоит говорить о наличии безумия: социум сам безумен и болен. Грань между нормой и безумием стирается, всех пациентов психбольниц надо выпустить на волю, что и было в немалой степени сделано в Европе и США, несмотря на явную опасность агрессивных пациентов.

Избыточная акцентировка индивидуальности, противопоставляемой коллективности, а также свободы, оторванной от обязательств, привели к еще двум парадоксальным проявлениям «новой нормальности». Одно из них – предпочтение *требований и интересов малых групп по отношению к позиции большинства*. Это фактически означает отказ от демократии как «народовластия». Потому что какое же народовластие, *если правила социальной игры диктует узкая группа – этническая, расовая или гендерная?* Клятвы верности демократии здесь неуместны, поскольку в наличии узурпация влияния и решения небольшим количеством людей со своими партикулярными интересами. Эти люди объявляют супертолерантность (а проще – терпимость и всепрощенчество) к любым безобразиям и уголовным проступкам, к грабёжам и насилию, на которые они якобы имеют «историческое право». Так совсем недавно было в США и с чернокожими гражданами этой страны, и с сексуальными девиантами. Эти узкие группки, заявившие о своих «необыкновенных правах», готовы зачеркнуть всю прошлую историю, истребить память о выдающихся фигурах прошлого – политиках, писателях, ученых, порушить любые традиции – и все ради своих сиюминутных частных интересов, ради обогащения, присвоения денег и психологического реванша. Именно они насаждают патологическую «культуру отмены», стремясь «заканселить» все, что вызывает у них раздражение или зависть. Это называется «новая этика», о которой справедливо пишут исследователи Н.В. Жадунова и А.А. Гришнева: «Новая этика как ценностно-нормативная установка содержит в себе противоречие: декларируя ценности инаковости, нестандартности, нетрадиционности, терпимого отношения ко всему, что не укладывается в привычные нормы и практики, она в то же время достаточно агрессивно навязывает обществу и каждому отдельному человеку взгляд на Другое и Другого не как на равного, а как на Доминирующего. Безусловно, новая этика как новый подход к Другому и новое восприятие инаковости во всех ее проявлениях определяет современные социальные и межличностные отношения, однако она насаждает свои законы» [Жадунова, 2023].

Конечно, мы понимаем, что группы эти финансируются и поощряются богатыми политическими кругами в США, в частности демократической партией, преследующей собственные интересы, но сама «нормализация» и легитимация явно разрушительных поступков и действий хорошо вырастает на почве антидемократического предпочтения частного общему.

Второе парадоксальное проявление «новой нормальности» – это представление о полной безответственности и индивидов, и групп за свои противоправные и аморальные деяния. Но такое «право на безобразия» было, пожалуй, обосновано еще в XX веке представителями французского постмодернизма. В работах Ж. Делеза и Ф. Гваттари [2007] вполне всерьез идет речь о свободных индивидах как «шизопотоках», не

являющихся субъектами, не имеющих определенного «я». Разве «шизопоток» может отвечать за свои поступки, если они не являются субъектами и противостоят государственной «паранойе»? Разумеется, нет. «Нормальным» и похвальным оказывается то, что всегда порицалось в силу своего очевидного вреда: отсутствие самосознания и воли, подчиненность сиюминутным капризам и вспышкам неуправляемых импульсов, полнейший «перформанс» без точки внутренней опоры. До XX века вся человеческая культура была направлена на то, чтобы выковать в людях отличие от чисто животного начала, от потакания «хотелкам», но современность отвергла мораль и аскетизм прошлого, опустив человека, пожалуй, ниже животных. Другой вопрос, долго ли можно просуществовать при подобном представлении о «нормальности»?

3. Если «старая нормальность», не отрицая природных корней человека, стремилась поднять человека над ними, выстроить его поведение и переживания как направленные в сторону духовности, то «новая нормальность» прежде всего редуцирует индивидов к их телесной природе. К тому же она несоразмерно раздувает требования этой природы, потакая любым ее проявлениям, в том числе вредным и для самих индивидов, и для сообщества, *приветствует отклонения от типовых реакций, преклоняется перед свободой извращений, объявляя их проявлениями уникальности.*

Следующим шагом является *фантазирование* на тему уникальности и создание десятков «псевдоестественных различий», называемых в данном случае *гендерами*. Западные СМИ настойчиво обрабатывают сознание миллионов, формируя иллюзию массовости, многогендерности, то есть, приписывая выдуманному половому различиям якобы объективный статус. Через «окно Овертона» постепенно протягивается принятие искажений в качестве норм, и это уже не потакание природным склонностям, пусть даже гипертрофированным или необычным, а *посягательство на саму естественно-природную основу человеческой жизни*. Это вновь проявление убежденности в «абсолютной свободе» человека, который не только реки поворачивает и горы переносит с места на место, но и с собственной природой поступает как угодно. Это – *конструктивизм без берегов*, выгодный определенным политическим группам, но при этом совершенно безответственный, ибо кто ответит впоследствии за искаленные судьбы детей, хирургически и фармакологически перекроенных из девочек в мальчиков или наоборот?

Собственно, конструктивизм этот с претензией встать на место Бога, который «умер», проявляется и в таких феноменах, как квадроберы, и в таких, как трансгуманисты. Квадроберы – модное, но, надо думать, кратковременное поветрие среди подростков, это изображение из себя животных, зверей с подражанием их поведению. Можно сказать, что это отождествление со скотством, то есть редукция, сведение человеческой сложной природы до биологического субстрата, притом чужого. Это отказ от сознания. От подобной навязчивой игры недалеко до отождествления «я – чайник», которое всегда звучало в анекдотах про сумасшедших. Но если быть сумасшедшим и отказываться от человеческого статуса – это «новая норма», то почему бы ей не последовать?

Другой, более опасный и долгосрочный вариант представляет собой следование установкам трансгуманизма, претендующего на тесную связь с передовой наукой. Трансгуманизм не сводит природу человека к естественно-биологическому основанию, он делает еще хуже: отказывается от возможностей биологической природы человека как «несовершенной» и стремится связать внутренний мир человека с искусственным неорганическим субстратом – с технико-технологическими устройствами. Конечно, никто не отрицает важность бионических протезов или других приспособлений для инвалидов, для тех, кем утрачены возможности естественного тела, но попытка перевести здоровый организм на синтетическую связь и слияние с техникой, с тем, что создано ограниченным человеческим умом, это преступление против тела и природы. Самовлюбленный титанизм, желающий переконструировать все на свете, вживляя ненужные чипы, хочет

нас заставить поверить, что зависеть от искусственных предметов, внедренных без нужды в организм, – это «нормально» и, опять же, похвально и модно, соответствует современным веяниям.

Так постепенно гипертрофия представления о свободе ведет не только к отказу от священного и духовности, но и к третированию тела и инстинктов: полового инстинкта, родительского инстинкта, инстинкта защиты территории (в представлении о нормальности бездушного космополитизма с установкой «где лучше платят, там и родина»). И все это оказывается тесно связано с отказом от фундаментального инстинкта, положенного в основу самого факта существования – с *инстинктом самосохранения, выживания, жизни*. Идея «свободы без берегов» ведет к смерти и самоуничтожению, которое теперь прочитывается как «норма».

Примечательно, что христианское представление о Боге всегда связывалось с *жизнью* и потому, что Христос воплощается в человеческом теле, живет повседневностью обычного человека, а потом прокладывает людям путь *в жизнь вечную* «смертью смерть поправ». Христианство *удваивает жизнь*, давая ей продолжение в загробном бытии и осуждает самоубийство, стремление к смерти: не ты сам дал себе жизнь, не тебе ее у себя и отнимать. С убийством же однозначно ассоциируется бесовщина и дьявольщина, переход на сторону врага рода человеческого, который соблазняет и искушает злом, нередко придавая злу прельстительные формы.

В светском гуманизме XX века христианская идея неоспоримой ценности жизни активно воспроизводится, хотя и без конфессионального обоснования (большинство антропологических философов XX века при всей своей внешней светскости неявно склоняются к мистицизму). Так, Э. Фромм [1993] призывает своих читателей не тратить время жизни зря, чтобы реализовать полноту своих возможностей; В. Франкл категорически отрицает самоубийство, утверждая, что смысл жизни всегда может быть найден [2009], А. Маслоу [1999] приводит множество примеров человеческой самоактуализации, позволяющей прожить свою жизнь счастливо, никогда не теряя к ней интереса. Жизнь остается для внецерковного гуманистического сознания непререкаемой ценностью, хотя порой герои жертвуют собой ради блага сообщества и коллектива. А влечение к смерти – к убийству и самоубийству – является однозначно *злом, это антиценность, ценность со знаком минус*.

И даже если считать стремление к смерти глубинным инстинктом, как полагает З. Фрейд, культура прилагает огромные силы для того, чтобы укротить и свести к минимуму это разрушительное влечение. Впрочем, является ли агрессия непременно «влечением к смерти»? Думается, гораздо чаще в войнах, драках и любой борьбе это – *влечение к победе и доминированию*, которая *может* кончиться смертью как своим *побочным эффектом*, но вовсе не обязательно столь печально кончается. Самоубийство же в истории культуры по большей части всегда оценивалось негативно – как поражение перед испытаниями, страданиями и врагом.

Но вот «новая нормальность» оказывается утверждением именно ценности смерти как «высшего уровня свободы». Не об этом ли еще в XIX веке писал Ф.М. Достоевский в своих «Бесах»? Взглянем коротко на форму проявления этой «свободы».

Во-первых, само нежелание рождать и растить детей ведет прямо к исчезновению народов и культур, к постепенному их вытеснению с жизненной арены и деградации. А такое нежелание объявляется и нормальным, и прогрессивным, и высоко ценным, в то время как в действительности отказ от создания новых поколений – это самоубийство и семейно-родовое, и национальное. В сущности, оно работает на циничный замысел мировых экономических элит «сократить человечество», которое чересчур расплодилось, да еще и желает достойного уровня жизни!

Во-вторых, легализация извращений и наркотиков, то есть их признание и одобрение, – это еще один вклад в коллективное самоубийство, ускорение бесславного конца.

В-третьих, в западной культуре последнее время стала считаться нормальной и рационально обоснованной *эвтаназия*, по сути отменяющая «клятву Гипократа», которая запрещает нанесение вреда пациенту, а в своем первоначально античном варианте прямо включала запрет на потворство самоубийству. Конечно, в редких и особых случаях нестерпимых и безысходных страданий эвтаназия, наверное, может быть применена по просьбе больного как гуманное средство. Однако в европейских странах ныне эвтаназию предлагают едва ли не всем подряд. Состарился? Эвтаназия. Получил инвалидность? Эвтаназия. Депрессия? Так умри поскорее! Узаконенное самоубийство и «нормально», и эффективно как способ решения любых проблем. Создавать условия для эффективного самоубийства – тоже бизнес, и на нем можно хорошо заработать... И это, конечно, свидетельствует о крайней ненормальности самого рыночного общества сегодняшнего дня, которое необходимо последовательно возвращать к «старой нормальности», связанной с утверждением жизни, а не со всеобщим унылым стремлением коллективно провалиться в ничто.

Краткие выводы

Наш небольшой обзор практик и идей «новой нормальности» и сопряженной с ней «новой этики» показал, что никакой «новой нормальности» нет, это – лишь *пафосное название*, скрывающее за собой тяжелую социокультурную патологию, которой страдает современное рыночное общество Запада.

Глубокая болезненность и уродство «новой нормальности» связаны с двумя главными моментами:

1) с высокомерным индивидуализмом, жаждущим безграничной свободы, со стремлением «занять место Бога» и по своему маленькому разумению, не оглядываясь на последствия, перековать весь мир; этот индивидуализм, активно «беспредельничая», не только отвергает высшее, но посягает и на человеческую природу, делая телесность своей игрушкой;

2) с депрессивным стремлением к смерти, к тому, чтобы перевести все органическое в неорганическое состояние. Это желание умереть и привести к смерти других тем более негативно, что сама смерть современными безрелигиозными людьми понята отнюдь не как «другая жизнь», не как переход в иной план бытия, а как полный и окончательный предел жизни и самосознания, как небытие в полном смысле слова. Кстати сказать, ни верующие, ни мистики не приветствуют стремления убежать от трудностей земной жизни в духовный мир, поскольку с их точки зрения мы посланы сюда для решения ряда проблем и духовного роста.

К переворачиванию ценностно-нормативной пирамиды западное человечество шло в течение нескольких последних веков, и этот процесс еще ждет своего исследования. При этом хочется верить, что ценность жизни и духа непременно одержит победу над иррациональным своеволием и разложением. Каждый из нас способен внести свой вклад в возвращение к «старой», а на самом деле вечной и универсальной нормальности.

Список литературы

- Бахтин М.М. 1965. Творчество Франсуа Раблеи народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 543 с.
- Гридина Ю.В., Фарафонов С.А., Цагараева Е.К. 2016. Современные критерии разграничения психической нормы и патологии. *Кубанский научный медицинский вестник*. № 2 (157) С. 94–98.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. 2007. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 672 с.
- Жадунова Н. В., Гришнева А. А. 2023. «Новая этика»: нормальное и анормальное. *Социальные нормы и практики*. № 2.
- Корецкий Д.А. 2020. Терминологические новеллы «новой нормальности» и их юридические последствия. *Уральский журнал правовых исследований*. № 4. С. 123–130.
- Косенко Н.А., Красильников Г.Т., Косенко В.Г., Агеев М.И., Шулькин Л.М., Курдюмова М.И. 2020. Философия феминизма в современном мире. *Вестник науки*. № 4(25).

- Лэнг Р. 1995. Политика переживания. Лэнг Р. Расколотое «Я». СПб.: Белый кролик, 352 с.
Маслоу А.Г. 1999. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 478 с.
Маслоу А.Г. 1997. Психология бытия. М.: Рефл-бук, Ваклер. 300 с.
Ницше Ф. 1990. К генеалогии морали. Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль. С. 407–524.
Тетенков Н.Б. 2020. Норма и патология как гносеологические категории. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. Vol. 9. Is. 3A. С. 36–43.
Федорова Н.В. 2016. Проблема нормы и ненормального в философском дискурсе. *Гуманитарные исследования*. № 4 (13). С. 39–41.
Франкл В. 2009. Сказать жизни «Да!» (психолог в концлагере). М., 239 с.
Фромм Э. 1993. Революция надежды. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., Республика: 218–357.
Фромм Э. 1993. Человек для самого себя. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., Республика: 19–191.

References

- Bakhtin M.M. 1965. *Tvorchestvo Fransua Rablei narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa*. [The work of Francois Rabley folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 543 p.
Gridina Yu.V., Farafontov S.A., Tsagaraeva E.K. 2016. *Sovremennye kriterii razgranicheniya psikhicheskoi normy i patologii* [Modern criteria for distinguishing mental norm and pathology]. *Kuban Scientific Medical Bulletin*, 2(157): 94–98.
Deleuze J., Guattari F. 2007. *Anti-Edip: kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia]. Yekaterinburg: U-Factoriya, 672 p.
Zhadunova N.V., Grishneva A.A. 2023. «Novaya etika»: normal'noe i anormal'noe. *Sotsial'nye normy i praktiki* ["New ethics": normal and abnormal. Social norms and practices], 2.
Koretsky D.A. 2020. *Terminologicheskie novelly «novoi normal'nosti» i ikh yuridicheskie posledstviya* [Terminological novels of the "new normality" and their legal consequences]. *Ural Journal of Legal Studies*, 4: 123–130.
Kosenko N.A., Krasilnikov G.T., Kosenko V.G., Ageev M.I., Shulkin L. M., Kurdyumova M.I. 2020. *Filosofiya feminizma v sovremennom mire* [The philosophy of feminism in the modern world]. *Bulletin of Science*, 4(25).
Lang R. 1995. *Politika perezhivaniya* [The politics of experience]. *Lang R. The split "I"*. St. Petersburg: Belyi krolik, 352 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 17.02.2025

Поступила после рецензирования 17.05.2025

Принята к публикации 30.05.2025

Received February 17, 2025

Revised May 17, 2025

Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна, доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной и отечественной философии, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-5954-2758](https://orcid.org/0000-0002-5954-2758)

Elena V. Zolotukhina-Abolina, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History of Foreign and Domestic Philosophy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-5954-2758](https://orcid.org/0000-0002-5954-2758)

Пендюрина Людмила Петровна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия и мировые религии», Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Ludmila P. Pendyurina, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and World Religions, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia.

УДК 130.2
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-393-400
EDN MOJQMV

Эмпатическая феноменология как исследовательская установка понимания творческой индивидуальности

Мазаненко О.М.

Луганская государственная академия культуры и искусств
имени Михаила Матусовского
Россия, Луганская Народная Республика, 291001, г. Луганск, пл. Красная, д. 7
oksanamazanenko@gmail.com

Аннотация. Изучение произведений искусств и понимание жизненного мира творческой индивидуальности художника определяется выбором методологического пути, которому предшествует исследовательская установка ученого. Этот феномен представляет собой сложное сочетание его мировоззренческой позиции, представлений, мотивации, интересов, предпочтений, когнитивного стиля, вкусов ученого. В качестве перспективной установки исследования обосновывается логика обращения к эмпатической (интуитивной) феноменологии. Ее специфика, в отличие от традиционных и широко применяемых в современной науке описательного и интерпретивного феноменологических подходов к изучению художественной культуры, заключается в дорефлексивной способности сознаний «событийствовать» друг с другом, фокусировании на личностно-экзистенциальной и эмоционально-чувственной сфере художника. В работе последовательно изложены сравнительная характеристика, задачи, а также приемы эмпатико-феноменологической редукции.

Ключевые слова: художник, исследовательская позиция, феноменология, эмпатия, переживание

Для цитирования: Мазаненко О.М. 2025. Эмпатическая феноменология как исследовательская установка понимания творческой индивидуальности. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 50(2): 393–400. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-393-400 EDN: MOJQMV

Empathic Phenomenology as a Research Setting for Understanding Creative Individuality

Oksana M. Mazanenko

Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky
7 Krasnaya Square, Lugansk, Lugansk People's Republic 291001, Russian Federation
oksanamazanenko@gmail.com

Abstract. The choice of the methodological path preceded by a scholar's research stance determines the study into the works of art and the understanding of an artists' lifeworld. This phenomenon is a complex combination of the scientist's worldview, ideas, motivation, interests, preferences, cognitive style, and tastes. As a promising approach, the specificity of empathic (intuitive) phenomenology is substantiated. Unlike the traditional and widely used descriptive and interpretative phenomenological approaches to the study of artistic culture in modern science, emphatic phenomenology consists in the pre-reflective ability of consciousnesses to "co-exist" with each other and is focused on the personal-existential and emotional-sensual sphere of an artist. The article consistently presents comparative characteristics, tasks, and techniques of empathic-phenomenological reduction.

Keywords: artist, researcher's stance, phenomenology, empathy, experience

For citation: Mazanenko O.M. 2025. Empathic Phenomenology as a Research Setting for Understanding Creative Individuality. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 393–400 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-393-400 EDN: MOJQMV

Введение

В эстетико-культурологическом исследовании проблематики творческой личности в качестве целостных методологических подходов наибольшей перспективой обладают герменевтический и феноменологический модусы. Оба нацелены на проникновение в собственное смысловое содержание жизненного мира художника. Однако если в герменевтическом модусе исследователь становится интерпретатором, который априори усматривает расширенную смысловую нагрузку текста по сравнению с тем, что хотел сказать говорящий, то феноменологический модус есть особого рода понимание исследователем ценностных установок, способов мышления, опыта переживаний. Здесь не идет речь о смещении акцентов к субъективизму познания. Вне зависимости от выбора методологического пути ключевую позицию занимает объективность научного подхода. Исследователи в русле герменевтического и феноменологического подходов, определяя художественное творчество как предмет научного знания, все гипотезы, факты и выводы соотносят с объективной интеллектуальной экипировкой. Поле научной мысли разворачивается в сложной системе социальных запросов, эталонов и норм под воздействием объективной динамики идей. В то же время объективные и достоверные результаты достигаются личностями с их субъективными характеристиками. В этом плане особый интерес в понимании произведений искусств и творческой индивидуальности художника занимает исследовательская установка ученого, которая представляет собой сложное сочетание его мировоззренческой позиции, представлений, мотивации, интересов, предпочтений, когнитивного стиля, вкусов. Данный тезис перекликается с высказыванием В.И. Вернадского о том, что научная мысль не является самопроизвольным конструктом. Она создается. И создается живой человеческой личностью. Ученый пишет: «В мире реально существуют только личности, которые создают и выражают научную мысль, которые проявляют научное творчество – духовную энергию» [Вернадский, 1997, с. 87].

Действительно, в произведениях художественной культуры своеобразно преломляется все разнообразие жизненного опыта человечества, которое затем посредством умственной реконструкции задает новую «оптику» истины о природе вещей. В данной работе речь пойдет о малоизученном феномене встречи личности исследователя и личности художника в месте пересечения рациональных научных правил и чувственных художественных образов, другими словами, о той установке исследователя, которая обеспечит связь его личностно-экзистенциальной, эмпатической составляющей с внутренним миром художника, творчество которого стало предметом его научного интереса.

Итак, для решения заявленной сложной задачи важно определить ту исследовательскую позицию, которая позволит ученому синтезировать рефлексивное *cogito* и эмоционально-экзистенциальное выражение творчества художника, понимание внутреннего опыта его эстетических переживаний. В качестве такой исследовательской установки понимания творческой индивидуальности может выступить эмпатическая феноменология.

Перспективы и смысловые ориентиры эмпатической феноменологии

Классическая феноменология как исследовательская установка предлагает исследователю обращаться к понятию «переживание», снимая извечный антагонизм между рациональным и иррациональным. Тем самым эмоционально-чувственные

источники постижения самого себя и мира помещаются в один ряд с разумом. Особую роль такое смещение имеет в тех видах деятельности человека, в которых границы истинности размыты, неочевидны, как, например, в художественном творчестве. Эмпатическая феноменология представляет собой особый род рефлексии – «вхождения» исследователя в опыт творческого сознания художника. Любопытно, что основатель феноменологии Э. Гуссерль видит сходство установки исследователя-феноменолога с экзистенциальной позицией художника в том, что для них важным является, собственно, не столько существование мира, сколько тот способ, которым они его воспринимают и в нем живут [Гуссерль, 1994, с. 43].

Таким образом, эмпатическая феноменология совершает принципиальный сдвиг от традиционно принятой сосредоточенности исследовательского потенциала на когнитивной активности личности к созидательно-творческому опыту эмоционально-чувственных переживаний жизненного мира в том виде, в каком он непосредственно являет себя в искусстве. То, как художник переживает, чувствует, становится доступным пониманию феноменолога также через чувства, сочувствие. Поэтому эмпатия является методологической референцией эмпатической феноменологии, полноправным методом познания.

Таким образом, становится понятным, что эмпатическая феноменология в целом сочетает в себе некоторые идеи феноменологической, экзистенциальной и герменевтической методологических концепций. После общей характеристики перейдем к структуре, механизмам и смысловым ориентирам эмпатической феноменологии, центральной фигурой и ключевой ценностью для которой выступает «человек переживающий» с его эстетическими чувствами, выражающими художественное отношение к миру.

Главный вопрос эмпатической феноменологии сводится к тому, как исследователь может осуществлять вчувствование, сопереживание, не переставая быть собой. Иными словами, данная позиция позволяет рассмотреть творческое сознание как откровение творца, выраженное через его инициативу в художественном произведении, в значительной мере снабженное субъективностью. Здесь уместно процитировать высказывание В. Пузыревского – крупного исследователя в области философии и методологии образования: «Эмпатия, благодаря свойственным ей спонтанности и подражательности, открывает доступ в игровые дискурсивные и недискурсивные практики субмодальной культуры постмодерна, в синтез новой архаики, к психосинтезу личности и неоромантическому единению человека с миром» [Пузыревский, 202, с. 103].

Выбор эмпатической феноменологии в качестве исследовательской установки является перспективным в изучении различных аспектов феномена художественного творчества, а особенно творческой индивидуальности. Понимание жизненного мира художника через призму его эмоционально-чувственных переживаний, описание переживаний творческой личности, интерпретация художником творческого Я и своей творческой среды в контексте «Я-Другой», анализ особенностей эстетического отношения человека к другим людям и к природе, а также понимание способов растехнизации познания и культуры с целью восстановления утраченной гармонии между человеком и миром, духовности через творческое созидание – вот далеко не полный перечень задач, которые позволяет решать эмпатическая феноменология.

В качестве теоретико-методологического обоснования эмпатической феноменологии выступает теория вчувствования Т. Липпса. Эмпатия наделяется статусом средства нерационального познания, трактуется как антитеза логике вообще. Вчувствование, по определению Т. Липпса, является универсальным процессом означивания и осмысления образов восприятия, добавления «внутреннего» содержания – чувств, представлений – во «внешние» объекты [Липпс, 1907]. Также ценность для нашего исследования представляют идеи Д. Юма, который утверждал, что эстетическое познание и наслаждение невозможны без симпатии [Юм, 2001].

В эстетической теории И. Канта эмпатия определится тем, что Другой дан опосредовано, в «аппрезентации» – по аналогии с тем, как «я сам» дан себе в первопорядковом (ощущаемом как принадлежащем моему Я) мире «моих» переживаний.

Схожие положения обнаруживаем в трудах Э. Гуссерля, который вчувствование обозначает как процесс, способный дать опыт Другого, в «аналогической апперцепции» посредством своеобразного опыта Другого, «своего рода вчувствования в чуждое для меня культурное человеческое сообщество и в его культуру...» [Гуссерль, 1994, с. 255]. Эмпатическая настроенность на Другого описывается как форма интенциональности и проявление постоянной соотнесенности «Я – Другой». Однако наиболее системно и обобщенно идеи эмпатии в феноменологической концепции представлены в концепции феноменологической эмпатической философии Э. Штайн. Вчувствование, с одной стороны, есть особый тип восприятия, а с другой – переживание особого порядка, специфика которого связана с помещением опыта другого сознания в центр собственного познания. По содержанию это переживание субъекта ощущается как «не свое», но принадлежащее мне здесь и сейчас как «первопорядковая» реальность [Штайн, 2018, с. 82].

Остановимся на прояснении данного тезиса. Я в процессе вчувствования оказывается на месте Другого. Мостом в мир переживаний Другого служат идентификация, рефлексия и эмпатия. Когда субъект пытается понять для себя данность чувств Другого, он как бы «втягивается» в их переживание, и вот они уже перестают быть объектом. Переживания другого присваиваются и персонализируются, однако неокончательно. После успешного прояснения содержания чужого переживания оно снова возвращается в объект вчувствования. Так сохраняется осознаваемая дистанция между Я и Другими, и не происходит слияния с объектом. Собственно, таков механизм вчувствования.

В работах М. Шелера, центральной темой которых выступают человеческие чувства, также содержатся оригинальные идеи об эмпатии, которую он обозначает термином «симпатия» и интерпретирует как установку на контакт с самим миром, который проявляет и раскрывает себя прежде всего в переживаниях эмоциональных, которые предшествуют рациональному постижению действительности. Симпатия есть интенциональный акт, направленный на познание личности Другого как высшей ценности [Васильева, 2011, с. 42]. В теории М. Хайдеггера с общей феноменологической тенденцией понимания эмпатии как интенционального акта, направленного на познание личности (и в первую очередь его эмоционально-чувственной сферы) Другого как высшей ценности, акцент смещается на онтологический статус этого феномена. В эмпатии он усматривает душевную способность человека. Это способность «со-бытийствовать», априорная бессознательная проекция, способ восстановления подлинного понимающего «бытия-друг-с-другом» [Хайдеггер, 1987]. В экзистенциальных взглядах М. Бубера [1995], персоналистской философии Г. Марсея [1994], а также в работах Э. Левинаса [2000] проблема эмпатии представлена в разной степени, однако она является неизменным спутником таких добродетелей, как забота, симпатия и любовь.

В современных философских исследованиях все более четким и обозримым становится некий общий знаменатель трактовки феномена эмпатии. Так, в работах Е. Басина, Е. Борисова, А. Дж. Ветлизена, Х. Кёглера, О. Кубановой, Р. Маккрила, Х. Питер Стивса, М. Савицки, Д. Смита, В. Филатова, Ю. Шилкова концепт эмпатии имеет схожую трактовку – это способность человека представлять себя другим и телесно-чувственно проживать его состояния, причем неважно, воспринимаются они как действительно реально возникшие, воспоминаемые или же только воображаемые и предполагаемые.

Итак, сделаем промежуточный вывод. Эмпатическая феноменология как исследовательская установка обладает значительными перспективами, так как преимущественным становится вектор направленности исследовательских усилий на

интеллектуально-духовную активность и переживания художника с разнообразной палитрой его сложных чувств и эмоций, отражающих чувственно воспринимаемый мир в аспекте эстетических ценностей.

Несмотря на перспективность эмпатической феноменологии как исследовательской установки понимания творческой индивидуальности, сама идея выведения эмпатии в ранг метода в феноменологическом подходе не нова. В 2016 году П. Уиллис опубликовал в «Индо-Тихоокеанском феноменологическом журнале» труд, в котором впервые предложил термин «эмпатическая феноменология». Ученый представил достаточно стройную оригинальную методологическую систему. Эмпатическую феноменологию он называет интуитивной и считает ее важным дополнительным феноменолого-эстетическим модусом, который есть рефлексивное описание, интерпретация и понимание смысловых обозначений переживаний самого переживающего субъекта в разнообразных проявлениях его жизненного мира [Willis, 2016]. Эмпатическая феноменология подсвечивает и удерживает в фокусе внимания переживания жизненных моментов, которые относятся к сложному и определяющему экзистенциальному опыту человека. Как известно, художественное творчество включено в экзистенциальное пространство человека, искусство и есть экзистенциальный акт, а потому эмпатическую феноменологию справедливо можно называть той исследовательской установкой, которая открывает значительные возможности в понимании творческой индивидуальности художника.

Сравнительный анализ описательной, интерпретационной и эмпатической феноменологии

Итак, наряду с уже известными и активно применяемыми типами феноменологической методологии в культурологии, эстетике (описательная, интерпретативная), для исследования жизненного мира творческого Я художника может быть использована эмпатическая (интуитивная) феноменология. Это понимание тех переживаний, которые являются ключевыми интенциями художественного творчества, а именно: эстетическим восприятием, чувственным отношением, конституированием художественных образов в единстве чувствующего и чувствуемого, между которыми, по мнению М. Дюффрена, «есть предварительное согласие» [Дюффрен, 2016, с. 56].

В чем же заключается специфика исследовательской позиции и методологических приемов феноменолого-эстетической редукции с точки зрения описательной, интерпретационной и эмпатической феноменологии? Далее предпримем их сравнительный анализ.

Первым приемом эмпатико-феноменологической редукции является эпохе. В описательной феноменологии эпохе предполагает поочередное «вынесение за скобки» всего, что может быть подвергнуто сомнению (все знания, верования, представления и даже собственное Я), остановка всех суждений о бытии предмета вне воспринимающего его сознания. В герменевтической феноменологии не выносятся за скобки присутствие самого воспринимающего как части акта сознания, феноменологизирующее Я, рассуждающее с позиций предположения, обозначений «кажется», «возможно». В эмпатической феноменологии не выносятся за скобки чувствующее Я, которое проникает в феномен на основе целостности их чувственных основ, переживаний. Исследователь опирается на собственные эмоционально-чувственные переживания, которые нельзя оценивать с позиции сомнительных, ошибочных. Оценка может вестись с позиции сочувствования, а значит, с позиции нашего духовный отклик. Это переживание на уровне «что-то затрагивает меня» или «что-то меня волнует», а потому приобретает для меня лично особый смысл. Только через чувствующее Я можно описать, а затем понять переживающее сознание. Отметим, что первая и вторая феноменологическая вариации достаточно часто используются в эстетике, а вот феноменолого-эмпатических исследований в эстетике пока не предпринималось.

Вторым приемом эмпатико-феноменологической редукции является рефлексия. Данный прием позволяет вывести на первый план субъективный опыт, смыслы переживания сознания. С одной стороны, исследователь фиксирует собственные предсуждения об изучаемом феномене и затем на время проведения исследования «выносит их за скобки», чтобы его личные смыслы, интерпретации и теоретические концепты не мешали ясному и непосредственному восприятию уникального опыта респондента. С другой стороны, во внимание берется живой опыт субъекта, описанный языком свободным, насколько это возможно, от интеллектуальных конструктов.

Третьим приемом эмпатико-феноменологической редукции является деструкция внешней объективности. Этот прием проводит четкую линию разграничения между различными типами интенциональных актов – имманентных (они и есть «чистое сознание») и трансцендентных (акты даны как результат течения потока сознания, охватывают все оттенки, нюансы, аспекты вещей, поскольку вещи не могут быть даны сразу и со всех сторон). Прием позволяет понять многообразие эстетических феноменов, сопрягая воспоминания и новые нюансы в единство, а также охватить трансцендентальный горизонт опыта прошлого и будущего, включая воспоминания, ожидания и т. д. как поток жизни. Каждый следующий опыт в познании вещей приводит к утрачиванию его твердости, упорядоченности, а потому опыт как бытие сознания может быть модифицирован только вследствие уничтожения вещного мира.

Четвертым приемом эмпатико-феноменологической редукции является конденсация смыслов. Этот прием предложен феноменологом А. Джорджи. По своей сути он близок к тематическому анализу. Текст разбивается на части, каждая оценивается как смысловая единица. Последовательная конденсация смысловой нагрузки отдельных частей путем прояснения значимых утверждений предшествует их собиранию и укрупнению в крупные тематические кластеры. Таким образом осуществляется объективное (не зависящее от личной позиции феноменолога) движение от изучаемого опыта переживаний к смысловым структурам. Единственной опорой, не подвергающейся редукции, является постоянное удержание во внимании исследователем своего эмоционально-чувственного сопереживания исследуемому опыту [Джорджи, 1997, с. 235].

Пятым приемом эмпатико-феноменологической редукции является вариативность. Данный прием предполагает артикуляцию тех инвариантных тем, которые появляются в переживаниях различных случайных ситуаций.

Шестым приемом эмпатико-феноменологической редукции является собственно эмпатия как прием вчувствования. В описательной феноменологии это форма интенциональной соотнесенности эмоционального опыта в системе «Я – Другой», переживание опыта Другого. В интерпретационной феноменологии – интуитивная способность предпонимания, в эмпатической феноменологии – дорефлексивная способность сознаний «со-бытийствовать» друг с другом.

Заключение

Таким образом, наряду с традиционными и широко применяемыми в современной науке феноменологическими подходами к изучению художественной культуры (описательным, интерпретативным) значительными перспективами обладает эмпатическая феноменология как исследовательская установка понимания творческой индивидуальности. Она обращается к субъективному опыту как смыслам и значениям, которые вкладывают в свое переживание сами переживающие.

К основным приемам эмпатико-феноменологической редукции в контексте описания, интерпретации, понимания жизненного мира художника относятся эпохе, рефлексия, деструкция внешней объективности, конденсация смыслов, вариативность, собственно эмпатия как прием вчувствования.

Список литературы

- Бубер М. 1995. Два образа веры. Москва, Республика, 464 с.
- Вернадский В.И. 1997. О науке. Т. 1. Дубна, 576 с.
- Васильева С.В. 2011. Ценностный мир личности: к истокам антропологии Макса Шелера. Петрозаводск, Изд-во ПетрГУ, 145 с.
- Гуссерль Э. 1994. Амстердамские доклады. Феноменологическая психология. Ч. 2. Феноменологическая психология и трансцендентальная проблема. Москва, Логос, 398 с.
- Левинас Э. 2000. Избранное: Тотальность и Бесконечное. СПб: Университетская книга, 416 с.
- Липпс Т. 1907. Руководство к психологии. СПб, Изд-во О. Н. Поповой, 394 с.
- Марсель Г. 1994. Быть и иметь. Новочеркасск, Сагуна, 160 с.
- Пузыревский В. Ю. 2002. Феномен эмпатии в контексте современной западной философии. Сибирь. Философия. Образование, 6: 103–118.
- Хайдеггер М. 1987. Исток художественного творения. В кн. Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. Сост., общ. ред. Г. К. Косикова. Москва, Академический проект, 265–313 с.
- Штайн Э. 2018. К проблеме вчувствования. Минск, Логвинов, 240 с.
- Юм Д. 2001. О человеческой природе. СПб, Азбука, 2001, 516 с.
- Dufrenne M. 1953. Phénoménologie de l'expérience esthétique. Paris: Presses universitaires de France, V. 1: 56–78.
- Giorgi A. 1997. The theory, practice, and evaluation of the phenomenological method as a qualitative research procedure. *Journal of Phenomenological Psychology*. 28: 235–260.
- Willis P. 2016. From «the things themselves» to a «feeling of understanding»: Finding different voices in phenomenological research. *Indo-Pacific Journal of Phenomenology*. Vol. 4. Edition. URL: <http://www.ipjp.org/august2004/willis4e1.pdf>)

References

- Buber M. 1995. Dva obraza very [Two images of faith]. Moscow, Publ. Respublika, 464 p.
- Vernadskiy V.I. 1997. O nauke [About science]. V. 1. Dubna, 576 p.
- Vasil'eva S.V. 2011. Tsennostnyy mir lichnosti: k istokam antropologii Maksa Shelera [The Value World of Personality: Towards the Origins of Max Scheler's Anthropology]. Petrozavodsk, Publ. PetrGU, 145 p.
- Gusserl' E. 1994. Amsterdamskie doklady. Fenomenologicheskaya psikhologiya. Ch. 2. Fenomenologicheskaya psikhologiya i transtsendental'naya problema [Amsterdam Papers. Phenomenological psychology. Part 2: Phenomenological psychology and the transcendental problem]. Moscow, Publ. Logos, 398 p.
- Levinas E. 2000. Izbrannoe: Total'nost' i Beskonechnoe [Selected: Totality and the Infinite]. Saint Petersburg: Publ. Universitetskaya kniga, 416 p.
- Lipps T. 1907. Rukovodstvo k psikhologii [Guide to Psychology]. Saint Petersburg, Publ. O. N. Popovoj, 394 p.
- Marsel' G. 1994. Byt' i imet' [Being and having]. Novocherkassk, Publ. Saguna, 160 p.
- Puzyrevskiy V. Yu. 2002. Fenomen empatii v kontekste sovremennoy zapadnoy filosofii [The Phenomenon of Empathy in the Context of Contemporary Western Philosophy]. Sibir'. Filosofiya. Obrazovanie, 6: 103–118.
- Khaydegger M. 1987. Istok khudozhestvennogo tvoreniya [The Source of Artistic Creation]. V kn.: Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX-XX vv. Traktaty, stat'i, esse [Foreign Aesthetics and Theory of Literature of the XIX-XX centuries: Treatises, articles, essays]. Sost., obshch. red. G. K. Kosikova. Moscow, Akademicheskij proekt: 265–313.
- Shtayn E. 2018. K probleme vchuvstvovaniya [To the problem of empathy]. Minsk, Publ. Logvinov, 240 p.
- Yum D. 2001. O chelovecheskoy prirode [About human nature]. Saint Petersburg, Publ. Azbuka, 516 p.
- Dufrenne M. 1953. Phénoménologie de l'expérience esthétique [Phenomenology of aesthetic experience]. Paris: Presses universitaires de France, V. 1: 56–78.
- Giorgi A. 1997. The theory, practice, and evaluation of the phenomenological method as a qualitative research procedure. *Journal of Phenomenological Psychology*. 28: 235–260.
- Willis P. 2016. From «the things themselves» to a «feeling of understanding»: Finding different voices in phenomenological research. *Indo-Pacific Journal of Phenomenology*. Vol. 4. Edition. Available at: <http://www.ipjp.org/august2004/willis4e1.pdf>)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported

Поступила в редакцию 27.11.2024
Поступила после рецензирования 27.02.2025
Принята к публикации 30.05.2025

Received November 27, 2024
Revised February 27, 2025
Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мазаненко Оксана Михайловна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского, г. Луганск, Луганская Народная Республика, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oksana M. Mazanenko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky, Lugansk, Lugansk People's Republic, Russia.

УДК 316:343.9
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-401-409
EDN NMMWTJ

Проблема методологической оценки наркоситуации в молодежной среде отдельного региона на примере Красноярского края: социологический аспект

Калиниченко Я.Н.

Сибирский юридический институт МВД России
Россия, 660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20
ya_kalinichenko@mail.ru

Аннотация. Среди многих современных проблем, стоящих перед российским обществом, существенное значение имеет проблема наркомании молодежи. Распространение наркотиков, а также психоактивных веществ в России оказывает сильное негативное влияние на повседневную жизнь российской молодежи, приводит к обострению других проблем общества, таких как повышение затрат в социологической, экономической сферах, криминализация общества. Молодежь в связи с отсутствием жизненного опыта более подвержена влиянию и все чаще оказывается втянутой в наркобизнес посредством различных информационных технологий, в том числе интернета, становится наркозависимой. Существующие социологические исследования наркоситуации направлены на оценку общих тенденций ее развития и практически не акцентируют внимание на состоянии конкретных групп населения, в том числе молодежи. Автор предлагает некоторые методологические подходы к изучению наркоситуации в молодежной среде в отдельном типичном сибирском регионе, для которого характерны низкая плотность населения при высоком уровне урбанизации; предлагаются пути профилактики наркопотребления в молодежной среде.

Ключевые слова: наркоситуация, молодежная среда, мониторинг, наркотизм, наркопотребление, антинаркотическая профилактика

Для цитирования: Калиниченко Я.Н. 2025. Проблема методологической оценки наркоситуации в молодежной среде отдельного региона на примере Красноярского края: социологический аспект. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 401–409. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-401-409 EDN: NMMWTJ

Problem of Methodological Assessment of the Drug Situation among the Youth in an Individual Region on the Example of the Krasnoyarsk Territory: Sociological Aspect

Yana N. Kalinichenko

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
20 Rokossovsky St, Krasnoyarsk 660131, Russian Federation
ya_kalinichenko@mail.ru

Abstract. Among the numerous problems faced by contemporary Russian society, the issue of youth drug abuse is significant. The spread of drugs and psychoactive substances in Russia has a strong negative impact on everyday life of Russian young people, since these negative social phenomena aggravate other problems of society (increased costs in the sociological and economic spheres, criminalization of society, etc.). Due to the lack of life experience, young people are more susceptible to influence and are

increasingly drawn into the drug business through various information technologies, including the Internet, and become drug addicts. The existing sociological studies of the drug situation are aimed at assessing its general trends and do not focus on the state of specific population groups, especially the young. In this article, the author offers some methodological approaches to the study of the drug situation among young people in an individual Siberian region, which is characterized by low population density and a high level of urbanization. The article presents the findings of a study into the drug situation in the Krasnoyarsk Territory and suggests ways of preventing drug abuse among young people.

Keywords: drug situation, youth environment, monitoring, drug addiction, drug use, anti-drug campaign

For citation: Kalinichenko Y.N. 2025. Problem of Methodological Assessment of the Drug Situation among the Youth in an Individual Region on the Example of the Krasnoyarsk Territory: Sociological Aspect. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 401–409 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-401-409 EDN: NMMWTJ

Введение

В настоящее время в проблеме наркопотребления в молодежной среде наблюдаются некоторые изменения, касающиеся его причин и мотивов, которые ведут, в свою очередь, к замене старых форм наркопотребления новыми, не менее опасными. Современная молодежь не боится рисковать, принимать необоснованные решения, что ведет к увеличению опасности наркотизации молодежной среды. «Контролируемое» потребление наркотиков [Рыбакова, 2018] набирает обороты как новая тенденция в сфере наркопотребления в Российской Федерации. Вместе с тем наркотизация оказывает существенное влияние на социально-культурное состояние и развитие российского общества. Утрата молодежью системы ценностей, правильных жизненных ориентиров, напряженная политическая и экономическая ситуации как внутри страны, так и на международном уровне, привели к расширению списка социальных девиаций среди молодежи. Алкогольная, наркотическая, компьютерная и другие зависимости выступают извращенными формами адаптации к современным условиям жизни. Однако многие молодые люди с аддиктивным поведением в состоянии осознать проблему, с которой они столкнулись, понять, что нуждаются в помощи.

Для своевременного принятия эффективных управленческих решений участникам антинаркотической политики необходимо регулярно проводить социологические исследования в рамках ежегодного мониторинга наркоситуации. Эти исследования должны анализировать механизмы, динамику и тенденции распространения наркотизации как в обществе в целом, так и среди молодежи, и выявлять ключевые условия для противодействия наркопотреблению, а также определять оптимальные пути формирования антинаркотической культуры и пропаганды здорового образа жизни.

С 2018 года по сегодняшний день оценка восприятия россиянами масштабов распространения наркомании в стране демонстрирует отсутствие устойчивой (как положительной, так и отрицательной) динамики. В 2018–2019 гг. почти половина опрошенных (45–47 %) говорили о росте числа лиц, принимающих наркотики. На период пандемии 2021 года отмечен минимальный показатель (30 %), но в последние годы он вновь стал расти (2023 г. – 35 %), достигнув 38 % в 2024 году. Доля тех, кто не замечает изменений, остается довольно стабильной (14–17 %), как и доля тех, кто говорит о сокращении числа наркоманов (13–18 %). Высокий процент затрудняющихся с ответом на этот вопрос (22–40 %) указывает на определённую дистанцированность россиян от темы наркопотребления, отсутствие четких представлений о реальном масштабе проблемы. Это может объясняться как её латентным характером, так и недостаточной освещенностью в

публичном пространстве. По данным ВЦИОМ, среди молодежи до 24 лет каждый четвертый (25 %) полагает, что за последние несколько лет людей, принимающих наркотики, стало меньше (16 % среди всех россиян)¹.

Сравнение специфики потребления наркотиков в России и за рубежом показало следующее. Особенности наркопотребления и распространения новых психоактивных веществ (НПВ) в России и Германии имеют общие тенденции: схожую структуру потребителей наркотиков по половому и возрастному признакам (основная доля приходится на мужчин: в России в возрасте 18–29 лет, за рубежом – 16 лет – 24 года), мотивы, послужившие триггером наркопотребления (легко достать, сравнительно низкая цена), среда и окружение наркопотребителей [Werse, Müller, 2017]. Основными площадками для потребителей и распространителей наркотических средств в России и за рубежом являются онлайн-приложения и сервисы Skype, Jabber, WhatsApp, GoogleTalk, Telegram, Signal, Blackberry. Наркоманы как в России, так и в западных странах употребляют традиционные наркотики совместно с новыми формами. Для России, однако, более характерна полинаркомания. При этом потребители новых психоактивных веществ, как правило, имеют длительный опыт употребления традиционных наркотиков и отличаются склонностью к экспериментам с разными видами веществ [Позднякова, Брюно, 2019].

Согласно данным опросов среди молодежи и аналитическим оценкам специалистов, можно констатировать, что в России спрос на новые психоактивные вещества сохраняется на высоком уровне и продолжает расти, что представляет серьезную угрозу в условиях активного распространения пронаркотического контента в интернете. Социологические исследования девиантного поведения выявили трансформацию наркорынка и увеличение доли синтетических препаратов, особенно востребованных среди студентов. В 2011 и 2015 годах доля студентов, употреблявших наркотики, составляла 40 и 33 % соответственно, однако к 2018–2020 гг. этот показатель снизился до 22–25 %. Несмотря на наблюдаемое снижение потребления наркотиков среди студентов, наркодизайнерские эксперименты направлены именно на молодежь.

На Западе юноши в возрасте 16–24 лет значительно чаще, чем девушки потребляют НПВ. Согласно исследованиям среди молодежи различных стран, наибольшее число молодых людей, употребляющих НПВ, зарегистрированы в Ирландии, Эстонии и Польше (от 18 до 10 %); наименьшие показатели – в Бельгии, Финляндии, Норвегии и Португалии (по 1 %). Впервые в Литве и Словакии в 2014 году среди молодежи 15–34 лет был отмечен интерес к синтетическим каннабиоидам (1,5 и 0,5 % соответственно).

Активное насыщение наркорынка новыми, ранее неизвестными, наркотическими средствами и психотропными веществами не позволяет точно оценить масштабы проблемы наркотизации общества как в России, так и за рубежом. Согласно разным исследованиям, в Европе доля молодых людей, попробовавших наркотики, составляет от 4 до 10 %².

Оценка выборочной совокупности

Оценка наркоситуации в целом осуществляется в процессе ее ежегодного мониторинга, который представляет собой систему наблюдения за развитием ситуации в сфере оборота наркотиков и их прекурсоров, а также в области противодействия их

¹ ВЦИОМ. Наркотическая зависимость: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narkoticheskaja-zavisimost-monitoring-2> (Дата обращения: 20.04.2024)

² ESPAD Report 2015: Results from the European School Survey Project on Alcohol and Other Drugs // EMCDDA/ESPAD. Lisbon, September 2016. URL: http://www.emcdda.europa.eu/system/files/publications/3074/ESPAD_report_2015.pdf (Дата обращения: 22.04.2025).

незаконному обороту, профилактики немедицинского потребления наркотиков, лечения и медико-социальной реабилитации больных наркоманией¹. Основным слагаемым мониторинга является проведение социологических исследований по единой анкете в каждом из регионов Российской Федерации. Данный подход при сопоставлении полученных данных с результатами статистического анализа позволяет с высокой долей достоверности определить латентный показатель наркотизма. Поскольку статистический учет и опросные листы имеют индикаторы возраста пациентов и респондентов, появляется реальная возможность оценить и латентную составляющую наркотизма в молодежной среде – реальное вовлечение молодежи в употребление наркотических средств и психотропных веществ в немедицинских целях.

Основу эмпирического материала исследования состояния наркоситуации среди подростков и молодежи Красноярского края составили анкеты, заполненные респондентами от 14 до 35 лет, отобранные в ходе обработки массива всех опросных листов, заполненных населением от 14 до 60 лет. Таким образом, выборочная совокупность респондентов от 14 до 35 лет, проживающих на территории Красноярского края в наблюдаемый период (2022–2024 гг.), составила: 2022 год – 2 471 респондент, из которых женщин – 54,4 %, мужчин – 45,6 % (26,2 % от общего количества генеральной совокупности молодежи 14–35 лет); 2023 год – 1 965 респондентов, женщин и мужчин 52,6 и 47,4 % соответственно (25,9 % от общего количества молодежи 14–35 лет); 2024 год – 1 664 респондента, женщин и мужчин 53,8 и 46,2 % соответственно (25,5 % от общего количества молодежи 14–35 лет). В целом массив выборочной совокупности коррелирует с требованиями нормативных документов к выборке при проведении социологических опросов в ходе ежегодного мониторинга наркоситуации. Выборочная совокупность, в соответствии с рекомендациями Антинаркотического комитета Российской Федерации, должна составлять 0,1 % от численности населения региона². При анализе собранного эмпирического материала предоставляется возможность не только оценить в целом состояние наркотизации молодежной среды, но и выявить наиболее и наименее проблемные группы по следующим возрастным совокупностям: 14–17 лет, 18–20 лет, 21 год – 25 лет, 26–30 лет, 31 год – 35 лет. Данные выборочной совокупности по годам наблюдения из числа молодежи представлены в следующей табл. 1.

Таблица 1
Table 1

Выборочная совокупность респондентов по годам наблюдения
 (абсолютные/относительные величины)
 Sample population of respondents by years of observation (absolute/relative values)

Год	Количество респондентов, n (%)					Итого
	14–17 лет	18–20 лет	21 год – 25 лет	26–30 лет	31 год – 35 лет	
2022	264 (10,6)	167 (6,7)	158 (6,3)	255 (10,2)	331 (13,3)	1175
2023	248 (12,6)	147 (7,5)	184 (9,4)	203 (10,3)	248 (12,6)	1030
2024	151 (9,1)	84 (5,0)	142 (8,5)	199 (12,0)	150 (9,0)	726
Среднее значение	10,8 %	6,4 %	8,1 %	10,8 %	11,6 %	

¹ Положение о государственной системе мониторинга наркоситуации в Российской Федерации : утв. постановлением Правительства РФ от 20.06.2011 № 485. П. 2.

² Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах: Утверждены подпунктом 4.3 решения Государственного антинаркотического комитета (протокол от 25 июня 2021 г. № 48).

Социологический опрос населения Красноярского края в рамках ежегодного мониторинга наркоситуации проводился в соответствии с типовым техническим заданием¹, рекомендованным аппаратом Государственного антинаркотического комитета, что позволило использовать в работе аналитические материалы и статистическую отчетность практически всех субъектов, участвующих в мониторинге наркоситуации.

Социологические исследования позволяют выявить уровень наркотизации и отношения молодежи Красноярского края к проблемам наркомании; оценить наиболее значимые факторы обеспечения наркобезопасности, предложить конкретные меры по формированию в регионе антинаркотической политики, направленной на стабилизацию наркоситуации в молодежной среде, а в дальнейшем – способствовать формированию здоровой социальной среды, где нет места наркотикам и есть возможность получить поддержку со стороны ближайшего социального окружения².

Результаты и их обсуждение

Согласно Отчету о наркоситуации в Красноярском крае за 2024 год, число несовершеннолетних с наркологическими расстройствами составило 278 человек. Из расчета на 100 тыс. детского-подросткового населения показатель составил 44,3, что на 0,7 % выше показателя 2023 года (260 человек или 41,3 на 100 тыс.)³.

Таблица 2
Table 2

Количество несовершеннолетних с диагнозом наркомания
Number of minors diagnosed with drug addiction

Год	Количество несовершеннолетних, состоящих на учёте			Количество несовершеннолетних, зарегистрированных с диагнозом впервые		
	наркомания	употребление с вредными последствиями	всего	наркомания	употребление с вредными последствиями	всего
2022	7	20	27	2	9	11
2023	12	26	38	8	13	21
2024	8	25	33	4	13	21

С учетом возрастного критерия в 2024 году отмечены следующие изменения. Из общего числа зарегистрированных с наркологической патологией (278 человек) дети до 14 лет составляют 18 % (50 человек), подростки 15–17 лет – 82 % (228 человек). В сравнении с показателями 2023 года доля детей до 14 лет в 2024 году уменьшилась с 20,4 до 18 %. Доля несовершеннолетних в общей численности всех зарегистрированных с наркологическими расстройствами составляет: 2022 год – 1 %; 2023 год – 0,96 %; 2024 год – 1 %. В сравнении с 2023 годом структура общей заболеваемости несовершеннолетних всеми наркологическими расстройствами изменилась следующим образом: увеличилась доля потребителей алкоголя – с 71,9 до 78 % (со 187 человек до 217); уменьшилась доля

¹ Типовое техническое задание (регламент) на проведение социологического исследования в рамках мониторинга наркоситуации в субъектах Российской Федерации приведено в приложении № 2 к Методике

² Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах: Утверждены подпунктом 4.3 решения Государственного антинаркотического комитета (протокол от 25 июня 2021 г. № 48).

³ Доклад о наркоситуации в Красноярском крае в 2024 году

потребителей наркотических веществ – с 14,6 % до 11,9 % (с 38 человек до 33); токсических веществ – с 13,5 до 10,1 % (с 35 человек до 28) ¹.

В 2024 году в Красноярском крае, по сравнению с данными 2023 года, отмечается рост количества отравлений наркотическими веществами в группах детского населения 0–14 лет (табл. 3).

Таблица 3
Table 3

Количество отравлений наркотическими веществами среди молодого населения Красноярского края в 2022–2024 гг.
Rate of drug poisoning in the young population of the Krasnoyarsk Territory in 2022–2024 (by age)

Возрастная группа населения	Количество случаев на 100 тысяч населения		
	2022 год	2023 год	2024 год
0–14 лет	–	–	0,20 ± 0,19
15–17 лет	4,40 ± 2,20	1,10 ± 1,05	1,00 ± 1,00
18–19 лет	4,80 ± 2,77	13,00 ± 4,58	3,20 ± 2,28
20–29 лет	15,60 ± 2,28	17,80 ± 2,46	8,50 ± 1,70
30–39 лет	48,80 ± 3,13	38,30 ± 2,81	31,00 ± 2,58

В Красноярском крае специализированная наркологическая помощь населению организуется и предоставляется в соответствии с нормами, установленными приказом Минздрава России от 30.12.2015 № 1034н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю "психиатрия – наркология" и Порядка диспансерного наблюдения за лицами с психическими расстройствами и (или) расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ». В 2024 году оказание специализированной наркологической помощи несовершеннолетним в Красноярском крае осуществлялось в амбулаторных (врачами психиатрами-наркологами) и стационарных условиях.

Среди мотивов наркопотребления в немедицинских целях молодежью края выделяются личные негативные обстоятельства, неверие в себя и свои возможности. О наркотизации молодежи в Красноярском крае говорит факт употребления ими наркотиков в повседневной жизни. Актуальным становится вопрос вовлечения наркоторговцами новых наркопотребителей. Преступники прибегают к разным способам склонения молодежи к употреблению запрещенных веществ, активно расширяя рынок сбыта. В частности, они используют методы психологического воздействия, выстраивая эмоциональную связь и формируя ложное чувство доверия.

В 2024 году угроза приобщения молодежи к наркопотреблению по-прежнему высока, что существенно подрывает наркобезопасность в обществе. Согласно данным опроса, в 2024 году 4,4 % респондентов признались в употреблении наркотиков, что на 0,7 % больше, чем годом ранее. Данный факт свидетельствует о тенденции к увеличению числа лиц, пробовавших наркотические вещества.

¹ Информационно-аналитическая справка по итогам мониторинга наркоситуации в Красноярском крае за 2024 год.

В ответах респондентов на вопрос: «Какие причины привели Вас к тому, что Вы употребляете (употребляли) наркотики?», в качестве причины наиболее часто называлась глупость (21,3 %). Отсюда можно сделать вывод о том, что при планировании профилактических антинаркотических мероприятий следует учитывать положения концепции ограниченной рациональности. Рациональность человека ограничена: 1) нехваткой информации (её сбор требует материальных и временных затрат); 2) способностями к её анализу и 3) качеством выводов. Даже обладая всеми данными, люди не всегда успевают или умеют их правильно применить.

Показательны ответы опрошенных молодых людей Красноярского края о доступности наркотиков: 43,5 % респондентов считают, что достать наркотики сравнительно легко (28,3 %) или очень легко (15,2 %).

Заключение

По мнению молодежи Красноярского края, опрошенной в рамках социологических исследований наркоситуации в формате ежегодного мониторинга, состояние проблемы носит стабильный характер. Вместе с тем наблюдается некоторая активизация распространителей наркотиков среди несовершеннолетних. Однако, благодаря эффективным профилактическим мероприятиям среди подростков, отмечается их устойчивость к предложениям пробы наркотиков.

Организация профилактической антинаркотической работы осуществляется в соответствии со Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23.11.2020 № 733, Концепцией профилактики употребления психоактивных веществ в образовательной среде на период до 2025 года, утвержденной 21.06.2021 статс-секретарем – заместителем Министра просвещения Российской Федерации А.А. Корневым. Также в основе профилактической антинаркотической работы, проводимой в крае, лежит региональное законодательство.

Профилактику наркомании в крае следует проводить в отношении всего населения, при этом отдавая приоритет следующим категориям:

- обучающихся в общеобразовательных организациях, в том числе относящихся к группе риска;
- родителей (законных представителей) несовершеннолетних группы риска;
- лиц с девиантным поведением, склонных к аддиктивному поведению и состоящих на учете в органах внутренних дел в специализированных наркологических диспансерах Министерства здравоохранения России;
- лиц, эпизодически потребляющих наркотические средства, психотропные вещества, без признаков сформированного заболевания, членов их семей и социального окружения;
- больных наркоманией, нуждающихся в лечении и реабилитации, членов их семей и социального окружения;
- лиц, привлекавшихся к административной ответственности за правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов;
- лиц, отбывших наказание за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Особого внимания заслуживает молодежь возрастной группы 14–25 лет. Среди основных мер противодействия распространению наркомании выдвигаются меры принудительного характера – ужесточение наказания за наркопреступления и принудительное лечение наркоманов, расширение работы с молодежью. В рамках первичной профилактики необходимо формировать в обществе негативное отношение к

употреблению алкоголя и наркотиков через продвижение социально-позитивных стандартов жизни человека; повышать уровень компетентности родителей и квалификации специалистов, работающих с детьми, несовершеннолетними и молодежью и осуществляющих деятельность по антинаркотической профилактике.

Ключевым элементом стратегии противодействия наркопотребления и наркопреступности на долгосрочную перспективу является создание безопасной информационной среды, где молодые люди будут защищены от влияния пропаганды наркотиков. Это требует не только технических мер, таких как блокировка запрещенного контента, но и активной просветительской работы, направленной на развитие критического мышления и умения противостоять манипуляциям.

Необходимо использовать такие формы профилактической работы, как интеллектуальные, интерактивные игры, квесты, квизы, которые направлены на формирование личностных ресурсов, обеспечивающих развитие жизненного стиля с доминированием ценностей здорового образа жизни, действенной установки на отказ от приема психоактивных веществ. Целесообразно использовать опыт молодежного антинаркотического движения Сибирского юридического института МВД России как образовательной организации, осуществляющей подготовку полицейских, работающих в подразделениях по контролю за оборотом наркотиков.

Кроме того, необходимо совершенствовать методологическую основу изучения наркоситуации в регионе и обществе, возможно целесообразно с учетом современных реалий пересмотреть организацию и периодичность проведения социологических исследований, являющихся неотъемлемой частью ежегодного мониторинга.

Список литературы

- Рыбакова Л.Н. 2018. Контролируемое потребление наркотиков: феномен и конструкт. *Теория и практика общественного развития*. № 12: 40-48.
- Позднякова М.Е., Брюно В.В. 2019. Изучение наркоситуации в России и за рубежом: сравнительный анализ. В кн.: Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.17. М., Новый Хронограф: 202-249.
- Позднякова М.Е., Брюно В.В. 2019. Изучение наркоситуации в России и за рубежом: сравнительный анализ. В кн.: Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.17. М., Новый Хронограф: 202-249.
- Масленникова Н. Ю., Слинкова О.К. 2014. Понятие и сущность мониторинга с позиции системного подхода. *Science time*: 555–558.
- Werse B., Müller D. 2017. NPS-Konsum in Deutschland – Ein Überblick über die Verbreitung von neuen psychoaktiven Substanzen, Konsumierendengruppen und Konsummotivationen zum Zeitpunkt der Einführung des NpSG. *Suchttherapie. July*. № 18 (4). DOI: 10.1055/s-0043–112066
- Werse B., Müller D. 2017. NPS-Konsum in Deutschland – Ein Überblick über die Verbreitung von neuen psychoaktiven Substanzen, Konsumierendengruppen und Konsummotivationen zum Zeitpunkt der Einführung des NpSG. *Suchttherapie. July*. № 18 (4). DOI: 10.1055/s-0043–112066.

References

- Rybakova L.N. 2018. Kontroliruyemoye potrebleniye narkotikov: fenomen i konstruk [Controlled drug use: phenomenon and construct]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. №12: 40-48.
- Pozdnyakova M.Ye., Bryuno V.V. 2019. Izucheniye narkosituatsii v Rossii i za rubezhom: sravnitel'nyy analiz [Study of the drug situation in Russia and abroad: comparative analysis]. In: Rossiya reformiruyushchayasya: yezhegodnik: vyp.17 [Russia under reform: yearbook: issue 17]. М., Novyy Khronograf: 202-249.
- Pozdnyakova M.Ye., Bryuno V.V. 2019. Izucheniye narkosituatsii v Rossii i za rubezhom: sravnitel'nyy analiz [Study of the drug situation in Russia and abroad: comparative analysis]. In: Rossiya

reformiruyushchayasya: yezhegodnik: vyp.17 [Russia under reform: yearbook: issue 17]. М., Novyy Khronograf: 202-249.

Maslennikova N. YU., Slinkova O.K. 2014. Ponyatiye i sushchnost' monitoringa s pozitsii sistemnogo podkhoda [The concept and essence of monitoring from the perspective of a systems approach]. *Science time*: 555–558.

Werse B., Müller D. 2017. NPS-Konsum in Deutschland – Ein Überblick über die Verbreitung von neuen psychoaktiven Substanzen, Konsumierendengruppen und Konsummotivationen zum Zeitpunkt der Einführung des NpSG. *Suchttherapie. July*. № 18 (4). DOI: 10.1055/s-0043–112066

Werse B., Müller D. 2017. NPS-Konsum in Deutschland – Ein Überblick über die Verbreitung von neuen psychoaktiven Substanzen, Konsumierendengruppen und Konsummotivationen zum Zeitpunkt der Einführung des NpSG. *Suchttherapie. July*. № 18 (4). DOI: 10.1055/s-0043–112066.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported

Поступила в редакцию 27.09.2024

Received September 27, 2024

Поступила после рецензирования 27.12.2024

Revised December 27, 2024

Принята к публикации 30.05.2025

Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Калиниченко Яна Николаевна, научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Россия.

Yana N. Kalinichenko, Research Fellow of the Research and Editorial and Publishing Department, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

УДК 261

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-410-416

EDN НКФМРЗ

Церковь и мир: их антиномичность в библейском и богословском понимании

¹ Анашкин И.С., ² Лопин Р.А.

¹ Белгородская Православная Духовная семинария (с миссионерской направленностью),
Россия, 308009, г. Белгород, Белгородский пр-т, д. 75

³ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
vm.psl.nick@gmail.com, lopin@bsuedu.ru

Аннотация. Рассмотрены понятия «Церкви» и «мира», их антиномичность, библейское и богословское содержание, необходимые аскетические принципы в их взаимоотношении, а также проблема христианского отречения от внешнего мира и необходимость для этого получения внутреннего, Божьего мира. Такой путь постоянного внешнего отречения при постоянном внутреннем духовном поиске в православном понимании определяется как деятельное искание христианином воли Божией ради её осуществления в своей жизни. Вопросы отношений Церкви и мира невозможно правильно рассмотреть вне библейского и особенно евангельского контекста. Сам по себе секуляризационный подход не предусматривает какого-то одного строго установленного внешнего авторитета. На эту роль может претендовать наука или идеология, «объективный» исторический процесс или требования прогресса и многое другое. Религиозный подход, наоборот, предусматривает строго заданную иерархию ценностей и духовных практик, их реализацию. Христианство основывается на Откровении Божьем, через Свою Церковь Бог открывает христианам правильное понимание происходящего вокруг в его духовных аспектах, в духовных закономерностях и своих незыблемых установлениях. Через такие базовые религиозные понятия христианин может вести свою духовную жизнь, относиться к окружающему его мироустройству, определять в нем свою роль, оценивать происходящее и выбирать необходимое действие.

Ключевые слова: Христианство, Священное Писание, Церковь, мир, отречение от мира, мир Божий, стяжание мира

Для цитирования: Анашкин И.С., Лопин Р.А. 2025. Церковь и мир: их антиномичность в библейском и богословском понимании. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 50(2): 410–416. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-410-416 EDN: НКФМРЗ

The Church and the World: their Antinomianism in the Biblical and Theological Understanding

¹ Ivan S. Anashkin, ² Roman A. Lopin

¹ Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary orientation),
75 Belgorodsky Ave., Belgorod 308009, Russian Federation;

² Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation

vm.psl.nick@gmail.com, lopin@bsuedu.ru

Abstract. The issues of relationship between Church and the world cannot be properly considered outside the biblical and especially evangelical context. The secularization approach does not provide for any

single strictly established external authority. This role can be claimed by science or ideology, an "objective" historical process or the demands of progress, and many more. On the contrary, the religious approach provides for a strictly defined hierarchy of its values, spiritual practices, and their implementation. Christianity is based on the Revelation of God, and through His Church, God reveals to Christians a correct understanding of what is happening around them in its spiritual aspects, in spiritual patterns, and in his unshakable institutions. Through such basic religious concepts, Christians can lead their spiritual life, build relationships with the world around them, determine their roles in it, assess what is happening, and choose the necessary course of action. This article examines the concepts of "Church" and "world", their antinomianism, their biblical and theological content, and the necessary ascetic principles in their relationship. In addition, the authors investigate the problem of Christian renunciation of the external world and the need to achieve the inner, God's world, for this purpose. In the Orthodox understanding, such a path of constant external renunciation accompanied by constant inner spiritual search is defined as an active search by a Christian for the God's will for the sake of its implementation in their lives.

Keywords: Christianity, the Holy Scriptures, the Church, the world, renunciation of the world, the peace of God, the acquisition of peace

For citation: Anashkin I.S., Lopin R.A. 2025. The Church and the World: their Antinomianism in the Biblical and Theological Understanding. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 410–416 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-410-416 EDN: HKFMRZ

Введение

В церковно-славянском языке разность смыслов одного слова «мир» сохранялась не только за счет контекста, но и самого написания: слову «κόσμος» соответствовало «міръ», а слово «εἰρήνη» – переводилось как «миръ» [Дьяченко, 1993, с. 307]. Это же написание двух разных слов сохранялось и в дореволюционной орфографии русского языка. Даже сегодня в церковной публицистике иногда принято оставлять этот акцент в написании слова «мір» (внешнего к Церкви пространства) – не только для явного разграничения смысла, но и как бы выделяя его инородность вообще для христианского восприятия, его враждебность и саму необходимость бдительного распознавания. Одно из самых известных евангельских мест, читаемое если не как игра слов, то как явное противопоставление обманчивого их сходства, в оригинале, оказывается, совсем не имеет в себе этого употребления: «*Мир (εἰρήνην – покой) оставляю вам, мир (εἰρήνην – покой) Мой даю вам; не так, как мир (κόσμος) дает, Я даю вам*» (Ин. 14:27). Κόσμος чаще всего означает внешнее пространство жизни, самое широкое окружение и среду обитания, в библейском смысле это обозначение мира как вообще творения Божиего. С другой стороны, этому противостоит εἰρήνη, переводимое на русский язык в значении состояния мира-покоя, достигнутого или дарованного.

Помимо главного отличия этих слов как описания внешнего и внутреннего, они содержат в себе и необходимое сходство в своих значениях «порядка» и «гармонии». Мир, понимаемый как внешнее устройство, даже будучи всецело поврежден после грехопадения, будучи постоянно движимый во всем к тлению, истощению, разрушению, в это же время играет роль издерживающей грех и зло силы, роль внешнего упорядочения. Существование этого мира определено действием необходимых законов, заданностью условий для поддержания жизни и её воспроизведения, иерархичностью, которая, скорее, проявляется как взаимоподчинение всего и взаимозависимость. Это понимание для христиан является частью важного исповедания Бога Творцом, а вместе с тем и Вседержителем Своего творения: «Бог называется Вседержителем потому, что Он всё, что ни есть, содержит в Своей силе и в Своей воле» [Пространный..., 2006, с. 21]. «Мы признаем, исповедуем, что Бог сотворил мир видимый и невидимый, – что Он все сотворенное содержит в своей власти и всем управляет, или короче: исповедуем Бога Творцом и Промыслителем мира» [Полное собрание..., 1993, с. 22], – говорит св. Иоанн

Кронштадтский и продолжает: «У Премудрого Создателя везде мы видим порядок: и на небе – между светилами небесными, которые своею чередою восходят и заходят, двигаясь в постоянном порядке и никогда не сбивая с пути друг друга, хотя и целые тысячи лет двигаются по небу; и на земле, как в неодушевленной природе, так и в одушевленной; порядок, подчинение заметны особенно между некоторыми животными, не говоря уже о людях, у которых порядок, подчиненность друг другу современны началу человеческого рода» [Полное собрание..., 1993, с. 32].

Мир Божий и мир, не познавший Бога: толкование Церкви

Мир в христианском мировоззрении в своем несовершенном состоянии, а иногда и в попущении к своему прямо греховному и богоборческому переустройству, даже в этом случае несет в себе смысл удержания сил хаоса в ясном содержании этого разделения на добро и зло, их опознания для борьбы и испытания. Смотри на внешний мир, христианин по праву называет его «миром» не только как творение Божие, имеющее и сейчас на себе явную печать первозданных гармоний и умиротворения – созданное «*хорошо весьма*» (Быт, гл. 1); но и как примирение в Промысле Божиим действующих в нем и сейчас разнообразнейших сил. Часть такого рода примирения для человека – это наказ ему (как творению), который не выходит за положенные рамки земного существования, за определенные ему пределы условий и обстоятельств, в которых человек только и может бороться со грехом, злом и несовершенством как в себе самом, так и действуя в этой борьбе на свое окружение. Мир в таком случае представляется именно как поле борьбы и сражения по той причине, что помимо всеобщих законов окружающей среды или заданных инстинктов поведения живых существ в мире существует свобода и разумность, как бы отделенная от всего мира своим даром. В человеке – это осуществляется как образ Божий, данный ему для возрастания в любви, для уподобления Богу. Для злых духов – это свобода и разумность, постоянно действующая к богоборческим устремлениям, к постоянному склонению ко греху человека, прямо ненавидимого ими. Для того чтобы человеку не становиться частью этого внешнего мира, не идти на поводу у искушающей его злой воли, а при этом держаться послушания своему изгнанию в земную жизнь, ему необходим другой мир – «*Мир Божий ...превыше всякого ума*» (Флп. 4:7), – «Он несравненно выше того мира, который люди способны создавать собственными усилиями» [Основы..., 2001, с. 61]. Высший мир, который по своему действию сильнее законов мира внешнего, не только помогает выжить и понять, как правильно действовать (то есть исполнять волю Божию), но и сам по себе является видом богообщения, возможностью причастия к божественной вечности ещё на земле. В этом смысле верующий человек должен с одной стороны отречься от внешнего – «*сего мира*», как живущего во грехе и по греховным законам, но с другой же стороны, должен внешне подчиняться тому, как в этом мире взаимосвязано все вокруг в действии Божиего Промысла. На этом принципе строится и православное понимание подчинения гражданским властям, и аскетическое понимание необходимости послушания, и сотериологическое учение о спасительности для каждого именно в возникающих обстоятельствах всеблагото Промысла. Выход же вообще из греховного мира для человека возможен только единственным образом – это стяжание мира от Бога: «*мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам*» (Ин. 14:27).

В христианстве Ветхий и Новый Заветы – это, прежде всего, заветы мира. Дохристианское библейское понимание Завета мира (Числ. 25:12, Ис. 54:10, Иез. 34:25, Мал. 2:5), а также протоевангелия о Христе как Примирителе (Быт. 49:10) были лишь прообразами наступившего позже истинного мира в Новом завете. И лишь во Христе наступившее примирение «*земного и небесного*» произошло «*Кровью креста*» (Кол. 1:20), когда: «*...оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа*» (Рим. 5:1), «*Бог во Христе примирил с собою мир, не вменяя людям*

преступлений» (2 Кор. 5:9-20) и также: «Ибо благоугодно было [Отцу], чтобы в Нем обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его примирить с Собою все» (Кол. 1:19). Эта новозаветная «Слава в вышних Богу, мир на земле и благоволение в человеках» (Лк. 2:14), преподаваемые верующим как «мир» (Ин. 20:19, 21, 24, 26; Лк. 9:28; Мф. 17:1), доступны христианам уже в наше время через жизнь Церкви, которая, впрочем, и сама, как истинный мир, исполнится только в Будущем веке (см. Откр. 21). Но при этом необходимо отметить, что в Евангелии говорится также и об одном – именно Божьем, а не внешнем мире, – но действующем совершенно противоположно на разных людей и их сообщества. Так, например, два разных евангельских отрывка используют одно и то же слово «εἰρήνη» как мир-покой, но при этом как будто противоположны друг другу по смыслу – ведь в одном из них (рассмотренном выше) Господь говорит, что Он «даёт мир» (Ин. 14:27), а в другом, наоборот, что Он совсем «не мир принес» (Мф. 10:34) к людям, но именно разделение.

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10:34). Господь здесь говорит ученикам об этом разделении, чтобы, как учат святые отцы, Апостолы видели свой дальнейший путь как путь борьбы и отречения от всех видов греха и неправды, чтобы они не соблазнились ложным желанием «быть со всеми в мире». Такой лишь внешний мир не угоден Богу, происходит не от Него, но от жизни по законам другого, греховного мира. Хотя св. ап. Павел говорит: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим. 12:18), но здесь же и подразумевается именно внутренне ненарушение мира, не поддаваться страстям даже и в отношении тех, кто враждует на тебя. Это вовсе не означает соглашаться с ними или любыми способами сохранять подобные отношения в неправде. Иногда же это мирствование не может со всеми выглядеть внешне таковым, как пишет свт. Феофан Затворник: «Но бывают случаи, когда истина попирается и правда нарушается. Заповедь велит заступиться за неправо обижаемого и отстаивать истину; между тем ни того, ни другого нельзя исполнить, не возбудив разлада. Как быть? Мужественно стой за истину и защищай обидимого; но в сердце будь мирен с тем, против кого восстаешь за истину и правду» [Феофан Затворник, свт., 2023, с. 336]. Святитель Иоанн Златоуст разъяснял это же в толковании на рассматриваемые слова из Мф. 10:34: «Единомыслие не всегда бывает хорошо: и разбойники бывают согласны. ...Сам Христос хотел, чтобы все были единомысленны в деле благочестия; но как люди разделились между собою, то и произошла брань. ...Не мир пришел Я принести – чем самым утешает их. Не думайте, говорит, что вы виноваты в этом: Я это делаю, потому что люди имеют такие расположения...» [Иоанн Златоуст, свт., 2022, с. 456]. Также говорит об этом и блаж. Иероним Стридонский: «По вере в Христа весь мир разделился [и восстал] сам против себя: каждый дом имел и верующих, и неверных, и вследствие этого [на землю] послана добрая война, чтобы прекратился худой мир» [Толкование на От Матфея 10:34...]. Толкователь Евфимий Зигабен пишет о том, что именно является этим разделяющим мечом Евангелия: «...Мечом называет любовь к Нему, которая разделяет верующих от неверующих и непобедимой силой которой связанные самой дорогой любовью скоро разорвали взаимное сообщение и легко разлучились» [Толкование на От Матфея 10:34...].

Действительно, именно любовь к Богу становится причиной разделения среди людей, так как превосходящая ее у неверующих любовь к миру не позволяет им быть в единонравии с христианами по различию их внутреннего устройства и по направлению самих дел и поступков. Отсутствие в окружающем мире любви к Богу – «Мир Его не позна» (Ин. 1, 10) – объясняется свт. Иоанном Златоустом так: «Сказав же о непознавших Его, евангелист вкратце излагает и причину этого неведения; говорит не просто: никто не познал Его, но: мир Его не познал, то есть люди, преданные одному миру и только о мирском помышляющие... потому что ничто не приводит в такое расстройство рассудок, как привязанность к предметам временным. Зная это, удаляйтесь, сколько возможно,

от мира и воздерживайтесь от дел плотских; от них происходит потеря не в случайных, а в самых высших благах» [Толкования стиха Ин. 1:10...]. Такая невозможность мирного (то есть бесконфликтного и вообще спокойного) пребывания в мире верующим в самом Священном Писании прямо указывается как не случайность, а признак призвания в веру: «Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15:19). И в этом же для верующих должно быть необходимое обетование будущей жизни с Господом, Который сказал: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18:36), а «Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17:21).

Чтобы ради этого стяжания внутреннего и божественного мира выйти на внутреннюю же борьбу с реальным миром, противостоящим Богу (а не его абстрактным описанием, собирательным и отвлеченным образом), необходимо обратиться к пониманию того, что вообще есть мир в самом общем своем смысле. У святителя Тихона Задонского так перечисляются смыслы, которые могут скрываться за общим наименованием: «1) Мир разумеется за весь небесный и земный круг, в котором все созданные вещи заключаются. Тако разумеется оное слово: "в мире бе, и мир Тем бысть" (Ин.1:10); 2) Мир означает за лучшую мира сего часть, то есть человека. О сем мире глаголет Христос: "так возлюби Бог мир" (Ин. 3:16-17) и проч.; 3) Мир берется за все, что в мире сем улаждает и увеселяет нашу плоть, разжигает похоть ея, и от Христа отводит и ведет к вечной погибели. О сем глаголет Апостол: "все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть" (1 Ин. 2:16); 4) Мир приемлется за людей, которые, своим прихотям работая, не хотят истины евангельской принять и последовать. Сей мир означает Христос, глаголя Апостолам: "аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде" (Ин. 15:18)» [Иоанн (Маслов), схиархим., 2003. с. 518]. Из этого общего определения становится понятно и правильное отношение верующих к миру. Мир необходимо любить как творение Божие, необходимо любить мир как всех людей, за которых Господь Иисус Христос приносит Себя в жертву; мир, как людей противящихся Богу и враждующих на верующих в Него, – надо терпеть и любовью видеть в них тот общий человеческий и утраченный во грехе мир, Богом от начала возлюбленный и искупленный; а совершать это возможно не иначе, как постоянно очищая свое сердце, то есть противостоя миру именно в последнем его смысле – через понимание аскетического отречения от мира. В этом же смысле заповеданная вражда на мир необходима человеку как самоотречение, о котором преп. Исаак Сирийский пишет: «Надлежит тебе сначала понять и узнать, по понятиям не простонародным, но чисто разумным, что значит самое наименование – мир, из каких различий слагается сие имя, и ты в состоянии будешь узнать о душе своей, сколько далека она от мира, и что примешено к ней от мира. – Мир есть имя собирательное, обнимающее собою то, что называется страстями. Когда в совокупности хотим наименовать страсти, называем их миром; а когда хотим различать их по различию наименований их, называем их страстями» [Исаак Сирийский, 2008.]. Даже и в таком аскетическом делании содержится несколько своих собственных смыслов различного отречения от мира: это и вещественное воздержание и удаление от соблазнов, это и терпение ненависти окружающего мира, которая всегда для подвигающихся последует за их выбором, это и борьба с самим собой, то есть со страстями, а значит и самим плотским мудрованием. Именно плотское мудрование, то есть ум, прекративший свою духовную жизнь и как бы ставший плотью, и является тем «миром», враждующим на Бога, – который уже действует на человека и изнутри, и со вне, и превращает иногда самих людей в такой «мир». Как пишут святые отцы во многих своих наставлениях, запрещение угождать себе через усилие воли (против самолюбия, славолубия, сластолюбия, сребролюбия, корыстолюбия) не только дает человеку такую аскетическую тренировку в правильности образа жизни или укрепление во внешних добродетелях, но служит намного большей цели изменения самого человеческого ума, перестраивая его с самоугождения на угождение Богу, превращая тем

самым ум человека в «ум Христов» (1 Кор. 2:16). Воля Божия – её поиск, познание и исполнение – и является таким двойным деланием: с одной стороны, послушанием и подчинением происходящему во внешнем мире как Божию Промыслу, а с другой – волевое усилие исполнения Божиих заповедей в этих внешних обстоятельствах мира. Отречение же от мира в духовной борьбе с самим собой и приходящими искушениями происходит не иначе как через стяжание мира уже другого – благодати Святого Духа, очищающей и обновляющей человека на спасительном пути. Вся разность смыслов и контекстов, возможной игры слов и т. п. собирается здесь в понятии единственно необходимого делания: познания и исполнения воли Божией. Этого делания как вообще смысла человеческой жизни и его высшего предназначения. Именно об этом условии спасения, а не о простом перечислении необходимого количества добродетелей, говорит Евангелие: «*Не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи! войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного*» (Мф. 7:21). Происходит это потому, как объясняет свт. Игнатий (Брянчанинов), что «воля наша, в состоянии падения, враждебна воле Божией... Когда усилия ее останутся безуспешными, она приводит человека в раздражение, в негодование, в смущение, в огорчение, в уныние, в ропот, в хулу, в отчаяние» [Практическая энциклопедия..., 2013. с. 27]. А исправляется это, как говорит свт. Игнатий (Брянчанинов), через духовную борьбу человека: «Обученные внутренними бранями познают всесвятую волю Божию, мало-помалу научаются пребывать в ней. Познание воли Божией и покорность ей служат для души пристанищем. Душа обретает в этом пристанище спокойствие и извещение о своем спасении» [Практическая..., 2013].

Заключение

В заключении можно представить слова свт. Феофана Затворника, которыми, как и итогом проведенного исследования, раскрывающим библейско-богословское содержание понятия «мира», антиномичности «Церкви» и «мира», он утверждает верующих на пути отвержения мира и стяжания мира: «*Мир проходит, и похоть его* (1 Ин. 2:17). Кто этого не видит? Все течет вокруг нас: явления, лица, события, и мы сами течем. Течет и похоть мирская: едва вкусим сладость от удовлетворения ее, как исчезает и та и другая. Гонимся за другой – и с тою, то же; гонимся за третьей – опять то же. И ничто не стоит, все приходит и уходит. Что же? Неужели нет ничего постоянного?! Есть, продолжает апостол: *Исполняющий волю Божию пребывает вовек* (1 Ин. 2:17). Этот текучий мир чем держится? Хочет Бог и он стоит. Воля Божия – непоколеблемая и несокрушимая его основа. Так и из людей; кто станет твердо в воле Божией, тотчас делается стойким и твердым. ...Начавшись здесь, этот глубокий мир и безмятежность перейдут и в другую жизнь – и там пребудут вовеки. Вот что есть среди общего течения вокруг нас – не текущего и постоянного в нас: хождение в воле Божией» [Феофан Затворник, 2019, с. 29].

Список источников

- Дьяченко Г. прот. 1993. Полный церковно-славянский словарь. Репринтное воспроизведение издания 1900 г. М., Издательский отдел Московского Патриархата, 1129 с.
- Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. 2001. М., Московский Патриархат. Священный Синод Русской Православной Церкви. Отдел внешних церковных связей, 128 с.
- Практическая энциклопедия: Основы правильной духовной жизни / Свт. Игнатий (Брянчанинов), 2013. СПб., Сатисъ, 335 с.
- Пространный христианский Катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви. Составлен митрополитом Филаретом (Дроздовым). 2006. Переиздание. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 104 с.
- Толкование на От Матфея 10:34 – толкование отцов церкви. [Электронный ресурс] – URL: <https://bible.by/fater/40/10/34/> (дата обращения: 19.01.2025)
- Толкования стиха Ин. 1:10 – Новый Завет – Синодальный перевод Библии [Электронный ресурс] – URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Jn.1:10> (дата обращения: 19.01.2025)

Список литературы

- Иоанн Златоуст свт. 2022. Толкование на Евангелия от Матфея. В 2-х томах. Т. 1. Беседы 1-41. М., Правило веры, 672 с.
- Иоанн (Маслов). схиархим. 2003. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. М., САМШИТ-ИЗДАТ, 1200 с.
- Исаак Сирий. преп. 2008. Слова подвижнические. Сергиев Посад, Изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 632 с.
- Полное собрание сочинений прот. Иоанна Ильича Сергиева. Т. 1. 1993, Репринтное издание. СПб., Издательство Д.С. Яковлевой, 528 с.
- Феофан Затворник. 2019. Мысли на каждый день года. М., Эксмо, 576 с.
- Феофан Затворник. свт. 2023. Толкование послания апостола Павла к Римлянам В 2-х томах. Т.2. (главы 9-16). М., Правило веры, 544 с.

References

- St. John Chrysostom, 2022. Interpretation of the Gospel of Matthew. In 2 volumes. Vol. 1. Conversations 1-41. Moscow, Rule of Faith, 672 p.
- John (Maslov). schiarchim. 2003. Symphony based on the works of St. Tikhon of Zadonsk. Moscow, Boxwood Publishing House, 1200 p.
- Isaac the Syrian. The Rev. 2008. The words are ascetic. Sergiev Posad, Ed. Holy Trinity Sergius Lavra, 632 p.
- The complete works of prot. John Ilyich Sergiev. Vol. 1. 1993, Reprint edition. St. Petersburg, Publishing House of D.S. Yakovleva, 528 p.
- Theophan the Recluse. 2019. Thoughts for every day of the year. Moscow, Eksmo, 576 p.
- Theophan the Recluse. St. 2023. The interpretation of the Epistle of the Apostle Paul to the Romans In 2 volumes. Vol. 2 (chapters 9-16). Moscow, Rule of Faith, 544 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.11.2024

Поступила после рецензирования 20.02.2024

Принята к публикации 30.05.2025

Received November 20, 2024

Revised February 20, 2024

Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Анашкин Иван Сергеевич, магистрант Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), г. Белгород, Россия.

Ivan S. Anashkin, Postgraduate Student of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary orientation), Belgorod, Russia.

Лопин Роман Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет г. Белгород, Россия.

Roman A. Lopin, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 791.2(73); 316.774

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-417-426

EDN HUPYVA

Сопряжение идейного и художественного в кинематографе США первой половины XX века

Беда В.Г.

Южный федеральный университет,
Россия, Ростов-на-Дону, 344006, ул. Большая Садовая, д. 105/42
vbeda@sfedu.ru

Аннотация. На примере ключевых фильмов США первой половины XX века — «Рождение нации» (1915) Дэвида Уорка Гриффита, а также «Новые времена» (1936) и «Великий диктатор» (1940) Чарльза Спенсера Чаплина — показано, как кинематограф США, объединяя идейную и художественную составляющие, создавал произведения, которые формировали национальную идентичность и способствовали консолидации американской нации. Анализируются монтажные приемы режиссёров, ряд других творческих стратегий, а также роль звука как новой технологии в этих фильмах. Учитывается социально-исторический контекст: благополучная эпоха «ревущих двадцатых», экономически тяжёлые 1930-е годы (Великая депрессия) и начало Второй мировой войны. Сделан вывод о том, что, что фильмы, сочетающие художественность и идейность, являются эффективной «мягкой силой» в идейной пропаганде, в отличие от прямого диктата.

Ключевые слова: кинематограф США, идейное и художественное, Голливуд, культурные мифы, национальная идентичность

Для цитирования: Беда В.Г. 2025. Сопряжение идейного и художественного в кинематографе США первой половины XX века. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 417–426. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-417-426 EDN: HUPYVA

The Coupling of Ideological and Artistic in the USA Cinema of the First Half of the Twentieth Century

Vadim G. Beda

Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don 344006, Russian Federation
vbeda@sfedu.ru

Abstract. The article is focused on the use of ideological and artistic principles in the USA cinema of the first half of the 20th century exemplified by key films of this time – “The Birth of a Nation” (1915) by David Wark Griffith, as well as “New Times” (1936) and “The Great Dictator” (1940) by Charles Spencer Chaplin. The paper analyzes how the country’s cinema combined ideological and artistic components to create works that shaped national identity and contributed to the consolidation of the American nation. The author explores the editing techniques used by the directors represented, a number of other creative strategies, and the role of sound as a new technology in these films. The socio-historical context is taken into account: the prosperous era of the Roaring Twenties, the economically difficult 1930s (the Great Depression), and the beginning of World War II. It is

stressed that films combining artistry and ideology are an effective “soft power” in ideological propaganda, as opposed to explicit dictate.

Keywords: USA cinema, ideological and artistic, Hollywood, cultural myths, national identity

For citation: Beda V.G. 2025. The Coupling of Ideological and Artistic in the USA Cinema of the First Half of the Twentieth Century. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 417–426 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-417-426 EDN: HUPYVA

Кинематограф первой половины XX века представляет собой уникальный феномен, так как он стал новым массовым искусством, прежде всего благодаря охвату аудитории. Кино с момента своего появления привлекло внимание гораздо большего числа людей, чем любая другая форма искусства, и, конечно, было использовано для распространения различных идеологий, формирования коллективных представлений и идейных предпочтений. В условиях социальных потрясений, таких как Великая депрессия и мировые войны, Голливуд не только развлекал зрителей, но и конструировал систему идейных предпочтений.

«Рождение нации» Гриффита

Фильм Д.У. Гриффита «Рождение нации» (1915) стал не только кинематографическим прорывом, но и таким культурным феноменом, который отразил глубокий мировоззренческий раскол американского общества начала XX века. К моменту выхода картины США переживали сложный период «реконструкции» после Гражданской войны (1861–1865), когда попытки интеграции Юга в общенациональное пространство сопровождались усилением расовой сегрегации. Законы Джима Кроу¹, принятые в 1870-х годах и закрепленные решением Верховного суда по делу «Плесси против Фергюсона» (1896), легитимизировали принцип «раздельных, но равных» прав, что на практике означало системное угнетение афроамериканцев. Параллельно в обществе сохранялся миф о «Потерянном деле Юга» (Lost Cause), идеализирующий Конфедерацию и оправдывающий рабство как «естественный порядок».

Гриффит, сын ветерана-конфедерата, вырос в атмосфере ностальгии по «старому Югу». Как отмечает Том Ганнинг², монтаж Гриффита создает нарративную систему, которая не только развивает сюжет, но и формирует эмоциональную и моральную реакцию зрителя, связывая действие с определенным идейным посылом [Gunning, 1994, p. 71]. То есть мы можем говорить, что личный опыт Гриффита и его семейные нарративы стали основой для создания фильма, который превратил травму поражения в эпическую сагу о моральном превосходстве. Адаптация романа Томаса Диксона «Человек клана» (1905) позволила режиссеру визуализировать расистские стереотипы: афроамериканцы изображались как агрессивные и некомпетентные, а члены Ку-клукс-клана – как рыцари, защищающие «чистоту» белой цивилизации.

Фильм вышел в период, когда кинематограф только начинал формироваться как искусство. Кинотеатры США – знаменитые коммерчески успешные «никеллодеоны»³

¹ «Законы Джима Кроу» (англ. Jim Crow laws) – неофициальное название законов о расовой сегрегации в некоторых штатах США в период 1890–1964 годов. К 1915 году южные штаты законодательно закрепили расовую сегрегацию во всех сферах общественной жизни, включая образование, транспорт и здравоохранение, а также ограничили избирательные права афроамериканцев.

² Сотрудник кафедры киноискусства в Университете штата Нью-Йорк в г. Перчейз.

³ Н. стали первыми специализированными кинотеатрами в Северной Америке, функционирующими в период 1905–1915 годов. Эти заведения, часто создававшиеся путём переоборудования торговых помещений, получили своё название от стоимости билета в пять центов (никеля) и представляли собой скромные по размерам кинозалы для массового зрителя.

стали пространством, где коренной рабочий класс и иммигранты обучались считывать культурные коды складывающегося «фирменного» американского образа жизни. К тому же Гриффит, в отличие от европейских авангардистов, мыслил кино не как эксперимент, но как понятное повествование для широкого зрителя, способное конкурировать с литературой по эмоциональной глубине. Лента «Рождение нации» для своего времени стала революционным событием в мире кино благодаря новаторскому монтажу, с помощью которого Гриффит управлял мыслями и чувствами зрителя, по сути манипулировал зрительским восприятием. До него кино во многом все-таки было театрализованным и менее динамичным, Гриффит же ввел приемы, которые позже легли в основу классического голливудского стиля.

Так, показательна кульминационная сцена фильма: зритель видит атаку хижины Камеронов «Черной гвардией», кадры отчаянных попыток героев спастись, чередующиеся с кадрами приближающихся членов Ку-клукс-клана. Этот монтаж, названный «спасением в последнюю минуту», по сути являющимся вариантом параллельного, стал ключевым элементом стиля Гриффита: режиссер, быстро перемещая внимание зрителя от одного эпизода к другому, тем самым подчеркивая их одновременность, стремился вызвать у зрителя особое напряжение при просмотре. Это делало кинорассказ гибким, усиливая драматизм и позволяло подчеркивать детали, например, контраст между «беззащитностью» Камеронов и «решительностью» клана. Однако монтаж «спасения в последнюю минуту» выполнял у Гриффита не только зрелищную задачу, но и идеологическую. Чередуя кадры напуганных и беззащитных героев и «спасителей» из ККК, режиссер формировал у зрителя моральную оценку этой ситуации: Ку-клукс-клан представлял не расистами-насильниками, но рыцарями-защитниками «белой цивилизации» от «диких» чернокожих. Гриффит трансформировал выразительное средство крупного плана из технического приёма в инструмент эмоционального манипулирования. Сосредоточение на деталях создавало иллюзию интимного диалога со зрителем, чья эмпатия искусно направлялась на оправдание расистской риторики, и насилие Ку-клукс-клана представляло как акт меланхолического сопротивления, а не преступлением.

Трехчасовая продолжительность ленты, немислимая для кинематографа 1910-х, подчинялась цели конструирования альтернативной историографии. Масштабные батальные эпизоды, в которых акцентом выступали индивидуальные трагедии, имитировали документальную достоверность. Однако Гриффит сознательно жертвовал фактической составляющей действия ради создания эмоционального катарсиса: зритель, наблюдающий крупные планы солдатских лиц, искаженных страхом, воспринимал вымысел как экзистенциальную истину «потерянного дела Юга».

Визуальный язык фильма базировался на бинарной оппозиции света и тени, хитроумно закрепляющей расовую иерархию. Белые персонажи освещались мягким рассеянным светом, подчеркивающим их «одухотворенность», тогда как афроамериканцы (в исполнении белых актёров в черном гриме) изображались через угловатые позы, гипертрофированную мимику и низкие ракурсы. Сцена парламентских выборов в Южной Каролине, где чёрные политики показаны как орда примитивных существ, стала квинтэссенцией этой стратегии – визуальная демонизация служила обоснованием для тезиса о «неспособности к самоуправлению».

«Рождение нации» стал самым кассовым неммым фильмом в истории, собрав около 10 млн при бюджете в 110 тыс. [Stokes, 2008, p. 109]. Его премьера превратилась в политическое событие: зал аплодировал сценам линчевания, а Ку-клукс-клан, почти исчезнувший к 1910-м, возродился как реакция на фильм. Однако успех сопровождался и волной протестов. NAACP¹ организовала кампанию за запрет картины, а в Бостоне и

¹ Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (англ. National Association for the Advancement of Colored People) — крупная общественная организация США, основанная в 1909 году для защиты прав черного населения.

Филадельфии прошли массовые демонстрации. Парадоксально, но скандал вокруг фильма стал катализатором публичного диалога о расизме. Газеты разделились на два лагеря: одни (например, *The Chicago Defender*) называли ленту «опасной ложью», другие (вроде *The New York Times*) хвалили ее как «художественное достижение» [Stokes, 2008, p. 117]. Даже президент Вудро Вильсон, посмотревший фильм в Белом доме, заявил: «Это как будто писать историю молнией» [Lang, 1994, p. 162]. Правда, подлинность цитаты оспаривается: Диксон в своих мемуарах утверждал, что Вильсон сказал это после частного показа, однако официальных записей Белого дома, подтверждающих это, нет.

Сам Гриффит, шокированный обвинениями в расизме, настаивал, что просто все честно рассказал, что кинематограф как «средство фиксации истории» обязан «свободно рассказывать всю правду» [Griffith, 1916, p. 8]. В памфлете "The Rise and Fall of Free Speech in America" (1916) он утверждал, что его фильм – не пропаганда, а попытка объективно запечатлеть прошлое. Однако, как подчёркивает киновед Майкл Рогин¹, эстетические инновации Гриффита – монтаж, крупные планы, эпический масштаб – сделали расистскую идеологию эстетически убедительной, превратив ее в неотъемлемую часть зрительского восприятия. По мнению Рогина, «правда» Гриффита на деле оказалась мифом, где техническое мастерство маскировало идеологическую ангажированность [Rogin, 1985, p. 157].

Таким образом, «Рождение нации» демонстрирует, как изощренные художественные средства могут служить сомнительным идеологическим целям. Гриффит действительно создал миф о «рождении нации через расовый конфликт», где монтаж, крупные планы, эпический масштаб и эмоционально убедительно выстроенная драма оправдывали расизм. Но, с другой стороны, фильм свидетельствовал, что общество разделяло эти взгляды, а значит Гриффит вскрыл реальные социально-культурные процессы. Кроме того, общественная реакция на фильм доказала, что кино – не пассивное зеркало реальности, а активный участник культурных войн, способный как консервировать, так и вскрывать социальные противоречия.

«Новые времена» Ч. С. Чаплина: критика индустриализма

К середине 1930-х годов США погрузились в пучину Великой депрессии – экономического коллапса, который поставил под сомнение саму идею «американской исключительности». Уровень безработицы достиг 25 % [Севостьянова, 1985, с. 153–154], закрывались фабрики, а миллионы людей, лишившихся жилья, скитались в поисках работы. Социальный договор между капиталом и трудом, который казался незыблемым в эпоху «ревущих двадцатых», был разрушен. В этих условиях кинематограф опять выступил индикатором происходящих в обществе процессов и стал площадкой для рефлексии о будущем нации. Это был кинематограф Чарльза Спенсера Чаплина.

Чарльз Чаплин, к тому моменту уже мировая звезда немого кино, оказался в сложной позиции. Его амплуа «бродяги» – трогательного неудачника в котелке и узком пиджаке – ассоциировалось с доиндустриальной эпохой. Однако переход Голливуда на звуковое кино (окончательно завершившийся к 1930 году) поставил под угрозу универсальность его персонажа, чья магия строилась на пантомиме. «Новые времена» (1936) стали ответом Чаплина и на социальный вызов эпохи, и на звук как техническое новшество: режиссер не только сохранил эстетику немого кино, но и превратил её в оружие критики индустриального капитализма.

Чаплин сознательно не полностью отказался от использования звука (речи), он оставил музыку, шумы и спародированную речь персонажей (забавно прогнанный назад звук речи). Этот выбор был не только эстетическим, но и идеологическим. Так, звук у

¹ Майкл Пол Рогин (1937–2001) – американский политолог, преподаватель в Калифорнийском университете в Беркли.

него выступал инструментом, усиливающим различные чувства. В сцене на фабрике, где рабочий конвейер движется в бешеном ритме, звуковое сопровождение ограничено грохотом машин. Чаплин показывает, как технологии подчиняют себе человека: его герой, закручивающий гайки на конвейере, превращается в механизм, чьи движения становятся неконтролируемыми спазмами. Столь нелюбимый Чаплиным звук остроумно выступает инструментом отчуждения.

В исследовании Т. Я. Радионовой подчеркивается, что Чаплин не принимал звук, потому что считал только пантомиму универсальным языком кинематографа [Радионова, 2009]. По ее мнению, режиссер не случайно называл пластический язык своего искусства «великой красотой молчания» – эта формулировка в высоком стиле отражает его философский подход к творчеству. Радионова интерпретирует позицию Чаплина как стремление к «глубинному говорению», где смысл рождается не из слов, а из телесного жеста. Молчание в его фильмах становится формой диалога со зрителем: через пластику тела, мимику и движение актёр передаёт эмоции, которые невозможно выразить вербально. Таким образом, Чаплин превращает немому кино в инструмент, способный говорить «от души», минуя ограничения языка.

Чаплин выстраивает нарратив фильма как последовательность притч, каждая из которых раскрывает имманентные противоречия индустриального капитализма через визуальную метафору. Центральным приемом становится дегуманизация личности в условиях механизированного общества, где технологический прогресс оборачивается деградацией человечности. Эпизод с конвейерной лентой демонстрирует тотальное подчинение тела ритмам производства. Камера, фиксирующая судорожные движения рабочего, синхронизирована с монотонным движением механизмов, а укрупнение планов деталей станка и лица героя, искаженного физическим напряжением, создает эффект клаустрофобии.

Сатира на фордизм достигает апогея в сцене с «автоматической кормушкой» – псевдоинновации, призванной устранить «непродуктивные» паузы. Герой, зафиксированный ремнями устройства, теряет контроль даже над базовыми физиологическими процессами: еда насильственно «вбрасывается» в него с бешеной скоростью, а попытка почесать нос оборачивается травмой. Этот эпизод обнажает абсурдность капиталистической оптимизации, где человеческое тело редуцируется до объекта манипуляции.

Парадоксальным пространством безопасности в фильме становится тюрьма. Попав туда после череды абсурдных обвинений, герой обнаруживает, что тюремный распорядок гарантирует ему еду, кров и отсутствие эксплуатации — в отличие от внешнего мира, где государство делегирует заботу о гражданах рыночным институтам. Чаплин иронизирует над тем, что в условиях экономического коллапса система предпочитает инвестировать в репрессивные механизмы, а не в социальные гарантии, подчеркивая кризис легитимности власти в эпоху индустриализации.

В последнем кадре Бродяга и его спутница (Полетт Годдар¹) идут по пустынной дороге. Чаплин отказывается от классического хэппи-энда, предлагая вместо этого образ надежды, лишенный конкретики. Это не бегство, а вызов – парадоксальная победа человечности над системой.

Сатирический вызов, заложенный в кинематографическом высказывании Чаплина в данной кинокартине, спровоцировал конфронтацию как с властью в целом, так в частности и с различными институтами идеологического контроля. Как отмечает Ж. Садуль, Ассоциация кинопродюсеров Америки (MPEDA) инициировала попытку вмешательства в работу Чаплина с целью ее редактирования и требуя исключения тех

¹ Американская актриса, танцовщица, продюсер, номинант на премию «Оскар» в 1944 году. Жена Чарльза Чаплина в 1936–1942.

эпізодов, змест якіх меў занадта адкрытую сацыяльную крытыку [Садуль, 1965, с. 287]. В частнасці, пад цензурныя ножніцы папалі сцены сутыкнення дэманстрантаў з паліцыяй.

Рэцэпцыя фільма ў медыйным прастранстве адразіла палітычную палярізацыю эпохі. Кансерватыўныя выданні медыяімперыі Херста¹, уключаючы "Los Angeles Examiner", акцэнтавалі ўвагу на радыкалізацыі творчасці рэжысера, інтэрпрэтуючы яго працу як маніфэстацыю вельмі левых поглядаў, гранічаючых з камуністычнай прапагандай [Садуль, 1965, с. 291]. Падобная рыторыка прадвосхітала наступныя абвіненні ў перыяд маккартызму², калі Чаплін быў уключаны ў спіс неблаганадзейных асоб Камісіі па расследаванні антыамерыканскай дзейнасці (HUAC).

Міжнародны рэзананс карціны атрымаў і геапалітычнае вымярэнне. У Трэцім рэйху Міністэрства прапаганды пад кіраваннем Ё. Геббельса арганізавала кампанію па дыскрэдытацыі фільма. У 1937 годзе нямецкая кінакампанія «Тобіс» ініцыявала судовы працэс у Францыі, выдвінуў абвіненне ў плагіяце сцэнарыя ў Р. Клэра («Свабоду – нам!», 1931). Аднак, як падкрэслівае Садуль, асабістае сведчанне французскага рэжысёра, заявіўшага аб творчасці аўтаноміі Чапліна і асабістым ашчэраўленні яго генам, цалкам нівеліравала юрыдычныя прэтэнзіі. Нягледзячы на ​​мрачны сацыяльны фон, фільм Чапліна прапанаваў глядачу альтэрнатыву – веру ў чалавечую сацыяльнасць. Абраза Бродзягі, які нават у турме спрабуе зрабіць сакамернікаў ад бегства (каб не страціць «удобства»), стаў сімвалам трываласці духа. У эпоху, калі ЗША перажывалі крызіс самаідэнтыфікацыі (разрушэнне «амерыканскага мары», рост класавых канфліктаў), «Новыя часы» нагадалі аб асновах каштоўнасцяў.

«Новыя часы» дэманструюць, як мастацкія прыёмы (пантоміма, мантаж, гучная партытура) могуць стаць інструментам сацыяльнай крытыкі. Чаплін, захаванне эстэтыку немаловажнага кіно, стварыў універсальны мовы, які пераадолеў граніцы класавых і ідэалогічных. Яго фільм не проста аблічаў пороки капіталізму – ён прапанаваў альтэрнатыву: гуманізм як аснову нацыянальнай ідэнтычнасці ў умовах крызісу.

«Велікі дктатор»: сатыра на таталітарызм.

К канцу 1930-х гадоў пагроза нацызму стала відавочнай для свету, але ЗША захоўвалі ізаляцыянісцкую пазіцыю. Кангрэс прымаў «Акты аб нейтралітэце» (1935–1939), забараняўшы паставкі зброі ваюючым краінам, а грамадскае меркаванне валявалася між страхам перад новай вайной і нежаданнем ўмяшчацца ў еўрапейскія справы. У гэтых умовах Чаплін, ужо абадаваўшы статусам «маральнага аўтарытэта», вырашыў на беспрэцэдэнтны крок – стварыць фільм, напрамаваўшы Гітлера і фашызм. Гэты «Велікі дктатор» (1940). Ён стаў першым цалкам гучовым фільмам Чапліна, што сімвалізавала пераход ад асабістых драм да глабальнай палітыкі. Яго вырашэнне сыграць двойную ролю – дктатора Адэноіда Хінкеля і простага еўрапейскага парікмахера – было не толькі мастацкім прыёмам, але і маніфэстам: нават маленькі чалавек можа супрацьстаяць сістэме.

Творчасць Чарлі Чапліна ў гэтым фільме прадстаўляе сабой унікальны прыклад выкарыстання камедыі жанра для дэканструкцыі таталітарнай ідэалогіі. Рэжысёрскі метад Чапліна асноваваўся на асабістым злучэнні візуальнай гіпербалы і семиотычнага кантраста, што дазваляла трансфармаваць палітычную сатыру ў

¹ Уільям Рэндалф Херст (1863–1951) – амерыканскі медыамагнат, асновацель холдынгу Hearst Corporation, вядучы газетны выдатель.

² Грамадскае рухавік ў ЗША, існаваўшае ў перыяд з канца 1940-х па 1957 год. Суправаджалася абострэннем антыкамуністычных настрояў і палітычнымі рэпрэсіямі супраць «антыамерыканскі настроенных» грамадзян.

универсальный гуманистический манифест. Ключевым инструментом критики стал гротескный образ Аденоида Хинкеля, чьи псевдоораторские выступления, наполненные бессвязными гортанными звуками, пародировали риторические приемы реальных диктаторов. Этот прием не только разоблачал подмену логики эмоциональной манипуляцией, но и создавал звуковой контраст с речью еврейского парикмахера, чьи реплики подчеркивали ценность индивидуального человеческого достоинства. Символический эпизод с надувным глобусом, разрушающимся в момент танца под вагнеровские мотивы, визуализировал хрупкость имперских амбиций через призму инфантильного нарциссизма власти, что позднее стало предметом анализа в исследованиях о психопатологии тоталитаризма.

Чаплин мастерски использовал визуальные коды для деконструкции нацистской эстетики. Замена свастики на пародийный «двойной крест» (XX) обыгрывала не только лингвистическую ассоциацию с предательством (англ. «double cross»), но и семиотическую пустоту тоталитарной символики. Пространственная организация кадра подчёркивала антитезу между стерильным брутализмом дворца Хинкеля и экзистенциальной аутентичностью еврейского гетто, где бытовые сцены в парикмахерской, сопровождаемые музыкой Брамса, становились актом культурного сопротивления.

Переход к звуковому кино позволил режиссёру разработать систему аудиальных контрастов. Истеричная тональность речей диктатора противопоставлялась финальному монологу парикмахера, где впервые звучал естественный голос Чаплина, декларирующий приоритет человечности над машинерией власти. Музыкальная партитура, созданная самим режиссёром, функционировала как лейтмотивная система: диссонирующие маршевые ритмы, сопровождавшие Хинкеля, контрастировали с лирическими скрипичными мелодиями, ассоциированными с образами простых людей.

Премьера фильма в условиях американского изоляционизма вызвала поляризованную реакцию. Если интеллектуальные круги восприняли ленту как смелый антифашистский вызов, то консервативная пресса интерпретировала ее как нарушение нейтралитета, что привело к включению Чаплина в список наблюдения ФБР. Исторический парадокс заключается в том, что комедийная условность, изначально продиктованная неполным знанием о масштабах нацистских преступлений, позволила создать универсальный образ сопротивления дегуманизации.

Американская пресса продемонстрировала неоднозначную реакцию на работу Чаплина. Часть рецензентов акцентировала внимание на формальных недостатках — фрагментарности повествования и статичности диалогов, что, по их мнению, нарушало целостность авторского стиля. Консервативные издания, напротив, сфокусировались на идеологической подоплеке, интерпретируя картину как манифест леворадикальных взглядов. Резонансным стал тезис о «разжигании межгосударственной вражды», который лег в основу попытки Конгресса инициировать расследование в отношении режиссёра по обвинению в подрыве нейтралитета США [Кукаркин, 1988, с. 161]. Этот эпизод отражал глубинные страхи изоляционистских кругов перед возможным вовлечением страны в военный конфликт.

Особый интерес представляет критика со стороны Мэри Пикфорд¹, утверждавшей, что переход от традиционного образа «бродяги» к злободневной сатире привёл к утрате художественной идентичности автора [Чаплин, 1991, с. 266]. Ее позиция символизировала раскол в восприятии роли искусства: для одних кинематограф должен был оставаться пространством эскапизма, для других — инструментом социальной рефлексии. Пикфорд, будучи представителем «старого Голливуда», отстаивала аполитичность как условие творческой свободы, не учитывая, что в условиях глобального кризиса 1930-х нейтральность сама по себе становилась политическим жестом.

¹ Американская актриса канадского происхождения, соосновательница кинокомпании «United Artists». Легенда немого кино, обладательница премии «Оскар» (1930).

Прогрессивные издания, включая *Daily Worker* и *New Masses*, напротив, рассматривали фильм как важный этап эволюции Чаплина [Интернациональная литература, 1941, с. 202–204]. Рецензенты подчеркивали, что режиссёр преодолел границы комедийного жанра, создав произведение, где сатира трансформировалась в этический призыв. Обозреватель *New York World-Telegram* отмечал принципиальный отказ от «очаровательной наивности» в пользу откровенного диалога с историческим моментом. Подобные оценки указывают на формирование нового критического канона, где актуальность содержания превалировала над традиционными критериями «безупречной формы».

Раскол в оценках фильма отражал не только эстетические разногласия, но и идеологический кризис предвоенной эпохи. Конфликт между изоляционистами и интернационалистами, страх перед «красной угрозой» и нарастающая волна антифашизма создавали поле для принципиально разных интерпретаций. Чаплин, сознательно выбравший роль «морального трибуна», бросил вызов самой парадигме развлекательного кино, что и обусловило поляризацию мнений. Его кейс демонстрирует, как искусство становится заложником политических нарративов, а критика – инструментом борьбы за культурную гегемонию.

Фильм сыграл значительную роль в трансформации общественного сознания накануне вступления США во Вторую мировую войну. Сцена дипломатического конфликта между Хинкелем и Бензино Напалони, диггатице государства Бактерия (намек на Муссолини, дуче Италии) обнажала абсурдность экспансионистской риторики, тогда как финальный монолог, обращенный ко «всем людям без исключения», формулировал идею интернационализма, основанного на общечеловеческой солидарности. Кинокритиками позднее отмечалось, что Чаплин осуществил переход от локального комедийного жанра к глобальному политическому высказыванию, где смех функционировал как форма этического сопротивления.

Значение «Великого диктатора» выходит за рамки исторического контекста. Фильм продемонстрировал способность киноискусства реконфигурировать идеологические нарративы через синтез визуальной поэтики и звуковой полифонии, создав прецедент для последующих экспериментов на стыке политики и эстетики.

Заклучение

Кинематограф США первой половины XX века, воплотившийся в работах Д.У. Гриффита и Ч.С. Чаплина, стал уникальным феноменом, где художественное новаторство и идеологический посыл слились в единый механизм формирования национальной идентичности. Эти фильмы, созданные в эпоху социальных катастроф – от расовых конфликтов до Великой депрессии и мировой войны, демонстрируют, что кино никогда не было нейтральным «искусством ради искусства». Оно всегда было полем битвы за умы и сердца, где эстетика становилась языком власти, а зритель – соучастником исторического процесса. Гриффит в «Рождении нации» показал, как разработанные средства выразительности – монтаж, крупные планы, необычные ракурсы – могут легитимировать даже самые спорные идеи. Его фильм, несмотря на расистскую основу, стал культурным шоком, заставившим общество говорить о том, что десятилетиями замалчивалось. Парадоксально, но именно эстетическая сила картины, её способность вызывать сопереживание, сделала расизм не просто «мнением», а частью коллективного бессознательного. Однако этот же пример раскрыл обратную сторону медали: кино, будучи инструментом манипуляции, может и обнажать противоречия. Протесты NAACP, разгоревшиеся после премьеры, доказали, что экранное пространство – не монолог власти, а диалог, где зритель способен на сопротивление.

Чаплин, в свою очередь, превратил кинематограф в орудие критики системы. В «Новых временах» и «Великом диктаторе» он использовал комедию не как побег от

реальности, а как способ ее осмысления. Отказ от звука в эпоху тотальной технологизации, пародия на фашистскую риторику, финальные монологи, обращенные прямо в зал, – всё это было попыткой вернуть кино человеческое измерение. Его герой, Бродяга, стал символом индивидуума, который вопреки давлению машинерии капитализма или тоталитаризма сохраняет достоинство. Чаплин доказал, что смех может быть формой гражданского мужества, а немота – красноречивее любых слов. Оба режиссёра, при всём различии их методов, иллюстрируют ключевую закономерность: североамериканское кино той эпохи было лабораторией, где конструировались не только образы, но и ценности. Гриффит, мифологизируя прошлое, предлагал нации опору в ностальгии по «единству», пусть и мнимому. Чаплин, критикуя настоящее, искал опору в универсальном гуманизме. Их работы отражают диалектику американской идентичности – напряженный поиск баланса между мифом и правдой, исключительностью и универсализмом, страхом перед «другим» и стремлением к справедливости.

Важно отметить, что этот процесс не был линейным. Кино не просто «отражало» реальность – оно ее пересоздавало. «Рождение нации» реанимировало Ку-клукс-клан, «Новые времена» повлияли на дискуссии о правах рабочих, а «Великий диктатор» изменил восприятие США своей роли в мировой политике. Эти фильмы стали актами культурной памяти, где переплелись травмы прошлого, тревоги настоящего и надежды на будущее. Даже сегодня, спустя десятилетия, их сила воздействия остаётся свидетельством того, что кино – не архивный артефакт, а живой участник общественного диалога.

Современные медиа, унаследовавшие функцию «мягкой силы», во многом опираются на уроки раннего Голливуда. Соцсети, сериалы, вирусные ролики – всё это продолжение традиции, где развлечение неотделимо от пропаганды, а эмоции важнее фактов. Однако исторический опыт Гриффита и Чаплина напоминает: чем изощреннее становятся технологии воздействия, тем острее потребность в критической рефлексии. Кино 1910–1940-х годов учит нас, что подлинное искусство – это не слепое воспроизводство идеологии, а постоянный спор с ней. Даже когда камера становится «молнией», пишущей историю, как говорил Вудро Вильсон о «Рождении нации», зритель сохраняет право перечитать её по-своему. В этом смысле наследие Чаплина и Гриффита – не просто часть истории кино, но и приглашение к дискуссии о том, какой мы хотим видеть национальную идентичность в XXI веке. Должна ли она строиться на исключительности, как у Гриффита или на общечеловеческих ценностях, как у Чаплина? Возможно, ответ лежит где-то между – в признании, что любая идентичность динамична, а ее формирование всегда связано с борьбой интерпретаций. Как показали оба режиссёра, именно в этой борьбе рождается подлинное искусство – неудобное, провокационное, но необходимое, как воздух.

Список литературы

- «Диктатор» Чарли Чаплина. 1941. Интернациональная литература. № 7-8: 202-204
- Кукаркин А. В. 1988. Чарли Чаплин. М., Искусство, 287 с.
- Радионова Т.Я. 2009. Великая красота молчания (интонация Чаплина и ее пластическое решение). Академические тетради. № 13: 241 -280.
- Садуль Ж. 1965. Жизнь Чарли. М., Прогресс, 320 с.
- История США. 1985. Т. 3, 1918-1945. Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., «Наука», 672 с.
- Чаплин Ч. 1991. О себе и своем творчестве: в 2 т. Т. 2. М., Искусство, 349 с.
- Griffith D.W. The Rise and Fall of Free Speech in America. Los Angeles, California, 1916.
- Gunning T.D.W. Griffith and the Origins of American Narrative Film: The Early Years at Biograph. Chicago, University of Illinois Press, 1994.
- Lang, R. The Birth of a Nation: D.W. Griffith, Director. Rutgers University Press, 1994.
- Rogin, M. «The Sword Became a Flashing Vision»: D.W. Griffith's The Birth of a Nation // Representations, No. 9, 1985.
- Stokes M.D.W. Griffith's The Birth of a Nation: A History of the Most Controversial Motion Picture of All Time. — Oxford University Press, 2008.

References

- The Dictator by Charlie Chaplin // *International Literature*. — 1941. No. 7–8. pp. 202–204.
Kukarkin, A.V. *Charlie Chaplin* / A.V. Kukarkin. — Moscow: Iskusstvo, 1988.
Radionova, T.Ya. *The Great Beauty of Silence (Chaplin's Intonation and Its Plastic Expression)* / Academic Notebooks-13, 2009.
Sadoul, G. *The Life of Charlie*. — 2nd ed., expanded. — Moscow: Progress, 1965.
History of the USA. Vol. 3, 1918–1945 / Ed. by G. N. Sevostyanov. — Moscow: Nauka, 1985.
Chaplin, C.S. *About Myself and My Work: In 2 Vols.* / C. S. Chaplin. — Vol. 2. — Moscow: Iskusstvo, 1991.
Griffith, D.W. *The Rise and Fall of Free Speech in America*. Los Angeles, California, 1916.
Lang, R. *The Birth of a Nation: D.W. Griffith, Director*. Rutgers University Press, 1994.
Lang, R. *The Birth of a Nation: D.W. Griffith, Director*. Rutgers University Press, 1994.
Rogin, M. «The Sword Became a Flashing Vision»: D.W. Griffith's *The Birth of a Nation* // *Representations*, No. 9, 1985.
Stokes M. *D.W. Griffith's The Birth of a Nation: A History of the Most Controversial Motion Picture of All Time*. — Oxford University Press, 2008.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported

Поступила в редакцию 30.01.2025
Поступила после рецензирования 30.04.2025
Принята к публикации 30.05.2025

Received January 30, 2025
Revised April 30, 2025
Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беда Вадим Геннадьевич, аспирант кафедры теории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim G. Beda, Postgraduate Student of the Department of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

УДК 101.37.01
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-427-436
EDN LCWZIW

Греческая пайдейя и византийский восток: кризис и новое восприятие

Дегг Э.Б.

Институт развития образования
Россия, 344011, г. Ростов-на-Дону, пер. Гвардейский, д. 2/51
degg@sfedu.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы просвещения и интеллектуальной жизни, их значение в культуре Византийской империи. Важнейшее явление античной культуры, которое было воспринято византийцами, – «пайдейя» (παιδεία) – «воспитание», «образование». Пайдейя как концепция сформировалась под воздействием таких понятий древнегреческой культуры, как агональность (ἀγών), калокагатия (καλὸς κἀγαθός), арете (ἀρετή). Цель исследования – проследить эволюцию пайдейи в Византийской империи через призму культурной динамики в течение трёх эпох этого государства; определить место пайдейи, её роль в византийском обществе, интеллектуальной сфере. Исследование опирается на научный задел в области античного образования, созданного немецким филологом Вернером Йегером, а также на фундаментальные изыскания в области византийского гуманизма, проделанные французским византологом Полем Лемерлем. Исследование показало, что византийская система образования выдержала социальные катаклизмы Раннего Средневековья и сохранила преемственность с античной пайдейей. Сделаны выводы о том, что деградация образования в византийском обществе привела в эпоху VIII–IX веков к религиозному расколу – иконоборчеству, а в дальнейшем среди византийских интеллектуалов возобладала страстная любовь к античному культурному наследию, сохранённому ими. Это очень серьёзно поспособствовало развитию итало-византийского гуманистического диалога.

Ключевые слова: пайдейя, византийская пайдейя, образование, воспитание, интеллектуальная культура, Античность, Средневековье, византийский гуманизм, В. Йегер, П. Лемерль

Для цитирования: Дегг Э.Б. 2025. Греческая пайдейя и византийский восток: кризис и новое восприятие. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 427–436. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-427-436 EDN: LCWZIW

The Greek Paideia and the Byzantine East: Crisis and New Perception

Andrew B. Degg

Institute of Education Development
2/51 Gvardeysky Lane, Rostov-on-Don 344011, Russian Federation
degg@sfedu.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of education and intellectual life, their significance in the history of culture in the Byzantine Empire. The most important phenomenon of ancient culture, which was adopted by the Byzantines, is "paideia" (παιδεία) – "upbringing", "education". Paideia as a concept was formed under the influence of such concepts of ancient Greek culture as "Agon", "Agonism" (ἀγών), kalokagathos (καλὸς κἀγαθός), arete (ἀρετή). The purpose of the article is to trace its evolution in the Byzantine Empire through the prism of cultural dynamics during three eras of this state; to determine the

place of paideia, its role in Byzantine society, the intellectual sphere. The article is based on the important scientific groundwork in the field of ancient education, created by the German philologist Werner Jaeger, as well as on the fundamental research in the field of Byzantine humanism carried out by the French byzantologist Paul Lemerle. The research showed that the Byzantine education system withstood the social cataclysms of the Early Middle Ages and maintained continuity with the ancient paideia. Conclusions: the degradation of education in Byzantine society led to a religious schism in the 8th-9th centuries – iconoclasm; after this crisis, in the future the Byzantines were able to preserve their ancient cultural heritage thanks to their prevailing love for Antiquity. This fact very seriously contributed to the development of the Italo-Byzantine humanistic dialogue.

Keywords: Paideia, Byzantine paideia, education, upbringing, intellectual culture, Antiquity, Middle Ages, Byzantine humanism, W. Jaeger, P. Lemerle

For citation: Degg A.B. 2025. The Greek Paideia and the Byzantine East: Crisis and New Perception. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50 (2): 427–436 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-427-436 EDN: LCWZIW

Введение

Вопросы, связанные с темой образования, являются уже, пожалуй, несколько столетий важнейшим аспектом общественной, государственной и научной дискуссии об «успешной», «развитой», «приличной» стране, делающей всевозможные социальные и технологические «прорывы», которые станут примером для всех остальных государств. Для России этот вопрос также очень важен, особенно остро он стоит последние 30 лет, после развала советской системы образования. Общемировая и за ней российская экономическая устойчивая тенденция ориентирует человека на такие качества личности, как коммуникативность, креативность и, самое главное, высокая адаптивность – всё в угоду нынешней динамичной, технократической эпохе и рынку труда. На профессиональные и образовательные вызовы должна отвечать современная педагогика и, шире, современное социогуманитарное знание, испытывающее кризис в вопросе собственной значимости и нужности, особенно под давлением естественно-научного знания.

Современная образовательная система пытается адаптироваться под потребности рынка, используя нестандартные методы, которые ориентированы на раскрытие потенциала человеческой личности. Однако забывается подлинная ценность и значимость человеческой образованности, всесторонне развитой личности без привязки к какой-либо «утилитарной» цели. Даже в обыденной среде до сих пор сохраняется «стихийный» пиетет перед «образованным человеком» – то есть образование ценно само по себе, оно, так или иначе, есть самоцель – вот что нам сообщает данный общественный стереотип, за которым, однако, скрывается очень даже серьёзная и осмысленная история и практика.

Именно в этой, к сожалению, часто остающейся в тени практике и системе ценностей нам и хотелось бы разобраться. Речь идёт об уникальном явлении древнегреческой и византийской культуры – пайдеи (παιδεία – воспитание детей), концептуально – системе образования и/или воспитания.

Когда мы используем термин «пайдейя» в современном научном обороте, мы полностью обязаны выдающемуся немецкому учёному филологу Вернеру Йегеру. Именно он комплексно рассмотрел данное явление античной культуры во всей его широте – от времён гомеровских эпосов до позднеантичного христианского неоплатонизма. Конечно, его главный труд «Пайдейя» в силу специализации автора носит больше филологический характер, но сам Йегер небезосновательно отмечал, что «...история греческого образования совпадает в основном с историей литературы» [Йегер, 2001, с. 21]. Само же воспитание и образование через культуру в Древней Греции было проникнуто, выражаясь современным языком, гуманистическим духом, идеей человеческой индивидуальности,

личности, в отличие от цивилизаций Востока. А самое главное, появилась Идея, Образ человека, к которому нужно стремиться, в чём и помогает пайдейя. «Однако "человек как идея" означает "человек как общезначимый и обязывающий образец своего вида". Отпечаток сообщества, накладываемый на отдельное лицо, который мы поняли как сущность воспитания, исходит у греков – все более осознанно – из такого-какого? образа человека и в непрестанной борьбе ведет к философскому обоснованию и углублению проблемы воспитания. С такой основательностью и целесообразностью это не достигалось нигде более» [Йегер, 2001, с. 23]. Надо отметить, что сначала сам Вернер Йегер, а за ним французский учёный Анри-Ирене Марру утверждают, что пайдейя – это и есть истинный гуманизм, при чём и концептуально, и буквально это римский «перенос»: «Интересно отметить, что, когда Варрону и Цицерону придется переводить слово παιδεία, они изберут humanitas как латинский эквивалент» [Марру, 1998, с. 142].

Ценностные истоки греческой пайдейи и её модель

Греческая пайдейя сформировалась таким неповторимым образом благодаря уже традиционно выделяемой «аномальности» греческой цивилизации по отношению к Востоку, которую, например, выводят из социальной природы греческого полиса [Бондаренко и др., 2014]. А конкретно в нашем контексте этот генезис касается следующих оригинальных явлений и понятий: 1) агон (ἀγών) – состязательность, дух борьбы, конкуренции, в научном обороте впервые сформулировано как комплексное понятие «агональность» Якобом Буркхардтом [Burckhardt, 1998]; 2) калокагатия (καλοῦς καγαθός) – совокупность добродетелей греческого полисного гражданина, гармония телесной и духовной природы человека, берёт начало во времена Семи мудрецов и Солона, актуализировано в научном обороте Алексеем Лосевым [1965, с. 100]; арете (ἀρετή) – свойство военной знати, превосходство, благородство в философско-этическом ключе, выходящее из буквальных рамок сословной принадлежности, актуализировано Вернером Йегером [2001, с. 34].

В целом же такое понятийное богатство, неограниченное сферой образования, стало возможно благодаря рационализации общественной жизни, что мы знаем по Ж.-П. Вернану, но, как отмечает Геннадий Драч, в том числе вследствие тесной связи философии с мифом и «естественной теологией» греков, а также их активного, разнопланового, открытого образа жизни на просторах Средиземноморья [Драч, 2024].

Также важным аспектом для нас является двойственность древнегреческой культуры, представленная аполлоническим и дионисийским началом. Если первое начало ответственно за рациональное, рассудочное, «мужскую природу», то второе включает в себя иррациональность, необузданность, саморазрушающую тягу к смерти. Такая постановка проблемы природы древнегреческой культуры появилась ещё в эпоху Просвещения и Романтизма в рассуждениях Иоганна Иоахима, Фридриха Гёльдерлина, однако классическое понимание данного вопроса было сформулировано Фридрихом Ницше в работе «Рождение трагедии» [Ницше, 2001], что в значительной степени обогатило дискуссионный процесс в антиковедении. Эти два начала так или иначе воплотились в двух технологических системах образования и воспитания: афинской и спартанской школах. Спартанская школа была больше нацелена на воспитание исключительно воина, способного переносить все тяготы военного быта, от чего и быт «мирный», «гражданский» был максимально приближен к военному образу жизни. Физическая и военная подготовка вытесняли мусический элемент образования. Отличительной особенностью спартанской школы было условное равенство между мужчиной и женщиной в быту и школьной подготовке. Спарта в итоге не дала богатого интеллектуального наследия [Джуринский, 2000, с. 20], и её затмили Афины.

То, что мы называем термином «пайдейя», в технологическом смысле является по факту афинской школой. Её многоступенчатый «скелет» выглядит следующим образом: 1) первые 7 лет жизни человека – воспитание внутри семьи; 2) 7–16 и 12–16 лет – начальное мусическое (μουσικός) образование, с 12 лет – начальная физическая и военная подготовка; 3) 16–18 лет – сочетание в гимнасии в примерном балансе физической и умственной подготовки, однако делается акцент на философской и риторической подготовке; 4) 18–20 лет – вступление в совершеннолетие и обучение в эфебии – здесь человек становился полноценным гражданином-воином; 5) наиболее важный и заключительный этап: смещение в эллинистическую эпоху мусическим элементом физического в эфебии и фактическое превращение её в подготовку к действительно «высшей школе» – академии, по началу философским элитарным кружкам, возникшим в классическую эпоху.

Эти философские школы и есть квинтэссенция пайдейи. Македонский и римский этапы эллинистической эпохи серьёзнейшим образом поспособствовали в деле распространения пайдейи: первый в создании философских «жемчужин» – академий в Восточном Средиземноморье, а второй – в массовом и утилитарном «тиражировании» предшествующих академиям этапов образования. В свою очередь, кризисная и переходная эпохи поздней Античности и раннего Средневековья подготовили почву для содержательной «редактуры» системы образования набравшем силу христианством, что и определило облик средневековой византийской пайдейи.

Таким образом выглядит в кратком анализе греческая образовательная традиция. К сожалению, в наших концептуальных рамках невозможно дать полное описание античной пайдейи. Более полное представление о ней мы постарались сделать в ранее проведённом исследовании [Дегг, 2022]. Но без некоторых вводных данных об античном этапе пайдейи совершенно невозможно говорить о её византийском периоде.

Уже имея перед собой богатую картину развития греческой образовательной традиции, учитывающей в том числе и историко-культурный контекст, мы можем, наконец, перейти к рассмотрению судьбы пайдейи на средневековом византийском востоке.

Катастрофа образовательной системы в раннем Средневековье.

Периодизация и динамика византийской интеллектуальной культуры

Пройдя долгий путь вместе с греко-римской государственностью, пайдейя стала неотъемлемым атрибутом античной цивилизации. Эллинистические государства и Римская империя успешно воспроизводили и «тиражировали» аттическую образовательную систему, особенно это касается Рима. Однако общий кризис античной цивилизации, кризис античного мирозерцания, приводит к упадку римской государственности и культуры в переходную эпоху раннего Средневековья. Но этот фатальный упадок происходит на латинском Западе империи, на Востоке же образуется Восточная Римская империя, более хорошо нам известная под историографическим кабинетным термином «Византия». Данная терминологическая проблема является частью огромной общественной и научной дискуссии, и подробно вникать в неё мы не будем, лишь отметим, что по своей сути Византийская империя является во многом парадоксальным явлением, сочетающим в себе и старую римскую государственность, и новую христианскую веру, и, что для нас особенно важно, богатейшую, плодотворнейшую эллинистическую «почву», на которой и происходят историко-культурные метаморфозы эллинизма и византизма, видной частью которых является пайдейя.

Данная эпоха, несмотря на свою катастрофичность, при более внимательном изучении оказывается весьма гармоничным переходом в культурной сфере, в частности в образовательном элементе. Тот же Анри Марру отмечал: «...Победа христианства не

произвела такого переворота в педагогике, какого склонен ожидать современный человек; жизнь классического образования продолжается в течение всей византийской истории» [Марру, 1998, с. 139].

Какова же была судьба пайдеи в Византии? Для этого обратимся к анализу общей картины истории византийской культуры и её интеллектуального аспекта, обозначим традиционно выделяемые основные этапы развития.

1. *Ранневизантийский период – IV–VII века.* Этот период также называют позднеримским периодом. Объясняется это сложным переходным характером культуры, который существовал в античном обществе. Наблюдается постепенное отмирание рабовладельческого строя, возникновение средневековой культурной формации с феодальными отношениями. Происходит перемещение политического и культурного центра Империи с Запада на Восток. В сфере просвещения это выражается ещё более ярко и даже катастрофично: вместе с падением римского государства на латинском Западе стремительно исчезает и распространённая им пайдейя. Она «скукоживается» до представителей позднеримских интеллектуалов (Кассиодор Сенатор, Марциан Капела, Северин Боэций, Августин Блаженный, Исиодор Севильский) и монахов (прежде всего, писцы-переписчики бенедиктинцы). Эти круги в «экстренном» порядке собирают «всё самое необходимое» и «упрощённое» из культурного наследия для стремительно теряющего под варварским натиском своё «арете» латинского человека.

Всё больше проявляются синкретические тенденции в общественной жизни. Это хорошо показывает эллинистический Восток. Происходит «косметическая» замена наиболее ярко выраженных языческих, эллинских, как тогда говорили, элементов в культуре и образовании в соответствии с христианскими догматами. Самые яркие и значимые события: отмена Феодосием I олимпийских игр – то есть полное урезание пайдеи в её гимнастической, физической части; создание гонителем язычников и покровителем пайдеи Феодосием II своего Университета, известного также как «Аудиториум», Магнаврская высшая школа [Фрейберг, 1975, с. 9]; «ревнитель Православия» Юстиниан I покровительствует Трибониану в кодификации римского права – важнейшего элемента «просвещённого общества» и одновременно упраздняет самую известную академию – Афинскую школу, – у нового христианского Константинопольского Университета не может быть непокорных «языческих» конкурентов. Восточные Отцы Церкви, прежде всего Великие Каппадокийцы, хвалят «старые науки» в техническом свойстве, но не в аксиологическом, признавая за ними пропедевтическую функцию.

При этом очень важно отметить, что Афины после «христианского удара» отнюдь не были диким провинциальным захолустьем, как это часто представляется в силу традиционной ориентации современного взгляда на «блистающий» Константинополь. Конечно, в политическом и чисто материальном плане Афины были достаточно бедной пелопонесской провинцией, однако в *культурном* (и, что также важно, *символическом*) плане значение города сохраняется не только в позднеантичный период, но и на протяжении большей части последующей византийской истории, входя в традиционные списки важнейших эллинистических городов. Те же христианские апологеты и патристическое движение в духе обозначенного «примирения» и «апроприации» превращают Афины (что парадоксально) в новый центр христианского паломничества, главным объектом которого был избран, пожалуй, главный символ античного язычества – Парфенон, ставший храмом Панагии Афиниотиссы (Афинской Божьей Матери). Патристический гуманизм преобразовывает весьма причудливым образом внешний облик здания, при этом как сохраняя античную эстетическую направленность, так и вкрапляя византизм. Современный греко-американский исследователь Энтони Каллделлис делает попытку археологической реконструкции объекта, также используя анализ комплементарных источников, и фиксирует важность Афин как места религиозного [Kaldellis, 2009] и политического паломничества, не уступающего порой пальму

первенства даже Константинополю: "In 1018, the emperor Basileios II, went on a pilgrimage to Athens directly after his final victory over the Bulgarians for the sole purpose of worshipping at the Parthenon. He then returned to the north and staged a triumphal procession to Hagia Sophia in the capital the following year. Our account of this unusual event, by the historian Ioannes Skylitzes, suggests that the emperor perceived Athens as the special site of reverence of the Mother of God, not Constantinople, which had traditionally held that honor" [Kaldellis, 2007, p. 4]. Описанная эпоха, как мы видим, представляет собой переходную стадию, когда одно сменяется другим, одни идеологические элементы вступают в конфликт или синтез с другими. Поэтому всё же цельного и самостоятельного образа здесь нет. Этот идейный образ появляется у последующих двух эпох византийской культуры. Упомянутый случай с Василием II как раз демонстрирует смещение акцентов с чисто антично-языческих коннотаций на доминирование христианских, свойственных средневизантийскому периоду.

2. *Средневизантийский период – VII–XII века.* Является, во многом оправданно, основной эпохой, по которой воспринимают Византию. Здесь уже нет несамостоятельных переходных тенденций, а проявляется зрелая, оригинальная византийская христианская средневековая культура, достигшая больших высот и имеющая свои отличительные особенности. Данный период можно разделить на две условные части: VII–IX и IX–XII века. VII–IX века ознаменованы культурным спадом и экономическим кризисом, во многом связанным с потерей половины эллинистической ойкумены, завоёванной арабами, а также бурлящим и затяжным философско-религиозным кризисом. В конце этого периода, начиная с IX века, наступает ключевой этап в сохранении в Византии античного наследия, гуманистических ценностей, основ пайдеи, что стало возможно благодаря византийским интеллектуалам, так же как и на Западе, переписывавших греческие тексты, сохранявших в себе чувство преемства «эллинского духа». Такой партией, сохранившей своё культурное эллинство в гармонии с христианством (полнотой Православия), стали иконопочетатели, победившие иконоборцев.

При этом нельзя, конечно, стереотипно говорить о враждебном отношении иконоборцев к античному наследию. Ярким опровержением этого являются, например, император-иконоборец Феофил (тонкий ценитель искусств и наук, умеренный гонитель) и его воспитатель патриарх Иоанн Грамматик (весьма красноречивое прозвище, был педагогом и интеллектуалом). Запрещая что-либо одно из культурного наследия, иконоборцы поддерживали, создавали порой новое, необходимое им в своей религиозной и культурной повестке. Однако иконоборцев здесь (если брать сугубо религиозные причины) «подвела» догматическая ветхозаветная установка об идолопоклонстве, о «кумире», которого нельзя изображать. А также дало о себе знать отвержение физической, чувственной стороны античной калокагатии, «греховной» по определению, не дающей воспринимать в качестве священных христианские изображения, созданные под влиянием античной телесности, – это с одной стороны. С другой – подливало масла в огонь и примитивизированное восприятие в духе средневековых суеверий, народное, весьма экзальтированное почитание икон, скорее уже как чисто физических объектов, наделённых магическими свойствами. А возможно было такое грубое понимание и восприятие религиозно-эстетических и догматических вопросов как раз из-за общей деградации в эти века образованности, просвещённости (как и на латинском Западе) народных масс и части элитных групп. Это констатирует весьма чётко историк Церкви Антон Карташёв: «Просвещение Византии и умственная культура значительно понизились со времени Юстиниана Великого (527–565 гг.). Прежние тонкие проблемы догматики стали непосильны большинству богословских умов. Новые поколения могли ухватиться только за вопрос, более доступный упрощённому мышлению. Императоры VII в. были выходцами из варварских Исаврии и Армении. Они бывали иногда и на высоте просвещения своего времени, но тон их умствований был варварски рационалистичен.

Задели они вопрос общепонятный и для народных масс и довели дело до кровавых гонений. В этом их ошибка и непопулярность в истории» [Карташёв, 2023 с. 136].

Как мы видим, даже в такой сфере, как религия, ключевую роль играет пайдейческая система, сильно деградировавшая даже в правящем классе. Становятся очевидными последствия отсутствия просвещённости, которое может привести, по сути, к гражданским войнам (например, на религиозной почве), как это и было в Византии. Именно на таком рельефном фоне становится понятной важность преодоления этого серьёзного культурного кризиса в дальнейшем. Об этом процессе говорит авторитетнейший французский византист Поль Лемерль: «...Византийские гуманисты XIII–XIV столетий, стоявшие у истоков западного Возрождения, пользовались рукописями античных авторов, переписанными в Византии в IX–X веках, и они ничего не смогли бы сделать, если бы за несколько столетий до них ученые предки не собирали бы страстно, не спасли бы и не истолковали то, что сохранилось от наследия древней Греции» [Лемерль, 2017, с. ix].

Собственно, именно благодаря Лемерлю появилась концепция «первого византийского гуманизма» или «энциклопедизма», обозначающего «мостик» между эпохами, а также «цикличность» особенных эпох, характеризующихся интенсификацией художественных и интеллектуальных рефлексий антикизирующей направленности. Как мы видим, потенциала «первого византийского гуманизма» хватило не только на IX–XII века (отличающиеся от VII–IX веков, наоборот, культурным подъёмом), но и на поздневизантийскую эпоху. Этот потенциал дал возможность появиться в IX–XII веках двум так называемым византийским ренессансам – македонскому и комниновскому возрождению. В это время восстанавливается внешнеполитическое господство Империи на мировой арене, проявляется активизация миссионерской деятельности среди разных народов, укрепляются позиции Церкви. Происходит переосмысление античных идеалов, расцветает учёность, появляется этот самый выдающийся византийский энциклопедизм.

3. *Поздневизантийский период – XIII–XV века.* Заключительный этап византийской истории. Он характеризуется деградацией и децентрализацией государственного управления, упадком управленческих качеств элиты. При этом наблюдается очередной мощный культурный расцвет, плодотворная интеллектуальная деятельность, новый взлёт искусства, что в совокупности получило название третьего византийского ренессанса – палеологовское возрождение. Пожалуй, это наиболее яркая страница в истории византийской пайдеи, вступившей после почти тысячелетнего интеллектуального и цивилизационного одиночества в бурную дискуссию с тем, что мы именуем, без всяких кавычек и оговорок, гуманизмом, итальянским гуманизмом. После своего расхождения в раннее Средневековье два кластера античной пайдеи – латинский и греческий снова встретились в Средневековье, чтобы активно обмениваться накопившимся опытом, что выражалось в появлении научных итало-византийских кругов. При этом подобные «круги» возникли изначально по отдельности как в Италии, так и в Византии. Невероятно насыщенная агонистическая интеллектуально-дискуссионная деятельность в поздней Византии сформировала особую социальную и эмоциональную среду, которую отечественный византолог Сания Гукова определяет «формой духовного общения, получившей особенно широкое распространение в палеологовский период, были неофициальные литературно-философские сообщества, именуемые *θέατρα*. Здесь велись ученые беседы, читались новые произведения, обсуждались волнующие проблемы» [Гукова, 1991, с. 640]. А долгожданное осознание и восторжание собственным античным прошлым итальянцами, желающими всё воспроизвести, как замечает Якоб Буркхардт [1996, с. 113], устремляет их взоры на византийскую пайдею. Здесь уже сама Византия выступает «передатчиком» греческого компонента Античности, главным образом в филологической сфере, столетиями недоступной латиноговорящим авторам, прежде всего из Флоренции.

К сожалению, этот культурный диалог не смог просуществовать долго по историческим меркам. Империя ромеев доживала свои последние дни под османским натиском, однако, как замечает современный отечественный византолог Татьяна Куц, «даже находясь на пороге неминуемой гибели, Византия позволяла себе роскошь богатой интеллектуальной жизни. В то время, когда, казалось, уже было не до риториков и их рафинированной культуры, в империи все так же кипели научные споры, сочинялись учёные трактаты, собирались литературные кружки, а философы обращались с большой трибуны к благоговейно внимавшей им аудитории» [Куц, 2017, с. 371]. И это действительно может считаться универсальным и уникальным опытом в вопросе ценности духовной, интеллектуальной жизни для человека и общества, несмотря на любые социальные катаклизмы.

Заклучение

Конечно, наиболее очевидным результатом исследования можно выделить полный технологический, культурный континуитет системы просвещения на эллинистическом Востоке, хотя расхоже стереотипное представление о полной катастрофе античного цивилизационного наследия в раннем Средневековье. Безусловно, существовал христианско-языческий антагонизм, однако христианская редакция образования была сугубо косметической.

Главным для нас, пожалуй, является судьба пайдеи в рамках уже зрелой византийской культуры, где она сыграла важнейшую роль *«удерживающего»*. Удерживающего от скатывания в бездну тьмы, аналогичную той, которая была на латинском Западе (это положительный момент), хотя именно в кризисную эпоху иконоборчества Византия была к этому наиболее близка. Чётко видна обратная, негативная ситуация, *когда отсутствие нормального просвещения приводит к скатыванию в гражданскую войну на философско-религиозной почве, что стало возможным из-за деградации ценностей пайдеи, прежде всего среди элиты и народных масс*. Это могло привести в дальнейшем даже к культурной, цивилизационной катастрофе на византийском востоке. Однако, к счастью, в условиях социальных катаклизмов среди византийских интеллектуалов *возобладала идея любви к своему эллинскому наследию* – в IX–X веках эти люди страстно сохраняют античные тексты, что спасло пайдею, гуманизм, энциклопедизм. А это в свою очередь предопределило роль византийской пайдеи как *передатчика* в гуманистическом диалоге Византии и Италии.

Такова судьба и роль греческой пайдеи в истории византийской и, шире, мировой культуры. Но остаётся неотвеченным ещё один важный, конкретный вопрос – как технологически и идейно выглядела уже *византийская пайдейя, её модель?* Это предстоит выяснить уже в другом исследовании.

Список литературы

- Бондаренко Е. А., Борисов С.Н., Римский В.П. 2014. Культурный капитал и интеллектуальные субкультуры в античном духовном производстве. Статья 1. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право»*, 28: 5-19.
- Буркхардт Я. 1996. Культура Возрождения в Италии. М., Юристъ, 591 с.
- Гукова С.Н. 1991. Школа и образование в поздней Византии. В кн.: *Культура Византии. XIII – первая половина XV в.* Под ред. Г.Г. Литаврина. М., Наука: 395-411.
- Дегг Э.Б. 2022. Пайдейя – характерные особенности и эволюция античной системы образования. *Южный Полюс. Исследования по истории западной философии*, 8: 51-63 51-63. DOI: 10.18522/2415-8682-2022-8-51-63.
- Джуринский А.Н. 2000. История педагогики. М., Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 432 с.
- Драч Г.В. 2024. Об античном полисе и проблемах происхождения науки и философии: перечитывая Петрова. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 49(1): 5–16. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-5-16.

- Йегер В. 2001. Пайдейя. Воспитание античного грека. Том 1. М., Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина. (Jäger W. 1936. Paideia. Die Formung des griechischen Menschen. Erster Band. Berlin und Leipzig, Walter de Gruyter & CO).
- Карташёв, А. В. 2023. Вселенские соборы в 2 частях. Ч. 2. М., Юрайт, 298 с.
- Куц Т. В. 2017. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. М.; Екатеринбург, Кабинетный учёный, 412 с.
- Лемерль П. 2017. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века. СПб., Издательский проект «Квадривиум», xiv+482 с. (Lemerle P. 1971. Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture a Byzance des origines au Xe siècle. Paris Presses Universitaires de France).
- Лосев А.Ф., Шестаков В. П. 1965. История эстетических категорий. М., Искусство, 374 с.
- Марру А.-И. 1998. История воспитания в античности (Греция). М., Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 425 с. (Marrou H.-I. 1965. Histoire de l' education dans l'antiquite. Paris.).
- Ницше Ф. 2001. Рождение трагедии. М., Издательство Ad Marginem, 736 с.
- Фрейберг Л.А. 1975. Античное литературное наследие в византийскую эпоху. В кн.: Античность и Византия. Под ред. Л.А. Фрейберг. М., Наука: 5-52.
- Burckhardt J. 1998. The Greeks and Greek Civilization. Электронная книга URL: <https://archive.org/details/greeksgreekcivil00burc/page/n9/mode/2up> (дата обращения: 07 августа 2024).
- Kaldellis A. 2007. A Heretical (Orthodox) History of the Parthenon. Электронная книга. URL: https://lsa.umich.edu/content/dam/modgreekassets/Home/Window%20to%20Greek%20Culture/Lectures%20at%20U-M/LaUM_Kaldellis_HereticalParthenon.pdf (дата обращения: 10.08.2024)
- Kaldellis A. 2009. The Christian Parthenon. Classicism and Pilgrimage in Byzantine Athens. Электронная книга. URL: <https://books.google.ru/books?id=CIuOUcai6LkC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 10.08.2024)

References

- Bondarenko E.A., Borisov S.N., Rimskiy V.P. 2014. Cultural capital and intellectual subcultures in ancient mental production. Paper 1. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo»*, 28: 5-19. (in Russian).
- Burckhardt J. 1996. *Kul'tura Vozrozhdeniya v Italii* [The Civilization of the Renaissance in Italy]. Moscow, Publ. Yurist, 591 p.
- Gukova S.N. 1991. *Shkola i obrazovanie v pozdney Vizantii* [Schools and education in Late Byzantium]. In: *Kul'tura Vizantii. XIII - pervaya polovina XV v.* [The culture of Byzantium. XIII - the first half of the XV century]. Ed. G.G. Litavrin. Moscow, Publ. Nauka: 395-411.
- Degg A.B. 2022. Paideia – characteristic features and evolution of the ancient education system. *Yuzhnyy Polyus. Issledovaniya po istorii zapadnoy filosofii*, 8: 51-63 (in Russian). DOI: 10.18522/2415-8682-2022-8-51-63.
- Dzhurinskiy A.N. 2000. *Istoriya pedagogiki* [History of pedagogy]. Moscow, Publ. Vlados, 432 p.
- Drach G.V. 2024. On the Ancient Polis and the Problem of the Origin of Science and Philosophy: Rereading Petrov. *NOMOTNETIKE: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 5–16 (in Russian). DOI:10.52575/2712-746X-2024-49-1-5-16.
- Yeger V. 2001. *Paydeyya. Vospitanie antichnogo greka. Tom 1* [Paideia. The upbringing of an ancient Greek. Vol. 1]. Translated from German. Moscow, Yuriy Shichalin's Museum Graeco-Latinum. 594 p. (Jäger W. 1936. Paideia. Die Formung des griechischen Menschen. Erster Band. Walter de Gruyter & CO. Berlin und Leipzig).
- Kartashev, A. V. 2023. *Vselenskie sobory v 2 chastyakh. Ch. 2.* [The ecumenical councils in 2 volumes. V. 2]. Moscow, Publ. Yurayt, 298 p.
- Kushch T.V. 2017. *Na zakate imperii: intellektual'naya sreda pozdney Vizantii.* [At Sunset of Empire: The Intellectual Milieu of The Late Byzantium]. Moscow, Ekaterinburg, Publ. Kabinetnyy uchenyy, 412 p.
- Lemerl' P. 2017. *Pervyy vizantiyskiy gumanizm. Zamechaniya i zametki ob obrazovanii i kul'ture v Vizantii ot nachala do X veka.* [Byzantine Humanism: The First Phase. Notes and Remarks on Education and Culture in Byzantium from its Origins to the 10th Century]. Translated from French.

- Saint-Petersburg, Publ. Kvadrivium, xiv+482 p. (Lemerle P. 1971. Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture a Byzance des origines au Xe siècle. Paris Presses Universitaires de France).
- Losev A.F., Shestakov V.P. 1965. Istoriya esteticheskikh kategoriy [The history of aesthetic categories]. Moscow, Publ. Iskusstvo, 374 p.
- Marru A.-I. 1998. Istoriya vospitaniya v antichnosti (Gretsiya) [A history of education in antiquity]. Translated from French. Moscow, Publ. Yuriy Shichalin's Museum Graeco-Latinum, 425 p. (Marrou H.-I. 1965. Histoire de l' education dans Tantiquite. Paris.).
- Nitsshe F. 2001. Rozhdenie tragedii [The Birth of Tragedy]. Moscow, Publ. Marginem, 736 p.
- Freiberg L.A. 1975. Antichnoe literaturnoe nasledie v vizantiiskuyu epokhu [Ancient literary heritage in the Byzantine era]. In: Antichnost' i Vizantiya [Antiquity and Byzantium]. Ed. L.A. Freiberg. Moscow, Publ. Nauka: 5-52.
- Burckhardt J. 1998. The Greeks and Greek Civilization. E-book. Available at: <https://archive.org/details/greeksgreekcivil00burc/page/n9/mode/2up> (accessed: 07 August 2024).
- Kaldellis A. 2007. A Heretical (Orthodox) History of the Parthenon. E-book. Available at: https://lsa.umich.edu/content/dam/modgreekassets/Home/Window%20to%20Greek%20Culture/Lectures%20at%20U-M/LaUM_Kaldellis_HereticalParthenon.pdf (accessed: 10 August 2024)
- Kaldellis A. 2009. The Christian Parthenon. Classicism and Pilgrimage in Byzantine Athens. E-book. Available at: <https://books.google.ru/books?id=CIuOUcai6LkC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (accessed: 10 August 2024).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 24.12.2024

Поступила после рецензирования 24.03.2025

Принята к публикации 30.05.2025

Received December 24, 2024

Revised March 24, 2025

Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дегг Эндрю Брайан, экскурсовод, Институт развития образования, г. Ростов-на-Дону, Россия.

 <https://orcid.org/0009-0002-0096-9084>

Andrew Bryan Degg, guide, Institute of Education Development, Rostov-on-Don, Russia.

 <https://orcid.org/0009-0002-0096-9084>

УДК 379.851
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-437-443
EDN PNJPRK

Создание креативных пространств как способ активизации внутреннего туризма

Мирошниченко Е.В., Посохова Н.В., Римский В.П.

Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, д. 7
mev-el@ya.ru

Аннотация. В современных социально-культурных условиях проблеме развития внутреннего туризма уделяется особое внимание ввиду его преимущественных характеристик. Внутренние путешествия дают возможность не только для освоения внутренних туристических ресурсов, но и для привлечения внимания инвесторов и развития территории. Значительный рынок туристского спроса в сфере внутреннего туризма актуализирует поиск эффективных способов развития этого уникального социально-экономического и культурного явления. Творческий подход к организации внутреннего туризма дает дополнительные преимущества туристскому продукту в аспекте его оригинальности и привлекательности. В работе раскрывается потенциал творческих пространств как креативного сектора внутренних путешествий, обосновывается их роль в продвижении и формировании имиджа территории. Авторы высказывают мысль о необходимости активизации включения в программы внутренних путешествий компонента креативных пространств, что может стать фактором роста интереса и востребованности туристского продукта внутреннего значения.

Ключевые слова: туристский продукт, турист, внутренний туризм, креативные пространства, туристические ресурсы, туристические предприятия, территория

Для цитирования: Мирошниченко Е.В., Посохова Н.В., Римский В.П. 2025. Создание креативных пространств как способ активизации внутреннего туризма. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 437–443. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-437-443
EDN: PNJPRK

Making Creative Spaces as a Way to Enhance Domestic Tourism

Elena V. Miroshnichenko, Natalia V. Posokhova, Viktor P. Rimsky

Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Korolev St, Belgorod 308009, Russia
mev-el@ya.ru

Abstract. In modern socio-cultural conditions, special attention is attached to domestic tourism development due to its advantageous characteristics. Domestic travel provides an opportunity not only to advance domestic tourism resources, but also to attract investors and develop the territory. A significant market of tourist demand in the field of domestic tourism actualizes the search for effective ways to develop this unique socio-economic and cultural phenomenon. A creative approach to the organization of domestic tourism gives additional advantages to the tourist product in terms of its originality and attractiveness. The article reveals the potential of creative spaces as a creative sector of domestic travel, substantiates their role in promoting and shaping the image of the territory. The authors stress the need to stimulate the inclusion of the creative space component into domestic travel programs, which can become a factor in increasing interest and demand for a tourist product of domestic significance.

Keywords: tourist product, tourist, domestic tourism, creative spaces, tourist resources, tourist enterprises, territory

For citation: Miroshnichenko E.V., Posokhova N.V., Rimsky V.P. 2025. Making Creative Spaces as a Way to Enhance Domestic Tourism. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 437–443 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-437-443 EDN: PNJPRK

В современных условиях развития общества возрастает интерес к потенциалу внутренних туристических ресурсов, их популяризации и способам освоения. На всех уровнях государственной власти проблема развития внутреннего туризма находится в поле особого внимания. Туристические предприятия (туроператоры, турагенты, туристические бюро) также активно и систематически осуществляют поиск наиболее эффективных способов продвижения внутреннего туризма, расширения потребительского спроса на туристский продукт внутреннего значения. Это перспективное направление социального и экономического развития. Наличие и развитие туристических ресурсов внутреннего значения является также фактором формирования положительного имиджа региона и его инвестиционной привлекательности. В последние годы наблюдается рост туристического потока в сфере внутреннего туризма, что обусловливается как объективными, так и субъективными причинами. Снижение туристического потока в сфере международного туризма спровоцировало возрастание интереса к внутреннему туристскому продукту. Последние пять лет наблюдается тенденция к росту спроса на туристические программы в сфере внутреннего туризма. По данным, приведенным в ресурсе «Ведомости. Аналитика», в Российском союзе туристической индустрии количество поездок по стране в 2024 году оценивают примерно в 96 млн, что на четверть больше, чем в 2023 году¹. В сравнении с 2023 годом, туристический поток в рамках внутреннего туризма увеличился на 8 %, и тенденция к росту устойчиво сохраняется.

С одной стороны, происходящие перемены в международных отношениях стали одной из причин снижения интенсивности выездов туристов в зарубежные государства, в частности в страны Западной Европы, Скандинавии и другие. Политическая и экономическая нестабильность, возрастание рискованных ситуаций также оказали влияние на спрос в сфере международного туризма. С другой стороны, активное развитие регионов Российской Федерации, потребность в популяризации ресурсного туристического потенциала собственных территорий, расширение возможностей для инвестирования в регионы активизировали внимание к разработке туристических направлений внутреннего значения и привлечению туристов.

Каждый субъект Российской Федерации имеет уникальный туристический потенциал, который, к сожалению, недостаточно разработан и освоен во многих регионах. В этой связи актуализируются вопросы, связанные с поиском и выявлением туристических ресурсов, их популяризации для развития туризма внутреннего значения. Развитие внутреннего туризма всегда имеет мультипликативный эффект, который проявляется в параллельном развитии супраструктурных компонентов туристической индустрии (транспорт, предприятия питания, сектор гостеприимства и др.).

В рамках любой территориальной единицы создается определенная среда для развития личности и реализации ее потенциала. Устойчивое развитие территорий во многом зависит от способности изменяться в соответствии с задачами и условиями современных реалий. Особое значение имеет инфраструктура и объекты культуры, которые относятся к факторам формирования туристского продукта, посредством чего

¹ Внутренний турпоток в России в 2024 году достиг исторического максимума. Ведомости. Аналитика. URL: https://www.vedomosti.ru/analytics/krupnyu_plan/articles/2025/01/19/1087103-vnutrennii-turpotok-v-rossii-v-2024-godu-dostig-istoricheskogo-maksimuma (дата обращения: 06.03.2025).

происходит «капитализация территории». И здесь речь идет не только о существующих объектах, но и о разработке новых туристических локаций в целях привлечения туристов. Одним из таких способов продвижения территории и активизации внимания потребителей туристского продукта является проект создания креативных пространств.

Креативные пространства можно рассматривать как составляющие компоненты креативных индустрий и понимать как общедоступные территории, где осуществляется деятельность человека на основе интереса в целях свободного самовыражения. В креативных пространствах реализуется творческая активность личности, формируются коммуникативные связи на основе общих потребностей и интересов. Это место, где человек может не только развивать творческие способности, но и учиться управлять деятельностью и процессами. При организации креативных пространств предполагается включение экономического механизма, действие которого обеспечивает получение прибыли по результатам деятельности, организованной в этих пространствах.

Так, например, по поводу организации креативных пространств в городской среде пишет Е.В. Елисеева: «Креативные пространства как составляющая творческих индустрий способствуют преобразованию городов в глобальные инновационные центры» [Елисеева, 2017, с. 170]. Местом создания креативных пространств часто становятся заброшенные объекты социально-культурной среды, что сказывается на их эстетическом облике. Культивирование таких объектов, придание им новой жизни посредством эстетического и творческого преобразования решает эстетические, социально-культурные проблемы, нормализует социальную атмосферу.

В рамках креативных пространств успешно реализуется образовательная функция. Популярными и востребованными формами работы в этом аспекте являются творческие мастер-классы, семинары, дискуссионные клубы, комплексные развивающие программы и другое. Неформальное общение участников и посетителей этих креативных территорий, способствует обмену идеями, интересными методиками и практическим опытом. Нельзя не отметить такую важную функцию креативных пространств, как досуговая. В целях организации полезного досуга в структуру креативных пространств включаются кафе, игровые локации, зоны отдыха, проводятся интересные культурно-досуговые программы, в том числе фестивали и праздники.

Также исследователи отмечают значимость творческого аспекта для привлекательности туристского продукта, его востребованности среди потенциальных потребителей. Интеграция творческого контента с туризмом позволяет охватить новые целевые аудитории, улучшить имидж города и конкурентоспособность, а также содействует развитию творческой индустрии и креативного экспорта [Черная, Кормишова, 2017].

Не менее интересен опыт использования креативных пространств в аспекте привлечения туристов, путешествующих по программам внутреннего туризма. Исследуя компонент креативности в сфере туризма, В.А. Черная и А.В. Кормишова замечают, что, взаимодействуя с туризмом, креативные пространства повышают спрос на разработку нового опыта, продуктов и рынков [Черная, Кормишова, 2017].

Посещение креативных пространств в рамках тура способствует не только ознакомлению с новыми подходами к организации социально-культурной среды территории, но и активизации творческой самореализации человека. В креативной среде отдых и творческая деятельность способствуют объединению организаторов туризма и потребителей туристского продукта. Как отмечают А.А. Беспалова и Т.А. Рововая, становится возможным переход от традиционной модели культурного туризма к новым моделям креативного туризма, ориентированным на современное творчество, инновации и нематериальное содержание [Беспалова, Рововая, 2018, с. 228].

Реализация проектов креативных пространств актуальна не только на территории больших городов с богатым культурным и туристическим потенциалом, но и на

небольших территориях, имеющих свою инфраструктурную специфику и культурную самобытность. Посещение туристами таких территорий оказывает значительное влияние на развитие внутреннего туризма, а также экономическое и социокультурное состояние. В аспекте развития внутреннего туризма у креативных пространств имеется большой потенциал, прежде всего – это новый компонент в структуре туристского продукта, который придает ему новое качество и содержание, способствует продлению его жизненного цикла и повышает потребительский спрос. Также посещение креативных пространств во время туров дополняет туристические программы, что способствует увеличению количества туристов с похожими интересами и потребностями. Таким образом формируется сегмент лояльных туристов к подобным туристическим программам и реализующим их туристическим предприятиям.

Нельзя не отметить, что креативные пространства оказывают влияние на изменение традиционной модели туризма, имеющей определенные ограничения. Применение творческих технологий в процессе разработки культурного продукта создает дополнительные преимущества, что стимулирует развитие внутреннего туризма, изменение его сущности и усиление социокультурной значимости.

В региональной практике для создания креативных пространств активно используются проектные технологии, главная цель которых состоит в создании нового оригинального продукта при участии активной творческой команды. Так, на территории Белгородской области созданы и функционируют креативные пространства различной тематической направленности, набирающие популярность у туристов, путешествующих по областным туристическим маршрутам.

Наиболее мобильной, социально активной, творчески ориентированной возрастной группой является молодежь. Именно поэтому эта категория населения является главным целевым сегментом креативных пространств.

Городская социокультурная среда особенно благоприятна для создания креативных пространств. Активно эта практика осваивается на территории города Белгорода. К созданию творческих пространств подключились библиотеки города. Так, Пушкинская библиотека-музей в рамках фестиваля уличных искусств «Белая Маска» открыла масштабный проект «Арт-пространство на Народном бульваре». В целях охвата всех возрастных групп населения города проект включает несколько блоков. Арт-пространство на Народном бульваре призвано вовлечь как можно большее количество участников, в том числе туристов, в культурную жизнь города.

В рамках креативного пространства арт-резиденции «Квартира», функционирующего в социально-культурной среде города Белгорода, организована деятельность по развитию творческой активности молодежи. Наиболее популярными формами являются мастер-классы, встречи творческих личностей, литературные вечера и другие интересные культурно-досуговые программы для молодёжи. Это творческая площадка для обмена мнениями, идеями и творческими практиками. Включение в туристические программы посещения этой локации, безусловно, сделает путешествие более интересным и запоминающимся.

На базе Центра культурного развития Валуйского городского округа большой популярностью пользуется креативное пространство «Арт-центр «Слушай Себя», на площадке которого осуществляется работа по поддержке одаренных подростков и молодежи и развитию творческой активности молодого поколения.

Деятельность, организованная в рамках таких креативных пространств области, как арт-пространство «Завод» (г. Валуйки) и креативная площадка «Укус» (п. Уразово) также ориентирована на молодежный сегмент. Локации арт-пространства «Завод», в котором созданы цеха: блогинг, музыкальные эксперименты, диджеинг, спортивные дискуссии и

психологические тренинги, мастер-классы по киберспорту, представляет собой экспериментальную площадку для подрастающего поколения, где можно полезно и интересно провести досуговое время. Значительное внимание в рамках креативного пространства «Завод» уделяется представителям подрастающего поколения, относящимся к группе риска. На сегодняшний день участниками различных мероприятий, организованных в этой творческой среде, стали более 7 000 подростков и молодежи, что говорит об интересе этих возрастных групп к подобного рода творческим практикам.

Совершая путешествие по Белгородской области, туристы могут не только ознакомиться с новыми видами социокультурной творческой деятельности, но и принять в ней непосредственной участие, что, безусловно, усилит впечатление от программы тура или экскурсии.

Не менее интересной является работа внутри креативного пространства «Укус». Все творческие формы, реализуемые на этой территории, направлены на творческое развитие и саморазвитие молодых людей посредством цифровых экспериментов, творческих бесед и дискуссий, тематических дискотек, интеллектуальных мастерских и других форм. Востребованной среди молодежи является психологическая поддержка, организованная в креативной зоне.

С ориентацией на привлечение туристов к внутреннему социально-культурному потенциалу области создана сельская арт-резиденция «АртКампус» (Волоконовский р-н, с. Ютановка). Здесь открыта лаборатория сельского туризма. При участии творческих специалистов района (режиссёров, постановщиков культурно-досуговых программ и др.), активно ведется работа по развитию необходимых компетенций участников для проведения «живых» экскурсий. Новые туристские продукты – лаборатории являются действенным способом привлечения внимания к истории села, ее жителям, значимым событиям и культурным объектам. В творческой лаборатории были разработаны и реализованы такие экскурсии, как «Назад в прошлое» (экскурсия для детей), «Вспомнить все» (экскурсия для взрослых о студенческой жизни, студенческом братстве), «Тайна старой усадьбы» – квест для молодежной аудитории и другие мероприятия¹. Также на территории Волоконовского района организовано креативное пространство «Музыкальная слобода 2.0», на котором задействованы творческие локации Центра культурного развития поселка Пятницкое. Посещение в рамках туров откроет возможность туристам для телепортации в мир музыки, участия в молодежных арт-вечеринках, а также протестировать свои способности в пении, танце без оценок и критериев.

На популяризацию культурного наследия Белгородской области направлена деятельность в креативном пространстве «СемьяЯблок», открытого в городе-крепости «Яблонов» (Корочанский р-н). Локации пространства объединены «яблочной» тематикой и ориентированы на организацию работы с семьями, имеющими детей. Здесь можно с пользой провести досуг, заняться творчеством, разнообразить семейное общение. Туристические программы семейных путешествий по Белгородской области могут быть дополнены интересным посещением креативного пространства «СемьяЯблок». На территории Старооскольского городского округа функционирует арт-пространство «Цоколь», ориентирующее свою деятельность на подростковую и молодёжную возрастные группы, в частности. Творческие зоны этого пространства – территория, созданная для общения, образования, самосовершенствования, совместной творческой работы.

¹ Лучшие творческие практики центров культурного развития, модельных домов культуры области: из опыта работы ведущих культурно-досуговых учреждений Белгородской области, участников рейтингования по итогам 2023 года: сборник метод. реком. для специалистов клубных учреждений / сост. Е.Г. Ряшенцева. Белгород: ГБУК БГЦНТ, 2024. 34 с.

В процессе разработки туристических продуктов в рамках внутреннего туризма туристические предприятия еще недостаточно активно включают в их структуру посещение креативных пространств, имеющих большой воспитательный, образовательный и культуроформирующий потенциал. Активизация работы туристических предприятий в данном направлении позволит не только разнообразить программы внутренних туров, но и увеличить спрос на внутренний туристический продукт.

При характеристике потенциала креативных пространств в аспекте привлечения внимания к внутреннему туризму представлен далеко не полный их перечень. Акцент был сделан на географии бытования этих креативных моделей организации пространства и возможностях в организации внутренних туристических поездок.

Заклучение

Таким образом, развитие внутреннего туризма является одной из приоритетных задач государственной политики всех уровней. Культурное наследие в каждом регионе представлено объектами материальной и духовной культуры, которые входят в структуру туристических ресурсов регионального внутреннего значения. Увеличение численности и разнообразия внутренних туров способствует не только развитию территории, но и максимальной реализации ее культурного потенциала в аспекте формирования имиджа и привлечения инвестиций.

Проект создания креативных пространств можно рассматривать как один из факторов влияния на развитие внутреннего туризма. Включение в программы туров и экскурсий посещения креативных пространств дополнит структуру турпродукта, значительно активизирует интерес туристов и увеличит их численность в сфере внутреннего туризма. Позиционирование территории как креативного места может увеличить ее привлекательность не только для туристов, но и для потенциальных работников и творческих людей.

Разработка интересного, востребованного турпродукта, в котором есть место творчеству, увлекательной деятельности, соответствует современной политике и практике импортозамещения в сфере туризма, является условием для формирования позитивного имиджа внутренних территорий, способствует туристической привлекательности для потребителей внутреннего туристического продукта.

Список литературы

- Беспалова А.А., Рововая Т.А. 2018. Туристический потенциал креативного рекреационного пространства города: состояние и перспективы реализации в России. *Гуманитарий Юга России*. № 1: 222-232.
- Елисеева Е.В. 2017. Роль креативных пространств в современной городской среде. *Вопросы науки и образования*. № 6 (7): 170-173.
- Черная В.А., Кормишова А.В. 2017. Креативное пространство как часть туристской дестинации. В кн.: Молодежный научный форум: общественные и экономические науки: электр. сб. ст. по материалам XLIV Междун. студ. науч.-практ. конф. № 4 (44): 228-233.

References

- Bespalova A.A., Rovovaya T.A. 2018. Turisticheskiy potentsial kreativnogo rekreatsionnogo prostranstva goroda: sostoyaniye i perspektivy realizatsii v Rossii [Tourist potential of the creative recreational space of the city: state and prospects of implementation in Russia]. *Gumanitariy Yuga Rossii*. № 1: 222-232.
- Yeliseyeva Ye.V. 2017. Rol' kreativnykh prostranstv v sovremennoy gorodskoy srede [The role of creative spaces in the modern urban environment]. *Voprosy nauki i obrazovaniya*. № 6(7): 170-173.

Chernaya V.A. Kormishova A.V. 2017. Kreativnoye prostranstvo kak chast' turistskoy destinatsii [Creative space as part of a tourist destination]. In.: Molodezhnyy nauchnyy forum: obshchestvennyye i ekonomicheskiye nauki: elektr. sb. st. po materialam XLIV Mezhdun. stud. nauch.-prakt. Konf [Youth Scientific Forum: Social and Economic Sciences: electronic collection of articles based on the materials of the XLIV Int. student scientific and practical. conf]. № 4 (44): 228-233.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.10.2024

Поступила после рецензирования 19.01.2025

Принята к публикации 30.05.2025

Received October 19, 2024

Revised January 19, 2025

Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мирошниченко Елена Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности и туризма, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

Elena V. Miroshnichenko, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Socio-Cultural Activities and Tourism, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

Посохова Наталья Викторовна, кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности и туризма, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

Natalia V. Posokhova, Candidate of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Socio-Cultural Activities and Tourism, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

Римский Виктор Павлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

Viktor P. Rimsky, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, and Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 008+82.091
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-444-450
EDN QGNDHU

Автофикшн социальный: как интернет-пространство повлияло на литературу

Белогорцев А.Д.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, д. 85
andrbelog@yandex.ru

Аннотация. Автофикшн рассматривается как социально-литературное явление на основе сравнения и выявления сходства виртуального пространства (интернет) и художественного пространства (литература). В основе исследования лежит отказ от автофикшн как от литературного жанра, поскольку в образовании автофикшн более значимы социальные, а не литературные факторы. Появление автофикшн связывается с изменением восприятия информации современным человеком. Приводятся в пример некоторые факторы, которые повлияли как на читателя, так и на автора: интернет, средства массовой информации, социальные сети. Выявляются актуальные проблемы самоидентификации, которые ставит перед собой литература автофикшн и современный человек в целом. Раскрывается влияние научно-технологического прогресса на художественный текст, а именно на проблематику, способ повествования, хронотоп, сюжетообразование, выбор героев.

Ключевые слова: автофикшн, современная русская литература, интернет-пространство, Серж Дубровский, читатель, социально-литературное явление, квазибиография, самоидентификация

Для цитирования: Белогорцев А.Д. 2025. Автофикшн социальный: как интернет-пространство повлияло на литературу. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 50(2): 444–450. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-444-450 EDN: QGNDHU

Autofiction in Society: How the Internet Space Has Influenced Literature

Andrey D. Belogortsev

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
andrbelog@yandex.ru

Abstract. The paper is focused on autofiction as a socio-literary phenomenon consisting in comparison and identification of similarities between virtual space (the Internet) and artistic space (literature). The study is based on the rejection of autofiction as a literary genre, since it is social rather than literary factors that play a large role in the formation of autofiction. The emergence of autofiction is associated with a change in the perception of information by modern people. The author provides examples of some factors that influenced both the reader and the author, including media, the Internet, and social networks. The study addresses pressing issues of self-identification posed by autofiction literature and raised by contemporary man. In conclusion, the influence of scientific and technological progress on a literary text is revealed, especially on the issues, method of narration, chronotope, plot formation, and the choice of characters.

Keywords: autofiction, modern Russian literature, Internet space, Serge Dubrovsky, reader, socio-literary phenomenon, quasi-biography, self-identification

For citation: Belogortsev A.D. 2025. Autofiction in Society: How the Internet Space Has Influenced Literature. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 444–450 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-444-450 EDN: QGNDHU

Введение

Литературные споры о том, где проходят границы жанра, какую литературу можно отнести к автофикшн, а какую нет, зашли в тупик. Создать единые критерии жанра, как и выделить конкретных авторов-автофикционалистов ни одному исследователю за сорок лет с момента первого упоминания понятия «автофикшн» в 1978 году так и не удалось. Закономерности, которые выделяли теоретики литературы, оказывались слишком размытыми, чтобы закреплять их в правило. К 2000-м годам дискуссия вокруг автофикшн во Франции угасла, что должно было стать идейным завершением, однако автофикшн начал распространяться в другие страны и культуры, обретая новую жизнь. Сейчас автофикшн – наиболее адаптированный жанр под современного читателя, изменения издательской политики. Авторы по всему миру выбирают автофикшн как самый удобный способ излагать мысли. Нам видятся различия между тем автофикшн, который создавал и теми автофикциональными произведениями, которые происходят сейчас, однако причины, которые повлияли на изменения автофикшн и позволили просуществовать явлению до наших дней, кроются вне литературы: одной из таких причин стала научно-техническая революция.

Влияние интернета на литературу

Тот автофикшн, который мы видим в России – совершенно не то, что изначально предполагал С. Дубровский, впервые использовавший данное понятие. В его понимании одного объединения автора-повествователя-героя было недостаточно для образования жанра: автофикшн создавался из противоречия внутри автора. И ещё одним важным элементом автофикшн, который упускают теоретики литературы, является психоанализ. Роман «Сын», на обложке которого впервые употребился термин «автофикшн», основывался на снах Дубровского [Dubrovsky, 1980], которые он записывал в тетрадь, переводил на английский язык и обсуждал со своим психоаналитиком, а затем переводил в художественное произведение, основываясь на методе свободных ассоциаций, который сам Дубровский называет «психоаналитической поэтикой» [Dubrovsky, 1980, p. 199].

Роман «Сын» на русский язык не переведён, однако текст мог выглядеть так:

«ДВЕ ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ПОЛОВИНЫ

он их хочет

ПОЛНОСТЬЮ И ОДИНАКОВО

его ДВЕ ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ПОЛОВИНЫ

он ими существует

ОДНОВРЕМЕННО ОДИНАКОВО И

ДО КОНЦА

МОНСТР не полумужчина

полуженщина

а

ЦЕЛИКОМ МУЖЧИНА И ЦЕЛИКОМ ЖЕНЩИНА» [Левина-Паркер, 2010].

Психоаналитика и психология творчества не входит в предмет исследования теоретической литературы (возможно, по этой причине психоанализ как важный компонент автофикшн и пропадает в исследованиях) – ещё одна причина уйти от сугубо литературного «жанрового» определения автофикшн и рассматривать его как явление.

С. Дубровский был абсолютно прав в том, что автофикциональную литературу необходимо отделить от остальной литературы (у неё есть свои особенности, и было бы ошибкой оценивать произведение автофикшна по насыщенности фабулы или сюжетных поворотов), однако текст для литературы автофикшна далеко не первичен. Это стало поводом к тому, чтобы начать рассматривать автофикшна не с точки зрения жанра, а как социально-литературное явление, то есть, если и существуют особенности, благодаря которым автофикшна возник и которые позволяют отличить его от другой литературы, то его своеобразие стоит искать не столько в тексте, сколько в обществе.

Выделим три взаимосвязанные составляющие: автор, читатель и текст. Перед тем, как изучать текст, необходимо разобраться, что стало причиной изменения каждого элемента по отдельности.

Ролан Барт в концепции «Смерть автора» утверждал, что современный автор подобен записывающему устройству и рождается в процессе письма, тогда как именно читатель создаёт литературу, интерпретируя по-своему текст: «читатель – это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых слагается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении» [Барт, 1994].

Вопросы о роли автора заслуживают отдельной дискуссии. В этой работе возьмём лишь идею невозможности существования текста без читателя. В настоящей русской литературе автофикшна – наиболее адаптированный под читателя формат, и именно благодаря этой адаптации автофикшна стал настолько заметным явлением в мире литературы. В данной статье рассмотрим лишь некоторые внешние факторы, которые повлияли на современного читателя.

По Барту, «читатель – это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст» [Барт, 1994]. Говоря о читателе, мы подразумеваем общее и частное одновременно, это один из массы. Рассматривая представителя массы, было бы справедливо говорить о явлениях, которые повлияли на подавляющее большинство читателей, то есть на современных людей в целом.

При изучении автофикшна отмечалось, что многие авторы научились учитывать особенность современной литературы, которая заключается в том, что и автор, и читатель, находятся в одном информационном поле, а потому используют социальные сети, чтобы «тестировать» отрывки из произведений на читателях или же, наоборот, набирать подписчиков, поскольку опубликованный контент личного характера тематически мог бы считаться продолжением книги, только публикующийся в режиме онлайн (даже приблизительное жанровое определение данных постов не изучено, хотя уже сейчас существует немало примеров: так, писатель Андрей Аствацатуров публикует на своей странице ВКонтакте посты околохудожественного юмористического содержания; Александр Христофоров упоминает в романе «Политическое животное» существующий в реальности телеграмм-канал, который сам и ведёт; Андрей Доронин выпустил сборник «Записные книжки», содержание которого практически полностью состоит из постов в социальных сетях. Так, первым объединяющим фактором, который повлиял и на писателей, и на читателей, стал интернет. Важность этого явления сложно переоценить, и есть существенные различия между читателем условного XX века и пользователем интернета.

Интернет окрестили «виртуальной реальностью», которая «порождена внешней реальностью, актуальна только в процессе ее активного порождения, автономна во времени и пространстве и интерактивна, то есть обладает возможностью взаимодействия с другими реальностями» [Даулеткериев, 2018, с. 172]. Такое определение наталкивает на сравнение сетевой «виртуальной реальности» с художественной литературой.

И виртуальная реальность, и художественная являются автономными. Ролан Барт в статье «Удовольствие от текста» писал, что ему «не дано заявить: этот текст хорош, а этот

дурен. Никаких наградных списков, никакой критики; ведь критика всегда предполагает некую тактическую цель, социальную задачу, нередко прикрываемую вымышленными мотивами» [Барт, 1994]. Вторя ему, Ж. Женнет продолжает ту же идею: «Вымышленный текст не выводит к какой бы то ни было внетекстуальной реальности, и все, что он из реальности заимствует <...> превращается в элемент вымысла». Вымышленный текст нетранзитивен, потому что «люди и предметы, к которым относятся эти высказывания, не существуют вне их и отсылают нас к ним же» [Женнет, 1988].

Об «актуальности во время активного порождения» в литературе говорилось выше, в примере «Смерть автора» Ролана Барта [Барт, 1994], где шла речь как про читателя, в котором соединяются все цитаты, так и про скриптора, который рождается во время написания. Об автономности книги во времени и пространстве, как и о её интерактивности, мы можем говорить в контексте интертекстуальности, особенно актуальной в эпоху модернизма и постмодернизма.

Поскольку один и тот же человек является и пользователем интернета, и читателем, взаимоотношение Человека и Мира будет одинаковым. И виртуальный, и художественный мир миметируют жизнь реальную, а значит, изменение отношений с реальным миром, которое произошло благодаря интернету, должно отразиться и в литературе.

Ранней особенностью интернета была иллюзия анонимного общения, возможность скрыть свою личность за вымышленным именем, выбранным при регистрации [Даулеткериев, 2018, с. 173]. В литературе эту же роль выполняли персонажи произведения: имена героев придуманы, иногда и вовсе отсутствуют, а личность, стоящая за этим персонажем, теряет свою актуальность. Подобно прочтению пьесы по ролям, в интернете можно читать комментарии. С процессом внедрения интернета в нашу жизнь анонимность постепенно угасает. В наше время сохранить анонимность практически невозможно, ведь для регистрации на том или ином сайте всё чаще требуются личные данные, например, номер телефона или адрес электронной почты, которая, в свою очередь, содержит ещё больше персональной информации, – и благодаря соединению всех данных становится проще идентифицировать личность. На смену анонимным аккаунтам приходят реальные люди, однако внешний формат «чтения по ролям» остаётся. Так и литература (прежде всего автофикшн), оставляя прежнюю концепцию, становится эгоцентричной, происходит переход от вымышленных персонажей к персонажам автобиографическим.

Другая особенность виртуальной реальности – возможность создания образа «Я», невозможного в реальном мире. Аналогом в литературе является образ рассказчика. Повествуя от первого лица, автор основывается на своей биографии, однако не ставит своей целью рассказывать биографию достоверно, оставляя лишь фрагменты своей жизни и разбавляя их художественной обработкой. Само слово «автофикшн» делится на две части: «авто», то есть автобиография, которая оставляет за собой идентификацию главного героя с автором, и «фикшн», то есть вымысел. Получается, вымысел самого себя, создание образа, невозможного в реальном мире. Удивительно, что для читателя фрагментарности автобиографии достаточно, чтобы достроить образ в своем воображении, а потому считать абсолютно достоверным всё написанное. Такой способ восприятия привычен для пользователя интернета, поскольку аналогичным образом выстраивается биография пользователя на своей личной странице. Для постороннего человека, не знакомого с обладателем страницы, вырванные обрывки из биографии будут составлять так называемую «квазибиографию» [Труфанова, 2021, с. 22], которая отражает в себе суть этого человека. Конечно, она не имеет ничего общего с настоящей биографией пользователя, а личная страница является неким симулякром. После исчезновения анонимности личные странички в социальных сетях стали пространством для выражения альтер-эго: сетевая идентичность становится отражением множественности самоидентификаций современного человека и усиливает такую множественность в контексте виртуальной коммуникации. Самоидентификация становится одной из главных

проблем, которые поднимает автофикшн: в текст «переползают» проблемы гендерной идентификации, ориентации, неполной семьи, принятия своего тела, своего места в обществе. Автор составляет на основе проблем самоидентификации аналогичную «квазибиографию» в художественном тексте, однако личность главного героя также не совпадает с личностью автора.

Следующая особенность интернета – возможность поиска собеседника, который соответствовал бы внутренним ожиданиям и потребностям. Прежде всего следует разобраться, для чего нужен собеседник и зачем его подбирать в социальных сетях. Диалог для немецкого философа Мартина Бубера является опытом инаковости Другого, при общении происходит признание другого «своим иным» и узнавание его. Помимо взаимоотношений между человеком и человеком, которые философ обозначил как «психические», Бубер выделяет ещё две сферы, в которых может происходить общение Я и Другого: «физическую», то есть общение с природой, космосом, и «ноэтическую», то есть общение с логосом, предметами культуры. Собеседник в социальной сети – сфера психическая, тогда как книга для читателя представляет сферу ноэтическую. И то, и другое общение проявляется в непреодолимой потребности в Другом, так как самоопределение Я возможно только в соотношении с Другим. Через взаимное узнавание Другой превращается в Ты, а через присутствие Ты возникает настоящее. Таким образом, поиск собеседника в интернете может быть подобен поиску книги, поскольку в обоих случаях человек преследует одну и ту же цель: взаимопроникновение Я и Другого, который в последующем станет Ты [Бубер, 1993].

И виртуальный мир, то есть интернет, и художественный мир, каким является книга, выстраиваются по похожим принципам, с одним лишь отличием, что в интернете пользователь является не только зрителем, но и активным участником происходящего, способным повлиять на виртуальный мир и других пользователей. Человек, который является неотъемлемой частью вымышленного пространства и имеет возможность изменять виртуальный мир и других участников, – это ли не автор? Таким образом, каждый пользователь интернета является автором пространства, очень близкого к художественному, и приходя в мир литературы, читатель чувствует себя больше, чем просто наблюдатель. Теперь от литературы требуется активная вовлеченность читателя, а роли автора и читателя уравновешены. Автофикшн принял эти правила: вовлечённость читателя происходит за счёт одного культурного, социологического, технологического пласта, в котором находятся автор, герои книги и читатель. Уравновешивание ролей читателя и автора создаётся за счёт автобиографичного героя: автор больше не бог, создающий миры, а простой человек, такой же, как и читатель.

Культурологические исследования показали, что интернет изменил и медиапространство [Сорокина, 2019, с. 137]. Нам интересно медиапространство, поскольку оно наглядно показывает изменения в восприятии информации современным человеком, который одновременно является и читателем.

Благодаря интернету, пользователи которого равны между собой и имеют одинаковые права и возможности для высказывания, контент оказалось слишком много. При описании того или иного события сложнее определить первоисточник, информация становится всё более и более субъективной. В виртуальной реальности слово обретает некую ценность, «оно приобретает статус морального поступка, будучи произнесенным или подписанным» [Войскунский, 2010, с. 81]. Классические новости, которые предполагают фактическую подоснову, отходят на второй план, поскольку в современных реалиях главенствующая роль отводится мнениям таких же потребителей новостей. Равноправные отношения пользователей предполагают существование схожих точек зрения; это побуждает к общению, и для индивида «более важной является именно оценка равноправных представителей социума, нежели находящихся на другой ступени иерархической лестницы» [Труфанова, 2021, с. 25]. На схожее мнение пользователь

реагирует более эмоционально, а противоположное воспринимает более болезненно, так как среди «своей» социальной группы он прежде всего ищет поддержку и одобрение.

В литературе такие запросы читателей (что не совсем точная формулировка, ведь изменение восприятия коснулось не только читателя, но и автора, а значит, это не столько запросы, сколько вынужденные изменения, которые коснулись человека в целом) отзываются в виде прямого высказывания – «способ построения субъекта в поэтическом тексте, при котором авторское Я стремится к полному отождествлению с лирическим Я» [Масалов, 2020]. Читатель ищет автофикшн, поскольку особенность этого явления гарантирует наличие мнения, такого же субъективного. Одним из преимуществ автофикшн-литературы является то, что бумажный формат исключает возможность изменения этого мнения, а точнее, высказывания, которое составляет текст: иными словами, литература исключает «эффект эхо-камеры», распространённое в СМИ. При одинаковых запросах читателя автофикшн может восприниматься как альтернативный взгляд одного человека в противовес обобщённому мнению «массы».

Заключение

Соберём все литературные тенденции вместе, чтобы ответить на вопрос: как интернет-пространство повлияло на литературу. Литература превратилась в текст, подобный новостям или постам в СМИ. Она напрямую связана с происходящим, моментально реагирует на сиюминутные события и ориентирована на читателя, который находится в одном информационном поле с автором; временем и местом действия становятся наши дни. Фабульное повествование отходит на задний план, двигающей силой сюжета становится психологизм. Литература становится эгоцентричной: повествование ведётся от первого лица, имя главного героя совпадает с именем автора; произведение частично повторяет биографию автора, создавая «квазибиографию» на основе раскрытия вопросов самоидентификации, которой верит читатель, не разделяя текст на биографический и вымышленный. Такие произведения необходимы читателю, потому что тот ищет авторитетное субъективное мнение, схожее с его собственным, отдыхая от постоянно изменяющихся мнений масс в социальных сетях и СМИ; читатель находит много общего с героями произведений, поскольку находится с ними в одной социальной группе или в схожих условиях проживания. Эти изменения произошли благодаря развитию технологий и изменению восприятия информации. Наиболее адаптированным к современным реалиям становится социально-литературное явление «автофикшн».

Список литературы

- Барт Р. 1994. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., Прогресс. URL: https://royallib.com/read/rolan_bart/izbrannie_raboti_semiotika_poetika.html#0 (дата обращения: 20.07.2024).
- Бубер М. 1993. Я и Ты. М., Высшая школа, 173 с.
- Войскунский А.Е., Дорохова О.А. 2010. Становление киберэтики: Исторические основания и современные проблемы. *Вопросы философии*, 5: 69-83.
- Даулеткериев А.Р. 2018. Влияние виртуального пространства на образовательный процесс общества как фактор, формирующий сознание. *Kant*, 2 (27): 171-174.
- Женетт Ж. 1998. Работы по поэтике. М., Издательство имени Сабашиковых. URL: <http://niv.ru/doc/zhenett-raboty-po-poetike/index.htm>. (дата обращения: 20.07.2024).
- Левина-Паркер М. 2010. Введение в самосочинение: autofiction. *Новое литературное обозрение*, 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/vvedenie-v-samosochinenie-autofiction.html>. (дата обращения: 20.07.2024).
- Масалов А. 2020. Что такое прямое высказывание? *Артикуляция. Литературно-художественный альманах*, 11. URL: https://articulationproject.net/7206#_ftn39. (дата обращения: 20.07.2024).

- Сорокина В.С. 2019. Интегрированный контент: влияние на информационное пространство. *Коммуникология*, 3: 136-147. DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-3-136-147.
- Труфанова Е.О. 2021. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1: 14-38.
- Doubrovsky S. 1980. L'initiative aux maux. Ecrire sa psychanalyse. *Cahiers Confrontation. Parcours critique*, 13: pp. 165-201. (in French).

References

- Bart R. 1994. Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress. URL: https://royallib.com/read/rolan_bart/izbrannie_raboti_semiotika_poetika.html#0. (Accessed: July 20.2025) (in Russian).
- Buber M. 1993. Ja i Ty [I and You]. Moscow, Higher School, 173 p. (in Russian).
- Voyskunsky A.E., Dorokhova O.A. 2010. Stanovlenie kiberjetiki: Istoricheskie osnovanija i sovremennye problemy [The formation of cyberethics: Historical foundations and modern problems]. *Voprosy filosofii*, 5: 69-83. (in Russian).
- Dauletkeriev A.R. 2018. Vlijanie virtual'nogo prostranstva na obrazovatel'nyj process obshhestva kak faktor, formirujushhij soznanie [The influence of virtual space on the educational process of society as a factor shaping consciousness]. *Kant*, 2 (27): 171-174. (in Russian).
- Genette J. 1998. Raboty po pojetike [Works on poetics]. Moscow, Sabashnikov Publishing House. URL: <http://niv.ru/doc/zhenett-raboty-po-poetike/index.htm>. (Accessed: July 20.2025) (in Russian).
- Levina-Parker M. 2010. Vvedenie v samosochinenie: autofiction [Introduction to Self-Writing: Autofiction]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/vvedenie-v-samosochinenie-autofiction.html>. (Accessed: July 20.2025) (in Russian).
- Masalov A. 2020. Chto takoe prjamoje vyskazyvanie? [What is a direct statement]. *Artikuljacija. Literaturno-hudozhestvennyj al'manah*, 11. URL: https://articulationproject.net/7206#_ftn39. (Accessed: July 20.2025) (in Russian).
- Sorokina V.S. 2019. Integrirovannyj kontent: vlijanie na informacionnoe prostranstvo [Integrated content: impact on the information space]. *Kommunikologija*, 3: 136-147. (in Russian). DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-3-136-147.
- Trufanova E.O. 2021. Privatnoe i publichnoe v cifrovom prostranstve: razmyvanie granic [Private and public in the digital space: blurring boundaries]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1: 14-38. (in Russian).
- Doubrovsky S. 1980. L'initiative aux maux. Ecrire sa psychanalyse [Initiative to evils. Write your psychoanalysis]. *Cahiers Confrontation. Parcours critique*, 13: pp. 165-201. (in French).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 06.08.2024
Поступила после рецензирования 06.11.2024
Принята к публикации 30.05.2025

Received August 06, 2024
Revised November 06, 2024
Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белогорцев Андрей Денисович, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey D. Belogortsev, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 008.2, 101.1:316
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-451-460
EDN RJPIPI

Диверсификация видов суверенитетов в условиях производственной революции

Кравец А.В.

Институт философии Российской академии наук
Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12/1
89031503674@mail.ru

Аннотация. Важную роль в становлении и развитии общества играют различные виды суверенитетов. Несмотря на многочисленные публикации по данной теме, практически отсутствуют исследования, в рамках которых были бы раскрыты причины возникновения новых видов суверенитетов, что связано с отсутствием общего подхода к их классификации и содержанию. Целью данного исследования является выявление наличия причинно-следственной связи между технологическим развитием общества и увеличением видов суверенитетов. В процессе исследования рассмотрены общий суверенитет (родовой по отношению к видовым суверенитетам), история возникновения концепции суверенитета, биосоциальные основания суверенитета, а также проведена классификация видов суверенитетов по различным основаниям. Результаты анализа производственных революций (по Л.Е. Гринину и А.Л. Грининой) в сочетании с проведённой классификацией видов суверенитетов подтверждают гипотезу о том, что с ростом технологического развития увеличивается количество видов суверенитетов.

Ключевые слова: суверенитет, классификация видов суверенитетов, типы производств, производственная революция, цифровое общество

Для цитирования: Кравец А.В. 2025. Диверсификация видов суверенитетов в условиях производственной революции. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 50(2): 451–460. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-451-460 EDN: RJPIPI

Diversification of Sovereignty Types in the Context of the Production Revolution

Alexander V. Kravets

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
12/1 Goncharnaya St, Moscow 109240, Russian Federation
89031503674@mail.ru

Abstract. Various types of sovereignty play an important role in the formation and development of society. Despite numerous publications on different types of sovereignties, there is a lack of research that reveals reasons for their emergence, which stems from the absence of a common approach to their classification and content. The purpose of this study is to analyze the relationship between the emergence of new types of sovereignties and technological development in society. To address this issue, we have examined general sovereignty (a generic one with respect to specific sovereignties), the history of the sovereignty concept, and biosocial foundations of sovereignty. We provide a classification of sovereignty types based on various criteria. The results of analysis into production revolutions (according to Grinin L.E. and Grinina A.L.) combined with the classification of types of sovereignties confirm the hypothesis that as technological development increases, so does the number of sovereignty types.

Keywords: sovereignty, classification of types of sovereignty, types of production, production revolution, digital society

For citation: Kravets A.V. 2025. Diversification of Sovereignty Types in the Context of the Production Revolution. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 451–460 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-451-460 EDN: RJPIPI

Введение

Важность суверенитета как свойства государства подтверждается тем, что трудно найти современное государство, руководитель которого не заявлял бы о своем суверенитете. Как правило, при раскрытии содержания общего (то есть не видового) суверенитета акцент делают на *независимости государства во внешних и внутренних делах*. Однако «независимость» в этом определении не стоит абсолютизировать, поскольку сама идея государства предполагает ограничения как в международных, так и во внутренних отношениях. Более того, идея независимости государства противоречит законам живой природы, где все живое взаимодействует (биотический фактор). При этом следует признать, что в научной литературе нет единого общего подхода к содержанию понятия «суверенитет». Отчасти такой плюралистический подход объясняется многообразием видов суверенитетов (например, территориальный, ресурсный и др.). Попытки найти общий свод видов суверенитетов оказались безуспешными (в пункте 4 рассмотрена классификация видов суверенитетов); при этом видовые суверенитеты унаследовали проблему общего суверенитета – отсутствие единого подхода к содержанию понятия. Необходимо отметить, что несистематизированное множество разнообразных суверенитетов является именно видами, поскольку общий суверенитет является родовым по отношению к ним [Сенин, 2021].

Кроме того, вызывает острую дискуссию вопрос об источнике суверенитета: либо группа лиц, либо один человек. Следовательно, первоначальное утверждение о том, что суверенитет – это свойство именно государства (т. е. группы), уже может быть воспринято некоторыми учёными как спорное (в п. 1 рассмотрен общий суверенитет). При этом проблема субъектности может быть частично снята с позиций системного анализа и принципа целеполагания: «Любая система стремится к определённому предпочтительному для неё состоянию, выступающему в качестве цели системы» [Сурмин, 2003, с. 280]. Поскольку *суверенитет* – это именно *свойство субъекта*, отвечающее его экзистенциальным интересам, то будет оправданно признать субъектом любого, кто достиг соответствующей цели (т. е. суверенитета).

Учитывая историю зарождения концепции суверенитета (в п. 2 рассмотрена история концепта) и биосоциальные аспекты развития человека как условие суверенитета (в п. 3 рассмотрены биосоциальные основания), а также, что субъект как система постоянно находится в развитии, проходит этапы (возникновения, становления, зрелости и нисходящего развития) [Сурмин, 2003], то появляются основания для гипотезы о связи между этапами развития субъекта и приобретением/утратой им различных видов суверенитетов (в п. 5 рассмотрена динамика появления новых видов суверенитета по мере технологического развития субъекта).

Цель данной работы – выявить наличие причинно-следственной связи между технологическим развитием общества и увеличением видов суверенитетов.

1. Определение понятия «общий суверенитет»

В конституциях множества государств закрепляется положение о том, что страна обладает суверенитетом. Это дает основания утверждать значимость данного социального феномена в жизни народов разных стран. Однако существуют разные виды суверенитетов:

территориальный, ресурсный, внешний, экологический и др. Такое многообразие видов суверенитета, по крайней мере, побуждает искать общие черты среди них.

В юридическом словаре, одно из первых определений понятия «суверенитет» даётся как: «верховенство и независимость власти» [Юридический..., 1984, с. 359]. В словаре синонимов слово «суверенитет» раскрывается как «независимость» [Александрова, 2001]. Несмотря на то, что это разные по своей цели словари, в них прослеживается общность подхода к данному понятию, выражающаяся в частичном отождествлении понятий «суверенитет» и «независимость». В этом контексте смысловое содержание понятия «независимость» представляет собой инвариантную характеристику всех видов суверенитета.

В легальном определении суверенитет артикулируется как «верховенство власти государства, ее единство, самостоятельность и независимость во внешних и внутренних делах» [Рекомендательный..., 2023]. В целом «общий» суверенитет представляет признак государства быть политически независимым. Однако, учитывая позиции, рассматривающие в качестве источника суверенитета одного человека [Hegel, 1999], группу лиц (не являющихся народом) [Laski, 1999], народ [Руссо, 1938], наиболее универсальным *определением общего суверенитета* представляется *свойство субъекта (коллективного или индивидуального) быть самостоятельным и независимым во внешних и внутренних делах*.

Еще одним инвариантным свойством суверенитета (как коллективного субъекта) является наличие соответствующего волеизъявления со стороны членов данного общества [Laski, 1999], что подтверждается в ходе анализа исторического генезиса данного феномена.

2. История зарождения концепции суверенитета

В XVI веке религиозные противоречия втянули Европу в Тридцатилетнюю войну, очевидным итогом которой стало истощение ресурсов воюющих сторон. Участникам конфликта пришлось искать иные способы взаимодействия, что и привело к созданию Вестфальской системы международных отношений. Легитимность Вестфальского мира 1648 года основывается на взаимном признании сторонами их прав на самостоятельную внутреннюю политику, территориальную целостность и установление общих международных норм [Сафонов, 2021]. *Необходимость* стала причиной заключения мирного договора. Предложенная в тот период Ж. Боденом концепция суверенитета, удовлетворяющая потребности элит, провозглашала единоначалие абсолютного монарха, ответственного лишь перед Богом [Бочкова, 2010]. Ж. Боден выделял пять признаков суверенной власти: «1. Назначение магистратов и определение их обязанностей и полномочий. 2. Принятие, отмена и обнародование законов. 3. Объявление войны и заключение мира. 4. Высшая судебная инстанция как для магистратов, так и для граждан. 5. Право помилования» [цит. по: Силина, 2021, с. 102.]. Благодаря этой концепции было чётко артикулировано право правителей на *политическую независимость* как во внутренних делах государства, так и на международном уровне. Выработанный правовой подход стал фундаментом современной системы международных отношений. Широкое признание и продолжительное существование данного юридического подхода обусловлены его соответствием интересам большинства относительно концепции суверенитета.

На современном этапе развития системы международных отношений суверенитет ассоциируется с мощью и силой государства, позволяющими ему отстаивать свои национальные интересы, несмотря на действия других субъектов международных отношений [Бочкова, 2010].

3. Нормальное биосоциальное развитие человека как условие суверенитета

Рассматривая суверенитет как атрибут некоторых государств или иных социумов (в зависимости от избранного подхода), следует также признать, что «бытие индивида предшествует государству» [Макаренко, 2012, с. 142]. Как человек зависим от социума, так и социум от него, поскольку не бывает безлюдного сообщества. Рассуждая в духе Ф. Фукуямы («нет демократии без демократов» [Фукуяма, 2015, с. 113]), можно предположить, что главенствующая роль принадлежит личными качествам членов группы. Иначе говоря, в некоторых группах преобладают *люди с определенными качествами, которые обуславливают развитие суверенитета*. Разумеется, на процесс становления суверенитета также оказывают влияние внешние факторы.

Л.Н. Гумилев объяснял успех некоторых этосов (т. е. кровнородственных коллективов [Кравченко, 2019]) пассионарностью, т. е. способностью и стремлением членов сообщества изменять окружение «или, переводя на язык физики, – к нарушению инерции агрегатного состояния среды» [Гумилёв, 2011, с. 312]. Причем импульс пассионарности может быть настолько сильным, что человек может утратить способность критически оценивать свои поступки. Также Лев Николаевич отмечает, что процесс развития сообщества связан не только с захватом и преобразованием территории пребывания, но и с *трансформацией физиологии и этологии (поведения) членов сообществ* [Гумилёв, 2011].

Изменения физиологии и поведения неразрывно связаны с развитием, что наглядно прослеживается в онтогенезе человека, например, в младенчестве человек последовательно проходит стадии психосоциального («пра-мы»), когнитивного и двигательного развития [Болотова, Молчанова, 2012]. Достижение определенного уровня развития (например, акта хватания) существенно влияет на последующее психическое развитие, так как расширяет возможности взаимодействия с окружающим миром и развивает познавательную потребность [Болотова, Молчанова, 2012]. По мере развития ребенок накапливает опыт об окружающем мире, лучше понимает себя и в результате начинает проявлять гипобулические реакции, то есть посредством эмоциональных реакций (плакать, громко кричать и так далее) требует желаемого. Такое проявление своей воли примечательно тем, что в этот момент человек впервые противопоставляет себя окружающему миру. Такие когнитивные способности человека, как дифференциация собственного «Я» от окружающего мира, проявление своей воли и настаивание на ней, являются фундаментальными для формирования суверенитета в сообществе, где преобладают люди с такими качествами.

Идея противопоставления себя как субъекта окружению находит отражение в подходе Б. Андресона [2016], при рассмотрении признаков нации: воображаемое *ограниченное* суверенное сообщество. Ограниченное в значении противопоставления группы всем остальным сообществам.

Качества большинства индивидов определяют свойства коллектива. Если большинство индивидов, например, обладают развитым чувством собственного достоинства, тогда «возможно утверждение о наличии достоинства у человеческих коллективов, в состав которых они входят» [Дробышевский, Протопопова, 2009, с. 120]. Чувство собственного достоинства тесно связано со стремлением человека к свободе, а суверенитет – это свобода субъекта в определённой сфере. Но человек не может обрести эту свободу без предварительного прохождения определённых стадий биосоциального развития. Отсюда следует вывод: *нормальное биосоциальное развитие большинства членов общества является условием для формирования и укрепления его суверенитета*.

4. Классификация видов суверенитетов

Несистематизированное разнообразие видов суверенитетов является значимой проблемой, поскольку любая система (то есть множество видов суверенитетов) может быть осмыслена лишь при сравнении с некой нормативной системой [Сурмин, 2003, с. 280], то есть заданной классификацией. Поэтому представляется необходимым классифицировать суверенитеты по различным основаниям.

М.С. Бочкова [2010] предлагает выделить две главные классификации: концептуальную и методологическую. Концептуальная классификация связана с субъективным восприятием суверенитета, учитывая появление новых общественных и политических отношений. Методологическая классификация основывается на подходах различных научных дисциплин: юридической, философской, социологической и других.

В контексте концептуальной классификации, все многообразие суверенитетов можно классифицировать по следующим основаниям:

1) по *субъекту* суверенитеты подразделяется на народный, национальный, региональный, божественный и др. виды. Классификация по указанному основанию не является бесспорной, поскольку отсутствует единый подход к определению источника суверенитета. Можно встретить позиции как в пользу группы лиц (например, народа у Ж.-Ж. Руссо [1938]), или в пользу публично-правового образования (например, государства у Г. Гроция [Grocio, 1994]), так и в пользу одного человека (например, монарха у Гегеля [Hegel, 1999]). Также, по Г. Ласки, суверенитетом могут обладать не только государства, но и иные объединения граждан, например: профсоюз, церковь и прочие [Laski, 1999].

2) по *объекту* суверенитеты подразделяется на цифровой, ресурсный, экономический и другие. Под объектом понимается определенная сфера, в которой субъект суверенитета стремится обладать наибольшей степенью свободы. Конкуренция вынуждает субъектов суверенитета, по мере развития науки и техники, расширять свою свободу за счёт освоения новых сфер. Примером осознания субъектом своего отставания от конкурента может служить постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении руководства внедрением вычислительной техники и автоматизированных систем управления в народное хозяйство» от 21 мая 1963 года [Кутейников, 2011]. Постановление было принято после активной работы ряда советских ученых, среди которых был А.И. Китов, предложивший идею «преодолеть отставание по компьютерам от США, не догоняя их – то есть обогнать, не догоняя» [Исаев, 2020, с. 117];

3) по *зоне распространения* суверенитеты подразделяется на внутренний и внешний. Государства как основные участники международных отношений вынуждены взаимодействовать в условиях анархии, т. е. в отсутствие высшего арбитра или надгосударственного органа управления, тогда как внутри государства система управления является строго иерархичной [Mearsheimer, 2007]. Международные отношения не характеризуются хаосом, поскольку анархия в данном контексте представляет собой способ упорядочивания. Г. Моргентау определяет международное право как «право между скоординированными, а не подчинёнными сторонами» [Morgenthau, 1948, p. 246];

4) по *функциональности* подразделяется на основной (первичный) и вспомогательный (производный). Основной суверенитет (например, ментально-физический, территориальный, ресурсный, интеллектуальный, промышленный и цифровой суверенитет и др.) играет ключевую роль в функционировании общества, так как его утрата приводит к стремительному ослаблению социальных связей или регрессу общественного устройства. Вспомогательный суверенитет произведен от одного или нескольких основных (например, основанием для образовательного (вспомогательного) суверенитета в значительной степени является интеллектуальный и ментально-физический суверенитеты);

5) по *возможностям* суверенитет подразделяется на действительный и формальный. Д. Миршаймер отмечает: «...Любая страна, которая улучшает своё положение в мировом балансе сил, делает это за счёт других государств, теряющих относительную власть» [Mearsheimer, 2007]. Государства с действительным суверенитетом нередко сковывают государства с формальным суверенитетом неокOLONиальными отношениями. В качестве критериев государства с действительным суверенитетом можно использовать метод Р. Далио по оценке детерминантов сильного и процветающего государства (например, образование, военная мощь, доля в мировой торговле и др. [Далио, 2022, с. 444]).

Приведенная классификация видов суверенитетов не является исчерпывающей, что оставляет широкое поле для дальнейших исследований. Вместе с тем классификация суверенитетов по объекту позволяет сделать предложение о связи между возрастающим разнообразием суверенитетов у общества и его техническим развитием, что проиллюстрировано посредством спирали развития технологии и суверенитета (рис. 1).

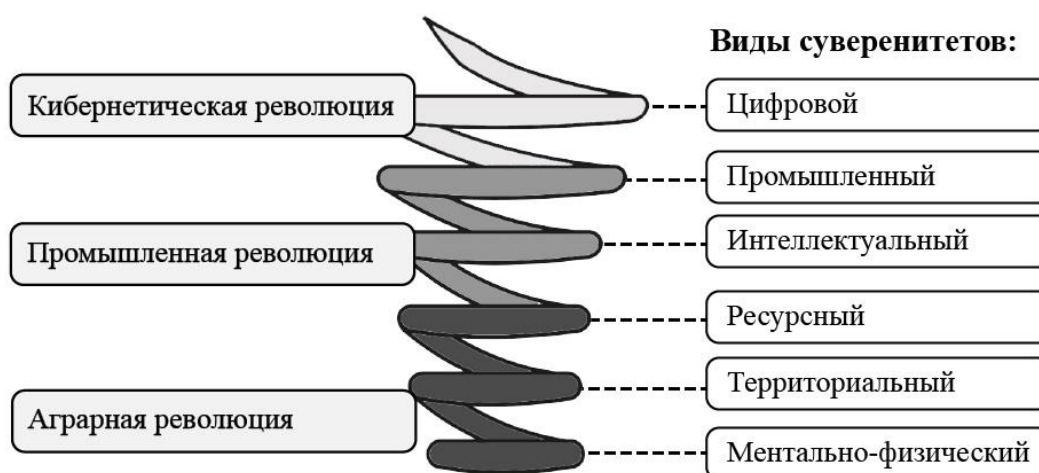

Рис. 1. Спираль развития технологии и суверенитета
Fig. 1. Spiral of development of technology and sovereignty

5. Модель спирали развития технологии и суверенитета

Расчленение всего разнообразия суверенитетов по объектному основанию позволит выявить иерархическую связь между разными видами суверенитетов, например, без территориального суверенитета сложно представить наличие у общества продовольственного суверенитета. Следует заметить, что в некоторых случаях отсутствие у общества одного вида суверенитета (например, дефицит земли при экстенсивном земледелии) на более поздних этапах развития может компенсироваться другим видом суверенитета (например, индустриализацией), что достигалось упорным коллективным трудом и импортом более прогрессивных технологий, идей, культуры.

Расширение разнообразия видов суверенитетов обусловлено научно-техническим прогрессом, открывающим перед обществом новые возможности и потребности. *Удовлетворение новых потребностей (т. е. достижение суверенитета в соответствующих областях) становится условием существования.*

История развития человечества может быть разделена на технологические эпохи, каждая из которых характеризуется определенным *типом производства*: «1. Охотничье-собирательская. 2. Аграрно-ремесленная. 3. Промышленно-торговая. 4. Научно-кибернетическая» [Гринин, Гринин, 2015, с. 17]. Это позволяет выделить следующие *производственные революции*: аграрная (12–10 тыс. – 5,5–3 тыс. л. н.), промышленная (последняя треть XV в. – первая треть XIX в.), Кибернетическая (1950–2060/2070-е гг.)

[Гринин, Гринин, 2015, с. 19]. Каждому этапу производственной эволюции соответствуют определённые виды суверенитетов. Например, для аграрной революции был актуален территориальный суверенитет, в то время как концепция промышленного суверенитета оставалась вне досягаемости. В свою очередь, цифровой суверенитет стал доступен лишь с кибернетической революцией. Смена производственной парадигмы может решительным образом изменить потенциал сообщества, как, например, Тайвань переформатировался из малоизвестного широким массам государства в мирового производителя полупроводников, фактически влияющего на цифровой суверенитет других стран.

Эволюция типов производства открывает новые возможности и области развития для человечества, что неизбежно порождает экзистенциальную потребность у каждой группы овладеть «свободой» в новой области. Каждая последующая производственная эпоха развивается благодаря достижениям предшествующих этапов, поэтому даже на этапе кибернетической революции обществу будут необходимы основные суверенитеты (возможно, в меньшей степени), заложенные во время предшествующих революций. При этом «новые» суверенитеты в пределах своей технологической эпохи также трансформируют содержание ранее утвержденных суверенитетов, например, при достижении обществом цифрового суверенитета (стадия кибернетической революции) возникает феномен цифровой рациональности [Буданов, 2021]. В этом случае традиционный образ мышления сменяется посткритической рациональностью, то есть трансформируются содержания ментально-физического и интеллектуального суверенитетов.

Для лучшего понимания модели спирали развития технологии и суверенитета (см. рис. 1), требуется раскрыть содержание основных суверенитетов. *Ментально-физический* суверенитет определяется как способность сообщества обеспечить своих членов благоприятными условиями для нормального биосоциального развития. *Территориальный* суверенитет обозначает пространственные границы беспрепятственного обитания данного сообщества. *Ресурсный* суверенитет представляет собой свободный доступ к разнообразным природным ресурсам, необходимым для устойчивого функционирования и прогресса сообщества. *Интеллектуальный* суверенитет связан с этапом становления научного знания как принципиально новой области профессиональной деятельности для человека, где научные знания воспринимаются как инструмент преобразования типов производств. *Промышленный* суверенитет отражает степень технологического прогресса общества, характеризующуюся эффективностью различных отраслей промышленности вследствие процессов индустриализации. *Цифровой* суверенитет описывает зависимость общества от интеллектуальных систем, определяющих эффективность производственных процессов. Приведенный перечень основных суверенитетов не претендует на полноту охвата всех возможных вариантов суверенитетов.

Весьма вероятно, что дальнейшее развитие типов производства приведет к новым промышленным революциям, открытиям для человечества новых горизонтов в когнитивной, виртуальной, физической и иных сферах. *Доступ к новой сфере необходимо вызовет конкурентную борьбу социумов за новый вид суверенитета* (например, трансгуманистический). При этом каждый новый вид суверенитета несет для общества и риски, например, цифровые технологии могут разрушить привычную иерархическую структуру между гражданами внутри государства, заменив её сетевой структурой, в которой значение гражданства (подданства) может быть снижено [Хабриева, 2022], однако при этом будут существенно расширены правовые возможности каждого участника данной сети. Расширенный объем прав и свобод индивида создаст благоприятные условия для развития *концепции индивидуального суверенитета*, что существенно изменит структуру спирали развития технологии и суверенитета на следующем этапе производственной революции (см. рис. 1).

Заклучение

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Суверенитет может быть как общим, так и видовым.
2. Вопрос об источнике суверенитета дискуссионен, поэтому под общим суверенитетом в настоящей работе понимается свойство субъекта (коллективного или индивидуального) быть самостоятельным и независимым во внешних и внутренних делах.
3. Общий суверенитет является родовым по отношению ко всему множеству видовых суверенитетов.
4. Соответствие концепции суверенитета интересам большинства членов общества обусловило её широкое признание и продолжительное существование, согласно истории зарождения этой концепции.
5. Нормальное биосоциальное развитие большинства членов общества выступает условием для формирования и укрепления суверенитета в этом обществе.
6. Проблема несистематизированного множества видов суверенитетов может быть решена путём классификации их по следующим основаниям: по субъекту (народ, человек и другие), по объекту (цифровой, промышленный и другие), по зоне распространения (внутренний и внешний), по функциональности (основной, дополнительный), по возможностям (действительный, формальный).
7. Модель спирали развития технологии и суверенитета позволяет сделать вывод, что на этапе аграрной революции общество стремится к ментально-физическому, территориальному и ресурсному суверенитетам; на этапе индустриальной революции дополнительно возникает потребность в интеллектуальном и индустриальном суверенитетах; на этапе кибернетической революции дополнительно проявляется потребность в цифровом суверенитете.
8. Развитие технологий формирует возможности и потребности в новой сфере, что необходимо порождает конкурентную борьбу между субъектами за суверенитет в новой области.

Список источников

- Александрова З.Е. 2001. Словарь синонимов русского языка : Практический справочник: ок. 11 000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 568 с.
- Болотова А.К., Молчанова О.Н. 2012. Психология развития и возрастная психология: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 526 с.
- Исаев В.П. 2020. Вспоминая Анатолия Ивановича Китова – назад в будущее. Анатолий Иванович Китов. Под ред. В.В. Шилова и В.А. Китова. М.: МАКС Пресс, с. 109-123.
- Рекомендательный глоссарий терминов и определений государств - членов ОДКБ в сфере обеспечения национальной и международной безопасности. Принят 19.12.2023 Постановлением 16-6.3 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности.
- Сурмин Ю.П. 2003 Теория систем и системный анализ: учеб. пособие. Киев.: МАУП. 368 с.
- Юридический энциклопедический словарь. 1984. Гл. ред. А. Я. Сухарев; Ред. кол. М.М. Богуславский, М.И. Козырь, Г.М. Миньковский и др. М.: Сов. Энциклопедия: 415 с.

Список литературы

- Андерсон Б. 2016. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 416 с.
- Бочкова М.С. 2010. Классификация суверенитета и ее роль в политическом строительстве (зарубежная теория и практика). *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, 1: 15-21.
- Буданов В.Г. 2024. О типологии деятельностной рациональности в цифровую эпоху. *Вопросы философии*, 12: 41-51.
- Гегель Г.В.Ф. 1990. Философия права. Пер. с нем. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 524 с.
- Гринин Л.Е., Гринин А.Л. 2015. Кибернетическая революция и исторический процесс (технологии будущего в свете теории производственных революций). *Философия и общество*, 1-2(76): 17-47.

- Гроций Г. 1994. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 868 с.
- Гумилёв Л.Н. 2001. Этногенез и биосфера Земли. Санкт-Петербург.: Кристалл, 638 с.
- Далио Р. 2022. Принципы изменения мирового порядка. Почему одни нации побеждают, а другие терпят поражение. Пер. с англ. Д. Миронова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 528 с.
- Дробышевский С.А., Протопопова Т.В. 2009. Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве. Красноярск, ИПК СФУ, 160 с.
- Кравченко А.И. 2019. Биосоциальная концепция пассионарности Л. Гумилева. *Социология*, 6: 12-43.
- Кутейников А.В. 2011. Первые проекты автоматизации управления советской плановой экономикой в конце 1950-х и начале 1960-х гг. — «электронный социализм». *Экономическая история. Обзорение: журнал*, 15: 124-138.
- Макаренко В.П. 2012. Общественный договор и проблема молчаливого согласия. *Полис. Политические исследования*, 2: 141-151.
- Руссо Ж.-Ж. 1938. Об общественном договоре или Принципы политического права. М.: Соцэкгиз, 124 с.
- Сафонов В.Е. 2021. Вестфальский трактат 1648 года и его влияние на формирование принципов международного права. *Гражданин. Выборы. Власть*, 2: 112.
- Сенин И.Н. 2021. К вопросу о соотношении категорий "вид" и "форма" в теории государства и права. *Право и государство: теория и практика*, 8(200): 38-40.
- Силина Е.В. 2021. Теория суверенитета Жана Бодена как политикофилософское обоснование концепции национальных государств. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*, 3(46): 100-106.
- Фукуяма Ф. 2015. Конец истории и последний человек. Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 259 с.
- Хабриева Т.Я. 2022. Технологические революции и их проекция в праве. *Вопросы истории*, 1(1): 256-271.
- Laski H.J. 1999. Studies in the problem of sovereignty. Kitchener.: Batoche Books: 171.
- Mearsheimer J.J. 2007 Structural realism. *International relations theories: Discipline and diversity*, 83: 77-94.
- Morgenthau H.J. 1948. Politics among Nations. The struggle for Power and Peace. New York.: Alfred A. Knopf, 514 p.

References

- Anderson B. 2016. Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni nacionalizma [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. М.: Kuchkovo pole, 416 s.
- Bochkova M.S. 2010. Klassifikacija suvereniteta i ee rol' v politicheskom stroitel'stve (zarubezhnaja teorija i praktika) [Classification of sovereignty and its role in political construction (foreign theory and practice)]. *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*, 1: 15-21.
- Budanov V.G. 2024. O tipologii dejatel'nostnoj racional'nosti v cifrovuju jepohu [On the typology of activity rationality in the digital age]. *Voprosy filosofii*, 12: 41-51.
- Gegel' G.V.F. 1990. Filosofija prava [Philosophy of Law]. М.: Mysl', 524 s.
- Grinin L.E., Grinin A.L. 2015. Kiberneticheskaja revoljucija i istoricheskij process (tehnologii budushhego v svete teorii proizvodstvennyh revoljucij) [Cybernetic Revolution and Historical Process (Technologies of the Future in Light of the Theory of Production Revolutions)]. *Filosofija i obshhestvo*, 1-2(76): 17-47.
- Grocij G. 1994. O prave vojny i mira: Reprint s izd. 1956 g. [On the Law of War and Peace: Reprint from the 1956 ed.] М.: Ladomir, 868 p.
- Gumil'ov L.N. 2001. Jethnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]. Sankt-Peterburg.: Kristall, 638 s.
- Dalio R. 2022. Principy izmenenija mirovogo porjadka. Pochemu odni nacji pobezhdayut, a drugie terpjat porazhenie [Principles of Change in World Order. Why Some Nations Win and Others Fail.]. М.: Mann, Ivanov i Ferber, 528 p.
- Drobyshevskij S.A., Protopopova T.V. 2009. Ideja chelovecheskogo dostoinstva v politiko-juridicheskikh doktrinah i prave: monografija [The Idea of Human Dignity in Political and Legal Doctrines and Law: Monograph]. Krasnojarsk.: IPK SFU, 160 p.
- Kravchenko A.I. 2019. Biosocial'naja koncepcija passionarnosti L. Gumileva [L. Gumilyov's biosocial concept of passionarity]. *Sociologija*, 6: 12-43.

- Kutejnikov A.V. 2011. Pervye proekty avtomatizacii upravlenija sovetsoj planovoj jekonomikoj v konce 1950-h i nachale 1960-h gg. — «jelektronnyj socializm» [The first projects to automate the management of the Soviet planned economy in the late 1950s and early 1960s - "electronic socialism"]. *Jekonomicheskaja istorija. Obozrenie: zhurnal*, 15: 124-138.
- Makarenko V.P. 2012. Obshhestvennyj dogovor i problema molchalivogo soglasija [Social contract and the problem of tacit consent]. *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2: 141-151.
- Russo Zh.-Zh. 1938. Ob obshhestvennom dogovore ili Principy politicheskogo prava [On the social contract or Principles of political law]. M.: Socjkgiz, 124 p.
- Safonov V.E. 2021. Vestfal'skij traktat 1648 goda i ego vlijanie na formirovanie principov mezhdunarodnogo prava [The Westphalian Treaty of 1648 and its influence on the formation of the principles of international]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*, 2: 112.
- Senin I.N. 2021. K voprosu o sootnoshenii kategorij "vid" i "forma" v teorii gosudarstva i prava [On the relationship between the categories of "type" and "form" in the theory of state and law]. *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika*, 8(200): 38-40.
- Silina E.V. 2021. Teorija suvereniteta Zhana Bodena kak politikofilosofskoe obosnovanie koncepcii nacional'nyh gosudarstv [Jean Bodin's Theory of Sovereignty as a Political-Philosophical Justification of the Concept of National States.]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo*, 3(46): 100-106.
- Fukujama F. 2015. Konec istorii i poslednij chelovek [The End of History and the Last Man]. M.: AST, 259 p.
- Habrieva T.Ja. 2022. Tehnologicheskie revoljucii i ih proekcija v prave [Technological Revolutions and Their Projection in Law]. *Voprosy istorii*, 1(1): 256-271.
- Laski H.J. 1999. Studies in the problem of sovereignty. Kitchener.: Batoche Books: 171.
- Mearsheimer J.J. 2007 Structural realism. *International relations theories: Discipline and diversity*, 83: 77-94.
- Morgenthau H.J. 1948. Politics among Nations. The struggle for Power and Peace. New York.: Alfred A. Knopf, 514 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.12.2024

Поступила после рецензирования 20.03.2025

Принята к публикации 30.05.2025

Received December 20, 2024

Revised March 20, 2025

Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравец Александр Васильевич, аспирант, сектор междисциплинарных проблем научно-технического развития, Институт философии Российской академии наук, г. Москва, Россия.

 [ORCID: 0009-0002-5250-6591](https://orcid.org/0009-0002-5250-6591)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Kravets, Postgraduate Student, Sector of Interdisciplinary Problems of Scientific and Technological Development, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

 [ORCID: 0009-0002-5250-6591](https://orcid.org/0009-0002-5250-6591)

УДК 351.858
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-461-465
EDN RQTXEJ

Популяризация семейных ценностей в социально-культурной деятельности Белгородской области

Курганский С.И., Кущенко Е.С.

Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, 308033, Белгород, ул. Королёва, д. 7
rektor@bgiik.ru, es87rus@yandex.ru

Аннотация. Сохранение и популяризация традиционных семейных ценностей, организация совместного семейного досуга всегда являлась одним из приоритетных направлений деятельности учреждений сферы культуры и искусства Белгородской области. Авторы рассматривают инициативы, реализованные в рамках Года семьи в России, включая фестивали, конкурсы, семейные клубы и другие мероприятия, направленные на укрепление института семьи. Особое внимание уделяется роли учреждений культуры в организации семейного досуга, поддержке многодетных семей и сохранении традиционных ценностей. В работе анализируются ключевые проекты, такие как «Крепка семья – крепка Россия», «Гимн семье» и другие, которые способствуют сплочению семей и передаче традиций между поколениями. Авторы подчеркивают важность государственной политики в области поддержки семьи и роль социально-культурных технологий в формировании ценностных ориентаций общества. Исследование представляет интерес для специалистов в области культуры, образования и социальной работы, а также для всех, кто занимается вопросами семейной политики.

Ключевые слова: семья, ценности, традиции, инструменты, институт семьи, социально-культурные технологии, фестивали, конкурсы, учреждения культуры, культурная политика

Для цитирования: Курганский С.И., Кущенко Е.С. 2025. Популяризация семейных ценностей в социально-культурной деятельности Белгородской области. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 461–465. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-461-465 EDN: RQTXEJ

Popularization of Family Values through Social and Cultural Activities in the Belgorod Region

Sergey I. Kurgansky, Elena S. Kushchenko

Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod
7 Korolev St, Belgorod 308009, Russia
rektor@bgiik.ru, es87rus@yandex.ru

Abstract. Preservation and popularization of traditional family values and organization of joint family leisure have always been among the priority activities of cultural and art institutions in the Belgorod region. The authors explore the initiatives implemented during the Year of the Family in Russia, including festivals, contests, family clubs, and other events aimed at strengthening the institution of family. The article highlights the role of cultural institutions in organizing family leisure activities, supporting large families, and preserving traditional values. The work also analyzes key projects such as "A Strong Family Means a Strong Russia," "The Anthem of the Family," and other ones, which contribute to family unity and the transmission of traditions between generations. The authors emphasize the importance of state policy in the field of family support and the role of socio-cultural technologies in shaping the value orientations of society. The article is of interest to specialists in the field of culture, education, and social work, as well as to anyone involved in family policy issues.

Keywords: Family, values, traditions, tools, family institution, socio-cultural technologies, festivals, competitions, cultural institutions, cultural policy

For citation: Kurgansky S.I., Kushchenko E.S. 2025. Popularization of Family Values through Social and Cultural Activities in the Belgorod Region. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 461–465 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-461-465 EDN: RQTXEJ

Сложно переоценить значение семьи для человека. «Семья» – это самое родное, самое теплое слово для каждого. Семья – это забота и поддержка, это фундамент, на котором растет человек, развивается и строит свою жизнь. Семья – это совместный труд, это место, где мы учимся проявлять снисхождение, гибкость и мудрость. Семью можно сравнить с лодкой, плывущей и по разбушевавшимся волнам, и по тихой водной глади навстречу солнцу. Семейные ценности и традиции – это все то, что сплачивает семью. Это мелочи, которых не замечают: поддержка в сложных ситуациях, совместное решение возникающих проблем, чтение книг и сказок перед сном, совместный досуг, прогулки, путешествия, празднование дней рождения родных и близких, где собираются родственники и друзья семьи. И еще много мелочей, которые связывают семью теплом, заботой и любовью друг к другу. Всё это помогает воспитывать у детей внимание к окружающим, умение заботиться о близких, любовь к близким и дальним родственникам. Именно в семье ребенок узнает, к какому роду принадлежит, учится гордиться своим родом, своей семьей и родными.

Семья – это так же и обязательства. Права и обязанности членов семьи регламентируются Законодательством Российской Федерации. В соответствии с Конституцией Российской Федерации семейное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. В Семейном кодексе прописаны вопросы семейного права, связанные с заключением и расторжением брака, права и обязанности супругов и других членов семьи, вопросы усыновления, обеспечения детей, лишившихся родителей ¹.

В 2024 году, объявленном Президентом России В.В. Путиным Годом семьи, особое внимание было уделено укреплению семейных ценностей. «Семья – это не просто основа государства и общества, это духовное явление, основа нравственности», – подчеркнул Президент ². В новейшей истории России это уже вторая попытка актуализировать проблему кризиса института семьи, брачных и межпоколенных отношений, демографии и других вопросов, связанных с отсутствием исторического и культурного преемства семейных традиций [Лопин, Почепцов, 2024].

Белгородская область исторически уделяет особое внимание сохранению традиционных культурных ценностей, а в 2024 году этот вектор получил дополнительное развитие благодаря значительному расширению программы мероприятий в рамках Года семьи. Власти региона совместно с учреждениями культуры разработали комплексную программу, включающую фестивали, образовательные проекты и конкурсы, направленные на укрепление института семьи. Особый акцент был сделан на межпоколенческих инициативах, позволяющих передавать семейные традиции от старшего поколения к младшему. Такая системная работа позволила не только увеличить количество мероприятий, но и существенно повысить их качество и социальную значимость для жителей области.

¹ Семейный кодекс РФ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982 (дата обращения: 11.08.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49978> (дата обращения: 25.08.2024).

Торжественное мероприятие «Гимн семье», состоявшееся в Старооскольском округе, стало знаковым событием, ознаменовавшим старт Года семьи в Белгородской области. Его участниками стали семьи с детьми, многодетные семьи из муниципалитетов региона. Для гостей работали интерактивные площадки «Семья – это когда все вместе». Из Свято-Троицкого монастыря в Муроме был привезен огонь для семейного очага «Сердце России» и роздан семьям Белгородской области в знак старта Года семьи. Также от него зажгли 12 лампад, которые отправили в административные центры федеральных округов и в новые регионы страны. Муром – родина святых Петра и Февронии. Там хранятся мощи этих святых, которые стали покровителями православной семьи и брака. В областной центр частичку семейного очага доставили 2 февраля 2024 года. По этому случаю в храме Веры, Надежды, Любви и матери их Софии в Белгороде прошло торжественное мероприятие, на которое были приглашены молодые и многодетные семьи, а также пары с солидным супружеским стажем.

Библиотеки Белгородской области активно включились в работу над мероприятиями к Году семьи. Так, популярностью среди читателей региона пользовалась акция «Добрые книги – в большую семью», инициированная БГДБ им. А.А. Лиханова и направленная на укрепление семейных ценностей, возрождение традиций семейного чтения, духовную поддержку многодетной семьи. Участники вовлекались в тематические конкурсы, заполняли читательские дневники. Эту акцию подхватили районные библиотеки, и в результате были выбраны самые читающие семьи региона, их наградили памятными подарками, а именно – книгами.

В библиотеках района в рамках Года семьи прошел районный конкурс «Самая читающая семья Белгородского района». В конкурсе приняли участие 38 семей Белгородского района, из них стали дипломантами 13 семей.

В Борисовском районе на базе центральной библиотеки им. П.Я. Барвинского был реализован проект «Семейный калейдоскоп», который был поддержан Международным грантовым конкурсом «Православная инициатива – 2024». По итогам конкурса были сняты видеосюжеты о многодетных семьях Борисовского района, которые поддерживают православные традиции в воспитании детей и в быту.

В Год семьи в БГДБ им. А.А. Лиханова был организован клуб интеллектуального досуга «ЧиБиС» (Чтение. Библиотека. Семья). Целью клуба является приобщение детей к чтению, введение традиции семейного совместного чтения, а также создание уютного пространства для творчества и общения.

В России продолжается популяризация семейных праздников, таких как День отца, День матери, День семьи, День дочерей, сыновей, День семьи, любви и верности, День бабушек и дедушек. В Белгородской области активно проводятся мероприятия, приуроченные к этим семейным праздникам. Так, в областном центре и районных учреждениях проходили тематические концертные и интерактивные программы, мастер-классы, фотовыставки, акции, театрализованные представления. Их цель – сплочение и укрепление семьи как важнейшего социального института.

В муниципальных учреждениях культуры были созданы и успешно функционируют семейные клубы. Только в Алексеевском муниципальном округе создано 19 семейных клубов, которые посещают 95 семей. Спектр задач, которые ставят перед собой семейные клубы, обширен:

- укрепление авторитета и поддержка института семьи;
- пропаганда бытовых семейных ценностей и здорового образа жизни;
- приобщение членов семьи к совместному ведению хозяйства;
- повышение педагогической культуры родителей в области воспитания детей;
- организация семейного досуга;
- психолого-педагогическое сопровождение семей, испытывающих трудности;
- обучение эффективным способам разрешения семейных конфликтов, а также их профилактика.

Широко известным проектом является проект «Крепка семья – крепка Россия». Старт проекту в Белгородской области был дан еще в 2004 году с целью повышения авторитета семьи в обществе, поддержки молодых семей, а также старшего поколения, воспитания молодёжи в духе патриотизма. Семьи-участники проявляют организаторские, творческие способности, транслируют семейные традиции, переходящие из поколения в поколение, делятся секретами счастливой и крепкой семейной жизни. Конкурс проводится по нескольким номинациям, и победитель каждой награждается денежным призом. Важно сохранить традицию проводить конкурс «Крепка семья – крепка Россия» и в дальнейшем, поскольку конкурс является важным наглядным средством воспитания и сферой формирования духовно-нравственных основ подрастающего поколения.

В рамках проведения Года семьи в районах Белгородчины проводились фестивали, конкурсы, проекты, игровые программы, концерты, семейный бал-маскарад «У Ковалевских» (Волоконовский район). Проведение мероприятий сопровождалось организацией фотозон, игровых, творческих, интеллектуальных локаций.

Среди самых масштабных событий, проводимых в рамках открытия Года семьи в Краснояружском районе, стали: фестиваль-праздник «Семья в прямом эфире», гастрономическая площадка с представлением традиционного блюда семейного стола (семейный вареник) «Ресторан «Семейный»; районный праздник «К сердцу материнскому с любовью». Завершился Год семьи открытием современного кинотеатра «Семейный», ставшего настоящим новогодним подарком для краснояружцев.

Популяризации семейных традиций и обрядов способствовали премьерные показы иммерсивного фольклорного спектакля «Сводьы», организованные благодаря поддержке Президентского фонда культурных инициатив, полученной Центром культурного развития «Борисовский». Спектакль «Сводьы» – это инсценировка традиционной свадьбы начала XX века в исполнении народных коллективов «Раздолье», «Энергия» и «Театр им. П.Я. Барвинского». В основе иммерсивной фольклорной постановки лежал традиционный русский свадебный обряд, воспроизведённый со всеми характерными ритуалами. Спектакль дополняли аутентичные костюмы, старинные предметы быта и традиционные угощения, что создавало эффект полного погружения в атмосферу народного свадебного действия.

Активную работу вели и продолжают вести музейные учреждения Белгородской области. Регулярно организуются встречи-лекции, на которых сотрудники музеев рассказывают о семейных традициях на Руси, роли отца и матери в быту, воспитании и приобщении к семейным делам детей, силе материнского благословения и молитвы. Гостям давали послушать колыбельные песни, обучили старинным играм, объяснили, как создать свое генеалогическое древо.

Завершающим мероприятием Года семьи стало торжественное подведение итогов конкурса «Белгородская семья». Церемонию награждения, проходившую 28 ноября в МБУК «ГЦНТ Сокол», начали с вручения регионального почётного знака «Материнская слава» III степени. Ее получили 19 многодетных мам, воспитывающие троих детей.

Важно отметить, что особое внимание было направлено на семьи, в которых есть участники СВО, матерей, потерявших в ходе боевых действий своих сыновей. В городе Губкин была организована встреча матерей и жён участников СВО и губкинцев, награждённых орденом Мужества, а также многодетных мам и женщин, награждённых муниципальной наградой «За материнские заслуги». Самая душевная и трогательная встреча прошла в малом зале Центра культурного развития п. Ивни «Спасибо Вам за сыновей!» с мамами воинов, отдавших свои жизни за нашу страну. Женщины смогли поделиться своими переживаниями, услышали слова поддержки от гостей и получили поздравления с самым тёплым и добрым праздником – Днём матери.

Семья – это то, с чего начинается жизнь человека, это фундамент, на котором строится личность человека и закладываются основы его гражданской идентичности. Она – источник любви, взаимоуважения, благодарности и преданности, то, на чем строится любое цивилизованное общество. Благополучные и крепкие семьи – основа государства, условие развития и прогресса страны. Важно продолжать популяризацию семейных ценностей и традиций, сохранения семей, а также уделять внимание профилактике их распада. Это вопрос не только социального обеспечения населения, но и социально-культурной сферы, оказывающей огромное влияние на формирование ценностных ориентаций людей.

Список литературы

Лопин Р.А., Почепцов С.С. Год семьи 2024 г. (к истории вопроса моделирования идеала семьи от теологии к философии права) // NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 2024. № 2

References

Lopin R.A., Pocheptsov S.S. The year of the family 2024 (on the history of modeling the ideal of the family from theology to philosophy of law) // NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 2024. No. 2.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.09.2024

Поступила после рецензирования 13.12.2024

Принята к публикации 28.05.2025

Received September 13, 2024

Revised December 13, 2024

Accepted May 28, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Курганский Сергей Иванович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия.

Кущенко Елена Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально культурной деятельности и туризма, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey I. Kurganskiy, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy and Methodology of Professional Education, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

Elena S. Kushchenko, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activities and Tourism, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

УДК 111.85

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-466-470

EDN RSPATE

После паузы

(рецензия на книгу: Петар Боянич. **Насилие, фигуры суверенности.**
Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2025 г. 270 с.)

¹ Алкатири Шоук Мухсин Бадер Бинкуда, ² Сорокина С.Н.

¹ Университет «Аль-Джазира»

ОАЭ, эмират Дубай, ул. 7А, Эт Твар 3

² Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина,
Россия, 308503, Белгородская обл., п. Майский, ул. Вавилова, д. 1

ashouk@bk.ru; sorokina_sn@belgau.ru

Аннотация. Сербский философ Петар Боянич достаточно известен русскоязычному читателю. Книга «Насилие, Фигуры Суверенности», вышедшая в издательстве «Кабинетный ученый», продолжает тематику исследования насилия, его связи с государством, правом, суверенитетом. Петар Боянич предлагает сосредоточиться на ощущениях читателя от столкновения с насилием, что позволит проявиться множественности реакций и фигур. Под фигурами следует понимать как антропологические типы, так и феномены. Среди них классические для европейской философии фигуры врага и друга. Боянич обращается к этой паре понятий, предлагаемых Карлом Шмиттом в качестве основных для определения суверенности. У автора книги они сравниваются или сталкиваются в концептуальных ситуациях, которые предлагают Гоббс, Гегель, Кант, Арендт и целый ряд других философов. В ходе этой процедуры суверенность из устойчивой и понятной категории политической философии подвергается критике и интерпретируется совершенно иначе. Насилие, возникающее между врагом и другом, осуществляемое ради поддержания суверенитета или разрушения его у противоположной стороны, обостряет и делает видимыми также проблемы этики войны, статуса «последнего» насилия, справедливости вражды. В этой постановке проблем современного состояния суверенности заключается актуальность представленной работы, обозначающей пределы классических философских понятий.

Ключевые слова: насилие, война, человек, враг, суверенитет, этика, антропология, К. Шмитт, П. Боянич, Х. Арендт

Для цитирования: Алкатири Шоук Мухсин Бадер Бинкуда, Сорокина С.Н. 2025. После паузы (рецензия на книгу: Петар Боянич. **Насилие, фигуры суверенности.** Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2025 г. 270 с.). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 466–470. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-466-470 EDN: RSPATE

After a Pause (Review of Petar Bojanic’s Book “Violence, Figures of Sovereignty”. Yekaterinburg: Kabinetny Ucheny. 270 p.)

¹ Alkatiri Shouk Muhsin Bader Binkuda, ² Svetlana N. Sorokina

¹ Al Jazeera University,

3 Et Twar Street 7A, Emirate of Dubai, UAE

² Gorin Belgorod State Agricultural University

1 Vavilova St, Maysky settlement, Belgorod region 308503, Russia

ashouk@bk.ru; sorokina_sn@belgau.ru

Abstract. Serbian philosopher Petar Bojanic is quite well-known to Russian-speaking readers. The book “Violence, Figures of Sovereignty” released by the Kabinetny Ucheny publishing house continues the

theme of study into violence, its connection with the state, law, and sovereignty. Petar Bojanic proposes to focus on the reader's feelings from the encounter with violence, to pause, to put a comma, which allows a multiplicity of reactions and figures to emerge. Figures should be understood as anthropological types, as well as phenomena. Among them are the figures of enemy and friend which are classical for European philosophy. Bojanic turns to this pair of concepts proposed by Carl Schmitt as the main ones for the definition of sovereignty. The author of the book compares or confronts them in conceptual situations offered by Hobbes, Hegel, Kant, Arendt, and a number of other philosophers. In the course of this procedure, sovereignty as a stable and comprehensible category of political philosophy is criticised and interpreted in a different way. The violence that arises between enemy and friend and is used for the sake of maintaining sovereignty or destroying it in the opposite party, aggravates and uncovers the problems of the war ethics, the status of 'last' violence, and the justice of enmity, among other. This way to state the problem of the contemporary state of sovereignty explicates the relevance of the work presented, marking the limits of classical philosophical concepts.

Keywords: violence, war, man, enemy, sovereignty, ethics, anthropology, K. Schmitt, P. Boyanich, H. Arendt

For citation: Alkatiri Shouk Muhsin Bader Binkuda, Sorokina S.N. 2025. After a Pause (Review of Petar Bojanic's Book "Violence, Figures of Sovereignty". Yekaterinburg: Kabinetny Ucheny. 270 p.). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 466–470 DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-466-470 EDN: RSPATE

Книга известного сербского философа Петара Боянича продолжает его работы по изучению насилия [Борисов, 2021]. «Насилие, фигуры суверенности» начинается с утверждения о том, что для исследования насилия необходима пауза. Вслед за ним и вместе с ним мы настаиваем, что эта пауза необходима, она обусловлена самой сутью насилия и суверенности. Она связана с попыткой ответа или подготовкой к ответу на насилие, что в сочетании с проблемой суверенности, если мы переходим от индивидуального восприятия на уровень государства, коллективного субъекта, часть является столкновением с неопишмым. Но любая из множества реакций изменяют, деформируют, создают и в итоге формируют множественности, спотыкающиеся в своем стремлении задержаться и остановить, следующее насилие, переход от насилия к суверенности, придания насилию смысла и надления его статусом «последнего». И здесь важна серийность, череда насилия и ответа, смена лиц, среди которых главное место занимает фигура недруга – неприятеля.

В названии первой главы «Конституция понятия недруга» в русском переводе употребляется слово «недруг», практически синонимичное слову «неприятель» и смягчающее противопоставление друга и врага, важного для автора смысла радикального различия между ними, введенного Карлом Шмиттом [Шмитт, 2016]. Слово «неприятель», как правило, ассоциируется с войной, но в контексте этой книги оно воспринимается, скорее, как «неприятный» – тот, с кем не хочется в ответ быть приятным. И потому недруг – это и есть неприятель в том самом первом, военном и крайнем смысле. Важно подчеркнуть еще раз – в смысле совершенно конкретном. Это подчеркивается постоянно и настойчиво. И конкретность как характеристика неприятеля сталкивается с проблемой его определения, от дилеммы частного и общего врага до выявления его физиогномики, образа и формы, в итоге видимости, явности.

Обозначенные крайности равно бросают вызов норме, будь то понятия личного неприятеля или абстрактного врага, и рассматриваются в главе «Неприятель, его гештальт животного». Здесь Gestalt – весьма сложно перевести, сам автор указывает на его многозначность и необходимость обращения с ним в контексте идей Хадеггера, Кассирера, Юнгера и Розенцвейга, удержать всю заявленную многозначность. В русском языке есть собственные доминирующие смыслы этого слова, которые в совокупности

с указанным ранее предостережением о сужении смыслов заставили сохранить это слово «как есть».

На полях в данном тексте появляется возможность сделать акценты и обратить внимание как минимум на два смысла. Когда гештальт есть облик, буквально то лицо, которое Шмитт призывает нас пристально рассмотреть и осознать конкретику и противоположность. Неприятель должен иметь лицо, должен быть определен и опознан. Анонимная вражда, проистекающая из неопределенности, раскрывает второй смысл, возможно, не вполне очевидный. Пары «друг – враг» и «приятель – неприятель» являются зеркальными отражениями, и гештальт, среди прочего, не только образ другого, но, возможно, и отражение; во множестве вариаций, от конструирования через противопоставление до сложности обретения врагом формы у Гегеля [Гегель, 2000]. И если переход к животному, животной функции неприятеля не вполне понятен, то давайте проведем эксперимент и построим себе в зеркале страшные, действительно страшные и угрожающие гримасы, после чего зададимся вопросом, не является ли образ в отражении тем «дьявольским» двойником, прообразом врага, о котором писал Кожев отвечая на вопрос Шмитта.

Перед прочтением главы «Mad Dog. Последний неприятель» или ее повторным прочтением давайте зададим себе вопрос, что нужно, чтобы неприятель стал последним, и может ли он не стать в этом случае личным. Вообще, есть ли шанс у вражды остаться не личной, если высшей целью любого противостояния считать окончательное решение проблемы насилия. Автор дает ответ с отсылкой на весьма личные отношения Шмитта и Хеллера. Стоит обратить внимание на значение термина Mad dog – укусы бешеной собаки и превращение в бешеную собаку, который появляется у Гоббса в XXIX главе «Левиафана» «О тех вещах, которые ослабляют государство и ведут к его распаду» [Гоббс, 1991, с. 318]. Частное и личное смыкается с общественным и государственным. Пара «неприятель – друг» тесно смыкается, что в контексте диалога Шмитта и Хеллера, вынуждает первого ввести практически неуместную фигуру «третьего», «чужака». Принесенная в жертву дружба Шмитта и Хеллера открывает серию вопросов об обязательности уничтожения неприятеля, достаточности виртуального уничтожения, слома его воли и подчинения.

Те, кто знаком с произведением Канта «К вечному миру», со всем вниманием отнесутся к проблеме справедливости и обоснованности насилия в главе «Кант и право на превентивное насилие и войну». Возьмем паузу и обратим внимание на один небольшой момент, касающийся превентивности и содержащийся в «Основах метафизики нравственности» – фрагмент с описанием прививки от оспы [Боянич, 2025, с. 81-82]. Гомеопатическая стратегия Канта, взятая в проекции на государство, объясняет дозволенность превентивной войны и процедуры определения «праведного неприятеля».

Единичность и конкретность в главе «Разложить героя. Че Гевара и Гегель» сталкивается с головокружительной множественностью неприятеля, его навязчивым возвращением во множественности лиц, преступника, бандита, террориста и многих других. И, как может показаться, периферийные для повествования образы из «Терминатора» и «Матрицы» раскрывают страх неуничтожимости неприятеля, его возврата, воскрешения, действительно избыточной материальности, из которой история про съеденное Че Геварой яблоко раскрывается еще одной своей стороной как присвоение через уничтожение. И тогда вернемся немного назад и перечитаем строки о секретной службе. Именно она достаточно неоднозначно описана и определена как то, что соприкасается с врагом, соприкасается опасным образом, постоянно рискуя запачкаться, в метафоре поедания – не переварить неприятеля [Боянич, 2025, с. 93-97]. И далее, в других вариациях, следуют вопросы, можно ли представить поедание самого себя, наиболее

близким которому является принесение себя в жертву. И что в этом случае остается противнику?

«Убить правителя, умертвить родину, быть неприятелем матери» снова сталкивает нас с серийностью, последовательностью не только событий, но также вопросов и фигур неприятеля, на этот раз представляющих в обличье предателя, кажется, что отличного от неприятеля и весьма похожего на обычного гражданина. Обращение к Томасу Гоббсу и его представлению о порядке, рисует интересную перспективу суверенности и государственности как связи между гражданами через говорение «от имени» сообщества и государства [Боянич, 2025, с. 125-127]. И тогда неприятель в обличии предателя не только тот, кто разрывает или прерывает связь и существующую коммуникацию, стремится ее перестроить, но, что более важно, является инициатором говорения «от первого лица». Здесь снова проявляется конкретность неприятеля, как и наша собственная.

Главы «Суверенитет, псевдосуверенитет, протекторат» и «Создаст ли приговор в Гааге прецедент в международном праве?» во-многом продолжают логику противопоставления друга и недруга в несколько ином фокусе рассмотрения, сочетающем кантовскую концепцию «вечного мира» с современной реальностью различных форм деградации суверенитета, когда все государства не только объединяются против одного «неправедного» или недостаточно «демократичного», но сами могут являться государствами с весьма условной суверенностью [Боянич, 2025, с. 146, 159]. Или борьба будет происходить не с государством. Исходом войны не может стать обретение суверенитета и наступление мира, а «международный трибунал» уже не создает прецеденты.

Отблеск времени без прецедентов присутствует и в следующей главе «Последняя война или Война за демократию», начало которой поднимает совершенно отдельный вопрос, касающийся рассмотрения основной проблемы насилия и суверенности – вопрос о восприятии и переводе философских текстов, не только текстов Ханны Арентс и текстов о насилии [Боянич, 2025, с. 194-195]. Хотя мы отдаем себе отчет, что действительно и вполне возможно являемся одними из последних читателей, которые продолжают длительную традицию повторной интерпретации, замещения оригинальных смыслов, проистекающих из неполноты знания и языковых барьеров. Не дает ли это некоторое преимущество, значимые и плодотворные обертоны смыслов и взаимных переходов насилия в мощь, силу, энергию и так далее? Это «и так далее...» в своем многоточии и длительности упорядочивает и дополняет, в итоге обогащает всех нас. Сегодня само предположение об «окончательном» и исчерпывающем знании выглядит как аналог «последней» войны, окончательного насилия.

Так же, как в главе «Терроризм: террор и взрыв», есть идея об аналогии между определением терроризма и террором определений. Мы все оказались вовлечены в этот обмен и в некотором смысле миметическое соперничество. В деятельность по заговариванию страха через интерпретацию и встраивание в ряд (тем самым создание некоего порядка), в череду комментаторов, от Аристотеля и затем Гоббса, Бэкона, Гегеля до нас самих. Не создаем ли мы сами тот шум и гул, который предшествует и сопровождает взрыв петарды, который Боянич приводит как пример, и самый сложный вопрос, какова роль именно нас в этом действе и действии [Борисов, 2024]. Стоит ли философам молчать, взять паузу в этом случае? Как и в случае этики войны, о чем идет речь в главе «Насилие и противонасилие. О правильном сопротивлении», где молчание не равно пацифизму, а является необходимостью для выхода из миметичной связи права и насилия. И здесь загадочные слова Ивана Ильина о мече молитвы завершают текст, открывая и начиная новый [Боянич, 2025, с. 266], гораздо более сложный, разворачивающийся вне знакомых категорий, но также требующих «работы» по совершенно конкретному восприятию себя и возможного противника, то, о чем говорил Карл Шмитт.

Список литературы

- Борисов С. Н. 2024. Насилие «без места» или позитивность не для всех. Рецензия на книгу Бён-Чхоль Хана «Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна». *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. Т. 49, № 3.: 615-618.
- Борисов С. Н. 2021. От Белграда через Париж и Нью-Йорк до Белгорода... Послесловие к книге П. Бояничича «Про/вокация. Воззвание и право на переворот». *Наука. Искусство. Культура*. № 4(32): 55-60.
- Гегель Г. В. Ф. 2000. Феноменология духа. Москва: Наука, 495 с.
- Гоббс Т. 1991. Левиафан. Т. 1. Ниш: Градина, 547 с.
- Шмитт К. 2016. Понятие политического. Санкт-Петербург: Наука, 567 с.

References

- Borisov S. N. 2024. Nasilie "bez mesta" ili pozitivnost' ne dlja vseh. Recenzija na knigu Bjon-Chhol' Hana "Topologija nasilija. Kritika obshhestva pozitivnosti pozdnego moderna". *Nomothetika: Filosofija. Sociologija. Pravo*. Т. 49, № 3.: 615-618.
- Borisov S.N. 2021. Ot Belgrada cherez Parizh i N'ju-Jork do Belgoroda... Posleslovie k knige P. Vojanicha "Pro/vokacija. Vozzvanie i pravo na perevorot". *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. № 4(32): 55-60.
- Gegel' G. V. F. 2000. Fenomenologija duha. Moskva: Nauka, 495 p.
- Gobbs T. 1991. Leviafan. Т. 1. Nish: Gradina, 547p.
- Shmitt K. 2016. Ponjatie politicheskogo. Sankt-Peterburg: Nauka, 567 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 22.09.2024
Поступила после рецензирования 22.12.2024
Принята к публикации 30.05.2025

Received September 22, 2024
Revised December 22, 2024
Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алкатيري Шоук Мухсин Бадер Бинкуда, сотрудник, Университет «Аль-Джазира», эмират Дубай, ОАЭ.

Сорокина Светлана Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры профессионального обучения и социально-педагогических дисциплин, Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина, ул. Вавилова, Белгородская обл., п. Майский, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alkatiri Shouk Muhsin Bader Binkuda, Employee, Al Jazeera University, Emirate of Dubai, United Arab Emirates.

Svetlana N. Sorokina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Vocational Training and Socio-Pedagogical Disciplines, Gorin Belgorod State Agrarian University, Belgorod region, Maysky settlement, Russia.

УДК 130.2:004
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-471-479
EDN HddbQY

**Цифровизация как триггер и вектор
трансформации общества на современном этапе развития
(рецензия на книгу: В.В. Кафтан. Цифровизация как явление
современного общества. М. : Русайнс, 2024. 212 с.)**

Игнатов М.А., Яговдик В.А.

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова
Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46
ignatovmikle@gmail.com, jazz_man@mail.ru

Аннотация. В рецензии рассмотрены наиболее важные результаты и положения, содержащиеся в монографии. Подчеркнуто, что исследование столь сложного и многоаспектного явления как цифровизация весьма актуально. Приводятся оценки теоретических положений и выводов, содержащихся в монографии: о сущности и генезисе цифровизации; о влиянии цифровизации на экономические и политические процессы в обществе; об антропологических и аксиологических аспектах трансформации общества в условиях цифровизации. Дана высокая оценка проведенному в монографии анализу деструктивных проявлений цифровизации в связи с увеличивающимися масштабами виртуализации жизни человека и общества, что в теоретическом плане может быть сформулировано как проблема взаимодействия подлинного бытия и виртуальной реальности.

Ключевые слова: виртуальная реальность, цифровое бытие, хронотоп, цифровизация, духовные ценности, техносубъект, информация

Для цитирования: Игнатов М.А., Яговдик В.А. 2025. Цифровизация как триггер и вектор трансформации общества на современном этапе развития (рецензия на книгу: В.В. Кафтан. Цифровизация как явление современного общества. М. : Русайнс, 2024. 212 с.). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 471–479. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-471-479 EDN: HddbQY

**Digitalization as a Trigger and Vector of Transformation
of Society at the Present Stage of Development
(Book Review: V.V. Kaftan Digitalization as a Phenomenon
of Modern Society. M. : Rusains, 2024. 212 p.)**

Mikhail A. Ignatov, Vyacheslav A. Yagovdik
Shukhov Belgorod State Technological University
46 Kostyukova St, Belgorod 308012, Russian Federation
ignatovmikle@gmail.com, jazz_man@mail.ru

Abstract. The review examines the most important results and provisions contained in the monograph. It is emphasized that the study of such a complex and multidimensional phenomenon as digitalization is particularly relevant. The article provides assessments of the theoretical provisions and conclusions contained in the monograph: those on the essence and genesis of digitalization; on the impact of digitalization on economic and political processes in society; and the ones concerning the anthropological and axiological aspects of the transformation of society in the context of digitalization. The monograph highly appreciates the analysis of destructive manifestations of digitalization in connection with the increasing scale of virtualization of human and social life, which theoretically can be formulated as a problem of interaction between authentic existence and virtual reality.

Keywords: virtual reality, digital existence, chronotope, digitalization, spiritual values, technosubject, information

For citation: Ignatov M.A., Jagovdik V.A. 2025. Digitalization as a Trigger and Vector of Transformation of Society at the Present Stage of Development (Book Review: V.V. Kaftan Digitalization as a Phenomenon of Modern Society. M. : Rusains, 2024. 212 p.). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 471–479 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-471-479 EDN: HDBBQY

Введение

Цифровизация как явление весьма сложное, многоаспектное и многоуровневое в наши дни становится таким всеохватывающим и всепроникающим «монстром». Уже трудно найти более или менее значимые процессы современного общества, в которых так или иначе цифровизация не присутствовала бы самым безоговорочным образом. Причем такое присутствие как в научной среде, так и в самом обществе воспринимается по принципу *pro et contra*, как нечто, содержащее в себе одновременно конструктивное и деструктивное начала. Собственно, исследованию диалектического взаимодействия этих двух начал и посвящена монография В.В. Кафтана.

Цифровизация как некий технологический процесс возникла с появлением первых компьютеров в середине прошлого века. Однако глобальный характер своего воздействия практически на все сферы жизни общества она приобрела только в последние полтора-два десятка лет, одновременно превратившись и в онтологическую, и в гносеологическую, и в антропологическую, и в аксиологическую проблемы, став объектом и предметом многих научных исследований. В их числе – целый ряд работ В.В. Кафтана. В этом смысле рецензируемая монография представляет собой результат многолетних размышлений.

Внутренний список предшествующих научных публикаций автора можно структурировать сообразно оглавлению настоящей монографии. В качестве примера приведем нижеследующие статьи, подчеркнув, что они являются небольшой выборкой из солидного перечня исследовательских работ В.В. Кафтана. В статье, посвященной анализу предпосылок возникновения информационного общества и его философскому осмыслению, сделан акцент на определении современного общества как общества «власти коммуникации» и одновременно общества знаний [Кафтан, 2017]. В работе, посвященной проблемам и перспективам трансформации социального бытия, подробным образом, начиная с эпохи Просвещения, изложены подходы к социальному конструированию настоящего [Кафтан, 2021]. Ряд статей направлен на описание деконструктивных технологий, появившихся в тандеме с цифровыми и ставшими угрозой не только для политической системы, но и для устойчивости государства в целом [Кафтан, 2017, 2020]. Автор также глубоко исследует философию экономики, выделяя ее онтологию, гносеологию, антропологию и аксиологию [Кафтан, 2016], делая акценты на человеческом факторе цифровизации [Кафтан, 2017], роли цифровых технологий в процессе подготовки профессиональных кадров и на связанных с этим рисках [Кафтан, 2019]. Автор также тщательно прорабатывает проблему духовно-ценностного выбора в онтологии современности: в российском обществе [Кафтан, 2014], в условиях «конфликта цивилизаций» [Кафтан, 2018], как доминирование духовного над материальным [Кафтан, 2012], как защиту от проникновения в духовное пространство социума деструктивных идеологий [Кафтан, 2013].

Даже краткое перечисление того, что вследствие цифровизации стало неотъемлемой и необходимой частью общественного бытия и бытия практически каждого человека, поражает воображение: массмедиа, технологии удаленного доступа, глобальная сеть Интернет, дистанционное образование, онлайн-торговля, виртуальные музеи и выставки, электронное голосование, электронный документооборот и многое, многое другое. Все

это повышает качество жизни современного человека, совершенствует социокультурное пространство и происходящие в нем процессы. Как показывают достижения последних лет в части развития нейросетей, человечество вступает в новый этап своего развития, и от дальнейшего расширения границ цифровизации оно уже не откажется. Такое заключение не нуждается в доказательствах, оно очевидно, так как происходящие события имели место в пределах ныне живущего поколения, заставшего триумфы и индустриализации, и цифровизации.

Многочисленные примеры проникновения «цифры» буквально во все сферы общественной жизни, такие как образование, здравоохранение, наука, культура, политика, экономика, коммуникации, в виде информационных технологий, программ автоматизации, разнообразных медиапрактик убедительно свидетельствуют о ее способности запускать и стимулировать трансформационные процессы социального переустройства общества, становиться их триггером, а также задавать необходимое направление развития общества на обозримую перспективу, быть его своеобразным вектором. Это В.В. Кафтан обоснованно и убедительно демонстрирует в своей монографии. Причем основано такое заключение на анализе явлений и процессов, характерных для нашего времени и поэтому вполне доступных для понимания современному вдумчивому читателю.

Обобщая, можно констатировать, что в монографии В.В. Кафтана цифровизация ассоциируется с нечто таким, что в XV–XVI веках предопределило название, например, эпохе Возрождения, а в XVII–XVIII веках эпохе Просвещения.

Цифровизация: дихотомия конструктивного и деструктивного

В.В. Кафтан, исследуя цифровое общество как социальный конструкт, рассматривает проблему подлинности бытия отталкиваясь от работ М.М. Бахтина, Ж. Делёза, Ф. Гваттари, А.Г. Дугина, Ф. Фукуямы, М. Кастельса, Ю. Хабермаса и др. Автор позиционирует подлинное бытие как суперпозицию виртуальной реальности, которая является порождением, продуктом цифровизации социума и одновременно служит источником рисков для его развития. В монографии констатируется, что необъятности и безграничности подлинного бытия противостоит матрично структурированная и поэтому изначально ограниченная виртуальная реальность. В этом усматривается экзистенциальная угроза существованию общества, когда виртуальная «пустыня реальности» заменяет собой реальную жизнь, когда в общественном сознании, деформированном «матрицей», происходят изменения, обусловленные использованием приемов «манипулятивного воздействия», «генерированием ложного бытия».

Большое внимание в монографии уделено исследованию фундаментальных категорий бытия: движению, пространству, времени, которые в условиях цифровизации, по мнению автора, искажаются. В традиционном общественном сознании движение происходит от прошлого через настоящее и далее в будущее. Для человека естественно погружаться в глубины прошлого и подниматься к высотам будущего, таким образом формируя историчность восприятия мира. Виртуальная реальность навязывает человеку альтернативу – стереть важнейшее атрибутивное свойство времени – протяженность. Переходя из виртуальной реальности в подлинную и обратно, человек утрачивает эту реляционную связь со временем, обретает субстанциальное «вне», дезориентируется, сталкивается с проявлениями когнитивного диссонанса, переходящего в стресс и другие негативные последствия, что, количественно накапливаясь, отражается на общественном сознании в целом.

Также виртуальная реальность требует от человека мгновенной реакции, способности быстро ориентироваться в стремительно меняющемся информационном потоке. Это искажает временную шкалу, масштаб времени, «вчера» и «завтра» перестают существовать, на их смену приходит виртуальное «сейчас». Однако адаптивность

человека неограничена, поэтому физиологические, интеллектуальные и психоэмоциональные возможности человека далеко не во всех случаях могут этому соответствовать.

Для виртуальной реальности не требуется и пространство, точнее, оно существует, но локализуется в границах экрана монитора или VR-очков, в пределах же превращается в точку. И уже нет трехмерной характеристики пространства, нет необходимости использовать понятия «высота», «широта» и «длина». Все упрощается, коллапсируя в одномерное «здесь». Как долго и с какими последствиями человек сможет выдерживать пребывание в столь жестких клеточках матрицы? Вопрос, очевидно, риторический.

Исследуя трансформацию пространства, времени и движения, автор обращает внимание на утверждение М. Маклюэна, что причиной социальных изменений является усовершенствование способов передачи информации: от появления наскальных рисунков к алфавиту, далее к изобретению книгопечатания, радио, кино, телевидения. Существующее сегодня глобальное «информационное сетевое сообщество Галактика Интернет» трансформирует взаимосвязь пространства и времени до уровня «хронотоп гиперреальности» (с. 12), квинтэссенции искусственных миров.

Точно подмечена автором проблема «отмирания чувственного ощущения мира» человеком как первого этапа познания объективной реальности. Мозг человека вынужден перестраиваться, обретать новую способность – способность воспринимать виртуальный мир. Будучи одиноким в этом виртуальном мире, в котором отсутствует необходимость коммуникации с себе подобными, человек может постепенно утрачивать сначала потребность, а потом и саму способность коммуницирования в обществе, которое с неизбежностью атомизируется.

Социум уже сегодня сталкивается с технологиями коррекции прошлого (концепция «изменяемого прошлого») и с технологиями «моделируемого будущего». При необходимости эти технологии легко могут быть использованы для создания общества, которое не сможет противостоять манипулированию и будет состоять из «Иванов, не помнящих родства». На фоне вышеизложенного, такие негативные проявления цифровизации, как киберпреступность, несанкционированный доступ к персональным данным, базам данных государственных или коммерческих структур и т. п., могут восприниматься разве что как досадные побочные эффекты.

Раскрывая категорию «цифровизация», В.В. Кафтан останавливается на анализе эволюции понятия «технология». В этой связи автор выделяет три направления, характеризующие его природу: технологии, детерминированные определенной целью; технологии как инструменты для выражения социокультурных ценностей; «автономные технологии», являющиеся вектором человеческого развития (с. 49–50). Особое внимание привлекает социогуманитарная технология, выделенная из общего списка и являющаяся триггером инновационного творческого поиска, антропоцентричная, определяющая стратегии развития общества. В настоящей монографии автор дает собственную трактовку «социогуманитарной технологии» как базирующейся на определенном плане (программе действий) особой форме проявления активности социального субъекта по управлению коммуникацией общества (с. 53). Поставленный акцент на коммуникации прослеживается и далее.

Все эти выделенные цифровые технологии обеспечивают конструирование новой реальности, нового функционала, в рамках которого сосредоточены общественные институты, картины мира, ценности и потребности. Как точно подметил автор, это и является той новой моделью социума, в основе которой лежит некий управляемый хаос, обусловленный противоречиями реального и виртуального, искусственного и естественного. Небезынтересным является и анализ автором трансформационных процессов, происходящих под влиянием цифровизации, что логично вытекает из вышеизложенного. К сожалению, рамки настоящей работы не позволяют перечислить все технологии, основанные на принципе дигитализации и приведенные в качестве примера. Выделим некоторые технологии: больших данных, клиповизации, блокчейна,

3D-практынга, дзіпфейка, цыфровага чалавека, віртуальнай і дапаўненай рэальнасці і, нарэшце, іскусственага інтэлекта. Для дэманстрацыі цыфровых трансфармацый розных сфер грамадства аўтар выдзяляе найбольш значымыя: эканамічную, палітычную і духоўную.

В.В. Кафтаў, разглядаючы сучасныя эканамічныя працэсы ў грамадстве, справядліва адзначае, што «...цыфравізацыя стрэмітэльна мяняе карціну эканамічных адношэнняў» (с. 79). Аўтар ісследуюць генезіс двух прынцыпальна розных крыніцаў, пачатку эканамічных узаемадзеянняў: дароабмен (обмен дарамамі) і капітал, а таксама іх уплыве на фарміраванне міравоззренчэскіх і духоўных асноваў быцця чалавека і грамадства. В.В. Кафтаў прыводзіць класіфікацыю капітала як эканамічнага феномена, разглядае прынятыя ім формы, дае краткую рэтрспектывную характэрыстыку тэорыяў капіталізму. У даным кантэксце абрацаюць на сябе ўважанне такія канстатацыі, як цыфравая эканаміка – гэта прадзводітэльная сіла сучаснай эканамікі (с. 92); цыфровыя медыя – уплыватэльная частка бізнэса (с. 93); сучасная інфармацыя – гэта тавар (с. 95). Па мерэню аўтара, у тэорыі камунікатывнага капіталізму розныя механізмы цыфравізацыі займаюць важнае месца і, следзватэльна, спосабствуюць трансфармацыі эканамічных адношэнняў.

Разглядаючы трансфармацыю палітычнай сфэры грамадства, В.В. Кафтаў адзначае (с. 119), што ў ўмовах цыфравізацыі «стрэмітэльна прэабразаецца сацыяльны мір», у тым ліку сістэма палітычных адношэнняў. Ён вызначае грамадства на гэтым этапе як інфармацыйна-камунікатывнае, а чалавека – чалавека інфармацыйнага, для якога асновавым ценнасным стэрэатыпам становіцца «...уменне атрымліваць, абрабатываць і перадаваць інфармацыю». У сувязі з гэтым аўтар аналізуе эвалюцыю ўзглядаў на знанне. Пры гэтым ён адталкываецца ад тэораў Ф. Бэкона, Р. Дэкэрта, Д. Дідра, Ж. Д'Аламбэра і далей – Д. Белла, К. Макгэйма, М. Маклюэна, Ф. Уэбстэра, Э. Тоффлера, Ж. Бодрыяра. Высказыванне «знанне – сіла» прыменітэльна да палітычных працэсаў у грамадстве, можна трактаваць як «знанне ёсць уладзь». Азсюда – лагічная паслэдзватэльнасць эвалюцыі ролі знаньняў у палітычных адношэннях: просвэщэнне – массавое знанне – выдэлеанне палітычнай эліты – афармленне палітычнай сфэры грамадства і ёе інстытутоў – этапы іх далейшага развіцця і трансфармацыі ў ўмовах цыфравізацыі. Базісам для гэтых працэсаў становіцца змяненне рэсурснай асновы жыцця грамадства: ад піцы і элементарных срдэстваў існавання да прыродным палезным іскопаемым і энэргыі, далей – да знаньняў і навуковым тэхналогіям, а ў сучасных умовах – да інфармацыі і камунікатывным тэхналогіям.

В.В. Кафтаў падчэрківае (с. 125), што рэальнасцю палітычных адношэнняў стала ўзаімапронікненне палітыкі і срдэстваў массавой камунікацыі; паслэдныя фактычна спосабны канструіраваць новую палітычную дэяствітэльнасць. Усе б'ольшая медыатызаванасць палітыкі прыводзіць да фарміравання сетевых схем і механізмаў ўзаімадзеяння ўчаснікаў палітычнага працэса, формы якіх, у сваю ачэрэдзь, актывна трансфарміруюцца: уладзь сетей – сетевая уладзь – ўнутрысетевая уладзь – сетэабразаючая уладзь. Гэму сапутэствуе ўзнікненне новых, уладзных і прувладзных, груп. Уплыве гэтых груп на палітычныя прэадпачтэння грамадства як мінімум сапаставімы з уплывем традыцыйных бюракратычных і палітычных эліт. Столь сістэмныя змянення асабэнна ярка праяўляюцца, напрыклад, у перыяды абрабавальных кампаній. Змянення ў саставах і структурах палітычных эліт прэадпачтэнаюцца тэм, што грамадзянскае ўважанне прывлакаюць, а, следзватэльна, прыабрабаюць уплыве, многачысленныя спецыялісты па PR-акцыям, блогеры, лідэры грамадзянскага мерэня, колумністы, спічрайтэры, экспэрты, палітолагы і т. п., для якіх інфармацыйна-камунікатывнае прастраанства служыць срдэдай дэяствітэльнасці. Массіраваннасць інфармацыйнага ўздэяствія на сацыум у палітычных цэлях (іногды дэструктывных) абэспечывае стаяшым за гэтым «заінтэресантам» ўзможнасць навязываць людэям нужныя смыслы, ідэі, ценнасці, сацыяльныя прэадставленія, жадаемыя мадэлі

поведения и устройства общества и государства. Подтверждением этому могут служить примеры использования информационно-коммуникативных технологий при подготовке и проведении так называемых цветных революций.

Таким образом, совершенно очевидно, что цифровизация в политической сфере не только дает новые возможности для ее развития, но и содержит вполне определенные вызовы и угрозы.

В главе, посвященной анализу социально-антропологических изменений в информационно-коммуникативной стадии развития общества, В.В. Кафтан исследует по сути взаимоотношение понятий «человек в эпоху цифровизации» и «человек эпохи цифровизации». Из изложенного автором можно сделать вывод, что отношение этих терминов имеет характер пересечения, где область пересечения – есть некая интегральная сумма тех изменений, которые претерпевает индивид под воздействием цифровизации. В основе такой трансформации лежит изменение места и роли человека в системе социальных отношений, сутью которых выступает вторичность человека. Его уделом становится роль подчиненного, способного лишь рефлексивно реагировать на воздействие потока информации. Из придатка машины, что было характерно для периода индустриализации, перед человеком формируется перспектива превращения в придаток цифровых технологий и гаджетов (с. 144).

В.В. Кафтан выстраивает такую последовательность ступеней социальной эволюции индивида: человек внимающий – человек пишущий – человек слушающий – человек читающий – человек-зритель – человек кликающий – человек ассамбляжа. Материальной основой эволюции на каждой ступени выступают соответствующие технологии, а также технические средства и атрибуты коммуникации (алфавит, книгопечатание, радио, кино, телевидение).

В монографии применительно к анализу социально-антропологических изменений в обществе приводится краткая характеристика ряда социальных теорий: теория массы (Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет); теория молчаливого большинства (Ж. Бодрийяр); теория сетевого индивидуализма (Г. Зиммель, М. Кастельс); теория новых племен (М. Маффесоли); теория умной толпы (Г. Рейнгольд); акторно-сетевая теория (Б. Латур, М. Каллон, Д. Ло) и ее развитие в контексте социологии вещей (П. Бергер, Т. Лукман, В. Беньямин, И. Гофман, В. Вахштайн, Ж. Бодрийяр, Л. Мамфорд). В работах этих авторов приводятся многочисленные феномены и проявления социально-антропологических изменений. В качестве примеров можно указать следующие (с. 167): стиль потребления человека предопределяет социальную дифференциацию, формирует стратификационную модель общества; возрастает подвижность индивидуальных ценностных систем членов общества; статус человека в обществе во все большей мере определяется предметами и вещами, которыми он пользуется (марка автомобиля, производитель одежды, курорт для отдыха, модель гаджета и т. д.). Устойчивость духовной сферы общества обусловлена незыблемостью ее ценностной системы, в основе которой лежат духовные потребности человека. Можно выделить следующие духовные потребности: социальные (в труде, коммуникации); познавательные (в получении образования, профессии); морально-нравственные (в следовании нормам и законам); эстетические (в понимании прекрасного, возвышенного). Особенностью же духовных ценностей является способность возвышать человеческие потребности, которые будут способствовать прогрессу в развитии культуры, что прямым образом указывает на их взаимообусловленность.

Для понимания сущности, роли и значения духовных ценностей, автор использует категорию «снятие» – понятие, введенное Г.В.Ф. Гегелем и получившее в свое время широкую популярность в научном дискурсе. В нашем случае «снятие» означает упразднение противоположных элементов (ценностей), путем сохранения необходимого для дальнейшего развития и отрицанием его тормозящего, в результате чего появляется новый конструкт, дающий старт следующему диалектическому витку. Снятие точно

подходит для описания процесса трансформации современной аксиологической сферы, в которой перемалывается традиционное и инновационное, и в этой связи представляется наиболее актуальным то, по каким критериям будут отделяться зерна от плевел.

Как уже было сказано выше, духовные потребности человека в постоянно меняющемся цифровом бытии претерпевают различные модификации, подстраиваются и перестраиваются сообразно обновленному жизненному пространству. Автор справедливо подчеркивает, что и в этом случае традиционная духовная основа, духовные ценности должны оставаться неизменными и задавать параметры и приоритеты цифровой трансформации общества. В качестве примера В.В. Кафтан приводит особенности исторической судьбы российского народа, с большой любовью и уважением описывает особенности широкой русской души, подкрепляя их эпитетами Н.А. Бердяева – «сложной, многогранной, совмещающей в себе все противоположности» (с. 174).

Отечественная аксиология, по мнению автора, имеет своим основанием следующие ценностные доминанты: идею правды как должного, как индикатора жизненных принципов каждого человека; идею спасения всего человечества от бездуховности, не индивидуального спасения привычного Западу, а всеобщего, основанного на бескорыстии, братстве и самопожертвовании; идею соборности как единения людей вокруг абсолютных ценностей, как мировую гармонию; идею доминирования духовного над материальным.

Нужно заметить, что на культурно-цивилизационную специфику России, особенность ее понимания также указывают и ученые белгородской философской школы [Римский, Римская, 2019].

Анализу факторов, разрушающих духовные ценности, посвящен заключительный параграф монографии. Автор напоминает, что вслед за их утратой неизбежно наступает кризис и деградация всех сфер общества. Опираясь на идеи известных авторов (А. Грамши, Т. Парсонса, П. Бурдьё), а также на типологию ценностных трансформаций, предложенную М. Вильямсом, В.В. Кафтан выделяет новомодные тенденции, навязанные российскому обществу извне и разрушающие традиционные ценностные основы отечественной духовной культуры. В этой связи еще одним несомненным достоинством монографии является таблица сравнения российской и западной ценностных систем, которая стала итогом сопоставления аксиологических ориентиров данных цивилизаций, как выяснилось, диаметрально противоположных, особенно в части воинской культуры и гражданственности (с. 185). Автор делает вывод, что разрушение традиционной системы ценностей осуществляется не ее отрицанием как устаревшей, а именно тотальной заменой на противоположные ценностные установки, чуждые национальному менталитету и жизненному укладу. Этому процессу В.В. Кафтан дает определение из постмодернистского глоссария – «деконструкция». Деконструкция как переформатирование смыслов, знаков, морали, как скептическое отношение ко всему духовно-сакральному, что веками хранилось и передавалось из поколения в поколение. Риски цифровизации в этом отношении сопряжены с опасностью утраты истинного, естественного, конструктивного и возникновением нового «техносубъекта» (с. 189), морально и духовно стерильного, прагматически ориентированного, «бездушного» в прямом смысле этого слова.

Роль человека в этом новом мире, в бытии цифры – второстепенная, первичность же цифры может стать безусловной [Игнатов, Яговдик, 2024].

Заключение

Рецензируемая монография В.В. Кафтана представляет собой глубокое исследование феномена цифровизации и направлена на понимание сущности, механизмов, закономерностей и последствий, в более широком смысле – ее места и роли в социокультурной жизни общества на современном этапе.

Системность подхода В.В. Кафтана к исследованию цифровизации политической сферы, ее антропоцентрических и аксиологических аспектов, цифровой экономики, к обзору

существующих информационных технологий и специфики современного коммуникационного пространства позволила автору аргументированно и убедительно обосновать основные положения и выводы по работе.

Список литературы

- Кафтан, В.В. Деструктивные идеологии и ценности в духовном пространстве социума / В.В. Кафтан // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития: Материалы международной научно-практической очно-заочной конференции, Череповец, 24–25 мая 2013 года. – Череповец : Череповецкий филиал Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2013. – С. 78-83.
- Кафтан, В.В. Проблема духовно-ценностного выбора в современном российском обществе // Современная образовательная практика и духовные ценности общества. – 2014. – № 1. – С. 15-22.
- Кафтан, В.В. Философское осмысление и социальное измерение экономического пространства / В.В. Кафтан // Пространство и Время. – 2016. – № 3-4 (25-26). – С. 55-63.
- Кафтан, В.В. Философия современного информационного общества / В.В. Кафтан // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2017. – № 2. – С. 39-47. – DOI 10.18384/2310-7227-2017-2-39-47.
- Кафтан, В.В. Теоретические основания технологий ценностной деконструкции российской политической системы / В. В. Кафтан // Устойчивость политических систем: механизмы стабилизации и дестабилизации : Сборник статей преподавателей Финансового университета при Правительстве РФ. – Москва : Ru-Science, 2017. – С. 43-54.
- Кафтан, В.В. Мир экономического: краткий очерк истории философской концептуализации / В. В. Кафтан // Пространство и Время. – 2017. – № 1(27). – С. 106-119.
- Кафтан, В.В. Формирование профессиональной культуры молодежи в условиях цифровой экономики: зарубежный и отечественный опыт / В.В. Кафтан // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – Т. 9, № 1(37). – С. 24-31.
- Кафтан, В.В. Технологии цифровизации как угроза деконструкции ценностных оснований устойчивости государства / В.В. Кафтан // Технологии информационного общества: Сборник трудов XIV Международной отраслевой научно-технической конференции, Москва, 18–19 марта 2020 года. – Москва : Медиа паблишер, 2020. – С. 406-408.
- Кафтан, В.В. Социально-философские программы трансформации социального бытия // Трансформация социального бытия: проблемы и перспективы: сборник научных трудов Круглого стола, посвященного 70-летию Российской открытой академии транспорта, Москва, 28 мая 2021 года. – Москва : Российский университет транспорта (МИИТ), 2021. – С. 69-92.
- Римский, В.П. Культурно-цивилизационная специфика России: модели понимания и прогнозы / В.П. Римский, О.Н. Римская // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 3(89). – С. 10-22. – DOI 10.24411/1997-0803-2019-10301.
- Игнатов, М.А. Бытие цифры: что первично? / М.А. Игнатов, В.А. Яговдик, Е. В. Солодова // Экономика. Общество. Человек: Материалы национальной научно-практической конференции с международным участием, Белгород, 14 июня 2024 года. – Белгород : БГТУ им. В.Г. Шухова, 2024. – С. 74-79.

References

- Kaftan, V. V. Destruktivnye ideologii i cennosti v duhovnom prostranstve sociuma [Destructive ideologies and values in the spiritual space of society] / V.V. Kaftan // Ekonomika i upravlenie v XXI veke: tendencii razvitiya: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy ochno-zaochnoj konferencii, Cherepovec, 24–25 maya 2013 goda. – Cherepovec: Cherepoveckij filial Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, 2013. – S. 78-83.
- Kaftan, V.V. Problema duhovno-cennostnogo vybora v sovremennom rossijskom obshchestve [The problem of spiritual and value choice in modern Russian society] / V.V. Kaftan // Sovremennaya obrazovatel'naya praktika i duhovnye cennosti obshchestva. – 2014. – № 1. – S. 15-22.
- Kaftan, V.V. Filosofskoe osmyslenie i social'noe izmerenie ekonomicheskogo prostranstva [Philosophical understanding and social dimension of economic space] / V.V. Kaftan // Prostranstvo i Vremya. – 2016. – № 3-4 (25-26). – S. 55-63.
- Kaftan, V.V. Filosofiya sovremennogo informacionnogo obshchestva [Philosophy of the modern information society] / V.V. Kaftan // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo

- universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. – 2017. – № 2. – S. 39-47.
- Kaftan, V.V. Teoreticheskie osnovaniya tekhnologij cennostnoj dekonstrukcii rossijskoj politicheskoy sistemy [Theoretical foundations of technologies of value deconstruction of the Russian political system] // Ustojchivost' politicheskikh sistem: mekhanizmy stabilizacii i destabilizacii: Sbornik statej prepodavatelej Finansovogo universiteta pri Pravitel'stve RF. – M. : Ru-Science, 2017. – S. 43-54.
- Kaftan, V.V. Mir ekonomicheskogo: kratkij ocherk istorii filosofskoj konceptualizacii [The World of Economics: a brief outline of the History of Philosophical conceptualization] / V. V. Kaftan // Prostranstvo i Vremya. – 2017. – № 1(27). – S. 106-119.
- Kaftan, V.V. Formirovanie professional'noj kul'tury molodezhi v usloviyah cifrovoj ekonomiki: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt [Formation of professional culture of youth in the digital economy: foreign and domestic experience] / V. V. Kaftan // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. – 2019. – Т. 9, № 1(37). – S. 24-31.
- Kaftan, V.V. Tekhnologii cifrovizacii kak ugroza dekonstrukcii cennostnyh osnovanij ustojchivosti gosudarstva [Digitalization technologies as a threat to the deconstruction of the value foundations of the sustainability of the State] / V. V. Kaftan // Tekhnologii informacionnogo obshchestva: Sbornik trudov XIV Mezhdunarodnoj otraslevoj nauchno-tekhnicheskoy konferencii, Moskva, 18–19 marta 2020 goda. – M. : Media publisher, 2020. – S. 406-408.
- Kaftan, V.V. Social'no-filosofskie programmy transformacii social'nogo bytiya [Socio-philosophical programs for the transformation of social existence] / V. V. Kaftan // Transformaciya social'nogo bytiya: problemy i perspektivy: sbornik nauchnyh trudov Kruglogo stola, posvyashchennogo 70-letiyu Rossijskoj otkrytoy akademii transporta, Moskva, 28 maya 2021 goda. – M. : Rossijskij universitet transporta (MIIT), 2021. – S. 69-92.
- Rimskij, V.P. Kul'turno-civilizacionnaya specifika Rossii: modeli ponimaniya i prognozy [Cultural and civilizational specifics of Russia: models of understanding and forecasts] / V.P. Rimskij, O.N. Rimskaya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2019. – № 3(89). – S. 10-22. – DOI 10.24411/1997-0803-2019-10301.
- Ignatov, M.A. Bytie cifry: chto pervichno? [The Genesis of numbers: What is primary?] / M.A. Ignatov, V.A. Yagovdik, E.V. Solodova // Ekonomika. Obshchestvo. Chelovek: Materialy nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Belgorod, 14 iyunya 2024 goda. – Belgorod : Belgorodskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet im. V.G. Shuhova, 2024. – S. 74-79.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.12.2024
Поступила после рецензирования 18.03.2025
Принята к публикации 30.05.2025

Received December 18, 2024
Revised March 18, 2025
Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Игнатов Михаил Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и управления, заведующий кафедрой социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия.

Mikhail A. Ignatov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Management, Head of the Department of Sociology and Management, Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia.

Яговдик Вячеслав Александрович, аспирант кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия.

Vyacheslav A. Yagovdik, Postgraduate Student, Department of Theory and Methodology of Science, Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia.

УДК 340.1
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-480-492
EDN HDPCLR

**Белгородские прифронтовые чтения
«Стратегические приоритеты
государственной культурной политики:
эхо юридического форума»
(обзор докладов научно-практической конференции)**

Тонков Е.Е., Мархгейм М.В., Туранин В.Ю., Чуева И.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
etonkov@bsuedu.ru, markheim@bsuedu.ru, turanin@bsuedu.ru, chueva_i@bsuedu.ru

Аннотация. Представлен обзор ключевых докладов участников международной научно-практической конференции «Белгородские прифронтовые чтения: "Стратегические приоритеты государственной культурной политики: эхо юридического форума"», состоявшейся 26 февраля 2025 г. в Белгородском государственном национальном исследовательском университете. В рамках пленарного и секционного заседаний участники затронули вопросы государственной культурной политики, патриотизма и воспитания молодежи в контексте сохранения культурной идентичности России, отметили важность традиционных духовных ценностей и необходимость обновления государственной политики в сфере культуры. Кроме того, обсуждались предложения об архитектуре юридических форумов на базе Белгородского государственного национального исследовательского университета и о возможности создания лаборатории для документирования и фиксации правовых аспектов специальной военной операции. Таким образом, участниками конференции были актуализированы наиболее значимые вопросы в сфере культуры, молодежной политики, государственного суверенитета и сохранения российской идентичности.

Ключевые слова: культурная идентичность, культурное наследие, традиционные духовно-нравственные ценности, правовая культура, национальная безопасность, культурный суверенитет

Для цитирования: Тонков Е.Е., Мархгейм М.В., Туранин В.Ю., Чуева И.А. 2025. Белгородские прифронтовые чтения «Стратегические приоритеты государственной культурной политики: эхо юридического форума» (обзор докладов научно-практической конференции). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 480–492. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-480-492 EDN: HDPCLR

**Belgorod Frontline Readings “Strategic Priorities of State Cultural Policy: Echo of the Legal Forum”
(Review of Reports of the Scientific and Practical Conference)**

Evgeny E. Tonkov, Marina V. Markhgeim, Vladislav Yu. Turanin, Inna A. Chueva

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
etonkov@bsuedu.ru, markheim@bsuedu.ru, turanin@bsuedu.ru, chueva_i@bsuedu.ru

Abstract. The article overviews of the key reports of the participants of the international scientific and practical conference “Belgorod Frontline Readings: Strategic Priorities of State Cultural Policy: Echo of the Legal Forum” held on February 26, 2025, at Belgorod State National Research University. During the plenary and breakout sessions, the participants touched upon issues of state cultural policy, patriotism,

youth education in the context of preserving Russia's cultural identity, noted the importance of traditional spiritual values and the need to update state policy in the field of culture. In addition, proposals were discussed on the architecture of legal forums based at Belgorod State National Research University and on the possibility of creating a laboratory to document and record the legal aspects of the Special Military Operation.

Keywords: cultural identity, cultural heritage, traditional spiritual and moral values, legal culture, national security, cultural sovereignty

For citation: Tonkov E.E., Markhgeim M.V., Turanin V.Yu., Chueva I.A. 2025. Belgorod Frontline Readings “Strategic Priorities of State Cultural Policy: Echo of the Legal Forum” (Review of Reports of the Scientific and Practical Conference). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 480–492 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-480-492 EDN: HDPCLR

Масштаб и значимость прошедшего в сентябре 2024 года Первого Белгородского юридического форума обусловили актуальность и необходимость проведения на базе Белгородского государственного национального исследовательского университета международной научно-практической конференции «Белгородские прифронтовые чтения "Стратегические приоритеты государственной культурной политики: эхо юридического форума"», состоявшейся 26 февраля 2025 года. основополагающей тематикой конференции, объединившей ученых, представителей органов государственной власти и общественных деятелей, стал культурный суверенитет России и защита исторической памяти. Генеральными организаторами чтений совместно с Белгородским государственным национальным исследовательский университетом выступили Ордена Трудового Красного Знамени Институт государства и права Российской академии наук, Ассоциация юристов России, межрегиональная просветительская общественная организация «Объединение православных ученых» и Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Республика Беларусь). В качестве модератора конференции была приглашена **О.А. Будина**, актриса, режиссер, продюсер, общественный деятель, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства, член-корреспондент Российской Академии кинематографических наук и искусств.

Пленарная сессия и секционное заседание

С приветственным словом, открывающим прифронтовые чтения, выступила главный федеральный инспектор по Белгородской области аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе **О.Н. Кремнева**, которая отметила важность и результативность прошедшего Первого Белгородского юридического форума и актуальность его «эха» – прифронтовых чтений. Обратившись к участникам конференции с пожеланием успешной и плодотворной работы, О.Н. Кремнева подчеркнула наличие фактора стремительного изменения внутренних траекторий развития и внешних обстоятельств, что обусловило необходимость формирования новых направлений влияния для воспитания гармонично развитой личности с учетом патриотических ценностей, традиций и любви к Родине.

Первый заместитель председателя Белгородской областной Думы **Л.П. Киреева** отдельно отметила гостей конференции, которые, несмотря на сложную оперативную обстановку, приняли решение об участии в чтениях, а также подчеркнула актуальность темы мероприятия. Кроме того, Л.П. Киреева обратила внимание на мужество и стойкость белгородцев и жителей области, а также высказала мнение о том, что именно вопросы культуры, в том числе и в рамках правового поля, сегодня представляют особую важность.

Ректор Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор экономических наук, доцент **Е.А. Карловская** в приветственном слове отметила, что по итогам Первого Белгородского юридического форума было принято решение в 2025 году сделать акцент на государственной культурной политике. По ее мнению, в год восьмидесятилетия Победы и в год защитника Отечества особенно актуально было назвать конференцию Белгородскими прифронтовыми чтениями, что нашло поддержку и отклик у всех участников мероприятия. Также Е.А. Карловская подчеркнула, что в университете текущий год объявлен годом сотворчества, и «эхо» юридического форума является примером сотворческой работы всех организаторов и гостей конференции.

Директор Ордена Трудового Красного Знамени Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **А.Н. Савенков** в первой части приветственного слова выразил признательность А.А. Алаудинову и другим участникам специальной военной операции за их вклад в защиту страны, связывая современные события с подвигами прошлого. Он подчеркнул, что Белгород и Орел – символы победы, города первого салюта, и их стойкость сегодня является продолжением героизма Великой Отечественной войны. В основной части доклада А.Н. Савенков отметил, что право необходимо рассматривать как важную часть национальной культуры. В Конституции России теперь упоминается вера в Бога, что стало значимым шагом в укреплении духовных основ страны. Церковь всегда играла ключевую роль в сохранении российской государственности. Также спикер критически отозвался об изучении истории через призму революционной литературы и предложил строить национальное самосознание на примере героев прошлого – от Дмитрия Донского и Ярослава Мудрого до Юрия Гагарина и Владимира Путина, призывая к формированию новой идеологической основы для молодежи, основанной на традиционных ценностях. Значимой частью выступления стало предложение о создании исследовательской лаборатории в Белгороде для анализа правовых аспектов специальной военной операции и об открытии филиала Института государства и права в регионе.

Заместитель начальника Главного военно-политического управления Вооруженных Сил Российской Федерации, командир добровольческого формирования «Ахмат», генерал-лейтенант **А.А. Алаудинов** подчеркнул важность единства общества, отметив, что за последние три года Россия сплотилась и преодолела внутренние противоречия, а также перечислил некоторые исторические ошибки, приведшие к распаду СССР, проведя параллели с современными вызовами. Кроме того, А.А. Алаудинов акцентировал внимание на духовно-нравственном возрождении, называя веру и традиции ключевыми элементами будущего страны и делая вывод о том, что без верности национальным ценностям государство не сможет сохранить свою идентичность. Также спикер отметил мужество белгородцев и курян, которые, по его мнению, проявили выдающуюся стойкость – он назвал эти регионы примером для всей страны. В завершение своего выступления А.А. Алаудинов подчеркнул, что главная задача в настоящее время – передать будущим поколениям сильное и независимое государство, и предложил осуществить «революцию» в сознании, направленную на возрождение традиционных ценностей.

Сенатор Российской Федерации – заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по науке, образованию и культуре **Л.Н. Скаковская** отметила, что государственная культурная политика – это не просто комплекс инициатив, а фундамент национальной идентичности, исторической памяти и духовных ценностей. В условиях глобальных вызовов особенно важно объединить усилия государства, науки, образования и общества для выработки стратегии устойчивого развития. Кроме того, спикер отметила, что культурное многообразие страны является её уникальной особенностью. Россия, находясь на стыке крупнейших

цивилизаций, всегда играла роль связующего звена, что позволяло и позволяет ей гармонично интегрироваться в международные гуманитарные проекты. В заключительной части своего приветственного слова Л.Н. Скаковская подчеркнула, что конференция проходит в юбилейный год 80-летия Великой Победы, и это придаёт ей особое значение.

Начальник управления Министерства юстиции Российской Федерации по Белгородской области **А.В. Черепанов** акцентировал внимание на двух ключевых темах, затронутых в рамках чтений, – сохранении и укреплении российских традиционных нравственных ценностей и правовой помощи участникам специальной военной операции. А.В. Черепанов отметил, что управление Министерства юстиции Российской Федерации по Белгородской области занимается координацией деятельности по оказанию бесплатной юридической помощи – эта работа критически важна с учетом сложившейся оперативной обстановки и правовой действительности.

С приветственным словом к присутствующим обратилась проректор по научной работе Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, кандидат биологических наук, доцент **Н.З. Башун**, подчеркнув, что культурный фактор напрямую воздействует на социальную сферу, развитие и самореализацию личности, укрепление гражданской идентичности. Она отметила, что всем участникам конференции предстоит обмен мнениями по важным вопросам культурной политики, а это, в свою очередь, предоставит новые возможности органам государственной власти в кооперации с научным сообществом для воплощения идей и концепций в конкретных решениях.

Руководитель Междисциплинарного центра правовых исследований в сфере энергетики Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации **А.В. Габов** в контексте актуальной повестки упомянул научные воззрения П. Сорокина о типах культуры и об их чередовании в истории, а также о некоторых прогнозах ученого, касающихся заката чувственного типа культуры. В этой связи спикер отметил фундаментальное значение Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в настоящее время.

Уполномоченный по правам человека в Белгородской области **Ж.Н. Киреева**, как и другие выступающие, отметила уникальность Первого Белгородского юридического форума, а также упомянула о тесном сотрудничестве Белгородского государственного национального исследовательского университета и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москальковой, совместно с которой на базе университета был открыт научно-образовательный центр «Права человека и проблемы интеграции».

Председатель Общественной палаты Белгородской области **Н.П. Рожкова** выразила убежденность, что гражданское общество в настоящее время активно включено в работу над тем, чтобы наши духовные, исторические, культурные ценности были в приоритете абсолютно во всех сферах жизни. И это возможно только в случае симбиоза права и культуры. Также Н.П. Рожкова отметила слаженную, эффективную и качественную работу всех учреждений культуры и общественных организаций Белгородской области, в качестве примеров упомянув Белгородскую государственную филармонию и благотворительный фонд «Святое Белогорье против детского рака».

Председатель Совета Белгородского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», кандидат юридических наук, доцент **О.В. Владимирова**, завершая приветственную часть прифронтовых чтений, подчеркнула, что Ассоциация юристов России всецело поддерживает повестку конференции и ценит возможность принимать участие в открытом диалоге и обсуждении таких важных и фундаментальных тем, как стратегические приоритеты государственной культурной политики в единении с правом.

Пленарную сессию чтений открыл доклад руководителя Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации **С.Н. Бабурина** «Культурная идентичность государства и права». В рамках выступления были затронуты вопросы укрепления культурного суверенитета России, цивилизационной (культурной) идентичности государства и права. С.Н. Бабурин отметил, что именно формирующаяся веками культура, народный образ жизни, религиозный духовный уклад народа формируют характер любой нации, а значит, и государственно-правовые формы её самоорганизации. Культурно-исторический тип России определяется тысячелетним цивилизационным союзом славянских, тюркских, угро-финских, кавказских и иных народов, скреплённых в общее государство православными духовными ценностями и русским языком, а потому развитие российского государства и права происходит на основе укрепления и совершенствования этого цивилизационного союза. Правовое сознание, правопонимание и правовая политика всегда имеют в своём фундаменте мировоззренческие особенности культурно-исторического развития соответствующего народа. Именно культурная идентичность государства и права, по мнению С.Н. Бабурина, приводит к синтезу права и культуры, который рождает самобытную правовую культуру каждого народа.

Директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва **В.В. Аристархов** в рамках своего доклада «Задачи государственной культурной политики в связи с исполнением плана реализации основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» акцентировал внимание на том, что культура является основой национального суверенитета. Победа невозможна без сильной культурной политики, которая формирует ценностный фундамент общества. Именно культура помогает осознать, ради чего ведётся борьба и какие цели стоят перед страной. Выступление В.В. Аристархова включало обзор ключевых нормативных документов, регулирующих сферу культуры, среди которых Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики», Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

В.В. Аристархов также отметил необходимость перехода от теоретических деклараций к практическим действиям: в 2023 году утверждён план реализации указа о традиционных ценностях, который предусматривает разработку методических рекомендаций для регионов. Государственным органам власти предписано взаимодействовать с общественными структурами, чтобы совместными усилиями укреплять национальную идентичность.

Докладчик подчеркнул, что контроль за исполнением культурной политики должны осуществлять общественные организации, и призвал государственные органы власти активнее информировать общественность через СМИ и социальные сети о проделанной работе. Культурная политика должна охватить не только сферу искусства, но и все области жизнедеятельности общества, формируя единое мировоззрение. Завершая выступление, спикер подчеркнул, что борьба идёт не только на военном и экономическом, но и на культурном фронте. При этом ключ к победе – в слаженной работе всех уровней власти и общества.

С докладом «Государственная культурная политика Республики Беларусь и ее реализация в целях защиты исторической памяти и объектов культурного наследия» выступил заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор юридических наук, профессор

И.Э. Мартыненко. Докладчик отметил сложившийся в Республике Беларусь и некоторых странах СНГ опыт правового регулирования государственной политики в сфере культуры, подчеркнув, что в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы уделяется большое внимание вопросам правовой защиты историко-культурного наследия, исторической памяти и правды. Также И.Э. Мартыненко поделился практическим опытом и подчеркнул, что в настоящее время в Республике Беларусь принят и действует единственный в СНГ кодифицированный законодательный акт о культуре, что способствует обеспечению безопасности историко-культурного наследия.

Главный научный сотрудник Всероссийского государственного университета юстиции, доктор юридических наук, профессор **А.А. Мохов** в рамках доклада «От Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» к формированию законодательства о культуре» выразил убежденность в необходимости принятия нового Федерального закона «О культуре» либо Федерального закона «Об основах государственной культурной политики» с учетом тех положений, которые уже были отражены в Указе № 809. Выступающий отметил, что контур такого закона можно определить уже сейчас: это задачи, основные принципы правового регулирования, отправные положения о саморегулировании (самоуправлении), а также закрепление правового статуса соответствующих работников. Кроме того, по мнению А.А. Мохова, закон должен быть интегрирован в группу отношений: работник – профессиональное сообщество – общество – государство.

Протоиерей, настоятель храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы п. Отрадное Воронежской области, председатель Межрегиональной просветительской общественной организации «Объединение православных ученых», доктор теологии **Г. Заридзе**, обращаясь в рамках доклада «Сохранение информационного суверенитета – сохранение стратегической культуры страны» к вопросу идеологического противостояния с Западом, высказал позицию о том, что Россия проиграла Западу идеологическую войну ещё до перестройки, что и привело к её началу. Информационно-культурное влияние использовалось для подготовки политических изменений, приведших к ослаблению страны. По мнению Г. Заридзе, культура стала инструментом мягкой экспансии. Западная музыка, кино и спектакли, наполненные деструктивными смыслами, оказывали разрушительное воздействие на общественное сознание. Враг вёл наступление не оружием, а через информационное давление, которое продолжает разрушать национальные ценности. Выступающий также подчеркнул, что без противодействия этому влиянию Россия рискует потерять свою идентичность, и выразил критическое отношение к доминированию иностранных интернет-платформ, приветствуя их вытеснение отечественными аналогами. Кроме того, Г. Заридзе поддержал необходимость введения государственной цензуры для защиты страны – без контроля за информационным пространством сохранить государственный суверенитет невозможно. Он привёл пример Китая, который ограничил западное интернет-влияние, но при этом является одной из ведущих экономик мира. В качестве решения существующих проблем выступающий предложил разработать и принять закон, который обеспечит эффективный контроль за распространением опасного контента – это необходимо для защиты общества от идеологического разложения и манипуляций. Подводя итог, Г. Заридзе выразил убежденность в том, что информационное противостояние с Западом не закончится и будет только усиливаться, и призвал к конкретным законодательным решениям, предупредив, что недостаточное внимание к этим вопросам может привести к серьёзным последствиям для государства.

С докладом «Деструктивный контент в соцсетях как угроза культурной безопасности» выступил писатель, публицист, руководитель просветительского проекта «На распутье» **А.А. Афанасьев**, обозначив рекомендации государственным органам

власти в части противодействия существующим угрозам, а также в контексте реализации Стратегии национальной безопасности России. Он отметил необходимость введения и использования в российском законодательстве понятий «деструктивный контент» и «деструктивная идеология», важность создания киберполиции и отделений мониторинга интернет-ресурсов, а также профилактики рисков при областных Центрах психолого-педагогической и медико-социальной помощи несовершеннолетним. Кроме этого, докладчик выдвинул идею о запрете передачи персональных данных детей третьим лицам.

Эксперт Общественного уполномоченного по защите семьи, член Экспертного совета по семейному праву Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, кандидат юридических наук **А.В. Швабауэр** в рамках доклада «Культурная политика в инфосфере и её воздействие на подрастающее поколение» затронула вопросы масштабного перевода образования (в том числе дополнительного) в цифровую среду, переполненную деструктивной информацией, что, по мнению спикера, оказывает крайне негативное влияние на духовно-нравственное развитие и формирование культурного фундамента подрастающего поколения. А.В. Швабауэр сформулировала предложения о необходимости запретить эксплуатацию любых социальных сетей в очном школьном образовании как систем, негативно влияющих на культурное и нравственное развитие учащихся; с учетом больших рисков для духовного и культурного развития детей исключить компьютерные игры (так называемый «киберспорт») из официального перечня «видов спорта» и образовательных программ; обеспечить полноценную занятость детей в секциях (домах культуры, подростково-молодежных клубах) во внешкольное время в шаговой доступности от дома, на бюджетной основе, без каких-либо препятствий, а также предложила ряд других мер, направленных на обеспечение безопасности детей и подростков.

Руководитель Общественного центра по защите традиционных ценностей «Иван Чай», член научно-экспертного совета при Подкомитете Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по гражданскому и семейному праву **Э.Ю. Жгутова** в докладе «Русский язык как фактор национальной культурной безопасности. Проект "Язык победы"» выразила убежденность в том, что культурный суверенитет и демографическая безопасность государства неразрывно связаны. Культурный суверенитет обеспечивает утверждение национально ориентированных нарративов в целях улучшения демографической ситуации. Таковыми на сегодня являются традиционные культурно-нравственные российские ценности, обозначенные в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Культурный суверенитет предполагает защиту от деструктивных диверсий, протекционизм национальных идей, традиционных культурно-нравственных российских ценностей. Э.Ю. Жгутова подчеркнула, что в связи с этим необходимо выработать критерии оценки любого культурного информационного продукта с точки зрения его соответствия обеспечению культурного суверенитета и демографической безопасности и предложила ввести обязательную фамилистическую (демографическую) экспертизу любого культурного и информационного продукта, независимо от источника финансирования создания и возраста потребителя.

С практикоориентированным докладом «Юридические коллизии: из опыта работы директора филармонии» выступила директор Белгородской государственной филармонии, член Общественной палаты Белгородской области, член Правления Союза концертных организаций России, кандидат педагогических наук **С.Ю. Боруха**, обозначив ряд сложностей и пробелов в праве, с которыми сталкиваются в настоящее время работники культурной сферы. Отметив фундаментальную значимость основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, спикер подчеркнула необходимость их максимально возможного сближения с реальной практикой работы учреждений культуры.

Е.В. Сафронова, руководитель Белгородского отделения Межрегиональной просветительской общественной организации «Объединение православных ученых», профессор кафедры конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, профессор, в рамках доклада «О недопустимости искажения исторической правды в произведениях искусства» высказала тезис о том, что в настоящее время извращение истории обусловлено так называемой свободой творчества. В гуманитарных исследованиях ключевой задачей всегда было и остаётся определение понятия «правда». Этот вопрос также играет центральную роль в юриспруденции. Однако в науке конституционного права понятия «правда» до недавнего времени не существовало. Только в результате конституционной реформы 2020 года в Конституции РФ появился термин «историческая правда». Вслед за этим в ряде документов стратегического планирования была поставлена задача защиты исторической правды. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года, указано, что защита исторической правды – это одна из главных задач по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Появление в Конституции нового термина породило в российской науке дискуссию о правовой природе термина «историческая правда», соотношении понятий «историческая правда» и «историческая память». Из-за отсутствия нормативной дефиниции исторической правды нет единообразного понимания сущности ее обеспечения и защиты.

По мнению Е.В. Сафроновой, охрана исторической правды выступает сложным правовым институтом, развитие которого должно включать несколько уровней:

- 1) формирование и юридическое оформление государственной концепции национального образа истории;
- 2) обеспечение сохранности объектов исторического наследия;
- 3) защиту исторической правды от фальсификации и исторической памяти – от посягательств и искажений.

В заключение спикер отметила, что в Российской Федерации постепенно создавалась правовая база для охраны исторической памяти. Она охватывала как стимулирующие юридические нормы, так и ограничения на публичное отрицание исторических событий, относящихся к периоду Второй мировой войны. Однако создание политико-правовой концепции национального образа истории и её конституционное оформление остаётся нерешенной задачей.

В докладе «Правовая культура государства созидającego» директор юридического института НИУ «БелГУ», доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Е.Е. Тонков** отметил, что государство созидающее представляет собой логическое продолжение одного из этапов развития социального государства. Выполняя ведущую роль своеобразного активатора общественной жизни, государство созидающее решает задачу организации эффективного управления обществом, обеспечивает фактическую реализацию социальных обязательств, создает стимулы для развития частного сектора и повышения деловой активности. Безусловно, данные процессы сопровождаются использованием авторитета и силы публичной власти, всего административного ресурса механизма правового регулирования. Основным принципом деятельности государства созидającego является формирование правовой культуры, уважения к закону, обязательного не только для населения, но и для представителей органов власти. Правовая культура должна обрести статус политической религии созидającego государства, стать национальной идеей. Докладчик подчеркнул, что Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» созданы необходимые фундаментальные основы для

реализации поставленной задачи. Теперь необходимо сформулировать четкую концепцию формирования правовой культуры с выходом на практические рекомендации правового регулирования соответствующего спектра проблем. Ее основным методологическим инструментом должна стать государственно-правовая политика, направленная на оптимизацию управления рассматриваемым процессом. Исследование правовой культуры в плоскости социальной технологии предполагает, что методология выстраивается с позиции не только ее системности, но и функциональности. Это дает веские основания с оптимизмом оценивать в рамках политической и правовой систем качество совместной деятельности государства и общества.

Директор юридического института им. Е.А. Энгеля, заведующий кафедрой конституционного и административного права Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук, доцент **Т.Х. Кемрюгов** в докладе «Баланс конституционных ценностей как фундамент стратегирования в сфере культуры» акцентировал внимание на проблеме баланса конституционных ценностей исходя из Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года. Призванная обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие в качестве основы экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны, она в полной мере способствует укреплению конституционных ценностей, исследование которых остается в фокусе современных научных исследований. При этом, именно конституционализируясь, социальные ценности упорядочиваются, встраиваются в сообразную объективно существующему в государственно организованном обществе иерархическую систему многоуровневых связей и корреляций, касающихся в том числе прав и обязанностей, свободы и ответственности. Докладчик обратил внимание на то, что соответствие фактических социально-правовых ценностей формальным усиливает их нормативный потенциал, а противоречие – ослабляет доверие к Конституции, затрудняет реализацию ее положений, подрывает эффективность всего правового регулирования. Подводя итог, Т.Х. Кемрюгов сделал вывод, что гармонизация фактических и формальных социально-правовых ценностей, включая ценности культуры, в русле нормативного содержания положений Конституции России есть генеральная задача Конституционного Суда Российской Федерации в рамках возложенных на него функций и полномочий.

Г.С. Беляева, заведующая кафедрой административного права и процесса юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, профессор, выступая с докладом «Проблемы формирования права национальной безопасности как комплексной отрасли российского законодательства», подчеркнула, что формирование права национальной безопасности как комплексной отрасли российского законодательства происходит на фоне глобальных вызовов и угроз, с которыми наше государство сталкивается как в международной, так и во внутригосударственной сфере. Исключительная важность предмета правового регулирования – национальные интересы и безопасность, устойчивое развитие, независимость и государственная целостность, гражданская идентичность – позволяет говорить о необходимости его обособления в самостоятельную отрасль российского законодательства, в связи с чем необходимы ревизия и дальнейшая актуализация понятийного аппарата в сфере безопасности, уточнение принципов правового регулирования и механизмов функционирования и взаимодействия сил и средств обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации, составляющих содержание права национальной безопасности.

Заведующая кафедрой конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации **М.В. Мархгейм** в рамках доклада «Культура в

конституционном переплете российского государства» обратила внимание на особенности конституирования культуры в основных законах Российского государства 1918–1978 гг., а также в действующей Конституции нашей страны. По словам М.В. Мархгейм, все конституционные тексты, действовавшие в России в разных ее статусах – суверенного самостоятельного государства (1918, 1993 гг.) или союзного государства (1925, 1937, 1978 гг.) – в разной степени и в различных сопряжениях, но возводили культуру на высший юридический уровень, что позволяет отнести отечественную культуру в «конституционном переплете» к разряду исключительных ценностей для государственного строительства, а также признать надежной и значимой преемственной канвой развития личности и общества. Так, если в единичных упоминаниях о культуре в первых двух основных законах в контексте предметов ведения органов Советской власти на местах / местных органов власти ставилась задача на «принятие всех мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношениях» (обратим внимание на очередность упоминания), то во всех последующих союзных основных законах и действующей российской Конституции грани культуры раскрывались более ёмко, отражая заинтересованность в наращивании ее потенциала уже не столько через предметы ведения публичных органов различных уровней, сколько через соответствующие механизмы социально-культурного строительства, как то: формализация культурных прав и обязанностей граждан, культурное воспитание людей и участие их в культурной жизни, социально-культурные мероприятия и учреждения культуры, доступ к культурным ценностям и охрана памятников культуры. Подытоживая, она отметила, что Конституция сама по себе в качестве правового акта высшей юридической силы, не только фиксирующая первостепенное для соответствующего периода отечественного государственного строительства, но определяющая векторы развития российского общества и личности, в полной мере заслуживает статуса культурной ценности.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, профессор **В.Ю. Турагин** в докладе «Культурный суверенитет России в современных политико-правовых условиях» отметил, что в настоящее время в нашей стране происходит фундаментальное укрепление культурного суверенитета, что является следствием развития государственности, упрочения базисных основ функционирования российского общества. Он также обратил внимание на то, что сфера культуры всегда была одной из доминант государственного развития, индикатором целостности общества. И весьма значимо, что в современных непростых условиях культура возводится в национальный приоритет развития России, направляя общий вектор на рост качества жизни населения и последовательное социально-экономическое и духовное совершенствование. В основе культурного суверенитета должна лежать историческая память. Только уважение к прошлому, к великим победам и свершениям предков, к культурному наследию нашей страны может служить фундаментом для формирования современного культурного суверенитета.

Профессор кафедры конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, доцент **А.Е. Новикова** в докладе «Привнесенные риски конституционного строительства России как культурный вызов» сопоставила риски современного конституционного строительства с отсутствием актуального нормативного правового акта в форме федерального закона, регламентирующего феномен культуры с учетом присущего ему многообразия. Кроме того, в сравнении с законодательным уровнем, отдельными подзаконными нормативными правовыми актами осуществляется форсированное регулирование основ государственной культурной политики, что также не способствует правовой определенности векторов развития столь важного аспекта конституционного строя. А.Е. Новикова предположила, что минимизации привнесенных

рисков в заявленную сферу будет способствовать опора на обновленные конституционные установления о культуре как уникальном наследии многонационального народа Российской Федерации.

Заведующая кафедрой философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор **Т.И. Липич** в докладе «Право как фундаментальная ценность человеческой культуры» отметила, что право, наряду с другими ценностями, выступает фундаментальной ценностью человеческой культуры, обусловленной самой природой этого явления, его ролью и местом в системе общественных отношений. Важным является признание правовых ценностей в обществе, так как они обуславливают выбор поведения людей и возможность юридически оценить те события, которые происходят в обществе. Поэтому правовые ценности выступают важнейшим элементом юридического воздействия общества на все механизмы регулирования как в экономической, так и в социальной сфере в виде правового регулирования. Право как ценность выступает в виде свободы, справедливости, равенства. Все эти сопряженные с правом категории выступают нравственными ценностями, к которым можно отнести и те духовно-нравственные ценности, которые отмечаются Президентом России В.В. Путиным как наиболее важные смыслообразующие понятия, которыми мы должны руководствоваться в своей жизни.

Профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук, доцент **В.В. Пенской** выступил с докладом «От господства традиционного к легальному: эволюция русской политической культуры в раннее новое время», рассмотрев эволюцию русской политической культуры в раннее Новое время (применительно к России; понимая под ним период с сер. XV в. до сер. XIX в.) через призму концепции М. Вебера о трех видах «господства» (Herrschaft) – традиционного, харизматического и легального, а также идеи о придворном обществе (Höfische Gesellschaft) Н. Элиаса. Осознавая, что веберовские типы «господства» носят ярко выраженный идеальный характер, спикер тем не менее пришел к выводу, что вплоть до начала XVIII века в русской правовой культуре доминировал традиционный тип «господства», петровская эпоха была связана с харизматическим «господством». Характерные черты политической культуры в межвременье 1725–1762 гг., полагает В.В. Пенской, лучше описываются в рамках модели Н. Элиаса, тогда как правление Екатерины II и ее наследников, в особенности Николая I, могут быть охарактеризованы как «господство» легальное.

Профессор кафедры конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, доцент **А.Н. Нифанов** в докладе «Мнение населения и местное самоуправление: основы народного суверенитета» обратил внимание на фрагментарность участия органов местного самоуправления в реализации культурной деятельности в муниципальных образованиях. В обобщенном виде с поправкой на вид муниципального образования, по мнению докладчика, можно выделить лишь четыре ее нормативно-закрепленных направления. Проект федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» сохранил аналогичный подход. При этом, учитывая первенство органов местного самоуправления в конституционной формуле о единой системе публичной власти, следует уделить больше внимания формированию основ культурного, нравственного и духовного суверенитета в процессе решения вопросов местного значения.

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического института Белгородского государственного национального

исследовательского университета, кандидат юридических наук **И.А. Чуева** в рамках доклада «Культурный феномен советской программы по ликвидации неграмотности населения: ретроспективный анализ» отметила, что детально проработанная государственная политика в сфере образования и культуры способна в короткие сроки приводить к достижению необходимых результатов. Примером такой эффективности может служить советская программа по ликвидации неграмотности населения. И.А. Чуева подчеркнула, что даже при самых оптимистичных оценках уровень владения чтением и письмом на момент революционных событий был катастрофически низким, что порождало серьёзные проблемы для реализации амбициозных задач, стоявших перед советским правительством. Тем не менее эта проблема была преодолена посредством масштабной и многоуровневой работы по повышению грамотности населения, консолидировавшей силы не только государственных и партийных органов, но и всей пассионарной части советского общества.

Итогом международной научно-практической конференции «Белгородские прифронтовые чтения "Стратегические приоритеты государственной культурной политики: эхо юридического форума"» стало подписание резолюции, закрепившей все ключевые идеи и решения, принятые и сформулированные в рамках чтений – содержание данного документа отражает актуальность повестки мероприятия и консолидацию общественного мнения в вопросе о необходимости укрепления культурного суверенитета нашей страны. Резолюция зафиксировала, что начатые в начале 20-х годов XXI века тектонические изменения, в основу которых положены новеллы Конституции Российской Федерации, а также ряд документов стратегического планирования, требуют пристального внимания политиков, законодателей, ученых, гражданского общества к областям и сферам, обеспечивающим суверенитет, обороноспособность и безопасность Российского государства, а также его социально-экономическое развитие на ближайшие десятилетия. В связи с изложенным одной из важнейших сфер деятельности, нуждающихся в приведении в соответствие с новейшими документами стратегического планирования, является культура. От вектора государственной культурной политики, ее стратегических задач, организационных и правовых основ во многом зависят ментальная (социокультурная), общественная, демографическая, военная, научная и технологическая и иные виды безопасности. Отмеченное обуславливает потребность в фундаментальном укреплении культурного суверенитета, упрочении базисных основ функционирования российского общества. Сфера культуры всегда была одной из доминант государственного развития, индикатором целостности общества, поэтому весьма значимым представляется тот факт, что культура становится одним из национальных приоритетов развития России.

Заключение

Россия – это страна, в основе которой находятся традиционные духовно-нравственные ценности. Это отличает наше государство от многих других, поэтому уважение к ним должно являться обязательным условием формирования общественного сознания. Крайне важен вопрос защиты цивилизационной идентичности Российского государства, установления информационного «заслона» от чуждых нашему историческому пути, навязываемых извне, отрицательных примеров, образов и символов, всему тому, что не свойственно или прямо противоречит этической и эстетической парадигме российского народа, его генетическому коду. Не подлежит сомнению, что в основе культурного суверенитета государства должна лежать историческая память. Только уважение к прошлому, к великим победам и свершениям предков, к культурному наследию нашей страны, может служить надежным фундаментом для формирования современного человека, ответственного гражданина своей Родины.

Поступила в редакцію 20.03.2025
Принята к публикации 04.04.2025

Received March 20, 2025
Accepted April 04, 2025

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРАХ

Тонков Евгений Евгеньевич, доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и международного права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Туранин Владислав Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Чуева Инна Андреевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, заместитель директора юридического института по научной и международной деятельности, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny E. Tonkov, Doctor of Law, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Marina V. Markhgeim, Doctor of Law, Professor, Distinguished Employee of the Higher School of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and International Law at the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Vladislav Yu. Turanin, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Inna A. Chueva, Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, Deputy Director of the Law Institute for Scientific and International Activities, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.